105

В. Ф. Дерюжинскій.

Habeas Corpus Актъ

и

его пріостановка

по

англійскому праву.

Очеркъ основныхъ гарантій личной свободы въ Англіи и ихъ временнаго ограниченія.

ЮРЬЕВЪ
(б. Дерптъ)
1895.

2 экз.

Дозволено цензурою. — Юрьевъ, 1 Февраля 1895 г.

Печатано въ типо-литографіи Г. Лакмана, Юрьевъ (Дерптъ).

БИБЛІОТЕКА
СПЕЦІАЛЬНОЙ
АВАТЕКИ

Предисловіе.

Институтъ Habeas Corpus принадлежитъ, казалось бы, къ числу наиболѣе общеизвѣстныхъ учрежденій Англіи. Въ умѣ всякаго образованнаго человѣка съ этими двумя латинскими словами связывается представленіе о старинномъ англійскомъ учрежденіи, за которымъ издавна установилась репутація вѣрнаго средства обезпеченія личной свободы. Этой репутаціи, однако, далеко не соотвѣтствуетъ уровень дѣйствительнаго знакомства съ этимъ учрежденіемъ. Многія черты его получаютъ нерѣдко совершенно неправильное освѣщеніе, и притомъ даже въ научныхъ работахъ въ области государственнаго, административнаго, полицейскаго и уголовно-процессуальнаго права, хотя это учрежденіе, въ той или другой сторонѣ его, тѣсно соприкасается со многими важными вопросами, составляющими предметъ изученія перечисленныхъ отраслей правовѣдѣнія. И это замѣчается какъ въ нашей, такъ и въ западно-европейской (континентальной) литературѣ, подверженіемъ чего служатъ нѣкоторыя приводимыя ниже данныя и указанія, которыя легко можно было бы пополнить еще болѣе рѣзкими проявленіями недостаточнаго пониманія института Habeas Corpus и даже простаго знакомства съ нимъ.

Въ отмѣченномъ явленіи авторъ настоящей работы усматриваетъ достаточное объясненіе своей попытки

составить спеціальную монографію о Habeas Corpus, задача которой — дать по возможности полное и вѣрное освѣщеніе его. Этою задачею обусловливаются какъ самый характеръ ея, по преимуществу описательный, такъ и принятая система изложенія и распредѣленія матеріала.

Книга распадается на двѣ части. Въ первой, обнимающей двѣ главы, дается описаніе института Habeas Corpus, какъ основной гарантіи личной свободы въ Англіи. Первая глава заключаетъ въ себѣ историческій очеркъ развитія его, вторая — анализъ процедуры Habeas Corpus, какъ средства обезпеченія личной свободы, въ томъ видѣ, въ какомъ это учрежденіе составляетъ важный элементъ въ системѣ дѣйствующаго англійскаго права [1]).

Вторая часть посвящена подробному изученію пріостановки Habeas Corpus Акта, какъ исключительной мѣры, представляющей собою временное ограниченіе гарантій личной свободы, въ тѣхъ случаяхъ, когда того требовали чрезвычайныя обстоятельства. Въ началѣ третьей главы указаны подробныя соображенія, побудившія автора обратить особенное вниманіе на эту сторону изучаемаго учрежденія и остановиться на принятой сист мѣ ея изученія и изложенія. Въ послѣдней пятой главѣ сведены итоги его, и для болѣе рельефнаго освѣщенія особенностей пріостановки Habeas Corpus Акта проведена параллель между нею и осаднымъ положеніемъ, съ которымъ она нерѣдко, но безъ надлежащаго основанія сближается.

1) Первыя двѣ главы являются отчасти перепечаткою статьи, помѣщенной въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ за 1884 г. (№№ 9 и 12) подъ заглавіемъ „Гарантіи личной свободы въ Англіи“. Воспроизведены изъ этой статьи тѣ части ея, которыя, по убѣжденію автора, не вызывали необходимости ни измѣненій, ни дополненій.

По отношенію къ второй части настоящей работы авторъ считаетъ нужнымъ оговорить, что задачи ея ограничиваются изученіемъ пріостановокъ, вызывавшихся условіями и потребностями внутренней жизни собственно Англіи. Случаи пріостановки Habeas Corpus Акта въ Ирландіи оставляются безъ разсмотрѣнія: будучи проявленіями общей политики Англіи по отношенію къ Ирландіи, они не могли бы не вызвать необходимости въ уясненіи различныхъ сторонъ этой политики, а для этого неизбѣжно пришлось бы выйти за предѣлы прямой задачи книги. Слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что институтъ пріостановки Habeas Corpus Акта въ Ирландіи во всѣхъ отношеніяхъ регулируются тѣми же началами, какъ и въ Англіи.

Въ концѣ книги напечатаны нѣкоторые документы и акты, относящіеся къ изучаемому предмету.

Г. Юрьевъ (Дерптъ)
январь 1895 г.

В. Дерюжинскій.

Оглавленіе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Историческій очеркъ института Habeas Corpus.

Задача очерка. — Великая Хартія вольностей. — Средства защиты личной свободы. — Приказъ Habeas Corpus и его происхожденіе. — Сущность процедуры Habeas Corpus и ея недостатки. — Произволъ въ эпоху Тюдоровъ и Стюартовъ. — Процессъ Дарнеля и др. — Сущность гарантій личной свободы. — Борьба за гарантіи. — Резолюціи палаты общинъ о личной свободѣ (1628 г.). — Защита ихъ передъ палатою лордовъ. — Доводы Диггса, Литтльтона, Сельдена и Кока. — Контръпредложенія лордовъ. — Ихъ недостаточность. — Петиція о Правѣ (1628 г.). — Постановленія ея о личной свободѣ и ихъ значеніе. — Недостаточность ихъ. — Зависимость судей. — Дѣло Эліота, Сельдена и др. — Значеніе этого процесса. — Самовластіе Карла I. — Долгій парламентъ. — Актъ 1641 г. объ упраздненіи Звѣздной Палаты и его постановленія о Habeas Corpus. — Habeas Corpus въ эпоху республики. — Попытки изданія Habeas Corpus Акта въ 1668—1675 гг. — Дѣло Дженкса. — Проведеніе Habeas Corpus Акта 1679 г. — Значеніе его. — Важнѣйшія постановленія его. — Биллъ о Правахъ 1689 г. — Habeas Corpus Актъ 1816 г. — Законодательство о личной свободѣ въ Шотландіи и Ирландіи 1

ГЛАВА II.

Процедура Habeas Corpus.

Законный порядокъ лишенія свободы. — Основанія къ лишенію свободы. — Арестъ по подозрѣнію. — Приказы объ арестѣ и ихъ существенныя условія. — Исполненіе приказа объ арестѣ. — Арестъ безъ при-

каза. — Приводъ къ судьѣ. — Допросъ. — Отдача на поруки. — Размѣръ обезпеченія. — Гарантіи противъ незаконнаго лишенія свободы. — Иски о неправильномъ заключеніи и недобросовѣстномъ преслѣдованіи. — Сущность процедуры Habeas Corpus. — Суды, облеченные правомъ выдачи приказа Habeas Corpus. — Просьба о выдачѣ приказа. — Копія предписанія объ арестѣ. — Выдача приказа. — Отказъ въ выдачѣ его. — Формула приказа. — Анализъ его требованій. — Выполненіе ихъ. — Отзывъ съ объясненіемъ причинъ и обстоятельствъ лишенія свободы. — Примѣръ изъ современной практики. — Судебное разбирательство по дѣламъ о Habeas Corpus. — Рѣшеніе суда. — Современная практика. — Commission of gaol delivery . . 85

ГЛАВА III.

Пріостановка Habeas Corpus Акта, какъ чрезвычайная мѣра полиціи безопасности.

Сущность исключительныхъ мѣръ. — Невѣрное представленіе о пріостановкѣ Habeas Corpus Акта въ континентальной литературѣ. — Воззрѣнія Лоренца Штейна, М. Блока, И. Е. Андреевскаго. — Необходимость ближайшаго изученія института пріостановки въ его исторіи. — На чемъ основывается необходимость согласія парламента на пріостановку гарантій личной свободы. — Когда корона утратила дискреціонное право отступленія отъ законнаго порядка обезпеченія личной свободы. — Двѣ группы пріостановокъ . . . 148

I. **Пріостановки, вызванныя борьбою съ Якобитами** (1688 до 1746 гг.) — Пріостановка 1688 г. — Мотивы ея. — Содержаніе акта. — Продленіе пріостановки. — Пріостановка 1695 г. — Дополнительныя полномочія. — Пріостановка 1707 г. — Пріостановки 1715, 1722 и 1744—1746 гг. — Пріостановка въ періодъ борьбы съ американскими колоніями 162

II. **Пріостановки, вызванныя борьбою съ демократіей** (1794—1818 г.) — Общественныя движенія конца XVIII ст. — Парламентская реформа. — Реакціонная политика Питта. — Пріостановка 1794 г. — Доводы въ пользу

пріостановки. — Аргументы противъ исключительныхъ мѣръ. — Процессы Томаса Гарди и другихъ. — Ихъ оправданіе и его значеніе. — Требованіе отмѣны пріостановки. — Дебаты о значеніи оправдательныхъ вердиктовъ. — Билль о продленіи пріостановки. — Доводы оппозиціи. — Ограниченность полномочій пріостановки. — Три года безъ пріостановки (1795—1798 г.). — Пріостановка 1798 и акты о продленіи ея въ 1799—1801 г. — Предупредительное значеніе пріостановки. — Дополнительныя полномочія акта 1799 г. и позднѣйшихъ относительно перемѣщенія заключенныхъ изъ одной тюрьмы въ другую. — Пріостановка 1817 г. — Соціально-политическій кризисъ и оживленіе движенія въ пользу парламентской реформы. — Доклады парламентскихъ коммиссій. — „Four Acts". — Доводы въ пользу и противъ пріостановки. — Преувеличеніе опасности. — Лордъ Росселль объ основномъ принципѣ пріостановки. — Петиціи объ отклоненіи пріостановки. — Продленіе ея. — Доклады коммиссій. — Оппозиція биллю. — Досрочная отмѣна пріостановки по предложенію самого правительства. — Общій перечень случаевъ пріостановки Habeas Corpus Акта 198

ГЛАВА IV.

Акты объ амнистіи.

Главная задача этихъ актовъ: ненаказуемость незаконныхъ дѣйствій при осуществленіи полномочій пріостановки. — Изданіе такихъ актовъ не есть непремѣнное слѣдствіе пріостановки. — Не всѣ случаи послѣдней сопровождались ихъ изданіемъ. — Содержаніе актовъ объ амнистіи. — Особенности постановленій актовъ 1801 и 1818 г. — Кругъ дѣйствій, покрываемыхъ безотвѣтственностью. — Билль объ амнистіи 1801 г. — Мотивы амнистіи. — Доводы противъ. — Билль объ амнистіи 1818 г. — Доклады коммиссій и ихъ заключенія. — Петиціи съ жалобами на незаконное арестованіе. — Петиціи, какъ матеріалъ для характеристики примѣненія исключительныхъ полномочій. — Доводы въ пользу и противъ амнистіи. — Главный мотивъ амнистіи. — Жестокія и грубыя дѣйствія ею не покрываются. — Дебаты о неблаговидности шпіонства, какъ опаснаго орудія при осуществленіи полномочій. — Протестъ Вильберфорса. — Поправки къ биллю 299

ГЛАВА V.

Пріостановка и осадное положеніе.

Основныя черты пріостановки Habeas Corpus Акта, какъ исключительной мѣры безопасности. — Условія признанія потребности въ чрезвычайныхъ мѣрахъ. — Сущность полномочій пріостановки. — Юридическое послѣдствіе ея. — Опредѣленность исключительныхъ полномочій. — Внутренняя связь между институтами пріостановки и амнистіи. — Ограниченное значеніе послѣдней. — Главное условіе ея — ревизія парламентомъ примѣненія исключительныхъ полномочій. — Примѣръ ограниченнаго значенія акта объ амнистіи. — Опредѣленность и краткость срока дѣйствія пріостановки. — Невѣрность обычнаго представленія о годичномъ періодѣ ея дѣйствія. — Осадное положеніе во Франціи и въ Германіи. — Поводы и порядокъ объявленія его. — Предосторожности, принимаемыя французскимъ законодательствомъ. — Отсутствіе ихъ въ германскомъ законодательствѣ. — Послѣдствія объявленія осаднаго положенія. — Общія и спеціальныя полномочія, предоставляемыя имъ военной власти. — Ограниченіе компетенціи обыкновенныхъ судовъ. — Особенность состава военныхъ судовъ въ Германіи. — Сравненіе пріостановки съ осаднымъ положеніемъ. — Коренное различіе между ними. — Осадное положеніе — мѣра репрессіи; пріостановка — мѣра предупрежденія. — Martial law въ Англіи. — Существенныя особенности его. — Заключительныя замѣчанія 369

Приложенія.

1. Резолюціи палаты общинъ о личной свободѣ (1628 г.).
2. Контръ-предложенія палаты лордовъ (1628 г.).
3. Петиція о Правѣ (1628 г.); статьи о личной свободѣ.
4. Актъ 1641 г.; его постановленія о Habeas Corpus.
5. Habeas Corpus Act 1679 г.
6. Habeas Corpus Act 1816 г.
7. Актъ 1862 г. о Habeas Corpus въ колоніяхъ.
8. Первый актъ о пріостановкѣ (1688 г.).
9. Актъ о пріостановкѣ 1794 г.
10. Актъ объ амнистіи (1689 г.).

Глава первая.

Историческій очеркъ института Habeas Corpus.

Институтъ Habeas Corpus, являющійся предметомъ настоящаго изслѣдованія, представляетъ собою важнѣйшую гарантію личной свободы въ Англіи. Въ окончательномъ своемъ видѣ, какимъ знаетъ его дѣйствующее право, онъ сложился во второй половинѣ XVII-го вѣка, когда въ 1679 г. былъ изданъ статутъ, получившій названіе «Habeas Corpus Act». Но первоначальное возникновеніе его относится къ эпохѣ болѣе отдаленной. Подобно большей части англійскихъ учрежденій, Habeas Corpus составляетъ результатъ долгаго историческаго развитія, которое не всегда шло гладко и спокойно, а наоборотъ — нерѣдко сопровождалось болѣе или менѣе бурными эпизодами, борьбою. Многія черты этого института опредѣлились именно подъ вліяніемъ тѣхъ условій, среди которыхъ протекало его развитіе. Поэтому для болѣе основательнаго и всесторонняго пониманія его необходимо хотя вкратцѣ обозрѣть историческія судьбы его въ связи съ общимъ вопросомъ о гарантіяхъ личной свободы.

Впервые законодательное признаніе личная свобода англичанъ получила въ началѣ XIII столѣтія, въ царствованіе Іоанна Безземельнаго, представляющее въ

исторіи Англіи одинъ изъ важнѣйшихъ по своимъ послѣдствіямъ періодовъ. Тираническое правленіе этого короля, рядъ неудачныхъ войнъ, потеря Нормандіи и другихъ владѣній на континентѣ, въ связи съ тяжкими произвольными поборами, продолжительная и крайне неуспѣшная борьба короля съ папою (Иннокентіемъ III), закончившаяся признаніемъ вассальной зависимости Англіи отъ папы, — все это вызвало сильное недовольство, вылившееся въ грандіозное національное движеніе. Предводителями и главными участниками его были бароны — духовные и свѣтскіе, дѣйствовавшіе подъ руководствомъ знаменитаго Лангтона, архіепископа Кентерберійскаго. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ подавить возстаніе, король наконецъ былъ вынужденъ выразить свое согласіе на предъявленныя ему требованія и подписать составленную баронами Великую Хартію (15 іюня 1215 г.). Въ ней получили законодательное признаніе и защиту тѣ «вольности», которыя считались исконною принадлежностью англосаксовъ и были попраны Вильгельмомъ Завоевателемъ и другими королями норманской династіи.

Magna Carta Libertatum опредѣлила собою характеръ и направленіе всего дальнѣйшаго политическаго развитія Англіи. По выраженію Галлама[1]) и Стеббса, «вся конституціонная исторія ея есть не болѣе, какъ комментарій на Великую Хартію»[2])

Послѣ 1215 г. Хартія была нѣсколько разъ подтверждаема и переиздаваема, при чемъ, сообразно съ

---

1) Hallam: View of the State of Europe during the Middle Ages. New edit. L, 1878, томъ II, стр. 326: Великая Хартія — говоритъ Галламъ, — „представляетъ собою главную основу англійской свободы. Все, что достигнуто со времени Великой Хартіи, есть не болѣе, какъ ея подкрѣпленіе или комментарій; и еслибы исчезло все послѣдующее законодательство, то все-же остались бы рѣзкія черты, отличающія свободную монархію отъ деспотической“.

2) Stubbs: Constitutional History of England in its Origin and Development. Oxf. 1880. Томъ I, стр. 597—598.

измѣнявшимися условіями жизни, въ первоначальномъ текстѣ ея дѣлались соотвѣтствующія перемѣны, дополненія и сокращенія. Изъ болѣе позднихъ изданій самое важное есть изданіе 1225 г. при Генрихѣ III. Текстъ его воспроизведенъ и въ послѣднемъ подтвержденіи Хартіи — Эдуардомъ I въ 1297 г. (Confirmation Cartarum [1]).

Изъ 37 статей [2]) ея непосредственное отношеніе къ вопросу о личной свободѣ и ея гарантіяхъ имѣютъ статьи 29-я (по изд. 1215 г. — 39 и 40) и 26-я (по изд. 1215 г. — 36).

Остановимся сначала на первой и, въ виду ея особеннаго значенія, приведемъ текстъ ея цѣликомъ:

„Nullus liber homo capiatur, vel imprisonetur, aut disseisiatur de aliquo libero tenemento suo vel libertatibus vel liberis consuetudinibus suis, aut utlagetur, aut exulet, aut aliquo alio modo destruatur; nec super eum ibimus, nec super eum mittemus, nisi per legale judicium parium suorum vel per legem terrae. Nulli vendemus, nulli negabimus, aut differemus rectum vel justiciam.“

Т.-е. (въ буквальномъ переводѣ): «Ни одинъ свободный человѣкъ да не будетъ взятъ, ни подвергнутъ заключенію, ни лишенъ насильственнымъ образомъ пользованія принадлежащею ему землею, вольностями и привилегіями, ни поставленъ внѣ закона, изгнанъ, или

1) Creasy: The Rise and Progress of the English Constitution, 14 edition. L. 1880. стр. 166, 175. — Въ этомъ видѣ Хартія напечатана въ оффиціальномъ изданіи статутовъ англійскаго королевства (Statutes of the Realm).

2) Въ Хартіи 1215 года ихъ было 63. Изъ нихъ многія носили на себѣ временный характеръ и были разсчитаны на особенныя условія царствованія Іоанна Безземельнаго. Со смертью послѣдняго такія статьи естественно теряли свой смыслъ, а потому уже въ изданіи 1216 г. (также при Генрихѣ III) вмѣсто прежнихъ 63 мы видимъ всего 42. — Stubbs: Select Charters and other Illustrations of English Constitutional History from the earliest Times to the Reign of Edward I. 4 edition, Oxf. 1881. стр. 340—344.

иными какими-либо путями ввергнутъ въ разореніе; и мы не пойдемъ противъ него (вооруженною силою), и мы не пошлемъ противъ него — иначе, какъ въ силу законнаго рѣшенія равныхъ ему (по общественному положенію) лицъ или по закону страны. Никому мы не будемъ продавать правосудіе, ни отказывать въ немъ, ни замедлять его оказаніе».

Эта статья по справедливости считается перломъ Великой Хартіи, и понятно — почему. Между тѣмъ, какъ большинство ея постановленій было направлено къ удовлетворенію потребностей болѣе или менѣе временнаго характера, обусловленныхъ особенностями тогдашняго общественнаго и политическаго строя, и теперь представляютъ лишь одинъ историческій интересъ, — приведенная нами статья[1]) касается вѣчной и наиболѣе жгучей потребности человѣческаго общества, организованнаго въ государство. Не смотря на то, что со времени ея начертанія прошло уже около семи вѣковъ, она до сихъ поръ не утратила своего дѣйствительнаго, жизненнаго значенія и является частью нынѣ дѣйствующаго въ Англіи права[2]). Все позднѣйшее законодательство о личной свободѣ представляетъ лишь дальнѣйшее развитіе[3]) лежащихъ въ основѣ этой статьи

1) Аналогичное значеніе имѣютъ еще тѣ двѣ статьи Хартіи (12 и 14 изд. 1215 г.), которыми гарантируется другой основной принципъ конституціоннаго государства — право населенія установлять и контролировать налоговое обложеніе. Ревнивое охраненіе этого права, въ критическія эпохи политической исторіи, весьма сильно помогло тому, что англійскій конституціонный строй побѣдоносно выдержалъ покушенія, не разъ направлявшіяся противъ него.

2) Она и понынѣ фигурируетъ въ оффиціальномъ спискѣ статутовъ, сохраняющихъ свою силу.

3) Статья эта, по словомъ Грина, „лежитъ въ основѣ всей судебной системы Англіи.“ J. R. Green: History of the English People Lon. 1877, т. I, стр. 245. — Въ этихъ постановленіяхъ, говоритъ Джемсъ Макинтошъ, „уже заключаются и Habeas Corpus, и судъ присяжныхъ, наиболѣе дѣйствительныя изъ всѣхъ средствъ противъ деспотизма, какія только могъ придумать разумъ человѣка.“ James Mackintosh: History of England, т. I, ст. 219—220.

хринциповъ — съ цѣлью лучшаго и болѣе полнаго проведенія ихъ въ жизнь; когда же англичанину приподится ссылаться на общее основаніе гарантій его свободы, онъ указываетъ на Великую Хартію[1]).

Итакъ, уже въ началѣ XIII столѣтія за англійскимъ гражданиномъ признавалось право личной свободы; и не только признавалось, но и обезпечивалось. Средствомъ обезпеченія былъ установленный ст. 29-ой Великой Хартіи порядокъ, въ силу котораго никто не могъ быть лишенъ свободы — «взятъ или подвергнутъ заключенію» — произвольно, иначе какъ въ силу legale judicium parium suorum. Въ толкованіи этого выраженія среди англійскихъ писателей долгое время обнаруживалось сильное разногласіе. Одни (большинство) говорили, что подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть не что иное, какъ судъ присяжныхъ: другіе же, напротивъ, старались доказать, что выраженіе judicium

1) Понятны отсюда тѣ патріотическія чувства признательности, которыя возбуждаютъ эти постановленія въ сердцѣ каждаго англичанина къ ихъ авторамъ. Едва-ли не лучшее выраженіе этихъ чувствъ принадлежитъ старшему Питту (лордъ Чатамъ), одному изъ величайшихъ англійскихъ ораторовъ. „Милорды“, — говорилъ онъ въ Верхней Палатѣ въ 1770 году: — „вашимъ предкамъ, англійскимъ баронамъ, милорды, обязаны мы законами и конституціей, которыми обладаемъ . . . Милорды! Я думаю, что исторія не воздала должной справедливости ихъ образу дѣйствій, когда они исторгли у своего суверена то великое признаніе національныхъ правъ, которое заключается въ Великой Хартіи; они не присвоили ихъ себѣ однимъ, но сдѣлали ихъ общимъ благомъ и достояніемъ всего народа. Они не сказали — таковы права большихъ бароновъ, или таковы права большихъ прелатовъ. Нѣтъ, милорды! Языкомъ простой латыни того времени они сказали — nullus liber homo и столь же заботливо отнеслись къ самому ничтожному изъ подданныхъ, какъ и къ сильнѣйшему. Это — чудныя слова; нехорошо звучатъ они только въ ушахъ буквоѣдовъ; но они и не подлежатъ разбору буквоѣдовъ: они обращаются къ человѣческимъ сердцамъ. Эти три слова — nullus liber homo — имѣютъ значеніе, касающееся всѣхъ насъ; они стоятъ того, чтобы ихъ запомнить, заучить наизусть; они стоятъ всѣхъ классиковъ.“ — The Modern Orator: The most celebrated Speeches of the Earl Chatam, R. B. Sheridan, Lord Erskine, and Edmund Burke. Lon. 1848, стр. 92.

parium никакъ нельзя толковать въ смыслѣ суда присяжныхъ и что подъ нимъ можно разумѣть не болѣе, какъ судъ сотни (Hundred-Court) и графства (County-Court)[1]). Не останавливаясь на разсмотрѣніи отмѣченныхъ разногласій (это отвлекло бы насъ черезчуръ далеко въ сторону отъ непосредственной нашей задачи), мы укажемъ лишь, что, послѣ тщательныхъ изысканій въ этой области, окончательно восторжествовалъ первый взглядъ; и въ настоящее время можно признать несомнѣннымъ то обстоятельство, что въ эпоху изданія Великой Хартіи судъ присяжныхъ уже существовалъ и что именно онъ разумѣется подъ словами — legale judicium parium suorum[2]). Нечего и говорить, что англійское жюри XIII вѣка далеко еще не достигло той степени развитія и того значенія какое оно получило съ теченіемъ времени — въ эпоху окончательнаго упроченія современнаго политическаго строя Англіи. Для характеристики суда присяжныхъ въ періодъ изданія Великой Хартіи мы воспользуемся слѣдующею параллелью, которую проводитъ между древнимъ и современнымъ жюри извѣстный Фр. Пэльгрэвъ. Между тѣмъ какъ въ настоящее время, говоритъ онъ[3]), «присяжные основываютъ свое сужденіе

1) Creasy, стр. 208, 221.

2) По словамъ автора спеціальной монографіи о Великой Хартіи, Томсона, изъ этихъ словъ „само собою вытекаетъ, что судъ присяжныхъ существовалъ и былъ привычнымъ учрежденіемъ уже до изданія Хартіи“, „Судъ пэровъ относится къ глубокой древности, и сэръ Эдуардъ Ковъ указываетъ случай его примѣненія еще въ 1074 г.“ — Richard Thomson: An Historical Essay on the Magna Charta of King John etc. Lon. 1829, стр. 228—229.

3) Fr. Palgrave: Rise and Progress of the English Commonwealth. Lon. 1832 т. I, стр. 243. — На выводахъ Пэльгрэва относительно происхожденія суда присяжныхъ въ Англіи и его характера опираются въ своемъ изложеніи и Галламъ (см. Middle Ages, прилож. къ т. II, стр. 386—406, „Trial by Jury“), и Стеббсъ (Constitutional History of England, т. I, стр. 686, прим.). Ср. также главу о судѣ присяжныхъ, составленную Ф. Мэтландомъ (F. W. Maitland), въ Social England: a Record of the Progress of the People in Religion, Laws etc. by. Various Writers, edited by H. D. Traill, Lon. 1893, т. I, стр. 290.

на приводимыхъ передъ ними доказательствахъ, устныхъ и письменныхъ, и объявляемый ими вердиктъ есть декларація образовавшагося у нихъ такимъ путемъ убѣжденія,—древніе присяжные созывались не для того, чтобы изслѣдовать достовѣрность доказательствъ. Вопросъ не обсуждался и не дебатировался предъ ними: они, присяжные, сами были свидѣтелями, и вердиктъ въ сущности былъ показаніемъ этихъ свидѣтелей, которые изъ собственнаго своего знанія и безъ помощи другаго свидѣтельства извлекали наивозможно болѣе достовѣрныя, по ихъ мнѣнію, доказательства разбираемыхъ фактовъ. Въ своей примитивной формѣ судъ присяжныхъ былъ, такимъ образомъ, лишь судомъ посредствомъ свидѣтелей (a trial by witnessess); отъ прочихъ свидѣтелей присяжные отличались только обычаями, которые налагали на нихъ обязанность приносить присягу, регулировали ихъ число, опредѣляли общественное положеніе ихъ и мѣстныя условія избранія; отсюда же они получали и почетъ и вліяніе въ обществѣ». Какъ бы то ни было, но и въ этой неразвитой формѣ судъ присяжныхъ уже заключалъ въ себѣ нѣкоторыя существенныя основы правильнаго правосудія и, во всякомъ случаѣ, являлся гарантіей противъ произвола.

Кромѣ указаннаго постановленія Великой Хартіи чрезвычайно важное значеніе въ исторіи гарантій личной свободы имѣетъ также ст. 26: „Nihil detur vel capiatur de cetero pro brevi inquisitonis de vita vel membris, sed gratis concedatur et non negetur“ (т. е.: „да не дается, ни взимается что-либо за приказъ о разслѣдованіи смерти или увѣчья, но да выдается онъ (приказъ) безвозмездно и безъ отказа“)[1]). Ближайшая

1) Въ проектѣ Великой Хартіи, въ „Capitula quae Barones petunt et Dominus Rex concedit“ это требованіе выражено въ слѣдующихъ словахъ: „Ne aliquid detur pro brevi inquisitionis de vita vel membris, sed libere concedatur sine pretio et non negetur.“ Stubbs: Select Charters, стр. 292.

цѣль [1]) этой статьи—предупредить черезчуръ продолжительное заключеніе, въ которомъ содержался обвиняемый до судебнаго разбирательства. Средствомъ къ достиженію этой цѣли и являлось выраженное въ статьѣ 26 «подкрѣпленіе и восполненіе практики общаго права (common law) касательно такъ-называемаго приказа о разслѣдованіи — writ de inquisitione или breve de odio et atia» [2]).

Дѣло въ томъ, что уже съ древнѣйшихъ временъ common law предоставляло обвиняемому въ какомъ-либо преступленіи право представить поручителей въ обезпеченіе явки его къ судебному разбирательству, и тогда онъ отпускался на свободу [3]); если же обвиняемый почему-либо не могъ воспользоваться этимъ правомъ, то его подвергали предварительному заключенію. Таково было общее правило. Но въ случаяхъ обвиненія въ убійствѣ изъ него дѣлалось изъятіе. Обвиняемый въ убійствѣ не могъ быть отпущенъ на свободу подъ поручительствомъ иначе, какъ по особому королевскому разрѣшенію, и до прибытія судей [4]) долженъ былъ нахо-

---

1) Creasy, стр. 147: комментарій къ ст. 26 (по изд. 1215 г. — 36).

2) Glasson: Histoire du droit et des institutions politiques, civiles et judiciaires de l'Angleterre comparés au droit et aux institutions de la France — P. 1882. Томъ III. La grande Charte., стр 435 и сл.

3) Древнѣйшее извѣстіе о правѣ обвиняемаго быть отпущеннымъ на свободу, подъ условіемъ поручительства, находится въ трактатѣ Гланвилля, великаго юстиціарія при королѣ Генрихѣ II (кон. XII вѣка): „Tractatus de legibus et consuetudinibus regni Angliae и т. д. „The right to be bailed in certain cases, — говоритъ историкъ англійскаго уголовнаго права Стифенъ, — is as old as the law of England itself, and is explicitly recognised by our earliest writers. James F. Stephen: A History of the Criminal Law of England. Lon. 1883, т. I, стр. 233.

4) Уже въ наиболѣе отдаленныя времена въ Англіи установилось обыкновеніе посылать королевскихъ судей въ разъѣзды (judices itinerantes) по странѣ для устройства судебныхъ сессій (у нихъ были, впрочемъ, и другія обязанности — административнаго и фискальнаго характера), по крайней мѣрѣ, два раза въ годъ въ каждомъ графствѣ. Зачатки этого обыкновенія Стеббсъ относитъ еще ко временамъ Альфреда Великаго.— Stubbs. Const. Hist. of Engl. I. 443.

диться въ заключеніи. Въ цѣляхъ облегчить положеніе тѣхъ лицъ, на которыхъ неправильно взводилось обвиненіе въ убійствѣ, обвиняемому и предоставлялось право получить отъ суда особый приказъ (writ), обращавшійся къ шерифу. Въ приказѣ предписывалось этому послѣднему изслѣдовать (отсюда названіе приказа — writ или breve de inquisitione), на основаніи показаній, отобранныхъ подъ присягою у добросовѣстныхъ людей (homines legales) — не вслѣдствіе-ли чьей-либо ненависти или злобы задержанъ обвиняемый (utrum retentus sit odio et atia; отсюда—второе названіе приказа). Если въ результатѣ изслѣдованія оказывалось дѣйствительно, что обвиненіе въ убійствѣ было взведено на задержаннаго по злобѣ или ненависти (odio vel atia), то онъ отпускался на свободу подъ условіемъ поручительства нѣсколькихъ (двѣнадцати) лицъ въ томъ, что онъ будетъ доставленъ къ суду [1]). Различныя злоупотре-

1) Въ описанной практикѣ справедливо усматриваютъ зародышъ предварительнаго слѣдствія, какъ необходимой стадіи уголовнаго процесса. По словамъ Стифена, „очевидно, что приказомъ (de inquisitione) имѣлось въ виду производство предварительнаго разслѣдованія въ дѣлахъ объ убійствѣ, въ результатѣ котораго и опредѣлялось, подлежитъ-ли обвиняемый освобожденію подъ поручительствомъ, или задержанію до окончательнаго суда подъ нимъ". Stephen, т. I, стр. 242. По этому вопросу Стифенъ приводитъ нѣкоторыя цитаты изъ Брактона (юриста пол. XIII вѣка, автора сочиненія „De legibus et consuetudinibus Angliae libri quinque"). Въ случаѣ обвиненія кого-либо въ убійствѣ, говоритъ Брактонъ, „fieri solet inquisitio utrum hujusmodi imprisonati pro morte hominis culpabiles essent de morte illa vel non, et utrum apellati essent odio vel atia". Если задержанный въ результатѣ такого разслѣдованія признавался виновнымъ, то онъ не подлежалъ освобожденію подъ поручительствомъ. Если же разслѣдованіе показывало, „quod per odium et atyam, et contineatur causa in inquisitione quo odio vel qua atya diligenter erit causa examinanda, cum sint plures, etc., et ballivi qui non sine causae cognitione in hujusmodi inquisitionibus praetendunt non causam ut causam, et si sufficiens fuerit causa per ballium dimittatur". Освобожденіе совершалось подъ поручительствомъ двѣнадцати лицъ, „qui manucapiant habendi eum ad primam assisam et coram justiciariis nostris ad respondendum de morte B." (Stephen, ibid., стр. 241—242).

бленія въ сильной степени парализовали благотворность описанной практики общаго права, и вотъ авторы Великой Хартіи, съ цѣлью устранить эти злоупотребленія, постановили, чтобы «приказъ объ изслѣдованіи (breve inquisitionis de vita vel membris) выдавался даромъ и чтобы въ немъ не было отказываемо» (gratis concedatur et non negetur). — Здѣсь будетъ вполнѣ умѣстнымъ замѣтить, что отпущеніе на свободу (подъ поручительствомъ) обвиняемаго въ убійствѣ и членовредительствѣ возможно было и въ томъ случаѣ, когда при изслѣдованіи оказывалось, что преступленіе совершено съ цѣлью самозащиты (se defendendo) или по несчастной случайности (per infortunium). Но здѣсь обвиняемый получалъ къ шерифу уже другой приказъ — writ of tradas in ballium, по которому онъ долженъ былъ отпустить обвиняемаго, если послѣдній найдетъ «двѣнадцать почтенныхъ лицъ» (good and lawful men), которыя поручатся за него[1]).

Что же касается положенія подвергнутыхъ заключенію, то слѣдуетъ замѣтить, что въ Англіи уже весьма рано образовалось строгое разграниченіе лицъ, находящихся въ предварительномъ, до суда, задержаніи, отъ тѣхъ, которымъ заключеніе назначалось, какъ уголовное наказаніе. Carcer ad continendos, non ad puniendos haberi debet," говоритъ Брактонъ въ своемъ трактатѣ „De legibus et consuetudinibus Angliae libri quinque". Въ другомъ трактатѣ неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ „Fleta" (того же времени, т. е. XIII вѣка) находится еще болѣе рельефное выраженіе

1) Glasson, ibid. Creasy, стр. 147, прим. Приказъ „tradas in ballium", обращаемый къ шерифу, гласилъ: Praecipimus etc., si A., etc. invenerit tibi 12 probos et legales homines de tom qui manucapiant habendi eum ad primam assisam etc., cunc eum tradas in ballium (отсюда — самое названіе приказа) illis 12 probis etc. — Reeves' History of the English Law, from the Time of the Romans to the End of the Reign of Elisabeth. A new edition, by W. F. Finlason. Lon. 1869, т. I, стр. 468.

гуманнаго обращенія съ лицами, подвергавшимися предварительному заключенію: «Custodes poenam sibi commissorum non augeant, nec eos torqueant; sed omni saevitia remota, pietateque adhibita, judicia debita exequantur[1])». Уже въ XIII в. предварительное заключеніе, такимъ образомъ, считалось въ Англіи лишь средствомъ противъ уклоненія обвиняемыхъ отъ суда и не носило на себѣ характера наказанія.

Хотя позднѣйшее законодательство и принимало нѣкоторыя ограничительныя мѣры по отношенію къ практикѣ поручительства[2]), тѣмъ не менѣе остававшіяся въ силѣ гарантіи Великой Хартіи все же открывали населенію достаточно широкій просторъ къ удовлетворенію потребностей лучшаго обезпеченія свободы. На почвѣ этихъ гарантій и въ связи съ системой поручительства мало-по-малу выработалось нѣсколько спеціальныхъ способовъ защиты противъ неправильнаго лишенія свободы, въ видѣ «королевскихъ приказовъ» (royal writs), издававшихся судомъ. Такихъ приказовъ было четыре, и каждый изъ нихъ носитъ свое особое названіе: 1) writ de odio et atia; 2) writ of Mainprize; 3) writ de homine replegiando; и 4) writ of Habeas Corpus.

Что касается перваго изъ нихъ, то онъ, какъ мы уже говорили, имѣетъ въ виду спеціальный случай — неправильнаго, неосновательнаго обвиненія въ убійствѣ и членовредительствѣ (de vita vel membris) и направленъ былъ главнымъ образомъ противъ слишкомъ продолжительнаго заключенія въ промежуткѣ между начатіемъ дѣла и моментомъ судебнаго разбирательства. Дальнѣйшая судьба этого способа защиты личной свободы, въ немногихъ словахъ, заключается въ слѣдую-

---

1) Glasson, ibid., стр. 437.

2) Такъ 1-й Вестминстерскій статутъ (при Эдуардѣ I, 1275 г.) воспрещалъ освобожденіе подъ поручительствомъ обвиняемыхъ въ государственной измѣнѣ (treason) и другихъ тяжкихъ преступленіяхъ (такъ-назыв. felonies). — Glasson; III, 436.

щемъ. Глочестерскій статутъ (1278 г.) ограничилъ его примѣненіе въ случаяхъ убійства по неосторожности и въ состояніи самообороны[1]), но затѣмъ постановленіе это было отмѣнено 2-мъ Вестминстерскимъ статутомъ (1285 г.), который и возстановилъ прежнюю силу приказа de odio et atia. Впослѣдствіи при Эдуардѣ III (статутъ 1354 г.) онъ былъ уничтоженъ совершенно, и далѣе мы уже не видимъ законодательнаго акта, который прямо возстановлялъ бы его. Но такъ какъ позднѣйшій статутъ того же Эдуарда III (1369 г.) отмѣнялъ всѣ, противные Великой Хартіи, статуты, а слѣдовательно и стат. 1354 года, то приказъ de odio et atia этимъ самымъ былъ снова возстановленъ[2]) и уже въ той силѣ, какую онъ имѣлъ до изданія Глочестерскаго статута.

Writ of Mainprize (также Manucapio) — родъ поручительства. Этотъ способъ практиковался въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-либо подвергался заключенію за такое преступленіе, по которому онъ могъ быть отпущенъ на свободу подъ поручительствомъ, но ему въ этомъ почему-либо было отказано. Названнымъ приказомъ шерифу предписывалось освободить обвиняемаго, если нѣсколько лицъ (mainpernors) поручатся въ его явкѣ къ судебному разбирательству. Разница между этими mainpernors и обыкновенными поручителями состояла, по словамъ Блэкстона, въ томъ, что эти послѣдніе могли отступиться отъ своего обязательства и могли въ извѣстныхъ случаяхъ подвергнуть заключенію того, за кого они поручились; mainpernors, напротивъ, не могли сдѣлать этого по отношенію къ нему, и во всякомъ случаѣ «обязаны были представить его въ судъ для отвѣта по какимъ бы то ни было обвинені-

1) Glasson: назв. соч., V, 332.

2) James Paterson: Commentaries on the Liberty of the Subject and the Laws of England relating to the Security of the Person. Lon. 1877, т. II, стр. 204.

ямъ» (are bound to produce him to answer all charges whatsoever)[1]).

Writ de homine replegiando. Этотъ способъ развился и практиковался исключительно на почвѣ common law: статутное право его не знаетъ. Онъ былъ средствомъ противъ неправильнаго, произвольнаго лишенія свободы, причиненнаго какимъ-либо частнымъ лицомъ. Въ такихъ случаяхъ, «по common law каждый могъ защищаться собственными средствами и силу отражать силою»[2]). Если же, не смотря на сопротивленіе, извѣстное лицо все-таки подвергалось лишенію свободы, тогда средствомъ противъ этого былъ приказъ de homine replegiando. Приказъ этотъ выдавался изъ канцлерскаго суда (Chancery Court) и предписывалъ шерифу немедленно освободить заключеннаго. Если ему почему-либо не удавалось освободить задержаннаго, то онъ получалъ особое разрѣшеніе, дозволяющее ему арестовать нарушителя мира и продержать его въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ. пока не будетъ доставленъ лишенный свободы[3]). Способъ этотъ практиковался рѣдко и весьма рано вышелъ изъ употребленія — тѣмъ болѣе, что право пользованія имъ терпѣло значительныя изъятія и не распространялось на многочисленные случаи лишенія свободы («въ особенности на тѣ, въ которыхъ была заинтересована корона»[4]).

Переходимъ къ четвертому способу защиты права личной свободы — способу, носящему названіе Habeas Corpus. Къ сожалѣнію, самыя тщательныя историческія изысканія до сихъ поръ не могли привести къ точному рѣшенію интереснаго вопроса о томъ — къ какому времени относится и при какихъ условіяхъ произошло

---

1) Blackstone: The Commentaries on the Laws of England, adapted to the present State of the Law by Rob. Malc. Kerr. 4-е изданіе. L. 1876. — Томъ III, стр. 122.

2) Paterson, наз. соч. II с. 204,

3) Ibid., с. 204—205.

4) Blackstone: Commentaries. III. 122.

возникновеніе writ of Habeas Corpus. Нѣкоторые думаютъ, что онъ былъ уже извѣстенъ еще до изданія Великой Хартіи, но это не болѣе, какъ простое предположеніе, догадка, не подкрѣпляемая солидными данными. Имѣются также нѣкоторые, хотя опять-таки чрезвычайно слабые, намеки на существованіе его въ эпоху Эдуардовъ (кон. XIII и XIV ст.). Съ полною достовѣрностью извѣстно только то, что онъ былъ въ частомъ употребленіи въ царствованіе Генриха VI (т.-е. въ перв. пол. XV вѣка). «Въ это время судьи уже свыклись съ приказомъ Habeas Corpus и прекрасно понимали его значеніе»[1]). Первоначально имъ пользовались, какъ средствомъ къ возстановленію свободы, нарушенной частными лицами, но уже со временъ Генриха VII (1485 — 1509) онъ сталъ примѣняться и въ случаяхъ лишенія свободы представителями власти, сталъ, по выраженію Гёрда, употребляться „against the crown“[2]). Позднѣе имъ стали пользоваться чаще, и въ эпоху Карла I онъ уже являлся «признаннымъ конституціонымъ средствомъ» защиты личной свободы.

Сущность процедуры Habeas Corpus заключается въ слѣдующемъ. Всякій, считающій себя лишеннымъ свободы неправильно или незаконно, можетъ обратиться въ судъ Королевской Скамьи[3]) (Court of King's или Queen's Bench) и просить о выдачѣ ему writ of Habeas Corpus. Это есть приказъ, обращаемый судомъ къ лицу (безразлично — частному или должностному), задержавшему просителя о томъ, чтобы онъ доставилъ послѣдняго въ судъ. При этомъ онъ долженъ сообщить суду подробныя свѣдѣнія какъ о времени, такъ и о причинахъ взятія и дальнѣйшаго задержанія данной

1) Rollin C. Hurd. — A Treatise on the Right of Personal Liberty and on the Writ of Habeas Corpus, and the Practice connected with it. — Second edition, by Fr. Hurd. — Albany. 1876; стр. 130.

2) Hurd: наз. соч. 131.

3) Здѣсь мы имѣемъ въ виду порядокъ, существовавшій до изданія Habeas Corpus Act 1679 года.

личности. Судъ немедленно-же приступаетъ къ разсмотрѣнію обстоятельствъ дѣла, въ порядкѣ сокращеннаго судопроизводства, и затѣмъ опредѣляетъ — подлежитъ-ли данное лицо полному и безусловному освобожденію, или можетъ быть отпущено на свободу подъ поручительствомъ, или же, наконецъ, должно быть отправлено обратно въ заключеніе. Названіе свое процедура эта получила отъ словъ: „Habeas Corpus ad subjiciendum“, которыми судъ повелѣваетъ привести къ нему личность («тѣло» — corpus) заключеннаго. Слова эти составляютъ наиболѣе важную часть предписанія, и вотъ отъ нихъ-то и получилъ свое названіе самый приказъ, а съ нимъ и вся процедура.

Вотъ формула приказа Habeas Corpus, относящаяся къ тому времени, когда въ англійской судебной практикѣ господствовалъ еще латинскій языкъ[1]):

1) Замѣна латинскаго языка англійскимъ въ судопроизводствѣ послѣдовала лишь въ 1731 г., въ царствованіе Георга II, когда былъ изданъ актъ (4 Geo. 2. cap. 26), по которому всѣ процессуальныя дѣйствія (all Proceedings) должны совершаться на англійскомъ языкѣ и писаться разборчивымъ почеркомъ и полными словами. Впрочемъ еще раньше примѣненіе англійскаго языка въ судебной практикѣ введено было въ эпоху Кромвелля, но съ реставраціей Стюартовъ снова былъ возстановленъ латинскій языкъ. — По этому поводу небезъинтересно отмѣтить соображенія, высказанныя незадолго до изданія акта 1731 года однимъ изъ выдающихся юристовъ того времени. Въ предисловіи ко второму изданію собранія „State Trials“ (сборникъ „государственныхъ“ или политическихъ процессовъ), вышедшему въ 1730 г. (предисловіе помѣчено 27 Марта 1730 г.), S. Emlyn въ ряду желательныхъ улучшеній англійскаго законодательства указывалъ на крайнюю необходимость введенія англійскаго языка въ судебную практику. „Каждому извѣстно, — говоритъ онъ, — что огромное большинство обвиняемыхъ не понимаютъ латинскаго языка; хотя обвинительный актъ (Indictment) обыкновенно и объясняется имъ на родномъ языкѣ, однако возраженія свои они должны дѣлать противъ подлинника, и на немъ должны основываться аргументы. Во дни Оливера Кромвелля всѣ процессуальныя дѣйствія совершались на народномъ языкѣ; и хотя не было признано приличнымъ продолжать практику, введенную узурпаторомъ, однако если нововведеніе дѣйствительно подходяще и хорошо, то совершенно безразлично, кто ввелъ его: fas est et ab hoste doceri. Тоже можетъ

Rex vicecom. London salutem:

Praecipimus tibi, quod Corpus A. B. in prisona nostra sub custodia tua detentum, ut dicitur, una cum causa detentionis suae quocunque nomine idem A. B. censeatur in eadem Habeas coram nobis apud Westm. die Jovis prox. post Octabis S. Martini ad subjiciendum et recipiendum ea quae curia nostra de eo adtunc et ibidem ordinari contigerit in hac parte, et hoc, nullatemus, omittatis periculo incumbente, et habeati ibi hoc breve[1]).

Оставляя пока въ сторонѣ детальное разсмотрѣніе процедуры Habeas Corpus, замѣтимъ здѣсь, что она, вслѣдствіе своей простоты и скорости достиженія конечной цѣли — обезпеченія личной свободы, представляла несравненно большія удобства, чѣмъ указанные выше три способа. Послѣдніе имѣли каждый свою опредѣленную сферу примѣненія и, сопровождаясь довольно сложной системой поручительства, были далеко

быть сказано и по отношенію къ особенному способу писанія, не всѣмъ понятному (to the Writing in a peculiar hand, not generally understood). Существуетъ юридическое изреченіе — Ignorantia juris non excusat; незнаніе закона не есть оправданіе; это конечно необходимо, такъ какъ въ противномъ случаѣ законы всегда обходились бы подъ предлогомъ незнанія ихъ; но при этомъ весьма неразумно практиковать какія-либо мѣры, приводящія къ сокрытію закона и держащія народъ въ невѣдѣніи его: misera servitus est, ubi jus est vagum aut incognitum. Неудобство это выступитъ еще яснѣе, если мы примемъ во вниманіе, что каждый обвинительный актъ долженъ быть утвержденъ большимъ жюри, а другое жюри должно впослѣдствіи объявить, доказано-ли, или нѣтъ заключающееся въ немъ обвиненіе. Какимъ же образомъ могутъ они заявить о своемъ согласіи съ тѣмъ, чего они не могутъ понимать? Я положительно думаю, что большая часть присяжныхъ спокойно могутъ отвѣтить Ignoramus на всякій актъ, имъ представляемый." — Cobbett's Complete Collection of State Trials and Proceedings for High Treason and other Crimes and Misdemeanors from the earliest Period to the Present Time. Vol. I (London, 1809), стр. XXIX—XXX.

1) Hurd, наз. соч., стр. 228—229. Курсивомъ обозначены слова, отъ которыхъ приказъ получилъ свое техническое названіе, сохранившееся и послѣ замѣны латинскаго языка англійскимъ.

БИБЛИОТЕКА ... АКАДЕМИЯ

не всѣмъ доступны. Между тѣмъ, Habeas Corpus являлся открытой и болѣе доступной всѣмъ гарантіей противъ незаконнаго лишенія свободы, какъ частными, такъ и должностными лицами. Вслѣдствіе этого первые три способа съ теченіемъ времени стали примѣняться все рѣже и рѣже и наконецъ вовсе вышли изъ употребленія; Habeas Corpus же сталъ практиковаться все болѣе и болѣе и мало по малу прочно вошелъ въ систему англійскихъ конституціонныхъ учрежденій, послуживъ главнымъ основаніемъ, на которомъ развилась и понынѣ дѣйствующая въ Англіи система гарантій личной свободы. [1])

Посмотримъ теперь, какъ и при какихъ условіяхъ происходилъ процессъ этого развитія.

При всѣхъ своихъ достоинствахъ, описанный порядокъ обезпеченія личной свободы посредствомъ процедуры Habeas Corpus страдалъ и весьма важными недостатками, изъ которыхъ мы укажемъ главнѣйшіе. Во-первыхъ, выдача приказа Habeas Corpus до самаго изданія акта 1679 г. находилась въ полной зависимости отъ усмотрѣнія судей. Они не были обязаны выдавать его, вслѣдствіе чего въ практикѣ нерѣдко встрѣчались случаи проволочекъ и прямыхъ отказовъ безъ всякаго основанія, за что судьямъ не угрожало никакой отвѣтственности. Здѣсь надо принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что англійскіе судьи въ прежнее время далеко не пользовались тою независимостью, какую они получили со времени изданія акта о престолонаслѣдіи 1700 г. [2])

1) Hurd, наз. соч. стр. 130. — Willam S. Church: A Treatise of the Writ of Habeas Corpus. San-Francisco, 1886, стр. 4. — Stephen, наз. соч. т. I. стр. 242—243: по его словамъ, приказъ Habeas Corpus „answered in a simpler and more direct way all the purposes of the other writs."

2) Этотъ актъ (Act of Settlement) впервые установилъ принципъ несмѣняемости судей. По статьѣ 7-ой этого акта англійскіе судьи остаются на своихъ мѣстахъ „quamdiu se bene gesserint" (буквально —

Во-вторыхъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ выдавалъ Habeas Corpus, этотъ послѣдній нерѣдко оказывался недѣйствительнымъ, такъ какъ выполненіе предписанія суда о представленіи заключеннаго, съ объясненіемъ обстоятельствъ и причинъ задержанія, также не было обставлено гарантіями, и лица, не исполнявшія его, не подлежали никакой законной отвѣтственности. При такихъ условіяхъ личная свобода въ значительной степени зависѣла отъ цѣлаго ряда случайностей и главнымъ образомъ отъ различныхъ колебаній въ характерѣ правительственнаго режима.

Недостаточность подобныхъ гарантій стала чувствоваться особенно сильно съ эпохи Тюдоровъ. Короли этой династіи, въ своемъ стремленіи къ абсолютной власти, попирали самыя драгоцѣнныя права англичанъ, завѣщанныя Великой Хартіей. «Когда Генрихъ VIII вступалъ на престолъ», говоритъ историкъ Лингардъ[1]), «еще существовалъ духъ свободы, который неоднократно предотвращалъ произвольныя мѣры правительства; но въ нѣсколько лѣтъ духъ этотъ исчезъ, и передъ смертію Генриха англійскій король принялъ обликъ деспота, а въ народѣ развились раболѣпныя чувства, какъ бы у націи рабовъ». Преемники Генриха VIII продолжали слѣдовать по тому же пути. Произвольные аресты безъ всякихъ основаній по простому подозрѣнію въ ill will (злонамѣренности) были заурядным явленіемъ. Судъ присяжныхъ сдѣлался предметомъ сильныхъ гоненій со стороны правительства, которое употребляло всѣ мѣры къ тому, чтобы обезпечить благопріятные своимъ видамъ вердикты. «Списки присяжныхъ шерифъ составлялъ или на основаніи прямыхъ предписаній свыше,

---

„доколѣ хорошо ведутъ себя“) и могутъ быть удалены только въ силу особаго постановленія обѣихъ Палатъ Парламента. Между тѣмъ до акта 1700 года они занимали свои должности „durante pene placito“, „during pleasure“—т.-е. до тѣхъ поръ, пока это „угодно“ правительству.

1) Lingard. Histoire d'Angleterre. Trad. de l'anglais par le chevalier de Roujoux. Paris 1826. T. VI, стр. 543.

или же сообразно тому, что онъ самъ считалъ правительственнымъ интересомъ»[1]). Если они выносили нежелательный для правительства вердиктъ, ихъ призывали къ отвѣту передъ Звѣздную Палату, и «счастье ихъ, если имъ удавалось послѣ низкаго отпирательства отъ своего образа дѣйствій, отдѣлаться выслушаніемъ рѣзкаго выговора; не то — ихъ постигали громадные штрафы и безконечное тюремное заключеніе»[2]). Такъ, въ царствованіе Маріи, присяжные оправдали сэра Николая Трогмортона, судившагося (по подозрѣнію) за участіе въ заговорѣ Томаса Уайта противъ королевы. Оправданный Трогмортонъ былъ тѣмъ не менѣе снова схваченъ и посаженъ въ Тоуеръ, гдѣ его и продержали въ теченіе цѣлаго года. Присяжные также были подвергнуты тюремному заключенію, при чемъ четверо изъ нихъ, «признавшіе свою вину», были вскорѣ освобождены; остальные же восемь, «пытавшіеся оправдать свой образъ дѣйствій», были представлены (черезъ полгода слишкомъ послѣ суда) Звѣздной Палатѣ и получили свободу подъ условіемъ уплаты штрафа — пятеро по 220 фун. ст. каждый, а трое — по 60 фун. ст. Такой исходъ процесса Николая Трогмортона оказался пагубнымъ для судившагося вслѣдъ затѣмъ брата его, Джона, который былъ обвиненъ на основаніи тѣхъ же самыхъ доказательствъ, по которымъ братъ его былъ оправданъ[3]).

Эпоха Тюдоровъ была временемъ изъятія множества преступленій и того, что произвольно обозначалось

---

1) Hallam: The Constitutional History of England from the Accession of Henry VII to the Death of George II. New Edition, Lon. 1881; стр. 233.

2) Hallam, ibid.

3) Stephen: наз. соч., т. I, ст. 329. Hallam, ibid., стр. 49. Впрочемъ, по словамъ современника Елизаветы, бывшаго одно время ея министромъ, сэра Томаса Смита (автора трактата „Commonwealth of England"), „такія дѣйствія даже тогда многими признавались жестокими, тиранническими и противными свободѣ и обычаямъ англійскаго королевства".

этимъ именемъ — изъ вѣдѣнія обыкновенныхъ судовъ и предоставленія ихъ судамъ исключительнымъ. Излюбленнымъ орудіемъ преслѣдованія была упомянутая уже нами Звѣздная Палата[1]). Лица, судившіяся въ этомъ трибуналѣ, нерѣдко прибѣгавшемъ къ пыткамъ, были лишены самыхъ элементарныхъ гарантій правильнаго правосудія, въ особенности, если они обвинялись въ такъ называемой государственной измѣнѣ (treason) и другихъ государственныхъ преступленіяхъ[2]). Процессы того времени, говоритъ Джардинъ, авторъ монографіи по исторіи уголовныхъ процессовъ, были «чистою насмѣшкою надъ правосудіемъ, потому что они въ рукахъ правительства являлись лишь средствомъ губить непріятныхъ ему людей съ торжественной обстановкой, достаточной для того, чтобы навести страхъ на массы»[3]).

---

1) Зачатки этого учрежденія историки относятъ еще къ той эпохѣ, когда королевскій совѣтъ непосредственно осуществлялъ судебныя функціи. Въ качествѣ особаго учрежденія, судъ Звѣздной Палаты былъ созданъ въ 1485 году, при Генрихѣ VII (3 Нен. 7, с. 1). Первоначальною задачею его было устраненіе различныхъ злоупотребленій въ области суда, возникавшихъ вслѣдствіе недостаточной самостоятельности присяжныхъ, нерѣдко испытывавшихъ давленіе со стороны вліятельныхъ классовъ, и др. причинъ. Но съ теченіемъ времени характеръ дѣятельности Звѣздной Палаты рѣзко измѣнился, и она сама сдѣлалась орудіемъ злоупотребленій и произвола. Особенное значеніе пріобрѣла она въ этомъ смыслѣ со времени царствованія Елизаветы. — Stephen: History of the Criminal Law of England, т. I, стр. 166 и слѣд. — G. Barnett Smith: History of the English Parliament together with an Account of the Parliaments of Scotland and Ireland, Lon. 1892, т. I, стр. 395.

2) Извѣстно, до какихъ чудовищныхъ размѣровъ было расширено понятіе „государственной измѣны“ при Генрихѣ VIII, когда подъ него подводилось, напр., сначала непризнаніе Анны Болейнъ законной супругой короля, а затѣмъ наоборотъ — признаніе ее таковою. — Галламъ говоритъ, между прочимъ, что „въ дѣлахъ о государственной измѣнѣ англійскіе суды эпохи Тюдоровъ едва-ли многимъ отличались отъ притоновъ убійцъ (caverns of murderers)“. Hallam: Const. Hist., т. I, стр. 231.

3) David Jardine: Criminal Trials, supplying copious Illustrations of the important Periods of English History during the Reigns of Queen Elisabeth and James I (въ двухъ томахъ), Lon. 1847, т. I, стр. 8.

При Елизаветѣ (въ 1583 г.) получилъ правильную организацію другой исключительный трибуналъ, также оставившій по себѣ весьма дурную память. Это — такъ-называемый судъ Верховной Коммиссіи (High-Commission-Court), вѣдавшій главнымъ образомъ дѣла духовныя. Онъ былъ облеченъ чрезвычайно обширными полномочіями и, по мнѣнію историковъ, мало чѣмъ отличался отъ знаменитой испанской инквизиціи[2]). Ему предоставлено было преслѣдовать «всѣ еретическія, ошибочныя и опасныя доктрины», «возмутительныя книги и пасквили (libels) противъ королевы и ея чиновниковъ»; наказывать за непосѣщеніе общественнаго богослуженія и, съ другой стороны, карать тѣхъ, кто посѣщаетъ частнымъ образомъ устраиваемыя тайныя сходбища; «допрашивать подозрительныхъ лицъ и наказывать всѣхъ, отказывающихся явиться къ верховному суду или повиноваться его приказаніямъ, — наказывать духовной цензурой, неограниченными штрафами и тюремнымъ заключеніемъ»[1]). Жертвами этого злополучнаго трибунала были преимущественно католики, а затѣмъ — въ особенности пуритане. Кромѣ указанныхъ двухъ трибуналовъ орудіями тираніи были еще военные суды, къ которымъ особенно сильное пристрастіе чувствовала

1) Lingard, наз. соч., т. VIII, стр. 100. — Галламъ (наз. соч., т. I, стр. 202, прим.) говоритъ, что „первоначальнымъ образцомъ для него и послужила именно инквизиція". — Гардинеръ, говоря о Судѣ Верховной Коммиссіи, замѣчаетъ: „полномочія его были огромны, соединяя въ себѣ обѣ тѣ формы деспотизма, которыя были противны всѣмъ умѣреннымъ англичанамъ: произвольныя тенденціи, которыми были заражены свѣтскіе суды того времени, комбинировались въ немъ съ инквизиторскимъ характеромъ церковнаго трибунала. Новый судъ не преминулъ возбудить противъ себя то же недовольство, которое вызываетъ всякаго рода деспотизмъ. Только въ двухъ пунктахъ отличался онъ отъ Инквизиціи Южной Европы. Онъ не могъ присуждать къ смертной казни и ему не было предоставлено право вынуждать признанія средствами физической пытки." S. R. Gardiner: History of England from the Accession of James I to the Outbreak of the Civil War (1603—1642), Lon. 1887, т. I, стр. 34.

2) Lingard, ibid. Hallam, ibid. Gardiner, I, с. 34—36.

Елизавета. «Все, что по мнѣнію правительства носило въ себѣ хотя бы самую слабую тенденцію къ возмущенію (sedition), влекло за собою примѣненіе военныхъ законовъ»[1]).

При той же королевѣ въ сильной степени развита была система административнаго надзора и тюремныхъ заключеній, которымъ подвергались непріятныя правительству лица — система, открывшая широкое поле для «нестерпимыхъ», по выраженію Лингарда, «злоупотребленій». «Этихъ лицъ обязывали ежедневно являться передъ совѣтомъ, впредь до новаго распоряженія, или подвергали домашнему аресту, или отдавали подъ спеціальную стражу кого-либо, или же наконецъ просто бросали ихъ въ тюрьму. И въ такомъ положеніи они оставались недѣли, мѣсяцы и цѣлые годы, до тѣхъ поръ, пока имъ не возвращали свободы, вслѣдствіе-ли изъявленія ими покорности, или благодаря заступничеству друзей, или же послѣ уплаты ими солидной денежной суммы»[2]).

Чтобы оцѣнить вполнѣ все то, что выиграла личная свобода отъ позднѣйшихъ реформъ въ области уголовнаго законодательства, необходимо, по словамъ упомянутаго Джардина, помнить, какой контрастъ съ новѣйшимъ процессомъ представляетъ практика прежняго времени. «Въ прославленный вѣкъ Елизаветы, — говоритъ онъ[3]), — было обычнымъ арестовать подозрительное лицо и держать его въ строгомъ заключеніи до тѣхъ поръ, пока будетъ признано нужнымъ судить его. Въ теченіе этого промежутка (который, какъ ни противозаконно было это, въ сущности не былъ ограниченъ какимъ-либо срокомъ, такъ что бывали случаи заключенія безъ суда въ продолженіе многихъ лѣтъ) заключенному предоставлялось размышлять о своемъ несчастіи въ

---

1) Lingard, наз. соч., т. VIII, ст. 575.
2) Lingard, ibid., ст. 576.
3) Jardine, наз. соч., т. I, стр. 8—10.

полномъ одиночествѣ, такъ какъ къ нему никто не допускался; отъ времени до времени къ нему входилъ тюремщикъ или какой-нибудь опытный въ допросахъ чиновникъ для того, чтобы исторгнуть отъ него признаніе, или, если это не удавалось, сдѣлать то, о чемъ Тацитъ говоритъ, какъ о высшемъ проявленіи тираніи въ императорскомъ Римѣ — suspiria subscribere, т. е. записать жалобы и неудовольствія плѣнника съ цѣлью сдѣлать ихъ предметомъ уголовнаго обвиненія. Обезсиленный и физически, и умственно отъ долгаго одиночнаго заключенія, онъ приводился въ судъ и тутъ ему буквально приходилось бороться безъ оружія. Обвиненія противъ себя онъ выслушивалъ въ первый разъ тогда, когда читался обвинительный актъ по его дѣлу; его приводилъ въ замѣшательство смыслъ обвиненія, изложеннаго техническимъ языкомъ, но ему нужно было тотчасъ же защищаться противъ него. Если онъ отвергалъ его, представлялись доказательства противъ него, состоявшія изъ письменныхъ или даже словесныхъ отчетовъ о допросѣ лицъ, не вызванныхъ къ суду, лицъ, по отношенію къ которымъ не было дѣлаемо перекрестнаго допроса и которыя вовсе не были поставляемы лицомъ къ лицу съ нимъ; иногда это были осужденные преступники, ожидавшіе казни, иногда — люди, обвинявшіеся въ томъ же самомъ преступленіи, которое приписывалось ему, и надѣявшіеся на прощеніе или даже заручившіеся обѣщаніемъ его въ случаѣ, если имъ удастся свалить вину на него. Ему не предоставлялось вызывать свидѣтелей для доказательства своей невиновности, ни подвергать сомнѣнію показанія свидѣтелей со стороны обвиненія; адвоката, который помогъ бы ему въ защитѣ, не было, и въ теченіе всего разбирательства судьи и обвинитель изощряли свое остроуміе, ставя подсудимаго въ замѣшательство своими вопросами и стараясь, чтобы онъ собственными устами высказалъ осужденіе себя. Если присяжные признавали его виновнымъ, жизнь и собственность его были въ рукахъ правитель-

ства; если же его оправдывали, то присяжные получали внушеніе или даже подвергались карамъ, а обвинявшагося отправляли обратно въ заключеніе и держали его тамъ до тѣхъ поръ, пока собирались матеріалы для какого нибудь новаго обвиненія, или пока правительству будетъ угодно отпустить его на свободу. Такова была практика въ эпоху королевы Елизаветы».

Отъ временъ королевы Елизаветы сохранился въ высшей степени интересный документъ, краснорѣчиво свидѣтельствующій о томъ, до какой степени доходили въ эпоху Тюдоровъ злоупотребленія въ области суда, какъ слабы были гарантіи отъ произвольнаго лишенія свободы, какъ далеко заходили исполнительные органы въ нарушеніи самыхъ дорогихъ правъ и вольностей англичанъ. Документъ этотъ — «представленіе» или «жалоба» (Remonstrance) одинадцати судей Королевской Скамьи, обращенная ими въ 1591 году къ лордамъ канцлеру и казначею. Въ этомъ «представленіи» верховные судьи королевства явились авторитетными выразителями общественнаго недовольства, накопившагося за долголѣтній и тяжкій періодъ господства произвола. Прося высшихъ членовъ правительства принять мѣры къ искорененію послѣдняго, они перечисляютъ длинный рядъ тѣхъ противозаконныхъ дѣйствій, которыя стали обычнымъ явленіемъ при Тюдорахъ. «Подданные ея величества», говорятъ судьи[1]), «заключались въ тюрьмы и содержались тамъ по приказанію какого-либо знатнаго лица или члена совѣта (by commandment of any nobleman or councillor), вопреки законамъ королевства, къ великимъ неудовольствіямъ и обремененію подданныхъ ея величества». «Многіе подвергались тюремному заключенію за возбужденіе обыкновенныхъ исковъ и тяжбъ по common law, пока не отказывались отъ нихъ вовсе». «Другіе были арестуемы

1) Текстъ „Представленія“ цѣликомъ приведенъ у Галлама: — Con. His. T. I, стр. 234—236.

и содержимы въ тюрьмѣ подобнымъ же противозаконнымъ образомъ, и, въ отвѣтъ на королевскій приказъ[1]), относительно этого не было указываемо никакого достаточнаго основанія». «Нѣкоторыя изъ лицъ, такимъ образомъ арестованныхъ и подвергнутыхъ тюремному заключенію, уже послѣ освобожденія ихъ законнымъ порядкомъ по суду, были тотчасъ послѣ этого снова отправляемы въ тюрьмы, и притомъ не въ общія и извѣстныя тюрьмы, каковы Марчельзи, Флитъ, Королевская Скамья, Гэтгаусъ, и не подъ стражу къ какому-либо шерифу, а въ неизвѣстныя, тайныя мѣста (in secret places), такъ что на жалобу, обращенную въ интересахъ освобожденія ихъ, королевскій судъ не могъ знать, къ кому направить приказъ, безъ чего не могло быть оказано правосудіе». Мало того: «многіе лондонскіе пристава и другія должностныя лица были неоднократно отправляемы въ тюрьмы за законное исполненіе предписаній судовъ Королевской Скамьи, Общихъ Тяжбъ и другихъ, вслѣдствіе чего они повергались въ такой сильный страхъ, что не рѣшались приводить въ исполненіе законныя постановленія». Въ заключеніе судьи настаивали на необходимости доставленія суду подробныхъ свѣдѣній касательно причинъ и поводовъ къ лишенію свободы. «Мы полагаемъ», говорили они, «что если кто-либо будетъ задержанъ въ силу спеціальнаго приказанія ея величества или на основаніи распоряженія королевскаго совѣта (by order from council-board, т. е. совѣта въ его цѣломъ, а не одного какого-либо члена его), или же за государственную измѣну, касающуюся личности ея величества, и если эти причины въ общихъ чертахъ (generally) будутъ докладываемы какому либо суду, то это будетъ достаточнымъ для послѣдняго основаніемъ къ тому,

1) Т.-е. приказъ habeas corpus, обращенный къ тюремному смотрителю и др., о доставленіи заключеннаго къ суду, съ объясненіемъ причинъ и обстоятельствъ задержанія. Приказъ издается отъ имени короля, а потому и называется „королевскимъ“.

чтобы оставить заключеннаго подъ стражей. Но если кто-либо будетъ задержанъ по какой-нибудь иной причинѣ, то судъ долженъ быть увѣдомленъ о ней подробнымъ, спеціальнымъ образомъ (specially)».

«Представленіе» судей подкрѣпляетъ и дополняетъ собою все, сказанное выше объ эпохѣ Тюдоровъ. Выраженнымъ въ немъ пожеланіямъ не суждено было, однако, скоро осуществиться. Ближайшей практической цѣли своей — искорененія произвола — «Представленіе» не достигло. Личная свобода еще многіе годы послѣ него оставалась съ весьма шаткими гарантіями.

Окончательная выработка ихъ выпала на долю слѣдовавшаго за Тюдорами періода англійской исторіи, періода наиболѣе богатаго своими послѣдствіями въ дѣлѣ оформленія и упроченія свободной политической системы. Открывшійся со вступленія на престолъ перваго изъ Стюартовъ — Іакова I, періодъ этотъ характеризуется систематической продолжительной борьбой королевской власти съ представителемъ страны — Парламентомъ, выступившимъ на защиту вѣковыхъ «вольностей» англійскаго населенія. Окончилась эта знаменательная борьба блистательной побѣдой послѣдняго: завершившимъ ее моментомъ была вторая, «безкровная» революція 1688 года, послѣ которой медленное, но прочное, спокойное и вѣчно прогрессивное развитіе свободныхъ учрежденій идетъ, почти не прерываясь, вплоть до настоящаго времени. — Здѣсь не мѣсто входить въ подробности постепеннаго хода этой борьбы, но необходимо остановиться на тѣхъ моментахъ ея, которые прямо относятся къ предмету настоящаго изслѣдованія.

Все, что было сказано о слабости гарантій личной свободы, произволѣ, царившемъ въ области суда и администраціи, объ исключительныхъ трибуналахъ при Тюдорахъ, — все это примѣнимо, но въ гораздо большей степени и къ эпохѣ первыхъ Стюартовъ. Въ ихъ

рукахъ Звѣздная Палата и Судъ Верховной Коммиссіи явились еще болѣе ужасными орудіями всевозможныхъ преслѣдованій. Юрисдикція ихъ была расширена до чрезвычайной и въ то же время самой опасной степени — до степени полной неопредѣленности ея характера и безпредѣльности ея объема. Въ нихъ стали употребляться наиболѣе возмутительныя наказанія, каковы: позорный столбъ, бичеваніе, наложеніе позорныхъ клеймъ, отрѣзаніе носа и ушей[1]). За самые ничтожные преступленія и проступки налагались невѣроятные по своимъ размѣрамъ штрафы. Громадность этихъ послѣднихъ объясняютъ, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что извѣстная часть штрафной суммы шла непосредственно въ пользу короля (при чемъ и члены трибуналовъ также имѣли поживу отъ штрафовъ). Вотъ нѣсколько фактовъ, характеризующихъ крайнюю произвольность и жестокость преслѣдованій той эпохи. Одинъ джентльмэнъ, по имени Алингтонъ, былъ оштрафованъ, по приговору Суда Верховной Коммиссіи, 12,000 фун. ст. за то, что онъ женился на своей племянницѣ, при чемъ уплаченная имъ сумма въ 10,000 ф. ст. была предоставлена въ распоряженіе королевы, супруги Карла I[2]). Другой за то, что назвалъ Суффолька „base lord“ (неблагороднымъ лордомъ), былъ приговоренъ къ уплатѣ 4,000 фун. ст. оскорбленному и такой же суммы королю. Особенно же памятными остались преслѣдованія Вилльямса, Лейтона и Прейна. Вилльямсъ, епископъ Линкольнскій, покровительствовавшій пуританамъ, возбудилъ неудовольствіе противъ себя всесильнаго архіепископа Лоуда, который и пожелалъ наказать Вилльямса. Поводомъ къ этому послужило найденное у Вилльямса письмо одного школьнаго учителя Осбальдистона, который употребилъ нѣсколько неуважительныхъ выраженій по адресу Лоуда. Хотя самое имя послѣдняго

1) Hallam, Cons. Hist., т. II, стр. 33.
2) Gardiner, наз. соч., т. VII, стр. 252.

и не было упомянуто, однако письмо было признано пасквилемъ (libel) по отношенію къ архіепископу. Сокрытіе этого пасквиля было признано Звѣздною Палатою тяжкимъ проступкомъ, за который Вилльямсъ и былъ присужденъ къ уплатѣ штрафа — 5.000 ф. ст. въ пользу короля и 3.000 ф. ст. въ пользу архіепископа Лоуда, и сверхъ того — къ безсрочному тюремному заключенію (авторъ письма былъ присужденъ къ еще большему штрафу и другимъ наказаніямъ, но онъ успѣлъ убѣжать отъ преслѣдованія)[1]). — Александръ Лейтонъ, написавшій памфлетъ подъ заглавіемъ „An Appeal to Parliament, or Sion's Plea against Prelacy“ (въ которомъ онъ убѣждалъ парламентъ воспротивиться распущенію), былъ подвергнутъ суду Звѣздной Палаты и приговоренъ къ штрафу въ 10.000 ф. ст., сѣченію, выставленію къ позорному столбу, отрѣзанію ушей, надрѣзанію носа; на лицѣ у него раскаленнымъ желѣзомъ выжжено было клеймо S. S. (Sower of Sedition, — сѣятель смуты) и, въ довершеніе всего, онъ былъ приговоренъ къ пожизненному заключенію[2]). — Вилльямъ Прейнъ (Prynne), видный юристъ — адвокатъ и ревностный пуританинъ, подвергся преслѣдованію за книгу подъ заглавіемъ „Histriomastix“, въ которой онъ рѣзко нападалъ на театръ, танцы, маскарады и тому подобныя развлеченія. Особенное вниманіе обратили на себя тѣ страницы, въ которыхъ онъ энергически осуждаетъ участіе женщинъ въ театральныхъ представленіяхъ. Въ его словахъ усмотрѣнъ былъ (какъ оказалось, неосновательно) намекъ на королеву, любившую танцы и

---

1) Hallam, т. II, ст. 36. — Gardiner, т. VIII, ст. 390. — T. P. Taswell-Langmead: English Constitutional History from the Teutonic Conquest to the Present Time. 3. edition, Lon. 1886, стр. 563.

2) По словамъ Гардинера, невѣроятно, чтобы кто-либо изъ судей надѣялся на уплату небогатымъ Лейтономъ хотя бы и сотой части наложеннаго штрафа, но въ остальныхъ своихъ пунктахъ приговоръ по дѣлу Лейтона „далеко не былъ номинальнымъ“. Gardiner, т. VII, ст. 148. — Hallam, т. II, ст. 37. — Taswell-Langmead, ст. 564.

театръ и незадолго передъ тѣмъ принимавшую участіе въ спектаклѣ при дворѣ. Прейнъ былъ посаженъ въ Тоуеръ, а черезъ нѣсколько времени Звѣздная Палата присудила его къ пожизненному тюремному заключенію, штрафу въ 5.000 ф. ст., лишенію адвокатскаго званія и ученой степени, выставленію къ позорному столбу и отрѣзанію ушей[1]). Три послѣднія преслѣдованія имѣли мѣсто между 1630 и 1637 г. (въ 1640 г. Долгій парламентъ освободилъ заключенныхъ).

Отъ этихъ фактовъ, ярко иллюстрирующихъ общее господство произвола въ эпоху Стюартовъ, обратимся къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ частностей, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ предмету нашего изслѣдованія.

Имѣя надобность въ деньгахъ и не желая, съ другой стороны, созывать парламентъ, который имѣлъ обыкновеніе вотировать финансовые билли въ концѣ сессіи, послѣ удовлетворенія королемъ различныхъ его требованій, Стюарты стали прибѣгать къ произвольному обложенію, всего чаще въ формѣ такъ-называемыхъ «принудительныхъ займовъ» (forced loans). Въ 1626 году Карлъ I объявилъ «всеобщій заемъ», для взиманія котораго были отправлены спеціальные «коммиссары», облеченные правомъ «допрашивать подъ присягою всѣхъ, отказывающихъ въ уплатѣ его, имена упорствующихъ доносить Тайному Совѣту, и ни подъ коимъ видомъ не допускать уменьшенія требуемой суммы»[2]). Тѣ изъ простонародья, которые отказывались платить, отдавались силою во флотскую службу. Упорные же члены высшихъ сословій должны были являться для объясненій въ Тайный Совѣтъ, откуда многіе изъ нихъ отсылались въ тюрьмы[3]).

---

1) Hallam, т. II, ст. 37—38. — Gardiner, т. VII, ст. 328—333.

2) Hallam, т. I, ст. 382.

3) Взиманіе сбора встрѣтило на этотъ разъ довольно сильную оппозицію. „Она, говоритъ Гардинеръ (наз. соч., т. VI, ст. 149), — возникла впервые тамъ, откуда ея нельзя было ожидать. Судьи до сихъ поръ безропотно уплачивали свою долю „Benevolences“ и „Privy seals“

Въ числѣ послѣднихъ были пять рыцарей, — сэръ Томасъ Дарнель, сэръ Джонъ Корбетъ, сэръ Вальтеръ Эрлъ, сэръ Джонъ Гевнингэмъ и сэръ Эдмундъ Гампденъ (двоюродный братъ знаменитаго «Гампдена надменнаго», отказавшагося уплатить корабельную подать). Вполнѣ справедливо считая свое заключеніе противозаконнымъ, они обратились въ судъ Королевской Скамьи съ просьбою о выдачѣ имъ приказа Habeas Corpus. Приказъ былъ выданъ. Въ отвѣтѣ на него должно было быть въ точности указано опредѣленное основаніе къ лишенію свободы арестованныхъ лицъ, для того, чтобы судъ могъ видѣть, законно-ли произведенъ арестъ, и сообразно съ этимъ сдѣлать постановленіе либо объ обратной отсылкѣ ихъ въ тюрьму, либо объ освобожденіи ихъ окончательно, или подъ поручительствомъ. Но смотритель тюрьмы Флитъ, въ которой содержались названныя лица, хотя и представилъ ихъ къ суду, однако въ отзывѣ своемъ сказалъ, что они подвергнуты заключенію вслѣдствіе распоряженія Тайнаго Совѣта, не сообщившаго ему, смотрителю, ни о какой опредѣленной причинѣ ихъ задержанія, кромѣ того что они были арестованы по спеціальному приказа-

---

(виды принудительныхъ сборовъ); хотя они и теперь выразили свою готовность уплатить причитающіяся съ нихъ доли, однако они единодушно отказались признать законность новаго займа письменнымъ выраженіемъ своего согласія. Карлъ, лишь только узналъ объ ихъ отказѣ, тотчасъ же вызвалъ къ себѣ Главнаго Судью, сэра Рэндаля Крью и, въ виду обнаруженнаго имъ нежеланія уступить, немедленно отставилъ его отъ должности.“ Вѣсть объ оппозиціи судей быстро разлетѣлась и поощрила многихъ къ отказу въ уплатѣ сбора, такъ что взиманіе его мѣстами было крайне затруднительно (Gardiner, ibid., 150, 154, 155 и слѣд.). Но случаи отказа были все-таки явленіями единичными, такъ какъ огромное большинство предпочитало уплату, хотя и незаконнаго, но все-же незначительнаго сбора — перспективѣ тюремнаго заключенія или высылкѣ. Въ результатѣ этотъ принудительный заемъ далъ 236 000 ф. ст., всего на 52 000 ф. ст. меньше первоначально намѣченной суммы (ibid. 219). Въ январѣ 1628 г. заключенные и высланные за отказъ были прощены; ихъ оказалось всего семьдесятъ-шесть человѣкъ (ibid., 225).

нію его величества[1]). Тутъ возникъ въ высшей степени важный вопросъ — достаточенъ-ли съ точки зрѣнія закона такой отвѣтъ для того, чтобы понудить судъ сдѣлать постановленіе объ обратной отсылкѣ Дарнеля и др. въ заключеніе? «Основная привилегія англійскихъ подданныхъ отъ произвольнаго задержанія», говоритъ по этому поводу Галламъ, «никогда до тѣхъ поръ не подвергалась столь подробному разсмотрѣнію; возникшему изъ дѣла этихъ пяти лицъ обсужденію этой привилегіи обязаны мы непрестаннымъ признаніемъ ея со стороны парламента и окончательнымъ установленіемъ, во всей ея практической силѣ, статутомъ Habeas-Corpus Act 1679 года»[2]).

Въ виду такой важности процесса названныхъ выше лицъ, мы должны нѣсколько подробнѣе остановиться на тѣхъ доводахъ, которые приводились въ пользу ихъ освобожденія. Наиболѣе выдающіеся юристы того времени, Ной, Сельденъ, Брамстонъ и Кальторпъ съ большимъ искусствомъ поддерживали передъ судомъ Королевской Скамьи интересы заключенныхъ. Они не отрицали того, что и король, и королевскій Тайный Совѣтъ имѣютъ право издавать приказы объ арестѣ, но доказывали, что и въ ихъ распоряженіяхъ должны быть въ точности соблюдаемы общія требованія закона относительно указанія опредѣленныхъ основаній къ лишенію свободы.

Въ своей аргументаціи они основывались главнымъ образомъ на 29 ст. Великой Хартіи, ея многочисленныхъ подтвержденіяхъ и тѣхъ статутахъ, которые были изданы въ обезпеченіе точнаго соблюденія постановленій этой статьи. Въ результатѣ всего этого — говорили они — установилась «регулярная практика», по которой

1) Отзывъ тюремнаго смотрителя былъ выраженъ въ слѣдующей формѣ: „Certifico quod — (такой-то) detentus est in prisona de le Fleet sub custodiâ mea praedicta per speciale mandatum domini regis mihi significatum per warrantum duorum et aliorum de privato concilio etc.

2) Hallam, т. I, стр. 383—384.

«въ каждомъ предписаніи объ арестѣ и во всякомъ отзывѣ тюремнаго смотрителя на Habeas Corpus долженъ быть точно обозначаемъ предметъ и характеръ обвиненія» («the nature of the charge»[1]), съ тѣмъ, чтобы можно было видѣть, слѣдуетъ ли тотчасъ же совсѣмъ освободить обвиняемаго, или выпустить его на свободу подъ поручительствомъ, или же снова отправить его въ тюрьму. Далѣе, защитники Дарнеля и др. указывали на рядъ прецедентовъ, въ которыхъ лица, арестованныя по предписанію Тайнаго Совѣта, или даже по спеціальному приказанію короля, были освобождены на основаніи Habeas Corpus'a. Зная однако, что въ отвѣтъ на это могли быть приведены прецеденты противоположнаго характера, одинъ изъ нихъ сказалъ, что ихъ «дѣло должно опираться не на прецеденты, а на основные законы и статуты государства». Въ доказательство того, что королевскій приказъ самъ по себѣ еще не можетъ оправдать незаконнаго акта, приводились многочисленные случаи изъ старинной судебной практики и взгляды наиболѣе авторитетныхъ юристовъ[2]). «Ни словесный приказъ короля, ни приказъ за его подписью или печатью не есть», говорилъ Сельденъ, «достаточное съ точки зрѣнія закона приказаніе для того, чтобы арес-

1) Hallam; т. I, ст. 384. — Gardiner, т. VI, стр. 213—217. — Herbert Broom: Constitutional Law viewed in Relation to Common Law, and exemplified by Cases. Second edition, by G. L. Denman. Lon. 1885, стр. 158—172.

2) Вотъ нѣкоторые примѣры. — „Если король прикажетъ мнѣ", говорилъ одинъ изъ судей при Генрихѣ VI, „противозаконно арестовать человѣка, и я арестую его, то заключенный будетъ имѣть противъ меня искъ о неправильномъ лишеніи свободы, хотя бы это происходило въ присутствіи короля". „Король", говорилъ главный судья Маркгамъ Эдуарду IV, „не можетъ арестовать человѣка по подозрѣнію въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи или въ государственной измѣнѣ, какъ это можетъ сдѣлать любой изъ подданныхъ; ибо если онъ этимъ арестомъ сдѣлаетъ несправедливость кому-нибудь, послѣдній не можетъ обратиться съ искомъ къ королю и такимъ образомъ останется безъ удовлетворенія". — Hallam, т. I, стр. 385.

товать кого-либо изъ подданныхъ, такъ какъ единственный способъ, которымъ король можетъ выразить свою волю, есть — приказъ, надлежащимъ образомъ изданный за печатью суда» (writ duly issued under the seal of a court). Указывалось также на то, что если самое задержаніе кого-либо по приказанію короля и является вполнѣ законнымъ, то все же заключенный по прошествіи извѣстнаго времени «долженъ быть приведенъ къ отвѣту, а не удерживаемъ въ тюрьмѣ въ теченіе неопредѣленнаго времени, — такъ какъ свобода есть вещь настолько покровительствуемая закономъ, что онъ не допускаетъ держать кого-либо въ заключеніи долѣе, чѣмъ того требуетъ необходимость» [1]).

Доводы защитниковъ Дарнеля и другихъ заключенныхъ отличались убѣдительностью и произвели сильное впечатлѣніе: присутствовавшіе въ залѣ суда шумными криками и аплодисментами выразили свое полное одобреніе. Аргументація талантливыхъ юристовъ подѣйствовала даже на самихъ судей. «М-ръ атторней», — сказалъ одинъ изъ нихъ, Джонсъ, обращаясь къ представителю обвиненія, — «если таковъ законъ, заключающійся въ Великой Хартіи и другихъ дѣйствующихъ статутахъ, и если эти джентльмены не будутъ освобождены этимъ судомъ, то какимъ образомъ могутъ быть они освобождены? Покажите намъ, каковъ другой путь къ ихъ освобожденію?» «Или же», — прибавилъ другой судья Додриджъ, — «имъ предстоитъ вѣчное заключеніе?» [2]).

Но на этотъ разъ защитникамъ интересовъ личной свободы пришлось удовольствоваться лишь нравственнымъ торжествомъ: судъ отказалъ въ освобожденіи заключенныхъ подъ поручительствомъ, хотя, съ другой стороны, онъ не рѣшился занести въ свой приговоръ (и тѣмъ придать ему силу важнаго прецедента) признаніе того, что корона можетъ не указывать основаній

1) Hallam, ibid.
2) Gardiner, т. VI, ст. 215.

къ производимымъ по ея предписанію арестамъ. «Такой исходъ — замѣчаетъ по этому поводу Гардинеръ [1]), — быть можетъ являлся наилучшимъ. Разбиравшееся дѣло выдвигало множество вопросовъ слишкомъ сложныхъ для того, чтобы они могли быть разрѣшены приговоромъ чисто судебнаго трибунала, и поэтому было гораздо лучше, чтобы они подверглись разсмотрѣнію въ собраніи, болѣе компетентномъ и болѣе способномъ подняться до высоты общаго обсужденія ихъ».

Вслѣдъ за нравственнымъ торжествомъ врагамъ произвола довелось одержать и политическую побѣду. Приведенные во время процесса Дарнеля доводы противъ произвольныхъ арестовъ (въ связи съ произвольнымъ обложеніемъ населенія) являлись выраженіемъ самыхъ горячихъ общественныхъ желаній, и при первомъ же удобномъ поводѣ вопросъ о большей обезпеченности личной свободы неизбѣжно долженъ былъ снова выступить на очередь.

Поводъ этотъ не заставилъ себя долго ждать. Подъ давленіемъ все той же необходимости въ денежныхъ средствахъ (для военныхъ расходовъ) Карлъ I вынужденъ былъ созвать парламентъ, въ мартѣ 1628 г. Не за долго передъ выборами (въ январѣ) состоялось освобожденіе всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя подверглись заключенію или высылкѣ за отказъ въ уплатѣ принудительнаго займа. При общественномъ настроеніи того времени лица эти являлись желанными кандидатами въ члены парламента, и многія изъ нихъ (27 лицъ) дѣйствительно были избраны, образовавъ собою сплоченный центръ оппозиціи въ новомъ парламентѣ, группировкѣ которой не мало помогъ самъ Карлъ I, открывшій засѣданія парламента рѣчью, проникнутой и пренебрежительнымъ отношеніемъ къ народнымъ представителямъ, и упорной рѣшимостью не отступать отъ произвольной политики [2]).

1) Gardiner, т. VI, ст. 217.

2) „Всѣмъ присутствующимъ, — гласила тронная рѣчь, — извѣстно, что настоящій парламентъ созванъ въ виду опасности (осложненія внѣш-

Для Карла I главною и даже единственною задачею новаго парламента было вотированіе денежныхъ средствъ, нужныхъ для военныхъ цѣлей; самъ-же парламентъ основною задачею своихъ работъ считалъ изысканіе средствъ къ болѣе прочному обезпеченію вѣками завѣщанной свободы отъ тѣхъ произвольныхъ дѣйствій, которыя становились въ послѣднее время все болѣе частыми, рискуя лечь въ основу правительственной системы. Парламентъ ничего не имѣлъ и противъ вотированія субсидій, требуемыхъ королемъ, но самое разрѣшеніе ихъ онъ, памятуя уроки прошлаго, находилъ возможнымъ дать не ранѣе того, какъ ему удастся обезпечить полученіе отъ короля торжественнаго и формальнаго признанія незаконности произвольныхъ мѣръ въ области обложенія и по отношенію къ свободѣ личности. Въ концѣ концевъ это признаніе и было получено, когда 7 іюня 1628 г. король далъ свое утвержденіе парламентскому статуту, извѣстному подъ именемъ «Петиціи о правѣ» (Petition of Right). Но результатъ этотъ былъ достигнутъ не безъ упорныхъ усилій со стороны тѣхъ членовъ палаты общинъ, на долю которыхъ выпало руководительство борьбою за

пей политики), грозящей государству, и что главною задачею его является вотированіе денежныхъ средствъ . . . . Каждый человѣкъ долженъ поступать согласно съ сознаніемъ своего долга; поэтому если вы, чего Боже упаси, не выполните своего долга и не дадите того, въ чемъ государство нуждается въ настоящее время, то я, во исполненіе моего долга, прибѣгну къ другимъ средствамъ, которыя Богъ предоставилъ мнѣ, ради спасенія того, что рискуетъ погибнуть отъ безумія нѣкоторыхъ людей. Не считайте этого за угрозу съ моей стороны (ибо угрожать я могу только равнымъ мнѣ); это — лишь предостереженіе, даваемое вамъ со стороны того, кому природа и долгъ ввѣрили высшую заботу о вашемъ спасеніи и преуспѣяніи". Вслѣдъ затѣмъ хранитель печати прибавилъ, что, обращаясь къ парламенту за денежными субсидіями, король „прибѣгаетъ къ нему не какъ къ единственному средству, а только какъ болѣе удобному, и не потому, чтобы не было другихъ средствъ, а потому что этотъ способъ наиболѣе соотвѣтствуетъ благосклоннымъ стремленіямъ короля и желанію его народа". — Cobbett's Parliamentary History of England, т. II (Lon. 1870), стр. 218, 221.

свободу и законныя права. Найти поддержку въ своей палатѣ имъ было не трудно; нѣсколько труднѣе было обезпечить полное сочувствіе своимъ требованіямъ со стороны палаты лордовъ, которые старались избѣгать черезчуръ рѣшительныхъ заявленій по отношенію къ королю; и нужны были особенныя энергія, твердость и находчивость для того, чтобы выдержать до конца начатое дѣло и не ограничиться полумѣрою, — лишь словеснымъ обѣщаніемъ короля соблюдать требованія Великой Хартіи и позднѣйшихъ статутовъ (чѣмъ имѣлъ въ виду ограничиться Карлъ I), а вынудить его къ формальному признанію незаконности произвольныхъ мѣръ и закрѣпить это признаніе въ особомъ документѣ.

Отъ подробнаго очерка послѣдовательнаго развитія этой упорной борьбы за Петицію о правѣ[1]), при всемъ глубокомъ интересѣ деталей ея, мы должны отказаться, такъ какъ онъ занялъ-бы слишкомъ много мѣста и отвлекъ-бы насъ въ сторону отъ непосредственной задачи изслѣдованія; поэтому мы ограничимся лишь указаніемъ важнѣйшихъ фазисовъ этой борьбы и именно по отношенію къ вопросу о болѣе дѣйствительномъ обезпеченіи права личной свободы.

Вопросъ этотъ явился центральнымъ пунктомъ парламентскаго обсужденія. «Корень золъ, вызывавшихъ недовольство, — говоритъ Гардинеръ[2]), — лежалъ въ притязаніи короля изымать изъ вѣдѣнія судей всѣ дѣла о лишеніи свободы, произведенномъ по его приказанію. Если бы у Карла было отнято присвоиваемое имъ себѣ право наказывать нарушителей его желаній и приказаній, то въ сущности было бы безразлично, какія приказанія заблагоразсудится ему дать. Онъ можетъ требовать какихъ угодно займовъ и налоговъ. Тѣмъ

1) Cobbett's Parliamentary History of England, т. II, стр. 218 до 410. — Весьма обстоятельный очеркъ исторіи борьбы за Петицію даетъ не разъ упомянутое нами сочиненіе Гардинера, томъ VI, главы LXII и LXIII, стр. 230—310.

2) Gardiner, стр. 232.

будетъ хуже для него, если судьи будутъ неизмѣнно освобождать лицъ, заключаемыхъ въ тюрьмы за отказъ въ исполненіи его незаконныхъ требованій». Таково было убѣжденіе престарѣлаго Эдуарда Кока, самаго выдающагося юриста того времени и отличнаго знатока всѣхъ тонкостей англійскаго права. Уже 21 марта 1628 г., черезъ четыре дня по открытіи сессіи, онъ возбудилъ вопросъ о желательности изданія билля, по которому никто, иначе какъ по постановленію суда, не могъ бы быть содержимъ въ тюрьмѣ, не будучи подвергаемъ суду, долѣе двухъ мѣсяцевъ, если онъ можетъ представить поручителей, и долѣе трехъ мѣсяцевъ, если не можетъ.

Это предложеніе явилось однако лишь скромнымъ началомъ тѣхъ рѣшительныхъ заявленій, въ которыхъ выразились негодованіе передъ произволомъ и желаніе устранить его. Палатою общинъ образована была особая коммиссія для разсмотрѣнія вопроса объ обезпеченіи личной свободы отъ произвольныхъ арестовъ и собственности — отъ произвольнаго обложенія («Committee for taking into consideration the Liberty of the Subject in person and estate»). Въ составъ коммиссіи вошли кромѣ Э. Кока и другіе видные юристы — Литтльтонъ, Сельденъ, Ной. Черезъ нѣсколько дней коммиссія редактировала слѣдующія резолюціи[1]):

I. «Ни одинъ свободный человѣкъ не можетъ быть арестуемъ, ни удерживаемъ въ тюрьмѣ или иначе какъ-нибудь ограничиваемъ въ своей свободѣ по приказанію Короля или Тайнаго Совѣта, или кого-либо другаго, если не указана какая-либо причина ареста, задержанія или ограниченія въ свободѣ, — причина, по которой онъ въ силу закона долженъ быть арестованъ, задержанъ или ограниченъ въ своей свободѣ».

II. «Въ приказѣ Habeas Corpus не можетъ быть отказываемо никому; онъ долженъ быть выдаваемъ каж-

1) Англійскій текстъ резолюцій напечатанъ ниже, въ „Приложеніяхъ“.

дому лицу, которое подвергнуто аресту, задержанію, или какому-либо ограниченію въ свободѣ хотя бы вслѣдствіе приказанія Короля, Тайнаго Совѣта или кого-нибудь иного, если заключенный проситъ о выдачѣ приказа».

III. «Если какой-либо свободный человѣкъ будетъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму или иначе какъ-нибудь ограниченъ въ своей свободѣ вслѣдствіе приказанія Короля, Тайнаго Совѣта или кого другаго, при чемъ не будетъ указана предусмотрѣнная закономъ основательная къ тому причина, и если это будетъ установлено въ отзывѣ на приказъ Habeas Corpus, выданный такому лицу, то оно должно быть или вовсе освобождено, или отпущено на свободу подъ поручительствомъ».

3-го апрѣля Литтльтонъ представилъ эти резолюціи[1]) палатѣ общинъ, которою онѣ и были единодушно приняты. Въ нихъ дана общая формулировка тѣхъ основныхъ положеній, которыя должны быть руководящими началами дѣятельности судовъ при разрѣшеніи могущихъ возникать въ практикѣ вопросовъ о правильности лишенія свободы. Но резолюціи одной изъ палатъ парламента, не будучи закономъ, не имѣютъ еще безусловно обязательной силы, какъ бы ни была велика ихъ нравственная и юридическая авторитетность. Для обезпеченія за ними этой силы необходимо было превратить ихъ въ формальный законъ и, слѣдовательно, прежде всего добиться признанія ихъ и согласія другой палаты парламента.

---

1) Кромѣ приведенныхъ трехъ резолюцій коммиссія редактировала четвертую о произвольномъ обложеніи: „каждому свободному человѣку принадлежитъ древнее и безспорное право полной и абсолютной собственности на его имѣнія и имущества; никакіе налоги, пошлины, займы, подати въ видѣ добровольныхъ приношеній или другіе подобные сборы не могутъ быть устанавливаемы или взимаемы королемъ или кѣмъ-либо изъ его министровъ безъ согласія, выраженнаго актомъ парламента“. И эта резолюція также была принята палатою общинъ. — Parliamentary History, т. II, стр. 259—260.

Резолюціи были переданы палатѣ лордовъ, при чемъ для поддержанія ихъ отъ палаты общинъ были командированы четыре члена ея: сэръ Додлей Диггсъ, Литтльтонъ, Сельденъ и сэръ Эдуардъ Кокъ. Трудъ аргументаціи въ пользу резолюцій былъ раздѣленъ между ними такъ, что на долю каждаго изъ нихъ выпадало указаніе доводовъ съ той или другой точки зрѣнія. Диггсу поручено было открыть аргументацію и показать, что свобода личности основывается на общемъ правѣ (common law). Литтльтону поручено было указать и истолковать парламентскіе акты, обезпечивающіе право личной свободы. На долю Сельдена выпала задача указать на прецеденты прошлой практики, иллюстрирующіе вопросъ объ обезпеченіи личной свободы. Наконецъ Э. Коку поручено было, опираясь на доводы коллегъ, привести общія основанія и соображенія въ пользу необходимости законныхъ гарантій свободы.

Доводы этихъ лицъ имѣютъ выдающійся интересъ, какъ авторитетное выраженіе и истолкованіе положеній англійскаго права въ отношеніи къ личной свободѣ и ея гарантіямъ, въ томъ видѣ, въ какомъ эти положенія представлялись элементами законнаго порядка людямъ наиболѣе компетентнымъ для ихъ пониманія и уясненія. Необходимо поэтому остановиться хотя бы на существенныхъ аргументахъ и указаніяхъ названныхъ ораторовъ [1]).

Вступительныя замѣчанія Додлея Диггса отличаются краткостью и даютъ лишь общую постановку вопроса. Обезпеченіе правъ англійскихъ гражданъ ораторъ относитъ къ глубокой древности. «Законы Англіи, — говорилъ онъ, обращаясь къ лордамъ, — основываются на разумѣ, они древнѣе книгъ, состоятъ часто въ неписанныхъ обычаяхъ и однако такъ преисполнены истинною справедливостью, что ваши почтенные предки нерѣдко

1) Parliamentary History, т. II, ст. 260—271. — Болѣе полный (мѣстами) очеркъ аргументаціи четырехъ ораторовъ данъ въ сочиненіи Broom: Constitutional Law и т. д., стр. 173—203.

отстаивали ихъ упорнымъ nolumus mutari; законы эти столь древни, что со временъ саксонскаго періода, не смотря на неблагопріятныя и разрушительныя условія времени, они большею частью сохранялись въ томъ же видѣ, что́ явствуетъ изъ остающихся старыхъ памятниковъ законовъ Этельберта, перваго христіанскаго короля кентскаго; Ина, короля западныхъ Саксовъ», и т. д. Указавъ различные примѣры, ораторъ продолжалъ: «итакъ слѣдуетъ признать несомнѣннымъ и основнымъ положеніемъ этого столь древняго общаго права Англіи, что подданный ея имѣетъ полное право собственности на свои имущества и владѣнія. Но это несомнѣнное прирожденное право свободнаго лица въ послѣднее время терпѣло немало нарушеній и притѣсненій, тѣмъ болѣе жестокихъ, что они сопровождались лишеніемъ свободы, вопреки вольностямъ этой страны; когда же, согласно съ законами и статутами королевства, искали защиты отъ этого законнымъ путемъ, прося у судей Habeas Corpus и ходатайствуя объ освобожденіи или производствѣ законнаго суда, то старанія эти оказывались безуспѣшными; это и побуждаетъ теперь общины разсмотрѣть, сообразно съ актами парламента, прецедентами и общими соображеніями, истинныя основы свободы личности» [1]).

Литтльтонъ въ своихъ доводахъ указалъ на то, что личная свобода опирается на различные законы, остающіеся въ силѣ. Такова прежде всего Великая Хартія, изданная при Іоаннѣ и неоднократно послѣ него подтвержденная. Въ ст. 29 она гласитъ: nullus liber homo и т. д. Ораторъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на толкованіи послѣднихъ словъ статьи: nisi per legale judicium parium suorum, vel per legem terrae. Подъ выраженіемъ „per legem terrae“ разумѣется не что иное, какъ законный порядокъ («due process of the law»), который долженъ

1) Parl. Hist., ст. 260—262. Broom, ст. 174—175.

соблюдаться при лишеніи свободы. Именно въ такой формѣ это выраженіе встрѣчается въ позднѣйшихъ статутахъ, подтверждающихъ предписанія Великой Хартіи и изданныхъ въ царствованіе Эдуарда III [1]). Законный же порядокъ требуетъ наличности извѣстнаго обвиненія для лишенія свободы. Въ обыкновенныхъ случаяхъ неуказаніе какого-либо основанія для ареста служитъ для судей достаточнымъ мотивомъ къ полному освобожденію заключеннаго. Въ случаяхъ же заключенія по приказанію Короля или Тайнаго Совѣта судьи практиковали освобожденіе подъ поручительствомъ, такъ какъ предполагается, что такіе аресты имѣютъ мѣсто въ важныхъ дѣлахъ. Отрицаніе за судьями этого права отдавать на-поруки заключенныхъ по приказанію Короля или Тайнаго Совѣта, при неуказаніи какихъ-либо основаній къ лишенію свободы, будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ то, что такіе заключенные могутъ быть подвергнуты вѣчному лишенію свободы; «слѣдовательно, человѣкъ, не совершившій никакого преступленія, можетъ оказаться въ худшемъ положеніи, чѣмъ величайшій преступникъ, ибо послѣдній можетъ быть освобожденъ обыкновеннымъ судомъ, а первый никогда не будетъ освобожденъ». Обзоръ статутовъ Литтльтонъ заключилъ слѣдующими словами: «слѣдовательно заявленіе общинъ относительно права личной свободы есть древняя и несомнѣнная истина, подтверждаемая семью актами и не отрицаемая какимъ-либо статутомъ или законнымъ авторитетомъ [2]»).

---

1) Такъ, статутъ 1355 г. (28 Edw. 3, c. 3) гласитъ: „That no man, of what state or condition soever he be, shall be put out of his lands or tenements, nor taken, nor imprisoned, nor disinherited, nor put to death, without he be brought in to answer by due process of law". (Никто, какого бы званія и состоянія онъ ни былъ, не долженъ быть лишенъ пользованія своей землею и жилищемъ, ни арестованъ, ни заключенъ въ тюрьму, ни лишенъ наслѣдства, ни подвергнутъ смертной казни, прежде чѣмъ будетъ привлеченъ къ отвѣту въ законномъ порядкѣ).

2) Parl. His., 262—264. Broom, 175—185.

Сельденъ[1]) прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію прецедентовъ, нашелъ нужнымъ указать нѣкоторыя общія соображенія, дать «общій ключъ» (a general key) къ пониманію прецедентовъ -- ключъ, безъ котораго человѣку, незнакомому съ технической стороною судебной практики трудно понять ихъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда какое-либо право или свобода лица опирается на какой-либо положительный законъ писанный или неписанный, этотъ положительный законъ былъ бы совершенно безполезнымъ и безцѣльнымъ, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ не существовало законнаго средства защиты и возстановленія права или свободы въ случаѣ ихъ нарушенія или отнятія; безполезно было бы человѣку имѣть право на землю или другое имущество, если бы не существовало извѣстнаго средства защиты, т. е. иска или судебнаго приказа, благодаря которому онъ, въ какомъ-либо судѣ, могъ бы защитить или возстановить свое право. Въ частности и по отношенію къ этому праву личной свободы совершенно безполезно было бы говорить о законахъ, ее устанавливающихъ, если бы не было законнаго-же средства для возвращенія ея въ случаяхъ ея ограниченія. Поэтому нужно прежде всего показать то средство, которымъ можетъ воспользоваться каждый свободный человѣкъ для возвращенія себѣ свободы въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ противозаконно лишенъ свободы; уяснивъ себѣ законный порядокъ и форму пользованія этимъ средствомъ, легко будетъ понять и прецеденты или прежнія судебныя рѣшенія по этому предмету. По закону существуютъ различныя средства къ освобожденію заключеннаго свободнаго человѣка, каковы приказы de odio et atiâ и de homine replegiando и затѣмъ приказъ habeas corpus или corpus cum causâ, какъ онъ также называется. Первые два приказа, которые обращаются къ шерифу графства и выдаются въ извѣстныхъ опредѣленныхъ

1) Parl. Hist., 264—266. Broom, 185—200.

случаяхъ, не касаются настоящаго вопроса. Приказъ же habeas corpus или corpus cum causâ есть важнѣйшее законное средство защиты для всякаго заключеннаго и единственное средство для того, кто лишенъ свободы по спеціальному приказанію Короля или лордовъ Тайнаго Совѣта, безъ указанія основанія заключенія, чего законъ не знаетъ и о чемъ нѣтъ ни единаго упоминанія въ законахъ нашей страны, при чемъ нѣтъ и особаго законнаго порядка для освобожденія въ такихъ случаяхъ. Если кто-либо на основаніи такого приказанія подвергается заключенію въ какой-либо тюрьмѣ Англіи и если онъ пожелаетъ, самъ-ли или черезъ посредство другаго лица, дѣйствующаго въ его интересахъ, получить этотъ приказъ habeas corpus, то приказъ этотъ долженъ быть выданъ ему и въ немъ не можетъ быть отказываемо. Приказъ обращается къ смотрителю тюрьмы, въ которой содержится заключенный, и предписываетъ ему, чтобы по истеченіи извѣстнаго времени онъ доставилъ тѣло заключеннаго ad subjiciendum et recipiendum juxta quod curia consideraverit etc. una cum causâ captionis et detentionis, иногда-же только una cum causâ detentionis, a captionis опускается. Затѣмъ смотритель тюрьмы сообщаетъ, въ силу какого распоряженія онъ содержитъ въ своей тюрьмѣ заключеннаго и, написавъ свой отзывъ на приказъ, доставляетъ заключеннаго въ назначенный день въ судъ; по представленіи отзыва судъ разсматриваетъ его достаточность или недостаточность, только съ точки зрѣнія содержанія его, не входя въ разсмотрѣніе другихъ обстоятельствъ: т. е. судъ предполагаетъ, что отзывъ вѣренъ; если онъ ложенъ, заключенный имѣетъ право иска противъ смотрителя тюрьмы. Если заключенный желаетъ быть отпущеннымъ на свободу подъ поручительствомъ и судъ, по разсмотрѣніи отзыва, найдетъ, что по закону онъ можетъ быть отданъ на-поруки,

то заключенный прежде всего берется отъ доставившаго его смотрителя тюрьмы и передается маршалу суда Королевской Скамьи и затѣмъ уже отпускается подъ поручительствомъ, при чемъ постановленіе суда выражается словами — committitur marescallo et postea traditur in ballium; это дѣлается потому, что судъ не освобождаетъ подъ поручительствомъ, пока заключенный не сдѣлается заключеннымъ суда, пока онъ не будетъ in custodiâ marescalli этого суда. Но если изъ отзыва на habeas corpus судъ усмотритъ, что заключенный не можетъ быть ни отпущенъ подъ поручительствомъ, ни освобожденъ изъ тюрьмы, изъ которой онъ доставленъ, то онъ отсылается обратно въ заключеніе, въ которомъ и оставляется до тѣхъ поръ, пока дѣло его не будетъ разрѣшено законнымъ порядкомъ, при чемъ въ этомъ случаѣ постановленіе суда формулируется словами — remittitur quousque secundum legem deliberatus fuerit. Если, однако, судьи сомнѣваются, не должны-ли они по закону взять заключеннаго изъ тюрьмы, изъ которой онъ приведенъ, или назначить шерифу день для исправленія имъ отзыва на приказъ, какъ это они часто дѣлаютъ, то обратно отсылается заключенный лишь на время, пока разъяснятся сомнѣнія судей или пока шерифъ исправитъ свой отзывъ, и въ такомъ случаѣ постановленіе суда выражается только словомъ remittitur или remittitur prisonae praedictae».

Изложивъ эти подробности законнаго порядка освобожденія неправильно лишаемыхъ свободы на основаніи Habeas Corpus, Сельденъ сдѣлалъ очеркъ двѣнадцати прецедентовъ, вполнѣ подтверждающихъ, что освобожденіе подъ поручительствомъ составляетъ несомнѣнное право тѣхъ заключенныхъ, которые лишены свободы хотя бы и по спеціальному приказанію Короля или Тайнаго Совѣта, но безъ указанія достаточныхъ по закону основаній.

Послѣдній изъ ораторовъ, командированныхъ для поддержанія резолюцій палаты общинъ, Эдуардъ Кокъ[1]) прежде всего выразилъ увѣренность въ томъ, что приведенныя передъ лордами указанія на статуты и судебные прецеденты окажутся вполнѣ убѣдительными, и высказалъ надежду на полный успѣхъ предпринятаго дѣла. Оно говоритъ само за себя, и поэтому, — прибавилъ Кокъ, — «я не буду многословенъ, ибо золотить золото было бы безполезно и излишне». Представленныя имъ соображенія могутъ быть резюмированы въ слѣдующихъ положеніяхъ.

1) «Никто не можетъ быть лишенъ свободы по прихоти или произволу другаго, развѣ только невольникъ или вилланъ; и тотъ, кто можетъ быть лишенъ свободы по прихоти или произволу, есть невольникъ». «Если бы свободные люди Англіи могли быть лишаемы свободы по произволу или по прихоти короля, или съ его приказанія, то они были бы въ худшемъ положеніи, чѣмъ невольники или вилланы, такъ какъ помѣщикъ (лордъ) не можетъ приказать другому лицу арестовать своего виллана безъ какого-либо основанія, какъ напр. за непослушаніе или отказъ служить ему[2]). «Свободный человѣкъ, лишенный свободы безъ основанія, есть человѣкъ гражданскиумершій, такъ какъ и смерть и заключеніе сопровождаются одинаковыми непосредственными послѣдствіями: заключенный perdit domum, familiam, vicinos, patriam (Кокъ выразилъ эту фразу по-латыни) и обре-

1) Parl. Hist., 266—271. Broom, 200—203.

2) Въ подтвержденіе этого Кокъ указалъ два примѣра изъ старой судебной практики. Одинъ пріоръ приказалъ лишить свободы своего виллана; судьи уже были готовы освободить его подъ поручительствомъ, но пріоръ указалъ основаніе своего поступка, заявивъ, что заключенный имъ вилланъ отказался быть бальифомъ его помѣстья, и это объясненіе удовлетворило судей. Въ другомъ случаѣ аббатъ также приказалъ арестовать и подвергнуть заключенію своего виллана, но отъ него потребовали указать основаніе, которое онъ и представилъ, заявивъ, что заключенный отказался гнать скотъ, когда это было ему приказано. Оба эти случая имѣли мѣсто въ царствованіе Эдуарда III, т. е. въ половинѣ XIV ст.

кается на жизнь среди погибшихъ и порочныхъ людей, преступниковъ и т. под.»

2) «Minima poena corporalis est major qualibet pecuniaria (малѣйшая кара личная суровѣе любой денежной), сказалъ Брактонъ. Между тѣмъ король не можетъ самъ наложить на кого-либо денежнаго штрафа, но это должно быть дѣлаемо по суду — per justiciarios in curia, non per regem in camera».

3) Противъ признанія англійскимъ правомъ произвольнаго лишенія свободы говоритъ существованіе нѣсколькихъ средствъ защиты личной свободы, а именно — приказовъ de homine replegiando, de odio et atia, de manucaptione, habeas corpus. «Очевидно, что законъ никогда не предоставлялъ бы столькихъ средствъ защиты, если бы свободные люди Англіи могли быть лишаемы свободы по произволу или по прихоти.»

4) «Мнимое право произвольнаго заключенія можетъ распространяться не только на низшіе и средніе классы королевства, но и на высшіе классы, а также на епископовъ и духовенство. Общины обратились къ лордамъ потому, что commune periculum commune requirit auxilium. Опасность же эта угрожаетъ всѣмъ лицамъ, безъ различія положенія, пола или возраста».

5) «Противъ произвольнаго лишенія свободы говоритъ неопредѣленность его времени; не будучи ограничено извѣстнымъ срокомъ, произвольное заключеніе можетъ сдѣлаться пожизненнымъ, а это очень жестоко. Было бы нелѣпо, если бы человѣкъ, имѣя законное средство возвратить себѣ незаконно задержанную лошадь или корову свою, не имѣлъ бы средства защитить свое тѣло отъ безсрочнаго произвольнаго заключенія».

6) Послѣдній аргументъ Кокъ разбилъ на три части — ab honesto, ab utili, a tuto. а) «Быть королемъ невольниковъ или рабовъ недостойно короля».

б) «Это было бы несогласно съ интересами короля и королевства, такъ какъ исполненіе Великой Хартіи и другихъ статутовъ, которыми воспрещается произвольное заключеніе, было предписано ради общей пользы короля и народа; такимъ образомъ право произвольнаго лишенія свободы, будучи сопряжено съ нарушеніемъ пользы короля, не можетъ быть частью его прерогативы». в) «Примѣненіе этого мнимаго права можетъ быть опасно для короля въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, если кто-либо, будучи заключенъ безъ указанія причины, хотя бы то было за государственную измѣну или тяжкое преступленіе, совершитъ побѣгъ, то такой побѣгъ не будетъ ни тяжкимъ преступленіемъ, ни измѣною; между тѣмъ какъ при указаніи причины заключенія въ подозрѣніи измѣны или преступленія, побѣгъ заключеннаго, хотя бы и невиннаго, будетъ измѣною и преступленіемъ. Во-вторыхъ, произвольное лишеніе свободы парализуетъ усилія всѣхъ. Кто станетъ прилагать особенныя старанія къ своему дѣлу, будетъ-ли то военное или торговое занятіе, или какая-либо свободная профессія, чувствуя себя не полнымъ хозяиномъ своей свободы (tenant at will of his liberty)? Ни одинъ tenant at will не станетъ заниматься улучшеніемъ того, на что́ ему не принадлежитъ извѣстнаго права собственности; ergo, дѣлать людей неполными хозяевами ихъ свободы значитъ разрушать ихъ энергію и какія бы то ни было усилія».

Въ изложенной аргументаціи, которую мы старались передать возможно близкимъ переводомъ выраженій говорившихъ ораторовъ (въ виду ихъ характерности), заключается сущность всѣхъ доводовъ, приводившихся въ пользу большаго обезпеченія личной свободы. Совмѣстное обсужденіе ихъ въ такъ называемыхъ «конференціяхъ» обѣихъ палатъ (въ палатѣ лордовъ при участіи делегатовъ отъ палаты общинъ) велось съ большимъ оживленіемъ и заняло не мало времени. Мы отмѣтимъ лишь важнѣйшіе его моменты.

По выслушаніи доводовъ Кока, лорды постановили (9 апрѣля) пригласить для объясненій представителя правительства, генералъ-атторнея, который въ двухъ засѣданіяхъ высказалъ соображенія противъ требованій палаты общинъ. Затѣмъ лордами выслушаны были (14 апрѣля) судьи Королевской Скамьи, представившіе объясненія своего образа дѣйствій въ процессѣ Дарнеля и другихъ. Начиная съ 17 апрѣля, въ пяти засѣданіяхъ «конференціи» происходили дебаты между генералъ-атторнеемъ и другимъ представителемъ короны, съ одной стороны, и делегатами палаты общинъ, съ другой. Въ резолюціяхъ послѣдней генералъ-атторней старался показать стремленіе ограничить прерогативу королевской власти, противъ чего Литтльтонъ рѣшительно протестовалъ, заявивъ отъ имени палаты общинъ, что «намѣреніе ея состоитъ не въ томъ, чтобы подвергнуть сомнѣнію власть короля по отношенію къ лишенію свободы и отдачѣ на-поруки, а въ томъ, чтобы регулировать ее»[1]). Къ этому же протесту примкнулъ и Кокъ, выразившій «полное изумленіе свое передъ тѣмъ, что свобода личности считается несовмѣстимою съ королевскою властью» и сославшійся на авторитетъ Брактона въ пользу того, что строгое соблюденіе законовъ составляетъ необходимую опору королевской власти („nihil tam proprium est imperii, quam legibus vivere"; „attribuit rex legi quod lex ei; dominium enim et imperium exercere, sine lege, non potest"). [2])

Тѣмъ не менѣе у лордовъ дѣйствительно возникло опасеніе, что резолюціи палаты общинъ могутъ быть приняты за нарушеніе королевской прерогативы. Не находя возможнымъ присоединиться къ этимъ резолюціямъ, они выразили желаніе устроить новую конференцію, заявивъ въ своемъ приглашеніи, «что они сочувствуютъ общинамъ въ ихъ желаніи обезпечить

1) Parl. Hist., ст. 319.
2) Ibid., 324.

справедливую свободу личности, но вмѣстѣ съ тѣмъ однако находятъ желательнымъ и необходимымъ сохранить должную прерогативу короля». Предметомъ обсужденія конференціи, созванной 25 апрѣля, явились пять предложеній (Propositions), проектированныхъ лордами взамѣнъ резолюцій.

Предложенія эти[1]), редактированныя въ весьма умѣренномъ тонѣ, отличались значительною неопредѣленностью. Въ нихъ не было категорическаго признанія незаконности произвольнаго обложенія или отказовъ въ освобожденіи неправильно лишенныхъ свободы и выдачѣ имъ приказа Habeas Corpus (самое названіе этого приказа ни разу не упоминается въ текстѣ предложеній). Сущность предложеній сводилась къ ходатайству передъ королемъ объ общемъ заявленіи имъ относительно того, что Великая Хартія и шесть статутовъ, изданныхъ въ ея разъясненіе, остаются въ силѣ, что согласно имъ каждому англичанину принадлежатъ полное право собственности на имущество и полная свобода личности и вообще всѣ тѣ «вольности, привилегіи и права», которыми пользовались предки «при лучшихъ изъ благороднѣйшихъ прародителей его величества», что во всѣхъ дѣлахъ о свободѣ личности король будетъ поступать согласно съ common law и установленными законами. Въ послѣднемъ предложеніи говорится о «королевской прерогативѣ, присущей верховенству короля и ввѣренной ему отъ Бога»; при этомъ, хотя и выражается увѣренность, что эта прерогатива не будетъ проявляться къ ущербу кого-либо изъ подданныхъ, однако за королемъ оставляется право въ случаяхъ чрезвычайныхъ и въ государственныхъ интересахъ подвергать заключенію не въ установленномъ порядкѣ.

Предложенія лордовъ не удовлетворили представителей палаты общинъ, которые не могли не замѣтить, что черезчуръ общій характеръ и недостаточная опредѣ-

1) Англійскій текстъ ихъ напечатанъ ниже въ „Приложеніяхъ".

ленность проектированной декларації оставитъ открытымъ главный вопросъ — вопросъ о надлежащемъ урегулированіи проявленій королевской прерогативы по отношенію къ свободѣ личности. Самый принципъ послѣдней не оспаривался никѣмъ; рѣчь шла лишь о гарантіяхъ болѣе дѣйствительнаго проведенія этого принципа на практикѣ. Для этого нужны были не общія заявленія, а признаніе безусловной обязательности извѣстныхъ законныхъ формъ, въ строгомъ соблюденіи которыхъ видѣли существенную гарантію противъ произвола. Новое общее подтвержденіе правъ и вольностей не могло замѣнить собою тѣхъ конкретныхъ мѣръ, необходимость которыхъ рѣшительно доказывалась горькимъ опытомъ жизненной практики. Вотъ почему палата общинъ не признала возможнымъ примкнуть къ черезчуръ абстрактнымъ «пропозиціямъ» лордовъ и почему, при обсужденіи ихъ (26 апр.) возбужденъ былъ вопросъ о желательности издать актъ о Habeas Corpus, въ которомъ приняты были бы мѣры къ болѣе скорой выдачѣ приказа и къ освобожденію лишаемыхъ свободы безъ указанія основаній [1]). Коммиссіей палаты общинъ былъ даже изготовленъ проектъ такого акта, подъ названіемъ «An Act for the better securing of every freeman touching the propriety of his goods and liberty of his person». (Актъ для лучшаго обезпеченія за каждымъ свободнымъ человѣкомъ собственности и личной свободы [2]).

Такимъ образомъ разрѣшеніе вопроса, возбужденнаго въ палатѣ общинъ, затягивалось. Резолюціи общинъ казались лордамъ слишкомъ рѣзкими и рѣшительными,

1) Gardiner, VI, ст. 262.

2) До сихъ поръ, говоритъ Гардинеръ, этотъ биллъ неправильно смѣшивали съ позднѣйшею Петиціею о правѣ (Gardiner, VI, ст. 264, прим.). Замѣтимъ, что его скорѣе можно признать прототипомъ позднѣйшаго Habeas Corpus Акта 1679 г., который называется собственно „An Act for the better securing the Liberty of the Subject“; въ проектѣ 1628 г. говорится однако не только о Habeas Corpus, но и о другихъ предметахъ.

а контръ-предложенія лордовъ представлялись общинамъ черезчуръ абстрактными, неопредѣленными и несоотвѣтствующими цѣли лучшаго обезпеченія свободы, желательность котораго признавалась одинаково и тѣми, и другими. Вотъ это-то послѣднее обстоятельство и послужило залогомъ того, что въ концѣ концевъ разногласіе между обѣими палатами могло быть устранено, не смотря на упорныя усилія совѣтниковъ короля не допустить осуществленія требованій палаты общинъ и ограничиться лишь тѣмъ общимъ заявленіемъ, которое предложено было лордами.

Мы пишемъ не политическую исторію того времени, а потому и не можемъ входить въ подробности энергической борьбы, которую велъ король съ общинами, защищая свою прерогативу отъ попытокъ вторженія въ нее, и которая приняла особенно острый характеръ послѣ того, какъ, по предложенію Кока, палата общинъ, въ виду неудачи съ резолюціями, рѣшила (6 мая) представить королю Петицію[1]) о правѣ съ указаніемъ отдѣльныхъ злоупотребленій послѣдняго времени и ходатайствомъ объ устраненіи ихъ на будущее время. Черезъ два дня проектъ Петиціи былъ одобренъ палатою общинъ и отправленъ въ палату лордовъ съ предложеніемъ присоединиться къ ней[2]).

1) Форма петиціи была избрана потому, что она представляла значительныя практическія преимущества передъ биллемъ. Указывая на эти преимущества, одинъ изъ ораторовъ объяснилъ ихъ вполнѣ откровенно. Петиція, говорилъ онъ, лучше билля, ибо на нее общины получатъ отвѣтъ раньше, чѣмъ онѣ дадутъ ожидаемыя отъ нихъ субсидіи. На петицію будетъ данъ отвѣтъ немедленно, а билль будетъ представленъ королю лишь въ концѣ сессіи; что̀ можетъ помѣшать ему принять субсидіи и отвергнуть билль? — Gardiner, VI, ст. 274—275.

2) Въ томъ же засѣданіи палата общинъ вотировала резолюцію о пяти требуемыхъ королемъ субсидіяхъ. Это было сдѣлано, говоритъ Гардинеръ, съ цѣлью задобрить короля (собственно „подсластить лекарство“ — „in order to make the medicine more palatable to Charles“). Это было необходимо, говоритъ историкъ, и вотъ почему. „Все, что было непріятно ему въ биллѣ, въ петиціи появлялось снова и притомъ въ болѣе рѣзкой и болѣе непріятной формѣ. Отъ него уже не требо-

Между тѣмъ обѣ палаты парламента безпрестанно получали королевскія посланія и выслушивали заявленія его министровъ о томъ, что король вполнѣ признаетъ права и вольности своихъ подданныхъ, дарованныя имъ Великою Хартіей и другими статутами, что онъ даетъ свое королевское слово (Royal Word) соблюдать ихъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ неудовольствіемъ усматриваетъ со стороны парламента упорное желаніе вести безконечные споры о его прерогативѣ, ограниченія которой онъ не можетъ допустить.

Подъ вліяніемъ этихъ заявленій палата лордовъ, въ которой не переставали преобладать примирительныя стремленія, сдѣлала новую попытку облечь требованія общинъ въ болѣе мягкую форму. Принявъ текстъ Петиціи, она рѣшила дополнить его слѣдующимъ заключительнымъ обращеніемъ: «почтительно представляемъ эту петицію вашему величеству не только съ заботою объ охраненіи нашихъ вольностей, но и съ твердымъ намѣреніемъ оставить неприкосновенною ту суверенную власть (sovereign power), которая ввѣрена вашему величеству для защиты, безопасности и благополучія вашихъ подданныхъ.» Отправляя это дополненіе въ палату общинъ, лорды однако прибавили оговорку, что они внесли его только ради удобства», но что они не ставятъ принятіе его непремѣннымъ условіемъ своего согласія на петицію.

Палата общинъ не нашла это дополненіе удобнымъ, а напротивъ признала его не только излишнимъ, но и крайне опаснымъ для того дѣла, ради котораго составлена петиція, такъ какъ упоминаніе о «sovereign power», какъ о власти безусловной и стоящей выше за-

---

вали только регулировать образъ его будущихъ дѣйствій. Ему приходилось признать, что дѣйствія, совершенныя по его приказаніямъ, находятся въ прямомъ противорѣчіи съ законами Англіи. Принятіе билля было бы благосклоннымъ согласіемъ на установленіе его отношеній къ народу на новыхъ условіяхъ; принятіе же петиціи явится унизительнымъ признаніемъ погрѣшности". Gardiner, VI, 275.

кона, подорвало бы дѣйствительность законныхъ гарантій, предусматриваемыхъ петиціею, и открыло бы возможность обходить ея требованія. Послѣ непродолжительныхъ преній [1]) добавленіе лордовъ было единодушно отклонено, и въ виду того, что они не настаивали на немъ, 28-го мая состоялось окончательное принятіе ея обѣими палатами парламента. Отвѣтъ на нее король далъ сначала (2 іюня) въ уклончивой формѣ, которою парламентъ не удовлетворился, и только 7 іюня король выразилъ свое согласіе на обращенныя къ нему ходатайства въ установленной вѣками формулѣ, которая и придала постановленію парламента силу законодательнаго акта: — soit droit fait come est desiré [2]).

---

1) По замѣчанію Кока, слова „sovereign power“ — „заключаютъ въ себѣ magnum in parvo. Ихъ предлагаютъ сдѣлать заключеніемъ нашей Петиціи. Это очень важно, ибо, говоря прямо, слова эти ниспровергаютъ всю нашу Петицію; они подкапываются подъ всѣ ея части, касаясь и принудительныхъ займовъ, и лишенія свободы, и военнаго постоя; все возвращается въ прежнее положеніе. Посмотрите на всѣ петиціи прежнихъ временъ; онѣ не говорятъ о томъ, въ чемъ состоитъ королевскій суверенитетъ. Я знаю, что прерогатива — признается нашимъ законамъ; но „sovereign power“ — не парламентское выраженіе“. — Пимъ заявилъ: „я не могу говорить по этому вопросу, такъ какъ я не понимаю, что это. Я знаю примѣненіе слова „суверенъ„ къ личности короля, но не къ его власти; да мы и не можемъ „оставлять“ за нимъ „суверенную власть“, такъ какъ мы сами никогда не обладали ею“. — По словамъ Вентворта, принятіе дополненія оставитъ вещи въ еще худшемъ положеніи, чѣмъ онѣ были до сихъ поръ, такъ какъ въ законъ будетъ вписана „суверенная власть“, которой англійское законодательство никогда не знало. — Parliamentary History, II, ст. 352.

2) Формула эта продолжаетъ существовать до настоящаго времени и употребляется лишь въ болѣе правильной транскрипціи, а именно — soit fait comme il est desiré. Она служитъ для утвержденія биллей частнаго характера или интереса, такъ называемыхъ „private bills“. „Петиція о правѣ“, — говоритъ Вильямъ Ансонъ, — „есть единственный статутъ публично-правоваго характера, королевское утвержденіе котораго дано въ выраженіяхъ, употребляемыхъ по отношенію къ частнымъ биллямъ; но Петиція о правѣ въ сущности можетъ быть разсматриваема не столько какъ статутъ, создающій новый законъ, сколько какъ ходатайство (an address) обѣихъ палатъ передъ короною о томъ, чтобы прежніе законы и статуты королевства были соблюдаемы. Быть можетъ, на такое

Вотъ статьи Петиціи о Правѣ [1]), которыя ближайшимъ образомъ относятся къ нашему предмету:

«Статутомъ подъ названіемъ Великая Хартія Вольностей Англіи», гласитъ статья III, «объявлено и узаконено, что ни одинъ свободный человѣкъ не будетъ арестованъ, ни заключенъ въ тюрьму, ни лишенъ насильственнымъ образомъ пользованія своею землею, вольностями и привилегіями, ни поставленъ внѣ закона, или изгнанъ, или иными какими-либо путями ввергнутъ въ разореніе — иначе, какъ въ силу законнаго рѣшенія равныхъ ему лицъ, или по закону страны».

IV. «И въ двадцать восьмомъ году царствованія короля Эдуарда III было объявлено и узаконено властію парламента, что никто, какого-бы званія или состоянія

ходатайство признано было неудобнымъ отвѣчать въ выраженіяхъ согласія на предложеніе новаго закона". W. R. Anson: The Law and Custom of the Constitution. Part I, Parliament (Oxford, 1886), стр. 255. Билли публичнаго интереса (public bills) получаютъ утвержденіе въ формулѣ — Le Roy (или La Reine) le Veult; билли финансовые получаютъ королевское согласіе въ формулѣ — Le Roy (или La Reine) remercie ses bons sujets accepte leur benevolence et ainsi le veult. — Anson, ст. 254—257. — Кстати замѣтимъ, что въ эпоху Республики Кромвелль ввелъ формулы утвержденія на англійскомъ языкѣ, но съ Реставраціей возстановленъ былъ прежній порядокъ. Въ 1706 г. палата лордовъ вотировала билль о замѣнѣ французскаго языка англійскимъ въ процедурѣ утвержденія статутовъ, но палата общинъ отвергла этотъ билль. Franqueville: Le Gouvernement et le Parlement Britanniques (Paris, 1887), т. III, стр. 408.

3) Полный текстъ Петиціи о Правѣ напечатанъ у W. Stubbs, Select Charters; его можно найти также во многихъ сочиненіяхъ по исторіи англійской конституціи, напр. у Creasy: Rise and Progress of the English Constitution (Lon. 1880, ст. 291—295), у Taswell-Langmead, English Constitutional History (3 edit., Lon. 1886, ст. 550—553), у G. Barnett Smith, History of the English Parliament, together with an Account of the Parliaments of Scotland and Ireland (Lond. 1892, т. II, стр. 557—559). Русскій переводъ Петиціи (en regard съ англійскимъ текстомъ) имѣется въ книгѣ А. А. Погорнаго-Подольнаго: Парламентское дѣлопроизводство, по англійскимъ источникамъ. Москва, 1862, вып. 1 (прилож., стр. 1–13). — Англійскій текстъ статей Петиціи о личной свободѣ напечатанъ ниже, въ „Приложеніяхъ".

ни былъ онъ, не долженъ быть лишенъ пользованія своей землею или жилищемъ, ни арестованъ, ни заключенъ въ тюрьму, ни лишенъ наслѣдства, ни подвергнутъ смертной казни, прежде чѣмъ будетъ привлеченъ къ отвѣту въ законномъ установленномъ порядкѣ».

V. «Тѣмъ не менѣе, въ противность смыслу названныхъ статутовъ и другихъ добрыхъ законовъ и статутовъ вашего королевства, предусматривающихъ ту же цѣль, многіе изъ вашихъ подданныхъ были въ послѣднее время подвергаемы тюремному заключенію безъ указанія на то какой-либо причины; и когда въ видахъ освобожденія они, въ силу королевскихъ приказовъ Habeas Corpus, были представляемы вашимъ судьямъ для того, чтобы подвергнуться допросу и выслушать постановленіе суда, и когда тюремные смотрители и лица, содержавшія ихъ подъ стражею, приглашались сообщить о причинахъ ихъ задержанія, никакой причины не было указываемо кромѣ того, что они были задержаны вслѣдствіе спеціальнаго приказанія вашего величества, выраженнаго лордами вашего Тайнаго совѣта, и не смотря на это они были снова отсылаемы въ различныя тюрьмы, не будучи обвиняемы ни въ чемъ, на что они могли бы дать отвѣтъ согласно закону».

Въ виду всего этого «лорды духовные и свѣтскіе и общины, собранные въ парламентъ».... «покорнѣйще просятъ ваше величество, чтобы отнынѣ.... ни одинъ свободный человѣкъ не былъ арестуемъ и подвергаемъ заключенію какимъ-либо изъ упомянутыхъ способовъ» (ст. X).

Петиція о Правѣ принадлежитъ къ числу немногихъ основныхъ актовъ, на которыхъ зиждется англійское конституціонное право, представляя собою одну изъ трехъ составныхъ частей (другія двѣ — Великая Хартія и Билль о Правахъ 1689 г.) того, что́ лордъ Чатамъ назвалъ «Библіею англійской конституціи». Въ част-

ности по отношенію къ личной свободѣ главное значеніе ея состоитъ въ признаніи незаконности какихъ бы то ни было изъятій и исключеній изъ общаго законнаго порядка лишенія свободы, хотя бы эти изъятія дѣлались именемъ высшей исполнительной власти — короля и ближайшихъ его совѣтниковъ, членовъ Тайнаго совѣта. Этотъ важный принципъ получилъ въ утвержденной королемъ Петиціи окончательную санкцію и съ тѣхъ поръ не подвергался оспариванію[1]).

Но самое признаніе принципа бываетъ иногда недостаточнымъ для того, чтобы прочно гарантировать полное практическое осуществленіе его въ жизни. Послѣднее можетъ быть обезпечено лишь при наличности извѣстныхъ условій, которыя дѣлали бы невозможнымъ отступленіе отъ принципа или извращеніе его. Въ области государственной жизни условія эти даются учрежденіями, достоинства которыхъ и опредѣляются именно тѣмъ, насколько они обезпечиваютъ практическое осуществленіе высокихъ задачъ государственнаго управленія, предупреждая и устраняя злоупотребленія закономъ, неисполненіе и обходъ его.

Въ системѣ государственныхъ учрежденій Англіи XVII-го вѣка еще не доставало нѣкоторыхъ условій, которыя гарантировали бы строгое соблюденіе санкціонированнаго Петиціею принципа. На стражѣ его были поставлены судьи, призванные оберегать законность во всѣхъ случаяхъ лишенія свободы, охранять законныя права гражданъ отъ произвольнаго ихъ нарушенія съ чьей-бы то ни было стороны. Средствомъ для этого должно было служить право ихъ требовать указанія основаній лишенія свободы, оцѣнивать достаточность ихъ и, согласно съ этимъ, въ случаѣ ихъ недостаточ-

1) Одно изъ важныхъ проявленій указаннаго принципа составляетъ непризнаніе за англійскою короною права пріостанавливать дѣйствіе процедуры habeas corpus, что можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ въ силу особаго закона. Подробныя соображенія по этому поводу будутъ приведены ниже, въ главѣ III о пріостановкѣ Habeas Corpus Акта.

ности возстановлять незаконно нарушенное право. По отношенію къ арестамъ, производимымъ по распоряженію высшей власти, судьи становились въ положеніе посредниковъ между этою властью и гражданами. Однако высокая роль эта оказалась для нихъ непосильною. Имъ трудно было быть справедливыми и безпристрастными посредниками въ такихъ дѣлахъ потому, что тогда еще не было на лицо главнаго условія безпристрастнаго и справедливаго рѣшенія споровъ между двумя сторонами: — судьи находились въ полной личной зависимости отъ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ (ибо несмѣняемость судей, эта необходимѣйшая основа судейскаго безпристрастія, была установлена лишь въ 1700 г.). При такихъ условіяхъ интересы этой стороны легко могли получать въ глазахъ судей преимущественное значеніе, иногда въ явный ущербъ высшимъ требованіямъ законности, что́ и обнаружилось въ 1629 г., менѣе, чѣмъ черезъ годъ послѣ утвержденія Петиціи о Правѣ.

Давъ свое согласіе на Петицію, Карлъ I не отказался однако отъ своихъ завѣтныхъ цѣлей и, напротивъ, какъ будто еще болѣе ожесточился въ борьбѣ за самовластіе. Основываясь на томъ, что въ Петиціи, въ пунктѣ о произвольномъ обложеніи, не было упомянуто о таможенныхъ пошлинахъ, онъ продолжалъ, какъ и прежде, взимать ихъ по произволу, при чемъ многіе коммерсанты, отказывавшіеся уплачивать ихъ, подвергались тюремному заключенію, а на имущество ихъ налагался арестъ. Не смотря на то, что это составляло несомнѣнное нарушеніе Петиціи (воспрещеніе произвольнаго взиманія какихъ-либо «taxe or such like charge» касалось, конечно, и customs duties), пострадавшіе отъ произвола не могли получить удовлетворенія въ судахъ, которые ссылались на одно судебное рѣшеніе 1606 года. Эти и другія произвольныя мѣры явились предметомъ горячихъ протестовъ со стороны палаты общинъ. Оппозиція ея становилась все болѣе ненавистной Карлу I,

который и сдѣлалъ распоряженіе объ отсрочкѣ засѣданій парламента на нѣсколько дней. Болѣе рѣшительные члены оппозиціи, считая, что рѣшеніе вопроса объ отсрочкѣ въ теченіе сессіи составляетъ право и привилегію самой палаты, выступили по этому поводу съ рѣзкими заявленіями, а когда спикеръ пожелалъ во исполненіе предписанія короля оставить свое кресло, нѣкоторые члены силою заставили его остаться на своемъ мѣстѣ. Эта бурная сцена побудила короля, уже не ограничиваясь отсрочкою засѣданій, совершенно распустить парламентъ (10 марта 1629 г.).

За нѣсколько дней до распущенія Эліотъ, Сельденъ, Голльсъ, Валентинъ и другіе участники бурной сцены (всего девять человѣкъ) были арестованы и подвергнуты заключенію въ Тоуеръ, Марчельзи и другихъ тюрьмахъ. Двое изъ нихъ были освобождены послѣ перваго же допроса; по отношенію къ остальнымъ рѣшено было возбудить преслѣдованіе, подвергнувъ ихъ суду Королевской Скамьи (сначала имѣлось въ виду предать ихъ суду Звѣздной Палаты, но это было признано неудобнымъ). Главный интересъ этого процесса[1]), съ конституціонной точки зрѣнія, состоялъ въ вопросѣ о такъ называемой привилегіи парламента, — могутъ-ли члены парламента быть судимы обыкновеннымъ судомъ за дѣйствія, совершенныя ими въ засѣданіи парламента. Въ то время вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ и обвиняемые были присуждены къ значительному денежному штрафу[2]). Но для насъ въ данномъ случаѣ наибольшій интересъ этого процесса

1) Подробности его см. у Gardiner, т. VII, стр. 77—123. Hallam, Const. Hist., т. II, ст. 2—6.

2) Впослѣдствіи, въ 1641 г., Долгій Парламентъ особыми резолюціями призналъ это преслѣдованіе незаконнымъ, противнымъ парламентской привилегіи и назначилъ обвиненнымъ или наслѣдникамъ уже умершихъ изъ нихъ по 5.000 фун. ст. въ возмѣщеніе понесенныхъ ими убытковъ и непріятностей по незаконному преслѣдованію. Parliamentary History, т. II, стр. 876—877. — Andrew Amos: The English Constitution in the Reign of king Charles II. Lon., 1857, стр. 175.

заключается въ деталяхъ, касающихся процедуры Habeas Corpus.

Черезъ два мѣсяца послѣ ареста, 6 мая 1629 г., заключенные обратились въ судъ Королевской Скамьи съ просьбою о выдачѣ приказа Habeas Corpus. При этомъ обнаружилось, что первоначальное распоряженіе объ арестѣ не заключало въ себѣ указанія на причину его, такъ какъ правительство находило, что Петиція о Правѣ обязываетъ дѣлать это указаніе лишь въ случаѣ требованія Habeas Corpus. Въ виду этого было издано новое дополнительное распоряженіе, въ которомъ основаніями ареста показаны — «явное неповиновеніе королю и его правительству и возбужденіе мятежа». Цѣлью заключенныхъ, при требованіи Habeas Corpus, было добиться освобожденія на-поруки. Приказъ былъ выданъ, но разсмотрѣніе отзыва на него было откладываемо. Наконецъ, 5 іюня повѣренный заключенныхъ, Литтльтонъ, получилъ возможность предъявить суду ходатайство объ освобожденіи его кліентовъ на-поруки и подробно доказалъ, что взводимыя на нихъ обвиненія, не представляя собою государственной измѣны, вполнѣ допускаютъ освобожденіе подъ поручительствомъ. Вмѣсто немедленнаго рѣшенія этого вопроса начались новыя проволочки. Судьи были въ нерѣшительности. Признавая доводы Литтльтона вполнѣ основательными, они по совѣсти считали себя не въ правѣ отказать въ удовлетвореніи ходатайства заключенныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они не желали возбудить противъ себя неудовольствіе короля. Въ виду этого они обратились къ королю съ письменнымъ заявленіемъ о томъ, что «по долгу присяги они обязаны освободить обвиняемыхъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ однако просили его указаній. Король потребовалъ, что бы они не рѣшали «столь важнаго вопроса», не посовѣтовавшись предварительно съ судьями другихъ судовъ. Послѣдніе однако уклонились высказаться по вопросу, въ рѣшеніи котораго они не принимаютъ участія. Между тѣмъ время шло и вскорѣ должны

были наступить лѣтнія продолжительныя вакаціи. Къ тому же король распорядился о переводѣ заключенныхъ въ Марчельзи изъ этой тюрьмы въ Тоуеръ, такъ что въ день, назначенный для слушанія дѣла, смотритель Марчельзи заявилъ, что подсудимые не могли быть доставлены имъ въ судъ, такъ какъ въ его тюрьмѣ ихъ нѣтъ. Въ слѣдующее засѣданіе суда, 25 іюня, заключенные также не были доставлены въ виду того, что смотрителю Тоуера было предписано не приводить ихъ. 26 іюня наступало вакаціонное время, и судъ ограничился постановленіемъ о приводѣ обвиняемыхъ по окончаніи вакацій.

Вакаціонное время оканчивалось 9 октября. Но еще въ началѣ сентября на совѣщаніи нѣсколькихъ членовъ правительства рѣшено было освободить заключенныхъ на-поруки, но не иначе какъ подъ условіемъ, что они представятъ обязательство «хорошаго поведенія» (good behaviour), т. е. что они обязуются, будучи на свободѣ, не возбуждать недовольства противъ правительства. Подъ этимъ условіемъ судьямъ предложено было отпустить заключенныхъ даже раньше 9 октября. Давая это разрѣшеніе судьямъ, король предупредилъ ихъ, что если заключенные откажутся принять его милость, то они не получатъ свободы до тѣхъ поръ, пока не признаютъ своей вины. 3 октября они были приведены въ судъ, но условіе относительно обязательства хорошаго поведенія «они признали смертельною обидою, такъ какъ оно обыкновенно требуется только отъ содержателей безчинныхъ домовъ, отъ женщинъ распутнаго поведенія или шумныхъ буяновъ» [1]). Принять освобожденіе подъ такимъ унизительнымъ условіемъ они отказались. Между тѣмъ съ наступленіемъ 9 октября, законнаго срока открытія судебнаго періода, заключенные могли снова предъявить требованіе объ освобожденіи, а это ставило судей въ затруднительное положеніе въ виду

1) Gardiner, VII, ст. 110.

указаннаго предупрежденія короля. Судьи настойчиво просили Карла I отмѣнить свое рѣшеніе и дозволить освобожденіе, хотя однако съ тѣмъ же обязательствомъ хорошаго поведенія. Король уступилъ, но заключенные и 9 октября рѣшительно отказались отъ освобожденія подъ этимъ условіемъ, не смотря на доводы судей о неважности этого условія и на угрозы главнаго судьи, что если они и теперь откажутся отъ королевской милости, то они могутъ просидѣть въ тюрьмѣ, пожалуй, и цѣлыхъ семь лѣтъ [1]). Такимъ образомъ освобожденіе подсудимыхъ такъ и не состоялось, не смотря на убѣжденіе судей въ полной законности этого права ихъ.

Значеніе процесса Эліота, Сельдена и др., съ точки зрѣнія исторіи института Habeas Corpus, какъ гарантіи личной свободы, состоитъ въ томъ, что онъ еще разъ рѣзко выдвинулъ тѣ несовершенства, тѣ слабыя стороны этого института common law, которыя дѣлали возможными злоупотребленія въ его практикѣ, ослаблявшія жизненное значеніе его гарантій. Эти несовершенства были бы не такъ замѣтны, если бы стремленіе пользоваться ими и употреблять ихъ во зло не встрѣчало поддержки въ зависимомъ положеніи судей, которое мѣшало имъ стоять на высотѣ той охранительной роли, какая возлагалась на нихъ существомъ дѣла. Изложивъ подробности процесса Эліота, Гардинеръ высказываетъ нѣсколько общихъ замѣчаній по поводу его. «Значеніе его для ближайшаго будущаго», — говоритъ онъ,[2]) — заключалось въ молчаливомъ отказѣ судей отъ той высокой власти, которую общины ввѣрили имъ въ 1628 г. Они отказались быть посредниками между королемъ и націей. Они предпочли стать въ то положеніе, какое

1) Gardiner, т. VII, ст. 111. — Эліотъ умеръ въ тюрьмѣ въ 1632 г. Валентинъ и Стродъ, также не пожелавшіе пріобрѣсти свободу цѣною унизительныхъ условій, оставались въ заключеніи до созванія такъ называемаго „Краткаго парламента“ въ апрѣлѣ 1640 года. Сельденъ былъ освобожденъ въ 1633 г.

2) Gardiner, т. VII, ст. 123.

Бэконъ удѣлялъ имъ, — въ положеніе львовъ у подножья трона, на которыхъ лежитъ обязанность охранять тронъ отъ нападеній. Все, что было завоевано Петиціею о Правѣ, казалось, въ одно мгновеніе было утрачено. Къ чему могла послужить готовность судей требовать обозначенія причины лишенія свободы, если они были готовы удовольствоваться показною причиною, какова бы она ни была? Петиція установила великій принципъ, но для того, чтобы онъ могъ выразиться во всѣхъ своихъ логическихъ послѣдствіяхъ, нужны были дѣятельныя усилія будущихъ парламентовъ».

Логическимъ послѣдствіемъ этого принципа по отношенію его къ личной свободѣ должно было явиться упроченіе института Habeas Corpus и устраненіе тѣхъ несовершенствъ его, которыя были выяснены продолжительною практикою. Цѣль эта и была достигнута въ 1679 г. изданіемъ особаго законодательнаго акта, регулирующаго процедуру Habeas Corpus.

Какъ ни знаменательна въ политической исторіи Англіи эпоха, лежащая между указанною датою и временемъ, на которомъ остановилось наше изложеніе, о ней намъ придется сказать немного, такъ какъ по отношенію къ ближайшему предмету настоящаго изслѣдованія — судьбамъ института Habeas Corpus — она не ознаменовалась чѣмъ-либо выдающимся. Ближайшіе годы ея (1629—1640) составляютъ періодъ «самовластія» (personal government) Карла I, который, распустивъ парламентъ послѣ указанной бурной сцены, въ теченіе одиннадцати лѣтъ не созывалъ новаго. Эти годы были, конечно, мало благопріятны развитію какихъ бы то ни было гарантій отъ произвола въ самыхъ разнообразныхъ его формахъ. Неотложныя матеріальныя потребности побудили наконецъ короля послѣдовать совѣту относительно созванія парламента. Сессія его, открывшаяся 13 апрѣля 1640 г., оказалась однако весьма непродолжительною: 5 мая этотъ «Краткій парламентъ» былъ распущенъ королемъ въ виду того, что

вотировать значительныя денежныя субсидіи, требуемыя Карломъ I, общины соглашались не иначе, какъ подъ условіемъ удовлетворенія ихъ ходатайствъ, на которыя король не желалъ согласиться. Сдѣланъ былъ новый опытъ обойтись безъ парламента, при чемъ вопросъ о денежныхъ средствахъ король надѣялся разрѣшить путемъ созванія въ Іоркѣ «Большаго Совѣта», къ которому были призваны одни пэры. Но этотъ Совѣтъ призналъ себя въ правѣ лишь посовѣтовать королю созвать новый парламентъ, что и пришлось исполнить въ виду безвыходнаго положенія.

Этотъ парламентъ, открытый 3 ноября 1640 г. и извѣстный въ исторіи подъ именемъ «Долгаго», имѣлъ вообще рѣшающее значеніе для дальнѣйшаго политическаго развитія Англіи. Въ частности онъ оставилъ слѣдъ и по отношенію къ развитію гарантій личной свободы и института Habeas Corpus. Однимъ изъ актовъ 1641 г. были упразднены Звѣздная Палата, судъ Верховной Коммиссіи и другія учрежденія съ юрисдикціею чрезвычайнаго характера. Этотъ актъ, упомянувъ во вступленіи о Великой Хартіи и позднѣйшихъ статутахъ, изданныхъ въ охрану свободы личности и права собственности, возвѣстилъ старинный конституціонный принципъ, по которому «ни король, ни его Тайный Совѣтъ не имѣютъ и не должны имѣть какой-либо юрисдикціи или власти, какимъ-либо произвольнымъ образомъ, производить разслѣдованія, постановлять рѣшенія и распоряжаться землями и имуществомъ кого-либо изъ подданныхъ королевства, которые должны быть судимы въ обыкновенныхъ судахъ въ обыкновенномъ законномъ порядкѣ» (in the ordinary courts of justice, and by the ordinary course of the law).[1]) Этимъ статутомъ уничтожено было одно изъ самыхъ сильныхъ орудій произвола, не мирившееся съ какими-либо гарантіями правъ

1) Актъ этотъ обозначается: 16 Car. I, cap. 10; полное названіе его — Act for the regulating of the Privy Council and for taking away the Court commonly called the Star-Chamber.

и законности. Характеризуя общее значеніе этой мѣры, Галламъ говоритъ: «статутъ, уничтожавшій Звѣздную Палату, предоставилъ каждому такую обезпеченность, какой не могли бы дать никакія другія мѣры и которой уже никакое правительство не могло бы нанести существеннаго ущерба. Хотя царствованія послѣднихъ двухъ Стюартовъ также вызывали справедливое негодованіе и были отмѣчены различными произвольными мѣрами, однако, принявъ во вниманіе, какъ число, такъ и важность случаевъ нарушенія ими закона и вообще степень угнетенія при нихъ, нельзя не признать, что оно значительно уступало тому деспотизму, который практиковался какъ при Тюдорахъ, такъ и при первыхъ двухъ корояхъ династіи Стюартовъ».[1])

Нѣкоторыя постановленія акта, упразднявшаго Звѣздную Палату, были спеціально посвящены институту Habeas Corpus[2]). Они продиктованы были желаніемъ обезпечить большую дѣйствительность его и устранить тѣ злоупотребленія, которыя часто практиковались. Лишая Тайный совѣтъ судебной юрисдикціи, статутъ 1641 г. сохранялъ однако за нимъ право производства арестовъ и предварительныхъ дознаній. Онъ имѣлъ въ виду лишь точнѣе опредѣлить границы этого права и предупредить возможныя злоупотребленія имъ. «Если кто либо», — гласитъ ст. 3 этого акта — «будетъ арестованъ, ограниченъ въ своей свободѣ или подвергнутъ заключенію по личному распоряженію или приказу королевскаго величества, его наслѣдниковъ или преемниковъ, или по распоряженію или приказу совѣта или кого-либо изъ членовъ королевскаго Тайнаго совѣта, то во всѣхъ такихъ случаяхъ каждому, такъ арестованному, ограниченному въ своей свободѣ или заключенному лицу, по просьбѣ или ходатайству его повѣреннаго или другаго кого, предъявленному судамъ Коро-

1) Hallam, Const. Hist., т. II, стр. 102.

2) Текстъ статей акта 1641 г., касающихся Habeas Corpus, напечатанъ ниже, въ „Приложеніяхъ“.

левской Скамьи или Общихъ Тяжбъ, долженъ, безъ промедленія подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и за обычную въ такихъ случаяхъ плату, быть выданъ приказъ Habeas Corpus, обращаемый къ шерифу-ли, тюремщику, или другому какому-либо лицу, подъ стражей котораго находится арестованный или заключенный». Это постановленіе, такимъ образомъ, направлено противъ какихъ-либо промедленій въ выдачѣ приказа и противъ произвольныхъ поборовъ за него. Дальнѣйшія постановленія говорятъ объ обязанности лица, къ которому обращенъ приказъ, доставить заключеннаго въ судъ, его выдавшій; однако срокъ этого доставленія не предусматривается, а между тѣмъ промедленія въ выполненіи приказа составляли одно изъ наиболѣе частыхъ злоупотребленій. Въ отзывѣ на приказъ должна быть «удостовѣрена истинная причина (the true cause) заключенія». По представленіи отзыва судъ долженъ въ теченіе (т. е. не позже) трехъ присутственныхъ дней (within three court days) разсмотрѣть отзывъ и «опредѣлить, основательна и законна, или нѣтъ представленная въ отзывѣ причина заключенія», а затѣмъ, согласно съ результатами разсмотрѣнія дѣла, отпустить заключеннаго, или освободить его на-поруки, или же отправить обратно въ заключеніе. Указаніе обязательнаго трехдневнаго срока для разсмотрѣнія отзыва Habeas Corpus являлось значительнымъ усовершенствованіемъ, такъ какъ при такихъ условіяхъ уже дѣлались невозможными тѣ проволочки, какія имѣли мѣсто въ разсмотрѣнномъ выше дѣлѣ Эліота, Сельдена и др. Шагомъ впередъ было и заключительное постановленіе акта 1641 г. о томъ, что лица (судьи, тюремные смотрители), злонамѣренно (wilfully) нарушающія предписанія акта и дѣйствующія противно его истинному смыслу, подлежатъ уплатѣ потерпѣвшему убытковъ въ тройномъ размѣрѣ, по иску съ его стороны, право предъявленія котораго сохраняется за нимъ въ теченіе двухъ

лѣтъ[1]). — Однако, какъ ни существенны изложенныя постановленія акта, они были еще далеко недостаточны для того, чтобы упрочить окончательно дѣйствительность процедуры Habeas Corpus.

Минуя годы вспыхнувшей вскорѣ послѣ этого революціи, междоусобной войны между королемъ и парламентомъ, установленія республики[2]) и протектората Кромвеля, мы обратимся къ эпохѣ Реставраціи въ 1660 г., когда на престолъ снова была призвана династія Стюартовъ, въ лицѣ Карла II. Сдѣлать это мы имѣемъ тѣмъ большее основаніе, что въ исторіи англійскаго законодательства весь этотъ періодъ считается

---

1) Broom, Constitutional Law etc., стр. 211—213.

2) Amos (English Constitution in the Reign of King Charles II, стр. 175) говоритъ, что въ эпоху республики приказъ Habeas Corpus признавался дѣйствительнымъ средствомъ къ охранѣ свободы отъ неосновательныхъ ограниченій ея правительствомъ. Онъ приводитъ случай нѣкоего Стрэтера, заключеннаго въ 1653 г. въ Гэтъ-гаузѣ; онъ безпрепятственно получилъ приказъ Habeas Corpus, при чемъ въ отзывѣ на приказъ были указаны два распоряженія о заключеніи Стрэтера. Одно (помѣченное 12 сент. 1653 г.) было сдѣлано государственнымъ совѣтомъ, подписано президентомъ и тремя членами и гласило, что Джонъ Стрэтеръ подвергается аресту „за опубликованіе мятежныхъ памфлетовъ противъ государства“ (for publishing seditious pamphlets against the State). Другое распоряженіе дано было за подписью спикера (помѣчено 21 ноябр. 1653 г.), безъ указанія причинъ ареста, а съ указаніемъ лишь на ордеръ парламента о производствѣ его, при чемъ смотрителю тюрьмы предписывается держать арестованнаго въ строгомъ заключеніи до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ освобожденъ новымъ ордеромъ парламента. Судья, къ которому былъ доставленъ Стрэтеръ въ силу приказа Habeas Corpus, призналъ нужнымъ, въ виду распоряженія парламента, отправить его назадъ въ тюрьму. Но въ концѣ 1653 года парламентъ былъ распущенъ, и 23 января Стрэтеръ снова просилъ о выдачѣ ему приказа Habes Corpus. Приказъ былъ выданъ, съ повелѣніемъ представить отзывъ 26 января Разсмотрѣвъ представленный отзывъ съ двумя указанными распоряженіями, судья нашелъ, что первое изъ нихъ — „слишкомъ обще (too general), такъ какъ оно не указываетъ, о какихъ именно книгахъ говорится, чьи это книги, ни гдѣ и когда онѣ были изданы“. Второе распоряженіе основывается на ордерѣ парламента и теряетъ свою силу за распущеніемъ его. Въ виду этого Стрэтеру возвращена была полная свобода.

какъ бы не имѣвшимъ мѣста: всѣ статуты, изданные въ годы революція и республики, объявлены недѣйствительными, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые позднѣе были подтверждены спеціальными парламентскими актами.

Хотя царствованіе Карла II и не ознаменовалось такими систематическими произвольными мѣрами, которыя характеризуютъ время правленія первыхъ двухъ Стюартовъ, однако и при немъ бывали нерѣдко случаи нарушенія основныхъ правъ личности, освященныхъ Великой Хартіей и подкрѣпленныхъ Петиціей о Правѣ. Въ особенности это примѣнимо къ первому періоду его царствованія, когда во главѣ правленія стоялъ графъ Кларендонъ. Въ 1667 г. противъ послѣдняго палата общинъ возбудила преслѣдованіе по обвиненію въ государственной измѣнѣ, и онъ былъ приговоренъ къ изгнанію. Одинъ изъ семнадцати пунктовъ обвиненія (пунктъ IV.) гласилъ [1]), что многихъ онъ подвергалъ «противозаконному заключенію на отдаленныхъ островахъ, въ гарнизонныхъ крѣпостяхъ (in garrisons) и другихъ мѣстахъ, этимъ лишалъ ихъ покровительства законовъ и создавалъ прецеденты для подобныхъ же заключеній всякаго другаго изъ подданныхъ его величества». Такъ, напр., многіе офицеры старой арміи были заподозрѣны въ заговорѣ и подвергнуты (безъ суда) многолѣтнему тюремному заключенію, изъ котораго освободились лишь послѣ паденія Кларендона. Онъ широко развилъ систему доносовъ, и многіе были арестованы и томились въ заключеніи безъ всякой съ ихъ стороны вины; въ его время отъ нѣкоторыхъ судей почти невозможно было получить Habeas Corpus. Въ связи съ этимъ необходимо отмѣтить чрезвычайную продолжительность предварительнаго заключенія, до суда. Генри Венъ находился въ заключеніи въ теченіе двухъ лѣтъ прежде, чѣмъ подвергнуться суду. Полковникъ Гутчинсонъ одинъ-

1) Parlamentary History, т. IV (1660—1688), Lon. 1808, стр. 377.

надцать мѣсяцевъ просидѣлъ въ отдаленной крѣпости Sanoway Down, не будучи подвергаемъ суду, и умеръ въ заключеніи[1]).

Вотъ эти-то произвольныя мѣры въ періодъ управленія графа Кларендона и послужили ближайшимъ поводомъ къ проведенію Habeas-Corpus Акта. Онѣ еще разъ напомнили о тѣхъ недостаткахъ, которые составляли наиболѣе слабую сторону въ системѣ гарантій личной свободы, и возбудили мысль объ изданіи особаго статута въ видахъ болѣе прочнаго устраненія этихъ недостатковъ. Связь между этою идеею и характеромъ управленія графа Кларендона впервые установилъ Галламъ,[2]) тогда какъ прежде изданіе этого акта (въ 1679 г.) ставили въ причинную связь съ дѣломъ Дженкса (1676 г.). Въ основательности взгляда Галлама убѣждаетъ уже простое сопоставленіе слѣдующихъ данныхъ. Первая попытка къ достиженію, законодательнымъ путемъ, тѣхъ цѣлей, которыя впослѣдствіи получили осуществленіе въ знаменитомъ актѣ, имѣла мѣсто за долго до названнаго дѣла. Первый законопроэктъ, съ цѣлью «воспрепятствовать отказамъ въ выдачѣ приказа Habeas Corpus», былъ внесенъ въ палату общинъ 10 апрѣля 1668 года — т.-е. за восемь лѣтъ до процесса Дженкса, съ одной стороны, и очень скоро послѣ паденія Кларендона — съ другой. Авторамъ законопроэкта не удалось провести его черезъ комитетъ въ эту сессію, и вотъ, въ слѣдующую сессію 1669—1670 года былъ представленъ съ тою же цѣлью новый билль; но и онъ не обратился въ законъ, такъ какъ палата лордовъ отказалась принять его. Въ 1673 — 4 г. нижней палатой были вотированы два билля — одинъ о воспрепятствованіи тюремныхъ заключеній внѣ предѣловъ собственно Англіи (beyond the seas), другой — о болѣе дѣйствительномъ примѣненіи приказа Habeas Corpus

1) Hallam, т. II, 368. Amos, ст. 178.
2) Hallam, т. III, ст. 11.

въ уголовныхъ дѣлахъ. Эти самые или подобные билли доходили и въ 1675 году до палаты лордовъ, но опять-таки не были приняты ею [1]).

Въ слѣдующемъ году имѣло мѣсто упомянутое дѣло Дженкса. Вотъ [2]) вкратцѣ въ чемъ оно состояло. 24 іюня 1676 въ Гильдголлѣ происходило собраніе членовъ городскихъ корпорацій для выборовъ должностныхъ лицъ. По этому поводу одинъ изъ присутствующихъ, торговецъ полотняными издѣліями, Франсисъ Дженксъ произнесъ рѣчь, въ которой жаловался на упадокъ и застой въ торговыхъ дѣлахъ, что онъ приписывалъ между прочимъ бездѣятельности законодательства, обусловленной тѣмъ, что сессія парламента была въ ноябрѣ 1675 г. отсрочена на продолжительный пятнадцатимѣсячный періодъ. Въ виду этого онъ и предложилъ представить королю отъ имени городскаго управленія петицію о скорѣйшемъ созваніи парламента для удовлетворенія многихъ нуждъ населенія. Предложеніе Дженкса встрѣтило восторженное сочувствіе присутствующихъ, но правительству не понравилось. Черезъ четыре дня Дженксъ былъ вызванъ въ Тайный Совѣтъ, гдѣ, при участіи короля, онъ и былъ подвергнутъ допросу относительно его рѣчи и предложенія подать петицію о созывѣ парламента. Считая право подавать петиціи безспорною принадлежностью каждаго, Дженксъ не призналъ въ своемъ образѣ дѣйствій ничего предосудительнаго и противозаконнаго. Тайный Совѣтъ, не встрѣтивъ со стороны Дженкса желательной покорности, призналъ объясненія его неудовлетворительными и сдѣлалъ распоряженіе о задержаніи его и отправкѣ въ тюрьму Гэтгаусъ. Въ приказѣ объ арестѣ Дженкса, адресованномъ смотрителю этой тюрьмы и подписанномъ двадцатью-однимъ членомъ Тайнаго Совѣта, указывалось, во первыхъ, что означенный Дженксъ «самымъ бунтов-

1) Hallam, ibid.
2) Amos, стр. 180—187; Broom, стр. 213—215.

скимъ и мятежнымъ образомъ» (in a most seditious and mutinous manner) въ собраніи для выборовъ должностныхъ лицъ, — «что было единственнымъ предметомъ этого собранія», — возбудилъ предложеніе относительно подачи королю петиціи о созывѣ новаго парламента, и во-вторыхъ, что онъ, будучи призванъ въ Совѣтъ, «не только не отвергалъ и не пытался ослабить значеніе своего проступка, но самоувѣреннымъ и дерзкимъ образомъ старался оправдать его»; въ виду этого смотрителю тюрьмы предписывалось держать Дженкса въ строгомъ заключеніи «до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ освобожденъ законнымъ порядкомъ» (by due course of law).

Дженксъ считалъ себя лишеннымъ свободы неправильно и признавалъ за собою, во всякомъ случаѣ, право быть отпущеннымъ на-поруки. Вслѣдствіе этого онъ тотчасъ же обратился къ Главному Судьѣ Королевской Скамьи съ просьбою о выдачѣ приказа Habeas Corpus, но въ этомъ ему было отказано въ виду того, что наступило вакаціонное время [1]). Тогда съ ходатайствомъ о выдачѣ приказа обратились къ Лорду-Канцлеру, при чемъ указано было на авторитетъ лорда Кока, говорящаго въ своихъ Institutes, что канцлерскій судъ есть Officina Justitiae, что онъ всегда открытъ и что въ случаѣ противозаконнаго лишенія свободы въ вакаціонное время Лордъ-Канцлеръ можетъ выдать habeas corpus и тѣмъ обезпечить законное удовлетвореніе. Однако и Лордъ-Канцлеръ Ноттингэмъ, сказавъ, что «лордъ Кокъ не непогрѣшимъ», также отказалъ въ выдачѣ приказа подъ предлогомъ вакаціоннаго времени.

---

1) По отношенію къ дѣятельности судовъ уже съ древнѣйшихъ временъ годъ раздѣлялся на четыре термина (terms) или судебныя сессіи. Промежутки между сессіями составляютъ Vacation-time, вакаціонное время. Наболѣе продолжительный промежутокъ раздѣлялъ весенній терминъ отъ осенняго (съ іюня по октябрь). Это дѣленіе судебнаго года сохраняется и въ современной судебной организаціи, хотя уже и не имѣетъ прежняго значенія (см. объ этомъ въ главѣ II).

Дженксомъ и его друзьями сдѣланы были новыя попытки добиться его освобожденія, чрезъ посредство секретаря Тайнаго Совѣта, но все было напрасно. Тщетнымъ оказалось и обращеніе въ вестминстерскій мировой съѣздъ, который имѣлъ тогда четвертную сессію: хотя тюрьма Гэтгаузъ и входила въ его юрисдикцію, однако мировые судьи отказались какъ освободить Дженкса на поруки (на томъ основаніи, что онъ былъ арестованъ по приказу высшаго учрежденія), такъ и разобрать его дѣло, потому что онъ не значился въ спискѣ обвиняемыхъ, дѣла которыхъ были назначены въ эту сессію. Послѣ этихъ неудачъ Дженксу оставалось только ожидать конца лѣтнихъ вакацій и наступленія осенней сессіи, когда въ выдачѣ приказа Habeas Corpus ему уже не могло быть отказано. Однако его признали за лучшее отпустить еще до наступленія сессіи во избѣжаніе тѣхъ неудобствъ, которыя могло вызвать и безъ того уже слишкомъ продолжительное заключеніе въ тюрьмѣ безъ суда. Всего Дженксу пришлось пробыть въ немъ около четырехъ мѣсяцевъ.

Изложенное дѣло снова обнаружило многія неудобства существовавшаго порядка обезпеченія свободы при посредствѣ процедуры Habeas Corpus. Если, какъ вѣрно отмѣтилъ Галламъ, и не оно послужило поводомъ къ первоначальному возбужденію вопроса объ изданіи спеціальнаго закона о процедурѣ Habeas Corpus, то за нимъ во всякомъ случаѣ нельзя отрицать извѣстнаго значенія для акта 1679, хотя изданіе послѣдняго и отдѣляетъ отъ дѣла Дженкса трехлѣтній промежутокъ. Значеніе его проглядываетъ въ томъ, что нѣкоторыя постановленія акта 1679 года продиктованы очевиднымъ желаніемъ предупредить повтореніе случаевъ, подобныхъ отказамъ, испытаннымъ Дженксомъ.

Обращаясь къ самому акту 1679 г., мы прежде всего должны отмѣтить, что о проведеніи его въ исторической литературѣ имѣются лишь весьма скудныя

свѣдѣнія[1]). Повидимому, основою его послужили упомянутые выше проекты 1673—4 г., которые были соединены въ одинъ билль. Принятіе его палатою общинъ послѣдовало безъ затрудненій, но въ палатѣ лордовъ онъ встрѣтилъ сильную оппозицію, такъ что понадобились совмѣстныя совѣщанія или «конференціи» обѣихъ палатъ[2]). Любопытно однако, что главнымъ сторонникомъ билля явился членъ верхней палаты, лордъ Шефтсбёри, которому и приписываютъ честь успѣшнаго проведенія Habeas Corpus Акта[3]). Этотъ государственный дѣятель, стоявшій въ то время во главѣ оппозиціи, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ былъ самъ подвергнутъ заключенію въ Тоуерѣ и, лично испытавъ недостатки существовавшаго порядка обезпеченія свободы, убѣдился въ необходимости изданія парламентскаго статута о процедурѣ Habeas Corpus[4]).

Оппозиція лордовъ была настолько значительна, что биллю грозила неудача; она была устранена лишь благодаря комической случайности, сопровождавшей окончательное голосованіе его въ верхней палатѣ. Вотъ

---

1) Въ одномъ изъ главныхъ источниковъ для парламентской исторіи, — Cobbett's Parliamentary History of England, мы не находимъ рѣшительно никакихъ данныхъ объ обсужденіи билля, а встрѣчаемъ только краткое упоминаніе объ утвержденіи его королемъ. См. т. IV, ст. 1148. — Весьма мало свѣдѣній даетъ этотъ трудъ и о болѣе раннихъ попыткахъ проведенія Habeas Corpus Акта, между 1668 и 1675 г.; лишь по отношенію къ биллю 1673—1674 г. находимъ краткій очеркъ преній въ палатѣ общинъ и указаніе на его принятіе (ibid., 661—662 и 665).

2) Parl. Hist., ibid., ст. 1149, примѣчаніе.

3) По словамъ A. Амоса (English Constitution in the Reign of Charles II, стр. 191), „главнымъ авторомъ Habeas Corpus Акта былъ безъ сомнѣнія лордъ Шефтсбёри, и самый актъ въ теченіе многихъ лѣтъ называли даже по его имени — „Lord Shaftesbury's Act". — Съ другой стороны Лингардъ, упомянувъ о неудачѣ прежнихъ биллей, говоритъ: „если актъ прошелъ въ эту сессію (1679 г.), то этимъ благодѣяніемъ мы обязаны главнымъ образомъ усиліямъ Шефтсбёри". John Lingard: A History of England. 4. edition, P. 1831, т. XIII, стр. 133.

4) Amos, стр. 177—178.

что сообщаетъ объ этомъ современное свидѣтельство, передаваемое Бёрнетомъ, который былъ впослѣдствіи епископомъ солсберійскимъ и слѣдовательно самъ засѣдалъ въ палатѣ лордовъ. «Въ палатѣ лордовъ, — говоритъ онъ[1]), — этотъ актъ прошелъ благодаря странной продѣлкѣ. Для счета голосовъ назначены были лордъ Грей и лордъ Норрисъ. Послѣдній отличался разсѣянностью и не всегда относился со вниманіемъ къ тому, что дѣлалъ. Когда наступила очередь одного очень толстаго лорда, Грей сосчиталъ его за десять; онъ сдѣлалъ это въ шутку, но, видя, что лордъ Норрисъ не замѣтилъ этого, такъ и оставилъ цифру десять. Сдѣланъ былъ подсчетъ голосовъ, и палатѣ заявлено, что на сторонѣ билля оказалось большинство, тогда какъ на самомъ дѣлѣ большинство было на противоположной сторонѣ». Какъ ни мало правдоподобенъ этотъ эпизодъ, вѣрность разсказа Бёрнета подтверждается сопоставленіемъ, по протоколамъ палаты лордовъ, числа присутствовавшихъ въ тотъ день лордовъ съ общимъ итогомъ поданныхъ голосовъ[2]).

Королевское утвержденіе билль получилъ наканунѣ распущенія парламента, 26 мая 1679 г. Оно было дано безъ сопротивленія, но, какъ думаютъ[3]), не потому, что бы Карлъ II не желалъ отказать въ своемъ согласіи на него, а потому что считалъ неполитичнымъ наложить свое veto на популярный законъ наканунѣ общихъ выборовъ, на которыя король возлагалъ надежду добиться благопріятнаго своимъ видамъ рѣшенія вопроса о престолонаслѣдіи.

---

1) Bishop Burnet's History of his own Time from the Restoration of King Charles II to the Conclusion of the Treaty of Peace at Utrecht, in the Reign of Queen Anne. Vol. II (Lon. 1753), стр. 121.

2) Amos, стр. 190.

3) Macaulay, History of England from the Accession of James II (изданіе Таухница, Лейпцигъ, 1849), т. I, стр. 245.

Полное названіе акта таково — An Act for the better Securing the Liberty of the Subject, and for Prevention of Imprisonments beyond the Seas, т. е. — «Актъ въ видахъ лучшаго обезпеченія свободы личности и предупрежденія заключеній за моремъ (внѣ предѣловъ собственно Англіи)». Но это названіе употребляется весьма рѣдко; взамѣнъ его широко привилось сокращенное наименованіе — Habeas Corpus Act[1]).

Постановленія этого акта, сохраняя свою силу до сихъ поръ, составляютъ часть дѣйствующаго права. Подробному разсмотрѣнію установленнаго ими порядка посвящена слѣдующая глава нашей работы, въ виду чего мы, не касаясь подробностей этихъ постановленій, здѣсь отмѣтимъ лишь общее значеніе и главныя черты ихъ.

Напрасно было бы искать въ Habeas Corpus Актѣ какого-либо новаго, неизвѣстнаго дотолѣ англійскому праву, принципа. Галламъ вполнѣ основательно считаетъ ошибочнымъ (и въ эту ошибку впадаютъ, по его словамъ, «не только иностранцы, но и многіе изъ тѣхъ, въ комъ можно было бы ожидать нѣкотораго знанія англійскихъ конституціонныхъ законовъ») — считаетъ ошибочнымъ представленіе о томъ, что «статутъ Карла II въ значительной степени расширилъ вольности англичанъ и составляетъ какъ бы эпоху въ ихъ исторіи»[2]). И въ самомъ дѣлѣ, основная идея этого статута — святость и неприкосновенность личной свободы — далеко не нова: она была заявлена уже въ Великой Хартіи 1215 года и съ тѣхъ поръ являлась неотъемлемой принадлежностью каждаго англичанина. Но если актъ 1679 года и не внесъ въ сокровищницу англійской свободы новаго принципа, то онъ все же имѣетъ несом-

1) Въ оффиціальномъ употребленіи онъ обозначается такъ: 31 Car. II. cap. 2, т. е. статутъ, изданный на тридцать первомъ году царствованія Карла II и занесенный второю главою въ списокъ статутовъ этого года. — Полный текстъ акта напечатанъ ниже, въ „Приложеніяхъ".

2) Hallam, Const. Hist., т. III, стр. 12. — Amos, стр. 194.

нѣнное и громадное значеніе въ исторіи ея развитія, «положивъ конецъ тѣмъ злоупотребленіямъ, при посредствѣ которыхъ властолюбіе правительства и раболѣпное коварство коронныхъ юристовъ искажали столь существенную привилегію»[1]).

Предшествующее изложеніе показало, въ чемъ состояли наиболѣе слабыя стороны гарантій личной свободы до 1679 года. Во 1-хъ, суды (Канцлерскій, Королевской Скамьи и Общихъ Тяжбъ), а также и отдѣльные члены ихъ (лордъ канцлеръ и такъ-называемые «главные судьи») нерѣдко вовсе отказывали въ выдачѣ приказа Habeas Corpus, ссылаясь иногда на то, что арестъ и задержаніе произведены въ силу спеціальнаго предписанія Короля или Тайнаго Совѣта, иногда же на то, что просьба о выдачѣ Habeas Corpus была обращаема въ вакаціонное время. Во 2-хъ, еще чаще бывали случаи проволочекъ, чрезвычайной медленности какъ въ выдачѣ приказа Habeas Corpus, такъ въ выполненіи его предписаній и въ разсмотрѣніи дѣла. Въ 3-хъ, ни судьи, отъ которыхъ зависѣла выдача Habeas Corpus, въ случаѣ отказа, ни тюремные смотрители и другія лица, подъ стражей которыхъ находились заключенные, въ случаѣ неисполненія требованій суда, выраженныхъ въ приказѣ, — не подвергались опредѣленной отвѣтственности. Въ 4-хъ), бывали случаи отправки заключенныхъ въ дальнія мѣста и заморскія владѣнія Англіи, такъ что у нихъ отнималась всякая возможность прибѣгнуть къ законному средству защиты.

Вотъ противъ этихъ-то важнѣйшихъ недостатковъ и были направлены постановленія Habeas Corpus Акта, въ первой вступительной статьѣ котораго говорится о «большихъ проволочкахъ» въ исполненіи требованій приказовъ, о требованіи повторительныхъ[2]) приказовъ

1) Hallam, ibid.

2) Неисполненіе приказа побуждало требовать отъ суда втораго приказа, который и назывался alias, неисполненіе этого вызывало выдачу третьяго (pluries) и д. т.

(Alias and Pluries Habeas Corpus and sometimes more) и о «другихъ уловкахъ» къ неисполненію приказовъ, вслѣдствіе чего «многіе изъ подданныхъ, къ ихъ великимъ ущербамъ и огорченію, были и впредь могутъ быть слишкомъ долго задерживаемы въ тюрьмѣ, тогда какъ по закону они могутъ быть отпускаемы на-поруки». Въ цѣляхъ устраненія и предупрежденія всего этого актъ дѣлалъ для судей обязательнымъ — выдавать Habeas Corpus, по представленіи имъ копіи съ предписанія объ арестѣ, во всѣхъ случаяхъ кромѣ тѣхъ, когда въ предписаніи точно обозначено, что причиной ареста и заключенія является обвиненіе въ государственной измѣнѣ (treason) или какомъ-либо тяжкомъ уголовномъ преступленіи (felony). Выдавать Habeas Corpus судьи обязаны не только во время судебныхъ періодовъ, но и въ вакаціонное время, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ отказъ сопровождается для нихъ штрафомъ въ размѣрѣ 500 фун. ст. въ пользу потерпѣвшаго. Далѣе: если тюремный смотритель или его замѣститель откажетъ въ выдачѣ копіи съ предписанія объ арестѣ въ теченіе шести часовъ со времени ея требованія, то онъ подлежитъ штрафу въ первый разъ — 100 фун. ст., во второй — 200 фун. ст. и увольненію отъ должности. По полученіи приказа Habeas Corpus тюремный смотритель обязанъ, въ теченіе 3—20 дней[1]), представить заключеннаго въ судъ и дать подробный отзывъ о причинахъ и обстоятельствахъ задержанія. Въ случаѣ отказа доставить его въ судъ и представить такой отзывъ, онъ или его помощникъ или замѣститель подлежитъ штрафу въ пользу потерпѣвшаго въ первый

1) Смотря по степени отдаленности мѣста заключенія отъ мѣста нахожденія суда или судьи, выдавшаго приказъ Habeas Corpus: три дня — для разстоянія не свыше 20 миль, десять дней — для разстоянія болѣе 20 и не свыше 100 миль, и двадцать дней - для разстоянія болѣе 100 миль. Въ наше время усовершенствованныхъ путей сообщенія эти сроки уже не имѣютъ значенія, но въ эпоху изданія акта 1679 они играли важную роль.

разъ въ размѣрѣ 100 фун. ст., во второй — 200 фун. ст. и увольненію отъ должности. — Наконецъ, для предупрежденія заключеній въ отдаленныхъ мѣстахъ актъ воспрещаетъ отсылать кого-либо изъ обывателей Англіи и Уэльса, въ качествѣ заключеннаго, въ Шотландію, Ирландію, Джерсей, Гернсей, Танжиръ[1]) или какія-либо заморскія мѣста и владѣнія настоящія или будущія; виновнымъ въ нарушеніи этого постановленія и ихъ совѣтникамъ и пособникамъ грозитъ денежный штрафъ въ размѣрѣ не менѣе 500 фун. ст. въ пользу потерпѣвшаго, а также лишеніе должности и права занимать впредь какую-либо должность.

Какъ сказано, по акту 1679 г. арестованные по обвиненію въ государственной измѣнѣ или тяжкомъ уголовномъ преступленіи не могутъ получить Habeas Corpus. Возможность злоупотребленія этимъ постановленіемъ, путемъ подведенія подъ эти понятія иныхъ преступленій и проступковъ, была предусмотрѣна и устранена слѣдующимъ образомъ. Во-первыхъ, обвиненіе въ государственной измѣнѣ или тяжкомъ уголовномъ преступленіи должно быть ясно и точно (plainly and specially expressed) обозначено въ предписаніи объ арестѣ. Во-вторыхъ, обвиняемый въ этихъ преступленіяхъ можетъ просить судъ разобрать его дѣло въ ближайшую сессію; если этого не послѣдуетъ, судъ обязанъ отпустить его на свободу подъ поручительствомъ, съ тѣмъ, чтобы онъ явился въ слѣдующую затѣмъ сессію; если же и въ эту послѣднюю дѣло его не будетъ разобрано, то онъ вовсе освобождается отъ преслѣдованія. Такія гарантіи являются вполнѣ достаточными преградами произвольному и продолжительному лишенію свободы подъ предлогомъ обвиненія въ государственной измѣнѣ или какомъ-либо тяжкомъ уголовномъ преступленіи. Этими

1) Фортъ въ Африкѣ, пріобрѣтенный Карломъ II въ 1662 г. и находившійся въ англійскомъ владѣніи до 1683 г.

гарантіями, съ другой стороны, какъ нельзя лучше достигается и обезпечивается одно изъ важнѣйшихъ условій правосудія — быстрота его, скорость суда. При такихъ условіяхъ максимальный періодъ предварительнаго заключенія обвиняемаго въ какомъ-бы то ни было преступленіи равняется пяти — шести мѣсяцамъ, никакъ не болѣе.

Блэкстонъ, опредѣляя въ концѣ своихъ «Комментаріевъ» важнѣйшіе періоды развитія англійскаго права, говоритъ между прочимъ[1]): «англійская конституція достигла своей полной зрѣлости и въ ней было удачно установлено de jure (by law) надлежащее равновѣсіе между свободою и прерогативою — въ царствованіе Карла II. Хронологическая дата, которую я избралъ бы для указанія этого теоретическаго совершенства нашего публичнаго права, есть 1679 годъ, послѣ принятія Habeas Corpus Акта и истеченія срока дѣйствія акта о цензурѣ печати[2]), хотя, — прибавляетъ онъ, — годы, непосредственно слѣдовавшіе за этимъ, были эпохою значительнаго практическаго гнета».

Но деспотическія стремленія преемника Карла II, — которыя имѣетъ въ виду Блэкстонъ въ указанной цитатѣ, — какъ извѣстно, потерпѣли неудачу и привели только къ еще болѣе точному опредѣленію предѣловъ королевской прерогативы, выраженному въ Биллѣ о правахъ. Необходимо замѣтить, что тираническія поползновенія Іакова II, приведшія къ его низложенію и къ революціи 1688 года, встрѣчали въ Habeas Corpus Актѣ сущест-

---

1) James Stephen: New Commentaries on the Laws of England (partly founded on Blackstone), 9. edition, Lon. 1883, т. III, стр. 521.

2) Въ 1685 г. актъ о цензурѣ (Licensing Act) былъ возстановленъ и сохранялъ силу до 1692 г., когда снова рѣшено было продлить его дѣйствіе на два года. Въ 1694 г. предложеніе о новомъ продленіи его было отвергнуто парламентомъ, и съ тѣхъ поръ de jure установилась свобода печати.

венную сдержку, крайне для него досадную. Онъ ненавидѣлъ этотъ актъ и имѣлъ серьезное намѣреніе отмѣнить его[1]). Ненависть эту онъ сохранилъ до конца жизни и желалъ передать ее своему сыну. Вотъ что̀ писалъ онъ, уже лишенный престола, въ наставленіяхъ ему („For my Son, the Prince of Wales"), въ 1692 г.: «принятіе Habeas Corpus Акта было великимъ несчастіемъ какъ для народа, такъ и для короны, такъ какъ онъ вынуждалъ корону держать на-готовѣ болѣе значительную силу, чѣмъ нужно было бы при другихъ условіяхъ, для охраненія правительства, а людямъ недовольнымъ, непокорнымъ и безпокойнымъ помогалъ составлять злоумышленія и осуществлять ихъ съ большею для себя безопасностью. Съ такимъ намѣреніемъ этотъ актъ и былъ задуманъ и проведенъ графомъ Шефтсбёри»[2]).

Послѣ Іакова II уже не было попытокъ отмѣнить Habeas Corpus Актъ, на который англійскій народъ привыкъ смотрѣть не какъ на несчастіе, а какъ на благодѣтельную законодательную мѣру, составляющую предметъ національной гордости. Изданіе ея завершило продолжительную борьбу, которую англичанамъ пришлось вести противъ частыхъ и произвольныхъ нарушеній права личной свободы, и санкціонировало основное начало благоустроеннаго государства — начало, по которому лишеніе свободы можетъ имѣть мѣсто только въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ и въ строго законной же формѣ.

Актомъ 1679 г. заключается историческій процессъ развитія института Habeas Corpus, такъ какъ въ немъ онъ получилъ всѣ основныя черты свои, сохраняющіяся въ томъ же видѣ и въ дѣйствующемъ правѣ. Но въ интересахъ полноты изложенія необходимо указать, хотя вкратцѣ, тѣ наиболѣе важныя дополненія, которыя съ

1) Macaulay, т. II, ст. 238. Удаленіе Галифакса вызвано было въ значительной степени именно рѣшительнымъ отказомъ его содѣйствовать отмѣнѣ Habeas Corpus Акта (ibid., ст. 246).

2) Amos, стр. 203.

теченіемъ времени оказалось нужнымъ внести въ законодательство о Habeas Corpus. Такихъ дополненій три.

I. Актъ 1679 г., говоря (въ ст. III) объ освобожденіи заключеннаго на-поруки, указываетъ, что въ обезпеченіе его явки къ суду должна быть назначена какая-либо сумма, подлежащая взысканію съ его поручителей въ случаѣ его неявки. Опредѣленіе размѣра этой суммы предоставляется усмотрѣнію судей, при чемъ имъ предлагается принимать во вниманіе «званіе заключеннаго и характеръ его преступленія» (quality of the prisoner and nature of his offence). Практика однако вскорѣ же обнаружила возможность злоупотребленій этимъ дискреціоннымъ правомъ судей. Уже при Карлѣ II и еще болѣе при Іаковѣ II нерѣдки были случаи назначенія чрезмѣрно высокихъ суммъ[1]), при которыхъ затруднительно или и вовсе невозможно было найти поручителей. Билль о правахъ 1689 г., перечисляя противозаконныя дѣйствія Іакова II, между прочимъ говоритъ: «и чрезмѣрное денежное поручительство требовалось отъ лицъ, задержанныхъ по уголовнымъ обвиненіямъ, чтобы обойти облегченія, которыя даруютъ законы, учрежденные для огражденія личной свободы». Вслѣдствіе этого 10-й пунктъ первой статьи Билля устанавливаетъ: «не должно требовать чрезмѣрнаго обезпеченія» (excessive bail ought not to be required)[2]). Въ опредѣленіи его размѣра судъ и отдѣльные судьи должны сообразоваться съ имущественнымъ положеніемъ обвиняемаго. — Болѣе подробно этотъ вопросъ разсмотрѣнъ въ слѣдующей главѣ.

---

1) Amos, стр. 199, 200 и 204. Въ 1679 г. Репуз былъ отданъ на-поруки подъ обезпеченіе въ 30.000 ф. ст.

2) Текстъ Билля о правахъ см. у Stubbs, Select Charters (стр. 523—528), у Taswell-Langmead, Eng. Const. Hist. (660—667), у Creasy, Eng. Const (317—326), у Barnett Smith, Hist. of the Eng. Parl. (т. II, ст. 561—564) и др. Русскій переводъ полнаго текста имѣется у Погорнаго-Подольнаго, Парламентское дѣлопроизводство (вып. I, стр. 15—35 прил.).

II. Habeas Corpus Act 1679 года имѣетъ въ виду случаи лишенія свободы по обвиненію въ уголовныхъ преступленіяхъ (for criminal or supposed criminal matters), и на всѣ остальные виды ограниченія личной свободы дѣйствіе его не распространялось. Для этихъ послѣднихъ было открыто то же средство защиты, какое существовало для всѣхъ вообще случаевъ лишенія свободы до изданія акта 1679 г. Такимъ образомъ въ результатѣ получились какъ бы двѣ системы гарантій: одна — въ дѣлахъ съ уголовнымъ характеромъ — основывалась на Habeas Corpus Актѣ; другая, обнимавшая собою всѣ остальные случаи, опиралась на предшествовавшую этому акту судебную практику по common law (первая назыв. Habeas Corpus per statutum tricesimo primo Caroli secundi regis, вторая — Habeas Corpus at common law). Такой двойственный порядокъ нерѣдко вызывалъ значительныя неудобства, которыя увеличивались еще тѣмъ обстоятельствомъ, что судьи, къ которымъ доставлялся обвиняемый по Habeas Corpus, не могли входить въ разсмотрѣніе вѣрности изложенныхъ въ отзывѣ на приказъ данныхъ относительно причинъ и обстоятельствъ задержанія. Опасность невѣрнаго изложенія этихъ послѣднихъ въ тѣхъ случаяхъ, на которые распространялось дѣйствіе акта 1679 г., парализовалась тѣмъ, что въ такихъ случаяхъ задержаніе происходило на основаніи особаго распоряженія (warrant of commitment), издаваемаго судьею (мировымъ или полицейскимъ) уже послѣ предварительнаго допроса, т.-е. послѣ провѣрки фактическихъ обстоятельствъ возникшаго дѣла. Не таково было положеніе лицъ, подвергшихся задержанію по какимъ-либо инымъ причинамъ, не предусмотрѣннымъ актомъ 1679 года. Некомпетентность судей въ провѣркѣ фактовъ, изложенныхъ въ отзывѣ на Habeas Corpus, въ такихъ случаяхъ отражалась весьма неблагопріятно на судьбѣ задержанныхъ, лишая судей возможности освободить ихъ, если отзывъ, хотя бы онъ опирался и на невѣр-

ные факты, съ внѣшней стороны являлся достаточнымъ основаніемъ къ задержанію.

Указанныя неудобства выдвинули въ половинѣ XVIII вѣка вопросъ о желательности изданія особаго закона, который распространилъ бы благотворное дѣйствіе Habeas Corpus Акта на всѣ случаи лишенія свободы, безъ различія побудительныхъ къ нему основаній. Ближайшій же толчекъ къ возбужденію этого вопроса далъ слѣдующій случай. Въ 1757 году, въ силу изданнаго за годъ передъ тѣмъ акта о военномъ наборѣ (pressing-act), одинъ джентльмэнъ былъ взятъ въ солдаты и отправленъ въ крѣпость Savoy. Друзья его обратились въ судъ съ просьбою о выдачѣ Habeas Corpus. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній имъ было отказано въ выдачѣ приказа на томъ основаніи, что случай этотъ не предусмотрѣнъ актомъ 1679 года. Хотя вскорѣ послѣ этого лишенный свободы джентльмэнъ и былъ освобожденъ по приказанію военнаго министра, однако въ ближайшую же сессію парламента случай этотъ далъ поводъ возбудить общій вопросъ о необходимости дополненія законодательства о Habeas Corpus. Въ палату общинъ (въ фев. 1758 г.) былъ внесенъ билль съ цѣлью распространить постановленія акта 1679 года на всѣ случаи, въ которыхъ кто-либо подвергся заключенію или ограниченію въ своей свободѣ по какой бы то ни было причинѣ. Нижняя палата приняла этотъ билль, но со стороны лордовъ онъ встрѣтилъ сопротивленіе: верхняя палата признала вполнѣ достаточными тѣ гарантіи, которыя предоставляетъ практика Habeas Corpus по common law, и, не считая нужнымъ расширять ихъ, отклонила билль, принятый общинами[1]).

1) Parliamentary History, т. XV (1753 - 1765), London 1813, стр. 871 и сл. — Во время обсужденія этого билля въ палату лордовъ были приглашены наиболѣе авторитетные судьи, которымъ былъ предложенъ рядъ вопросовъ, касающихся практики Habeas Corpus. Нѣкоторые изъ ихъ отвѣтовъ, какъ будетъ указано ниже, послужили руководствомъ въ позднѣйшей практикѣ этого института.

Съ тѣхъ поръ вопросъ объ изданіи дополнительнаго акта не возбуждался до конца 1814 г., когда онъ снова поставленъ былъ на очередь. Членъ палаты общинъ, адвокатъ Онслоу (Onslow), предложилъ[1]) издать статутъ, который распространялъ бы нѣкоторыя постановленія акта 1679 г. на всѣ вообще случаи лишенія свободы. Черезъ полтора года мысль эта была осуществлена изданіемъ «акта о болѣе дѣйствительномъ обезпеченіи личной свободы» (An Act for more effectually securing the Liberty of the Subject), получившаго королевское утвержденіе 1 іюля 1816 г. Въ этомъ дополнительномъ Habeas Corpus Актѣ приняты мѣры къ большему обезпеченію дѣйствительности приказа въ вакаціонное время по отношенію къ случаямъ, не предусмотрѣннымъ актомъ 1679 г. Кромѣ того актъ 1816 года предоставилъ судьямъ право изслѣдовать вѣрность фактовъ, изложенныхъ въ отзывѣ на приказъ, и въ случаѣ сомнѣнія въ справедливости ихъ — отпускать задержанныхъ, взявъ съ нихъ обязательство явиться въ слѣдующую затѣмъ сессію суда, который разсматриваетъ дѣло и, смотря по обнаруженнымъ даннымъ, или вовсе освобождаетъ задержанное лицо, или вновь отправляетъ его въ заключеніе[2]).

III. Развитіе законодательства о Habeas Corpus заканчивается актомъ 1862 года, по которому право издавать этотъ приказъ предоставлено судамъ англійскихъ колоній и владѣній.

Въ заключеніе историческаго очерка развитія института Habeas Corpus считаемъ нужнымъ сдѣлать слѣдующую оговорку. Въ нашей работѣ мы имѣемъ въ виду этотъ институтъ, какимъ онъ является въ законодательствѣ собственно Англіи (и Уэльса), и не

1) Hansard's Parliamentary Debates, томъ XXIX (1814—1815), Lond. 1815, стр. 426—432 и 1245—1250.

2) Текстъ акта 1816 г. напечатанъ ниже, въ „Приложеніяхъ".

касаемся положенія его въ Ирландіи и Шотландіи. Праву шотландскому онъ даже вовсе неизвѣстенъ, и на эту часть Великобританіи Habeas Corpus Акты 1679 и 1816 г. не распространяются. Шотландія имѣетъ свое особое законодательство объ обезпеченіи личной свободы въ актѣ подъ названіемъ — Act for preventing wrongous Imprisonments and against undue delayes in Tryals (т. е. актъ для предупрежденія несправедливаго лишенія свободы и устраненія противозаконныхъ промедленій въ производствѣ суда). Этотъ актъ былъ изданъ 31 Января 1701 г., т. е. еще до соединенія Шотландіи съ Англіей (въ 1707 г.), и сохраняетъ свою силу до сихъ поръ. Его иногда (неоффиціально) называютъ шотландскимъ Habeas Corpus Актомъ [1])въ виду того, что по задачамъ своимъ, а частью и по нѣкоторымъ постановленіямъ онъ представляетъ аналогію съ англійскимъ актомъ 1679 г. — Что касается Ирландіи, то въ ней институтъ Habeas Corpus существуетъ; Habeas Corpus Актъ для Ирландіи былъ изданъ въ 1781 году, еще при существованіи самостоятельнаго ирландскаго парламента [2]).

---

1) Archibald Alison: Practice of the Criminal Law of Scotland. Edinburgh, 1833, стр. XXVII, 182 и сл.

2) W. E. H. Lecky: History of England in the XVIII. Century. Томъ IV (Лон. 1882), ст. 529.

Глава II.

Процедура Habeas Corpus.

Процедура Habeas Corpus есть средство обезпеченія личной свободы отъ произвольнаго или противозаконнаго вторженія въ нее. Главная задача ея — возможно быстрое и полное возстановленіе незаконно или произвольно нарушеннаго права. Разсмотрѣніе этой процедуры во всѣхъ ея деталяхъ и послѣдовательныхъ стадіяхъ составляетъ предметъ этой главы. Но оно естественно должно быть предварено очеркомъ законнаго порядка лишенія свободы по англійскому праву: ознакомленіе съ нимъ необходимо для отчетливаго уясненія гарантіи противъ незаконныхъ ограниченій свободы.

Всѣ достаточныя по англійскому праву основанія къ лишенію или ограниченію личной свободы могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: основанія гражданскія или уголовныя [1]).

Въ прежнее время личность отвѣтчика въ гражданскомъ процессѣ была крайне необезпечена. Причина этого заключалась въ широкой распространенности того грубаго представленія, что отвѣтчикъ, противъ кото-

---

1) J. Paterson: Commentaries on the Liberty of the Subject and the Laws of England relating to the Security of the Person. Lond. 1877; т. II, ст. 132.

раго возбужденъ искъ, будетъ непремѣнно стараться уйти отъ суда и скрыть свою собственность. Вслѣдствіе этого, въ обезпеченіе интересовъ истца, часто практиковались аресты и даже тюремное заключеніе отвѣтчика. Всего болѣе такое лишеніе свободы примѣнялось въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ были особенно сильно затронуты матеріальные интересы истца, а именно — въ долговыхъ отношеніяхъ. Лишь въ 1837 году былъ изданъ актъ, воспрещающій арестъ должника-отвѣтчика до окончательнаго судебнаго рѣшенія. Съ тѣхъ поръ прочно установилось общее правило, по которому личность отвѣтчика въ гражданскомъ процессѣ неприкосновенна до момента окончанія суда. Единственное исключеніе изъ этого правила представляетъ тотъ случай, когда отвѣтчикъ намѣревается оставить Англію и такимъ образомъ выйти изъ предѣловъ юрисдикціи англійскихъ судовъ. Отдѣленія общаго права, а также Канцлерское отдѣленіе Верховнаго Суда могутъ въ такомъ случаѣ ограничить свободу укрывающагося отвѣтчика — задержать его и подвергнуть заключенію по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока онъ дастъ обезпеченіе въ явкѣ на судъ[1]). Но для этого[2]) передъ Верховнымъ Судомъ должно быть подъ присягою доказано, что истецъ имѣетъ «прочное основаніе» (good cause) къ иску въ размѣрѣ отъ 50 фунт. ст. и выше; далѣе — что есть достаточный поводъ думать, что отвѣтчикъ дѣйствительно намѣревается оставить Англію и что его отсутствіе нанесетъ истцу матеріальный вредъ. Арестъ отвѣтчика въ такомъ случаѣ никоимъ образомъ не можетъ продолжаться болѣе шести мѣсяцевъ; онъ можетъ прекратиться и ранѣе этого срока, если отвѣтчикъ дастъ обезпеченіе въ томъ, что не уѣдетъ изъ Англіи безъ дозволенія суда или не представивши въ судъ требуемой суммы. Во всѣхъ случаяхъ, когда

1) Paterson, II, 134.
2) По статуту 1870 г.

отвѣтчикъ въ гражданскомъ процессѣ можетъ быть законнымъ образомъ ограниченъ въ своей свободѣ, арестъ его производится не истцемъ [1]), а должностнымъ лицомъ, подвѣдомственнымъ шерифу.

Гораздо обширнѣе вторая группа основаній къ ограниченію и лишенію свободы, обнимающая собою всѣ тѣ случаи, которые входятъ въ понятіе уголовныхъ преступленій и проступковъ. Въ англійскомъ правѣ находимъ слѣдующія категоріи ихъ, изъ которыхъ каждая носитъ свое специфическое названіе: во 1-хъ, государственная измѣна — treason и high treason [2]), во 2-хъ, тяжкія уголовныя преступленія — felonies [3]); въ 3-хъ, менѣе значительныя преступленія и уголовные проступки — misdemeanours [4]). Кромѣ того въ Англіи существуетъ еще одна категорія караемыхъ проступковъ, къ которой относятся всѣ такъ называемыя «нарушенія мира» (breaches of the peace) [5]). Какъ видно

1) Въ уголовныхъ дѣлахъ, какъ будетъ показано ниже, право ареста принадлежитъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, и частнымъ лицамъ.

2) Государственная измѣна — терминъ, который обнимаетъ собою: злодѣйскій замыселъ на особу государя и наслѣдника престола, предательство въ отношеніи къ государству въ пользу внѣшняго врага, и т. под.

3) Происхожденіе термина felony относится къ отдаленнымъ временамъ феодализма и объясняется сочетаніемъ двухъ словъ — fee (феодъ) и lon (цѣна, цѣнность). Имъ обозначались всѣ преступленія, которыя влекли за собою полную конфискацію феодальныхъ поземельныхъ владѣній и другихъ видовъ имущества. Въ настоящее время felony обнимаетъ собою всѣ, болѣе тяжкія уголовныя преступленія, каковы, напримѣръ: убійство, разбой, грабежъ, поддѣлка денежныхъ знаковъ, изнасилованіе и др. — Blackstone. Comm. т. IV, стр. 82 и сл. Burn. Justice of the peace and parish officer. L. 1845, т. III, стр. 17 и сл.

4) Вотъ нѣкоторые виды misdemeanours (собственно — дурное поведеніе): клевета словомъ или путемъ печати (libel) и всякія „общевредныя“ дѣйствія (nuisances). Взятіе „чрезмѣрно-высокаго“ обезпеченія (excessive bail), вопреки Биллю о правахъ, также составляетъ misdemeanour.

5) По опредѣленію Патерсона, „нарушеніе мира“ есть или „дѣйствительное посягательство (самоуправство — an actual assault), совершаемое однимъ лицомъ по отношенію къ другому, или такой насильст-

изъ сказаннаго въ примѣчаніяхъ, основаніемъ этого подраздѣленія служатъ не какіе-либо твердые и постоянные признаки, допускающіе точное опредѣленіе, а скорѣе общій характеръ преступныхъ случаевъ и особенно тѣ послѣдствія, которыя влечетъ за собою совершеніе того или другаго преступленія. Главнымъ разграничительнымъ между указанными группами признакомъ является (и особенно было прежде) различіе въ степени наказанія. Для нашего изслѣдованія дѣленіе это важно въ томъ отношеніи, что въ англійскомъ правѣ существуютъ нѣкоторыя, довольно рѣзкія различія въ способахъ арестовъ лицъ, совершившихъ то или другое преступленіе [1]).

венный образъ дѣйствій, который приводитъ очевидно къ основательному предположенію, что сейчасъ произойдетъ посягательство, самоуправство". Нѣкоторые виды „нарушенія мира", смотря по ихъ важности, могутъ подойти подъ понятіе felonies — Paterson: II, стр. 141. Blackstone: IV, стр. 132.

1) Дѣленіе преступленій на felonies и misdemeanours Стифенъ считаетъ „устарѣлымъ и безсмысленнымъ (unmeaning)". Прежде еще можно было установить болѣе или менѣе точное разграниченіе между этими категоріями преступленій, такъ какъ терминъ felony служилъ для обозначенія преступленій, наказуемыхъ смертною казнью, а misdemeanour — для всѣхъ менѣе важныхъ преступленій. Съ теченіемъ же времени для многихъ преступленій смертная казнь была замѣнена болѣе мягкими наказаніями, и прежнее дѣленіе потеряло свой смыслъ. „Существовали однако, да и теперь существуютъ довольно значительныя различія въ процедурѣ преслѣдованія за felonies и misdemeanours. Важнѣйшія изъ нихъ состоятъ въ томъ, что, какъ общее правило, въ случаѣ misdemeanour арестъ не можетъ быть произведенъ безъ приказа; что лицо, преданное суду по обвиненію въ misdemeanour, имѣетъ право быть освобождено подъ поручительствомъ, тогда какъ обвиняемый въ felony не имѣетъ этого права". Любопытно, что въ планѣ уголовнаго кодекса (Draft Criminal Code), составленномъ въ 1878—1879 г. (при дѣятельномъ участіи Стифена), дѣленіе преступленій на felonies и misdemeanours было оставлено; при опредѣленіи же различныхъ преступленій указывалось только каждый разъ, подлежитъ-ли обвиняемый въ данномъ преступленіи аресту безъ приказа и имѣетъ-ли онъ право быть освобожденнымъ подъ поручительствомъ. См. J. F. Stephen. A History of the Criminal Law of England (Lond. 1883), т. II, ст. 193—194.

Посмотримъ теперь, какія условія должны быть соблюдаемы при лишеніи свободы, какія предосторожности принимаются въ Англіи къ тому, чтобы жертвой ареста не сдѣлались люди, неповинные ни въ стремленіи уйти отъ правосудія (въ гражданскомъ процессѣ), ни въ какомъ-либо уголовномъ преступленіи или проступкѣ.

Тутъ прежде всего слѣдуетъ отмѣтить то основное правило, которое, по словамъ Патерсона[1]), «слѣдовало бы написать золотыми буквами», и которое въ Англіи соблюдается съ большою строгостью. Правило это гласитъ, что никто не можетъ быть арестованъ по простому подозрѣнію въ преступленіи. Ни частное лицо, ни полицейскій констэбль не могутъ задержать кого-либо только потому, что онъ кажется имъ подозрительнымъ. Они вправѣ сдѣлать это лишь въ томъ случаѣ, если существуютъ на-лицо какіе-нибудь серьезные признаки, которые они могутъ доказать передъ судомъ. Если арестъ производится на мѣстѣ преступленія очевидцемъ его, то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ его правильности. Другое дѣло, если преступникъ не былъ застигнутъ на мѣстѣ совершенія имъ преступнаго акта: здѣсь должны быть приняты всѣ мѣры предосторожности къ тому, чтобы тяжесть ареста и болѣе или менѣе продолжительнаго заключенія не пала на невиннаго. Вотъ тутъ-то и проявляетъ все свое значеніе правило, по которому простое подозрѣніе не есть основаніе къ лишенію кого-либо свободы. — Впрочемъ, англійское право допускаетъ нѣкоторыя отступленія отъ него. Они очень немногочисленны и съ точностью указаны въ законодательствѣ[2]). Къ тому же и въ этихъ исключительныхъ случаяхъ лицо, произведшее арестъ, должно доказать передъ судомъ основательность своего подозрѣ-

1) Paterson, II, 137: „A cardinal rule, which ought to be written in letters of gold, that no one can be arrested on mere suspicion of crime".

2) Напр. Vagrant Act 1825 г., законъ 1871 г. и др. Paterson, II, 138—139.

нія. Отсутствіе мотивовъ, признаваемыхъ судомъ достаточными для производства ареста по подозрѣнію, даетъ основаніе къ возбужденію потерпѣвшимъ иска къ полицейскому чиновнику, его арестовавшему.

Англійское право знаетъ слѣдующіе четыре способа или порядка лишенія свободы: 1) на основаніи особаго предписанія или приказа объ арестѣ (warrant of arrest or apprehension); 2) должностнымъ лицемъ безъ этого предписанія; 3) частнымъ лицемъ также безъ особаго предписанія, и наконецъ 4) посредствомъ такъ называемаго hue and cry (отъ латинскихъ словъ — hutesium et clamor, т.-е. «шумомъ и крикомъ»[1]). — Послѣдній способъ — древнѣйшій изъ всѣхъ и по своему происхожденію относится къ эпохѣ слабаго развитія государственной власти и отсутствія тѣхъ органовъ, на которыхъ возлагается обязанность преслѣдовать правонарушителей. Въ основѣ его лежитъ господствовавшее въ то время представленіе о частно-правовомъ характерѣ преступленія. Обыкновенно онъ практиковался въ случаяхъ особенно важныхъ преступленій и отличался той характерной особенностью, что въ преслѣдованіи виновнаго принимали участіе всѣ жители той мѣстности, гдѣ совершено было преступленіе. Однимъ изъ статутовъ временъ Эдуарда I это вмѣнялось имъ даже въ обязанность и лица, отказывавшіяся участвовать въ преслѣдованіи, наказывались штрафомъ[2]). Арестъ by hue and cry, уже въ силу такихъ его особенностей, сопровождался весьма значительными неудобствами, которыя, съ теченіемъ времени и по мѣрѣ развитія другихъ болѣе цѣлесообразныхъ способовъ задержанія преступниковъ, привели сначала къ ограниченію, а затѣмъ и къ полному прекращенію его примѣненія. Мало-по-малу онъ сдѣлался однимъ изъ институтовъ, совершенно устарѣлыхъ, и въ настоящее время вовсе не практикуется,

1) Blackstone: Commentaries, т. IV, стр. 299 и сл.
2) Paterson, II, стр. 149, 150.

хотя и до сихъ поръ онъ еще не отмѣненъ законодательнымъ порядкомъ.

Всего чаще практикуется арестъ по особому предписанію, которое издается обыкновенно мировымъ судьею. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ предписаніе объ арестѣ можетъ быть выдаваемо и другими властями. Такъ, министръ или, по англійской терминологіи, государственный секретарь (Secretary of the State) или членъ Тайнаго Совѣта (privy councillor) имѣютъ право издать предписаніе объ арестѣ лица, совершившаго государственную измѣну или подозрѣваемаго въ ея совершеніи. Члены отдѣленій Королевской Скамьи могутъ выдавать приказы о задержаніи felons, т. е. тяжкихъ уголовныхъ преступниковъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ предписанія объ арестѣ издаются мировыми судьями. Вопросъ о происхожденіи этого права ихъ былъ предметомъ долгихъ споровъ. Два знаменитые юриста XVII вѣка — Кокъ (Coke) и Хэль (Hale) высказали по этому вопросу два совершенно противоположныхъ взгляда. Первый настаивалъ на отсутствіи какого-либо статута, который надѣлялъ бы мировыхъ судей властью издавать предписанія объ арестѣ, и на этомъ основаніи отрицалъ за ними право «подвергать аресту по подозрѣнію и до формальнаго обвиненія». Хэль же считалъ это право необходимой принадлежностью самой должности охранителей мира, «такъ какъ долженъ же кто-нибудь судить объ основательности преданія суду и въ видахъ этого принимать соотвѣтствующія мѣры; а дѣлать это — въ правѣ никто другой, какъ мировой судья; если бы этого не было, преступники могли бы постоянно укрываться отъ правосудія»[1]). Не смотря на столь противоположное отношеніе теоретиковъ къ праву мировыхъ судей издавать предписанія объ арестѣ, на практикѣ оно уже давно примѣнялось въ

1) Stephen: History of the Criminal Law of England; т. I, ст. 191—192. — Paterson, II, 151.

весьма широкихъ размѣрахъ; законодательную же санкцію право это получило лишь въ статутахъ, изданныхъ въ XVIII столѣтіи, при чемъ подробная регламентація условій и порядка изданій приказовъ объ арестѣ дана лишь въ актѣ 14 августа 1848 года [1]).

Предписаніе объ арестѣ, для того чтобы быть приведено въ исполненіе, должно удовлетворять цѣлому ряду условій, несоблюденіе которыхъ дѣлаетъ его незаконнымъ или недѣйствительнымъ. Важнѣйшее изъ нихъ заключается въ томъ, что предписаніе должно быть непремѣнно спеціальнымъ (special warrant). Такъ называемые „general warrants", или общіе приказы объ арестѣ незаконны. Противозаконность такихъ предписаній была формально признана въ 1766 году резолюціями палаты общинъ и верховныхъ судовъ, а до тѣхъ поръ они практиковались довольно часто [2]). Особенность этихъ предписаній заключалась въ томъ, что въ нихъ не дѣлалось точнаго обозначенія ни лицъ арестуемыхъ, ни причинъ ареста или обыска. Вслѣдствіе этого нерѣдко схватывались и подвергались обыскамъ люди, ни въ чемъ неповинные. Настоятельная потребность прекратить подобные случаи и вызвала указанныя резолюціи о незаконности «общихъ предписаній». Ближайшимъ же поводомъ къ этому послужило извѣстное дѣло Вилькса (Wilkes)[3]). Вотъ въ краткихъ чертахъ сущность его. Въ газетѣ «Сѣверный Британецъ» (North Briton) за 1763 годъ появилась статья неизвѣстнаго автора, который въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ нападалъ на дѣйствія правительства. Лордъ Галифаксъ, одинъ изъ государственныхъ секретарей, издалъ «общее предписаніе» объ обыскѣ и

1) Stephen, I, 190—191. — Paterson, II, 151.

2) Широкое примѣненіе ихъ имѣло мѣсто особенно въ царствованіе Карла II. Amos, ст. 204.

3) T. E. May: The Constitutional History of England since the accession of George III (1760—1860). — 6 edition. L. 1878. — т. III, стр. 2 и сл.

арестѣ авторовъ, типографщиковъ и издателей газеты. Вслѣдствіе этого распоряженія въ теченіе трехъ дней было задержано по подозрѣнію 49 лицъ, «изъ которыхъ многіе были столь же невинны, какъ и самъ лордъ Галифаксъ» [1]). Отъ нихъ между прочимъ, узнали, что авторъ инкриминируемой статьи — Вилькъсъ, членъ палаты общинъ. Слѣдуетъ замѣтить, что сообщеніе это не было подкрѣплено присягой. Тотчасъ же было отдано словесное приказаніе, на основаніи все того же general warrant, арестовать Вилькса. Послѣдній, не видя въ предписаніи своего имени, назвалъ его «страннымъ и смѣшнымъ приказомъ объ арестѣ, направленнымъ противъ всей англійской націи» («a ridiculous warrant against the whole English nation) и отказался повиноваться ему. Не смотря на это, онъ все таки былъ схваченъ и представленъ къ лорду Галифаксу. Вслѣдствіе отказа отвѣчать на предложенные послѣднимъ вопросы, Вилькъсъ былъ заключенъ въ Тоуеръ. Получивъ приказъ Habeas Corpus, онъ вскорѣ однако былъ выпущенъ. Немедленно же послѣ своего освобожденія Вилькъсъ возбудилъ судебное преслѣдованіе противъ помощника государственнаго секретаря, Вуда. Этотъ послѣдній лично приводилъ въ исполненіе предписаніе объ арестѣ и, послѣ взятія Вилькса подъ стражу, самовольно распоряжался у него въ домѣ, призвалъ слесаря, открылъ бюро и вынулъ оттуда бумаги Вилькса. Выслушавъ дѣло, присяжные опредѣлили взыскать съ Вуда въ пользу пострадавшаго 1,000 фун. ст. убытковъ (damages). — Кромѣ того Вилькъсъ возбудилъ также и противъ са-

---

1) Мэу, ст. 3.

2) Т.-е. собственно палаты общинъ. Вслѣдъ затѣмъ она придала резолюціямъ своимъ форму законодательнаго билля и вотировала его. Но верхняя палата проявила здѣсь свое тормозящее вліяніе и отказалась принять билль. Такимъ образомъ воспрещеніе „общихъ предписаній“ не облечено въ форму законодательнаго акта; не смотря на это, противозаконность общихъ предписаній является незыблемымъ положеніемъ англійскаго права, освященнымъ судебною практикою.

мого Галифакса искъ о неправильномъ заключеніи. Дѣло это затянулось на нѣсколько лѣтъ, и только въ 1769 году присяжные присудили Галифакса къ уплатѣ истцу 4,000 фун. ст. убытковъ. — Арестъ Вилькса и др. возбудилъ сильное негодованіе и привелъ къ постановкѣ принципіальнаго вопроса о законности «общихъ предписаній», который послѣ неоднократныхъ обсужденій и былъ рѣшенъ отрицательно въ 1766 г. резолюціями парламента[3]) и двухъ верховныхъ судовъ королевства — Королевской Скамьи и Общихъ Тяжбъ.

Съ тѣхъ поръ незаконность „general warrants“ не оспаривалась. Всякій арестуемый на основаніи такого общаго предписаніи можетъ оказать сопротивленіе; если же, не смотря на это, онъ всетаки будетъ взятъ, то онъ имѣетъ право возбудить искъ о неправильномъ заключеніи (action for false imprisonment). Въ предписаніи должно быть точно и ясно обозначено то лицо, которое подлежитъ аресту. Въ случаѣ, если имя подозрѣваемаго неизвѣстно, оно можетъ быть замѣнено описаніемъ его личности, настолько однако точнымъ и подробнымъ, чтобы можно было узнать его. Указанное требованіе имѣетъ своимъ источникомъ то кардинальное положеніе англійскаго права, по которому вопросъ объ основаніи подозрѣнія, а слѣдовательно и вопросъ объ арестѣ рѣшаетъ судья, а не исполнительное должностное лицо[1]). Всѣ права и обязанности послѣдняго сводятся лишь къ точному исполненію предписанія суда. Неисполненіе лицомъ, издающимъ предписаніе, изложеннаго условія влечетъ за собою незаконность, а слѣдовательно и недѣйствительность самаго предписанія[2]).

---

1) Rollin C. Hurd: A Treatise on the Right of Personal Liberty and on the Writ of Habeas Corpus (1876), стр. 370.

2) Такимъ образомъ арестъ недѣйствителенъ: 1) если означенное въ предписаніи имя неправильно, или вымышлено; 2) если опущено христіанское имя, и въ то же время не указаны такіе точные признаки, по которымъ можно было бы безошибочно узнать подозрѣваемое лицо (такъ, напр., предписаніе, которымъ подвергался аресту „— Гудъ, изъ

Далѣе, въ предписаніи объ арестѣ должна быть указана причина его, т.-е. названо то преступленіе или проступокъ, вслѣдствіе котораго арестуемое лицо подлежитъ задержанію. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что указаніе это должно быть опредѣленнымъ: общее выраженіе о томъ, что такое-то лицо арестуется для «отвѣта по тѣмъ предметамъ, которые будутъ представлены ему» (to answer such matters, as shall be objected against him), дѣлаетъ предписаніе противозаконнымъ, а слѣдовательно и недѣйствительнымъ[1]). Причина ареста должна быть подкрѣплена показаніемъ подъ присягою достовѣрнаго свидѣтеля (oath of a credible witness), которое и вносится въ текстъ самаго предписанія. По статуту 1848 года, безъ такого удостовѣренія мировой судья не можетъ издать предписанія, за исключеніемъ, разумѣется, того случая, когда онъ самъ лично былъ очевидцемъ преступленія.

Наконецъ, предписаніе объ арестѣ должно быть скрѣплено оффиціальною подписью лица, издавшаго его, и печатью. Впрочемъ подпись простая, безъ обозначенія занимаемаго имъ служебнаго положенія въ магистратурѣ, еще не дѣлаетъ предписанія недѣйствительнымъ. Но неприложеніе печати влечетъ за собою полную недѣйствительность приказа, и для того чтобы арестъ состоялся, необходимо изданіе новаго предписанія, съ соблюденіемъ всѣхъ указанныхъ условій[2]).

Приведеніе въ исполненіе предписанія объ арестѣ возлагается на полицейскаго констэбля той мѣстности, на которую распространяется юрисдикція выдавшаго его магистрата. Въ нѣкоторыхъ, весьма, впрочемъ, немно-

---

прихода Ф., сынъ Самуэля Гудъ", было признано недѣйствительнымъ); 3) если имя арестуемаго внесено въ предписаніе уже послѣ его вручения должностному лицу, т.-е когда для этого судьею было оставлено въ предписаніи бѣлое мѣсто. — Hurd, стр. 370, 371. Paterson, II, стр. 153, 154.

1) Hurd, ст. 372. — Paterson, II, ст. 154.

2) Hurd, ст. 392—393.

гихъ случаяхъ, оно можетъ быть поручено и кому-либо изъ частныхъ лицъ. Поименованный въ предписаніи можетъ быть арестованъ въ любомъ мѣстѣ, разъ оно не выходитъ изъ предѣловъ юрисдикціи мироваго судьи, давшаго предписаніе. Лишь въ случаѣ погони за преступникомъ по «горячимъ слѣдамъ» (такъ наз. fresh pursuit) возможенъ выходъ за предѣлы даннаго округа, но никакъ не далѣе 7-ми миль [1]). Вообще же если лицо, подлежащее задержанію, находится въ другомъ округѣ, предписаніе можетъ быть приведено въ исполненіе не иначе, какъ послѣ того, какъ на немъ будетъ сдѣлана соотвѣтствующая надпись мироваго судьи, которому подвѣдомственъ этотъ округъ. Констэбль, приводящій въ исполненіе предписаніе, долженъ прежде всего сообщить арестуемому содержаніе, а въ случаѣ надобности — и подлинный текстъ его. При арестѣ за какое-нибудь тяжкое уголовное преступленіе (felony) констэбль не обязанъ предъявлять подлинное предписаніе, хотя во всякомъ случаѣ долженъ имѣть его непремѣнно при себѣ [2]).

Извѣстно, какъ гордятся англичане святостью и неприкосновенностью своихъ жилищъ: my house is my castle (мой домъ — мой замокъ), гласитъ одна изъ древнѣйшихъ и наиболѣе популярныхъ въ Англіи поговорокъ. Законъ строго возбраняетъ кому либо изъ должностныхъ лицъ насильственное вторженіе въ жилище, разрѣшая его лишь въ случаяхъ крайней необходимости и обставляя его цѣлымъ рядомъ предосторожностей. Прежде, чѣмъ войти въ домъ, чтобы арестовать находящееся тамъ лицо, констэбль или иной кто «безусловно обязанъ сообщить находящимся въ домѣ о причинѣ своего прихода и просить впустить его. Если ему отказано въ послѣднемъ, тогда и только тогда можетъ онъ взломать наружную дверь» [3]). Если

1) Paterson, II, ст. 155.
2) Paterson, II, 156.
3) Paterson, II, 158.

же полицейскій агентъ или иной кто-нибудь врывается въ жилище безъ достаточнаго на то основанія или не выполнивъ указанныхъ требованій, то противъ него возбуждается судебное преслѣдованіе за самоуправство.

Что касается домовыхъ обысковъ, то для производства ихъ необходимо особое предписаніе, такъ-называемое search-warrant. Предписаніе это также не должно быть общимъ: предписаніе о производствѣ обыска «во всѣхъ подозрительныхъ мѣстахъ» противозаконно. Оно должно быть непремѣнно «спеціальнымъ». Въ немъ должны быть точно указаны тѣ мѣста (particular places), относительно которыхъ заинтересованное лицо «выражаетъ передъ судьею свое подозрѣніе и основаніе таковаго»[1]). Предписаніе о производствѣ обыска выдается судьею съ соблюденіемъ тѣхъ же формальностей, какъ и въ предписаніи объ арестѣ, при чемъ вмѣсто указанія преступленія подробно перечисляются отыскиваемые предметы. Приведеніе его въ исполненіе возлагается на констэбля или на какое-нибудь другое должностное лицо. Лицу частному производство обыска не можетъ быть поручено, хотя бы оно и было лично заинтересовано въ немъ; ему однако предоставляется присутствовать при обыскѣ, что важно въ практическомъ отношеніи, такъ какъ онъ сейчасъ же можетъ узнать тѣ вещи, которыя составляютъ предметъ обыска. Обыски должны быть производимы днемъ и непремѣнно въ присутствіи необходимаго числа постороннихъ лицъ (assistants)[2]).

1) Burn: Justice of the Peace and Parish Officer; 29 edition, Lon. 1845; т. V, ст. 840 и сл.

2) Burn, ibid., ст. 843. — Изложенный порядокъ вполнѣ объясняетъ широкую распространенность поговорки: my house is my castle, которая дала поводъ лорду Чатаму произнести слѣдующую патетическую тираду во время обсужденія въ парламентѣ вопроса о незаконности общихъ предписаній объ арестахъ и обыскахъ. „Домъ каждаго англичанина“, говорилъ онъ, „называется его крѣпостью. Почему? Потому-ли, что онъ окруженъ рвомъ, наполненнымъ водою, или обнесенъ оградою? Нѣтъ. Онъ можетъ быть соломенной лачужкой; вѣтеръ можетъ свистать вокругъ него, дождь можетъ литъ въ него . . . но король не можетъ проникнуть въ него“.

Описанный порядокъ производства ареста, конечно, не можетъ быть распространенъ на всѣ случаи, въ которыхъ является необходимымъ ограниченіе личной свободы. Онъ совершенно непримѣнимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно принятіе скорыхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ задержанію нарушителей чужаго права и общественной безопасности. Преслѣдуя высокую цѣль — обезпеченіе личности гражданина отъ произвольнаго вторженія въ область личной его свободы, государство не можетъ и не должно упускать изъ виду и другую въ высшей степени важную задачу — огражденія общественнаго порядка. Въ интересахъ «общаго мира», оно должно преслѣдовать нарушителей его и принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы они не ускользнули отъ правосудія. Это и является основаніемъ къ существованію, помимо разсмотрѣннаго способа ареста, другаго — такъ-называемаго ареста безъ особаго предписанія (arrest without warrant). Онъ практикуется въ тѣхъ случаяхъ, когда преступникъ застигнутъ на мѣстѣ преступленія — въ моментъ совершенія имъ преступнаго акта. Быстрыя и рѣшительныя дѣйствія, направленныя къ задержанію преступника или, если возможно, къ воспрепятствованію ему совершить преступленіе, являются здѣсь безусловной необходимостью, исключающей всякую возможность выполнить тѣ формы, соблюденіе которыхъ требуется при арестѣ на основаніи особаго предписанія.

Общее правило для всѣхъ преступленій и проступковъ таково, что лица, застигнутыя на мѣстѣ и въ одинъ изъ моментовъ совершенія преступленія, могутъ быть арестованы безъ предписанія, какъ частными лицами-очевидцами, такъ и различными должностными лицами (шерифъ, коронеръ, мировой судья и главнымъ образомъ — констэбль)[1]. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда пре-

1) Blackstone, Commentaries, т. IV, стр. 302, 303. — Перечень случаевъ ареста безъ предписанія имѣется у Stephen: A Digest of the Law of Criminal Procedure in Indictable Offences (Lon. 1883), стр. 59–62.

ступникъ не застигнутъ на мѣстѣ преступленія, вопросъ о возможности арестовать его безъ предписанія будетъ рѣшаться въ зависимости отъ того, къ какой категоріи относится совершенное имъ преступленіе. Въ этомъ отношеніи проводится рѣзкое различіе между болѣе тяжкими и менѣе важными преступленіями. Если поводомъ къ аресту является государственная измѣна или какое-нибудь тяжкое уголовное преступленіе, совершенныя не въ присутствіи частнаго лица или констэбля, то послѣдній можетъ арестовать виновнаго безъ предписанія, но подъ тѣмъ лишь условіемъ, если онъ имѣетъ «разумное основаніе къ подозрѣнію» (reasonable ground of suspicion), которое онъ въ состояніи доказать передъ судьей. Что касается до частнаго лица, то для него «основательность подозрѣнія» не есть еще достаточный поводъ къ аресту безъ предписанія: оно должно опираться на несомнѣнную достовѣрность факта (truth of the fact). Рѣшеніе вопроса о томъ, что́ такое «разумное основаніе къ подозрѣнію», зависитъ «всецѣло отъ обстоятельствъ и нравственныхъ качествъ лица, по донесенію котораго дѣйствовалъ констэбль, и лица подозрѣваемаго; и то, и другое констэбль долженъ тщательно взвѣсить» [1]). Если же арестъ основывается на простомъ, безъ разумнаго основанія, подозрѣніи, то констэбль, какъ мы говорили уже, подлежитъ отвѣтственности по иску со стороны потерпѣвшаго.

Полицейскимъ органамъ рекомендуется вообще по возможности избѣгать арестовъ по подозрѣнію. Вотъ что, напримѣръ, говорится по этому поводу въ одномъ

1) Paterson, II, стр. 143, 144. — Такъ, напр., судебная практика признаетъ неосновательнымъ подозрѣніе лица, въ теченіе двадцати лѣтъ извѣстнаго за человѣка съ безупречной репутаціей, на основаніи простаго утвержденія перваго встрѣчнаго о томъ, что оно совершило преступленіе; неосновательно также подозрѣніе, вызванное въ констэблѣ простымъ сообщеніемъ другаго констэбля, безъ дальнѣйшей провѣрки его.

очень распространенномъ изданіи, заключающемъ въ себѣ сводку важнѣйшихъ полицейскихъ законовъ и служащемъ руководствомъ для чиновъ полиціи[1]): «Законъ предоставляетъ полиціи очень значительныя права по отношенію къ лицамъ, возбуждающимъ подозрѣніе; но нужно всегда помнить, что арестъ за какое-нибудь дѣйствительное преступленіе гораздо болѣе уважителенъ, чѣмъ арестъ по простому подозрѣнію. Въ виду этого задержаніе лишь по подозрѣнію не можетъ быть поощряемо, а частое примѣненіе его можетъ дать поводъ заключить, что чиновникъ, практикующій его, неспособенъ къ осторожной и благоразумной наблюдательности. Но въ то же время часто можетъ случаться и то, что злоумышленникъ замѣтитъ, что за нимъ наблюдаютъ, и постарается укрыться. Такія обстоятельства конечно оправдываютъ арестъ подозрѣваемаго лица, такъ какъ они подкрѣпляютъ подозрѣніе; но во всякомъ случаѣ полицейскій чиновникъ долженъ помнить, что если задержаніе не оправдывается обстоятельствами, противъ него можетъ быть возбужденъ искъ».

На менѣе важныя преступленія, обнимаемыя понятіями misdemeanours и breaches of the peace, вовсе не распространяется право констэбля арестовывать безъ особаго предписанія, на основаніи хотя бы и «разумнаго подозрѣнія». Разъ онъ не былъ очевидцемъ нарушенія мира или уголовнаго проступка, онъ уже не можетъ задержать подозрѣваемое имъ лицо безъ соблюденія тѣхъ формъ, которыя необходимы при арестѣ на основаніи особаго предписанія.

Всякій арестованный какимъ-либо изъ указанныхъ способовъ долженъ быть немедленно отведенъ къ судьѣ[2]) — или къ тому самому, который выдалъ предписаніе объ арестѣ, или же (особенно въ случаяхъ арестовъ

1) C. E. Howard Vincent: A Police Code, and Manual of the Criminal Law for the British Empire. 5th edition (Lond. 1886), стр. 152.

2) Paterson, II, стр. 159 и сл.

безъ особаго предписанія) къ кому-либо изъ тѣхъ судей, которымъ подвѣдомственно возникающее дѣло. Всего чаще такими судьями являются мировые, иногда полицейскіе судьи. Если невозможно исполнить это немедленно, то констэбль можетъ продержать арестованнаго въ «надежномъ мѣстѣ» — не долѣе, впрочемъ, какъ до слѣдующаго дня. При этомъ онъ обязательно долженъ воздерживаться отъ «ненужной суровости» въ обращеніи съ задержаннымъ. Нарушеніе этого послѣдняго требованія даетъ арестованному право возбудить противъ констэбля особый искъ. — Если констэбль въ теченіе двухъ дней не представитъ арестованнаго имъ къ судьѣ, то онъ подлежитъ судебному преслѣдованію по обвиненію въ противозаконномъ заключеніи. Въ случаѣ, когда арестъ произведенъ не по приказу и когда задержанный не можетъ быть представленъ въ судъ въ теченіе двадцати-четырехъ часовъ, инспекторъ полицейскаго участка долженъ разсмотрѣть, въ чемъ дѣло, и если поводомъ къ задержанію послужилъ проступокъ не важный, то онъ долженъ отпустить арестованнаго, взявъ съ него достаточное обезпеченіе въ томъ, что онъ явится къ суду[1]).

Вслѣдъ за приводомъ арестованнаго къ судьѣ, послѣдній приступаетъ къ допросу (examination)[2]). Сначала выслушиваются, непремѣнно въ присутствіи обвиняемаго, показанія свидѣтелей со стороны обвинителя,

---

1) F. W. Maitland: Justice and Police (Lon. 1885), ст. 123.

2) Этотъ допросъ составляетъ главную часть англійскаго предварительнаго слѣдствія, которое производится не особыми слѣдователями, а судьями мировыми и полицейскими. Въ нашемъ изложеніи мы будемъ описывать господствующій въ практикѣ порядокъ производства предварительнаго „изслѣдованія“ — мировыми судьями. О предварительномъ слѣдствіи полицейскихъ судей и, въ извѣстныхъ случаяхъ, коронеровъ говорить особо мы не будемъ, такъ какъ здѣсь примѣняются тѣ же принципы и тотъ же порядокъ, какъ въ слѣдствіяхъ, производимыхъ мировыми судьями. Существеннѣйшая особенность слѣдствія коронера, которому подлежатъ дѣла о внезапной и насильственной смерти, заключается въ томъ, что онъ производитъ его съ участіемъ присяжныхъ.

при чемъ обвиняемому, или его адвокату предоставляется право предлагать перекрестные вопросы каждому изъ нихъ. Показанія эти вносятся въ протоколъ, за подписью свидѣтелей, и затѣмъ прочитываются, послѣ чего судья предлагаетъ обвиняемому «сказать что-нибудь въ отвѣтъ на взводимое противъ него обвиненіе» и спрашиваетъ, не желаетъ-ли онъ съ своей стороны также вызвать свидѣтелей. При этомъ строго соблюдается требованіе, по которому судья никакими вопросами не можетъ вынуждать у обвиняемаго показаній, а тѣмъ болѣе — сознаніе. Допросъ этотъ обыкновенно производится судьею немедленно же послѣ представленія ему арестованнаго. Если же оказывается почему-либо необходимымъ отсрочить его, то судья можетъ сдѣлать это, но не далѣе какъ на 8 дней[1]), считая отъ того дня, когда начатый допросъ былъ прерванъ. Обвиняемый въ такомъ случаѣ отводится обратно въ заключеніе, при чемъ судья, за своей подписью и печатью, выдаетъ особое предписаніе, въ которомъ должны быть точно обозначены какъ день прекращенія допроса, такъ и тотъ день, въ который онъ будетъ возобновленъ. Вмѣсто этого судья можетъ отпустить обвиняемаго на свободу, взявъ съ него обязательство, съ поручителями или безъ нихъ, въ томъ, что онъ явится въ судъ въ назначенный для того день[2]).

Принципъ широкой гласности, которымъ проникнутъ весь общественный и государственный строй Англіи, находитъ свое примѣненіе и въ области предварительнаго слѣдствія. Правда, въ англійскомъ законодательствѣ нѣтъ прямыхъ постановленій о публичности его, и вопросъ о присутствіи на немъ постороннихъ всецѣло предоставляется на усмотрѣніе судьи. Но на практикѣ

1) Paterson: II, стр. 162.

2) Въ случаѣ неисполненія этого обязательства, онъ можетъ быть снова арестованъ: если при этомъ освобожденіе его состоялось съ поручителями, то они теряютъ сумму, представленную ими въ обезпеченіе явки обвиняемаго. — Paterson: II, стр. 163.

къ присутствію на предварительномъ допросѣ «допускаются всѣ желающіе, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда присутствіе публики является неудобнымъ въ виду особенно неприличныхъ и грязныхъ подробностей дѣла»[1]).

На основаніи представленныхъ на допросѣ данныхъ судья постановляетъ свое рѣшеніе, которымъ и опредѣляется дальнѣйшая судьба арестованнаго. Если выяснилась вполнѣ невинность послѣдняго, онъ немедленно же освобождается и дѣло его прекращается. То же самое надо сказать и о томъ случаѣ, когда приведенныя въ его обвиненіе доказательства оказываются недостаточными. Если же судья приходитъ къ тому заключенію, что арестованный дѣйствительно виновенъ во взводимомъ на него преступленіи, тогда онъ или приступаетъ къ самому разбору дѣла (иногда въ томъ же засѣданіи) и приговариваетъ виновнаго къ наказанію (въ порядкѣ сокращеннаго производства), или если данное дѣло выходитъ изъ предѣловъ его юрисдикціи, составляетъ опредѣленіе о преданіи задержаннаго уголовному суду (commit him for trial). При этомъ обвиняемый или отпускается на свободу подъ извѣстнымъ обезпеченіемъ или поручительствомъ, или же отводится въ особое помѣщеніе, установленное для предварительнаго заключенія. Въ послѣднемъ случаѣ судья выдаетъ особое предписаніе (warrant of commitment), въ которомъ, за его подписью и печатью, должны быть указаны въ точности обвиняемый и его преступленіе, а равно и тѣ лица, которыя возбудили и поддерживаютъ противъ него обвиненіе. Предписаніе это обращается къ смотрителю той тюрьмы, въ которую отсылается обвиняемый, и передается ему, вмѣстѣ съ личностью преступника, поименованнымъ въ предписаніи констэблемъ. Безъ такого предписанія тюремный смотритель не можетъ принять арестанта.

---

1) Paterson: II, стр. 161.

Освобожденіе арестованнаго подъ извѣстнымъ обезпеченіемъ и подъ ручательствомъ одного или нѣсколькихъ лицъ играетъ важную роль въ англійскомъ правѣ и потому должно быть разсмотрѣно нѣсколько подробнѣе. Порядокъ производства этого освобожденія заключается въ слѣдующемъ[1]). Отъ отпускаемаго на свободу и его поручителей берется письменное обязательство (recognizance) въ томъ, что если онъ не исполнитъ требованія относительно явки къ допросу или къ суду и т. под., то онъ и они обязуются уплатить каждый извѣстную сумму[2]). Юридическое отношеніе, возникающее вслѣдствіе такого обязательства между арестованнымъ и его поручителями (sureties или bail), англійскіе юристы называютъ «дружескимъ заключеніемъ», friendly imprisonment. Въ глазахъ закона онъ

---

1) Maitland: Justice and Police, стр. 130. — Franqueville: Le système judiciaire de la Grande Bretagne (Paris, 1893), т. II, стр. 334 и сл. — Миттермайеръ: Уголовное судопроизводство въ Англіи, Шотландіи и Сѣверной Америкѣ (Москва, 1864), стр. 139 и сл.

2) Вотъ, напримѣръ, форма такого обязательства относительно явки подсудимаго къ суду:

Recognizance to appear at Assizes, or Sessions of the Peace.

Be it remembered, that on the — day of —, 18 . . [далѣе слѣдуютъ имена и званія отвѣтчика и поручителей], come before me, —, one of Her Majesty's Justices of the Peace in and for the county of —, and acknowledge to owe Our Sovereign Lady the Queen the several sums following: The said — the sum of — pounds, and the said — and — the sum of — pounds each of lawful money of Great Britain, to be levied upon their several goods and chattels, lands, and tenements, to Her Majesty's use, upon condition that if the said — shall personally appear at the next assizes and session of oyer and terminer and general gaol delivery (or at the next general quarter sessions of the peace), to be holden in and for the county of —, and then and there answer to all such matters and things as on Her Majesty's behalf shall then and there be objected against him, and so from day to day, and not depart that Court without leave, then this recognizance to be void, or else to remain in full force. — F. H. Short and F. H. Mellor: The Practice on the Crown side of the Queen's Bench Division of Her Majesty's High Court of Justice (Lon. 1890), стр. 620.

становится ихъ заключеннымъ (their prisoner), отпускается подъ ихъ отвѣтственность и предоставляется всецѣло въ ихъ распоряженіе; при желаніи они могутъ, хотя бы и безъ всякаго основанія, отказаться отъ своего обязательства и снова передать его въ заключеніе, изъ котораго онъ былъ взятъ[1]).

Такое освобожденіе подъ обезпеченіемъ, или отдача на-поруки практикуется въ широкихъ размѣрахъ. Выше уже было указано, что если мировой судья признаетъ необходимымъ отсрочить предварительный допросъ по дѣлу арестованнаго лица, то онъ можетъ отпустить его на свободу, взявъ съ него обязательство (съ поручителями или безъ нихъ) въ томъ, что онъ явится къ назначенному дню. Это право судьи не ограничивается однако случаями отсрочки предварительнаго дознанія и распространяется вообще на всѣ стадіи процесса въ промежуткѣ между начатіемъ дѣла и разбирательствомъ его въ уголовномъ судѣ. Относительно освобожденія подъ поручительствомъ въ примѣненіи къ различнымъ категоріямъ преступленій надо замѣтить слѣдующее[2]). Въ случаяхъ обвиненія въ государственной измѣнѣ судья, производящій слѣдствіе, не имѣетъ права отпустить обвиняемаго на свободу[3]). Если же поводомъ къ аресту является какое-нибудь тяжкое или менѣе важное преступленіе, то судья можетъ освободить задержаннаго: это всецѣло предоставляется его усмотрѣнію. Наконецъ, въ случаяхъ болѣе мелкихъ уголовныхъ проступковъ (not-serious misdemeanours) обвиняемые въ правѣ требовать освобожденія подъ залогомъ и судья обязанъ исполнить это требованіе[4]).

---

1) Paterson, II, ст. 167.

2) Кромѣ Habeas Corpus Актовъ 1679 и 1816 г. освобожденіе подъ поручительствомъ регулируется статутомъ 1848 года — 11 & 12 Vict. c. 42, s. 21 and 23.

3) Paterson: II, стр. 165 и сл.

4) Статутъ 1848 года подробно перечисляетъ всѣ тѣ „Serious misdemeanours", въ которыхъ отпущеніе на свободу предоставляется на

Мы сказали, что производящіе слѣдствіе судьи не имѣютъ права отпускать на свободу задержанныхъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Но это еще не значитъ, чтобы эти послѣдніе были лишены всякой возможности воспользоваться этой гарантіей. Она открыта имъ, но только обставлена нѣсколько болѣе затруднительными условіями, такъ какъ преступленіе это считается самымъ тяжкимъ; а именно — они могутъ быть освобождаемы подъ поручительствомъ по распоряженію одного изъ государственныхъ секретарей (министровъ), а также Верховнымъ Судомъ или, во время вакацій, кѣмъ-либо изъ членовъ его.

Въ освобожденіи подъ обезпеченіемъ и поручительствомъ чрезвычайно важное значеніе имѣетъ величина суммы обезпеченія. Слишкомъ большой размѣръ ея можетъ совершенно парализовать благотворность этой гарантіи и сдѣлать ее или вовсе недостижимой, или же доступной только наиболѣе богатымъ классамъ, а потому опредѣленіе залоговой суммы чрезвычайно опасно предоставлять произвольному усмотрѣнію тѣхъ, отъ кого зависитъ освобожденіе подъ поручительствомъ. Они непремѣнно должны быть чѣмъ-нибудь ограничены въ своемъ произволѣ, хотя, съ другой стороны, едва-ли есть какая-нибудь возможность предусмотрѣть всѣ случайности и заранѣе составить какъ-бы таксу или таблицу суммъ, которою судьи могли-бы руководиться въ своей дѣятельности. Сознавая всю опасность отъ произвола судей въ опредѣленіи размѣра обезпеченія и необходимость ограничить этотъ произволъ, парламентъ, какъ было отмѣчено въ историческомъ очеркѣ, еще въ концѣ XVII вѣка постановилъ, что «не должно требовать чрезмѣрнаго обезпеченія». Нарушеніе этого постановленія составляетъ уголовное преступленіе (misdemeanour), и

усмотрѣніе судей, и этимъ предупреждаетъ произволъ послѣднихъ, дѣлая для нихъ обязательнымъ освобождать во всѣхъ, не вошедшихъ въ это перечисленіе случаяхъ.

виновные въ немъ подлежатъ преслѣдованію по законамъ[1]). Съ тѣхъ поръ въ опредѣленіи суммы обезпеченія и поручительства судья долженъ принимать во вниманіе какъ характеръ преступленія, такъ и имущественное положеніе обвиняемаго и, обыкновенно, двухъ его поручителей. Мало по малу въ судебной практикѣ выработалась слѣдующая градація въ размѣрѣ суммъ, которая открываетъ полную возможность пользоваться этой гарантіей всѣмъ, безъ различія классовъ и состояній. Для простонародья максимальный размѣръ обезпеченія составляетъ обыкновенно 10 фун. ст., для средняго класса — 50 фун. ст., для верхнихъ его слоевъ — 300 фун. ст., для крупныхъ землевладѣльцевъ — 600 фун. ст. и для пэровъ — 1.200 фун. ст.)[2]).

Этимъ мы заканчиваемъ разсмотрѣніе порядка и условій *законнаго* ограниченія личной свободы. Теперь намъ предстоитъ обратиться къ разсмотрѣнію той важнѣйшей гарантіи противъ *незаконнаго* лишенія свободы, какою является процедура Habeas Corpus. Но предварительно не лишнимъ будетъ сдѣлать нѣсколько указаній относительно такъ называемаго иска о неправильномъ заключеніи (action for false imprisonment), о которомъ уже упоминалось и еще придется упоминать впереди. Этотъ искъ также представляетъ собою существенную гарантію противъ произвола по отношенію къ личной свободѣ и въ этомъ смыслѣ можетъ быть поставленъ въ извѣстное соотношеніе съ процедурою Habeas Corpus, какъ дополнительное средство защиты свободы. Процедура Habeas Corpus находитъ свое примѣненіе въ тѣхъ случаяхъ, когда противозаконное лишеніе свободы еще длится; она представляетъ собою наиболѣе дѣйствительное средство къ его прекра-

1) Paterson, II, 166.

2) Эти данныя приведены въ сочиненіи R. Gneist — Geschichte und heutige Gestalt der englischen Communalverfassung oder des Self-government. 2-e Auflage. Berlin 1863. I Band., стр. 587, прим. 4-ое.

щенію и къ быстрому возстановленію незаконно нарушеннаго права. Искъ о неправильномъ заключеніи примѣняется тогда, когда состояніе заключенія уже прекратилось; онъ, съ одной стороны, является средствомъ удовлетворенія незаконно пострадавшаго лица и возмѣщенія понесенныхъ имъ вслѣдствіе этого убытковъ, съ другой — онъ есть та специфическая форма, въ которую облекается отвѣтственность виновнаго въ произвольномъ нарушеніи чужаго права, — отвѣтственность, сознаніе и боязнь которой способны предупреждать такое нарушеніе.

Искъ о неправильномъ заключеніи можетъ быть возбуждаемъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда имѣетъ мѣсто противозаконное лишеніе свободы. Подъ этимъ понятіемъ (false или illegal imprisonment) въ англійскомъ правѣ разумѣется какъ полное лишеніе свободы, такъ и всякое ограниченіе въ ней, произведенныя безъ законныхъ къ тому основаній и съ нарушеніемъ тѣхъ или другихъ изъ указанныхъ выше условій. Вотъ для примѣра нѣкоторые виды его: задержаніе кого-либо на основаніи «общаго предписанія» безъ точнаго указанія арестуемыхъ лицъ; арестъ, произведенный хотя и по «спеціальному предписанію», но безъ соблюденія требуемыхъ отъ него формальностей (напримѣръ, безъ точнаго указанія преступленія, по которому данное лицо подлежитъ аресту); самовольное удержаніе арестованнаго въ состояніи заключенія сверхъ того срока, который назначенъ для представленія его къ судьѣ; арестъ по простому подозрѣнію, неосновательность котораго обнаружена передъ судомъ, и т. п. — все это случаи неправильнаго, противозаконнаго, произвольнаго лишенія свободы, дающіе основаніе къ возбужденію указаннаго иска.

Въ основаніи его лежитъ представленіе о томъ, что свобода есть слишкомъ драгоцѣнное достояніе человѣка для того, чтобы можно было произвольно отнять ее хотя бы на нѣсколько минутъ, и вопросъ о томъ,

дѣйствовало-ли нарушившее ее лицо подъ вліяніемъ ошибки, по неосторожности, или же вполнѣ сознательно — не имѣетъ значенія[1]). Важенъ фактъ, что извѣстная личнось невинно пострадала, и тотъ, кто былъ причиною этого, подлежитъ строгой отвѣтстенности. Если, напримѣръ, констэбль арестуетъ кого-нибудь на основаніи простаго сообщенія ему о томъ, что такое-то лицо совершило извѣстное преступленіе, и далѣе на судѣ будетъ доказана невинность арестованнаго, то этотъ послѣдній имѣетъ право возбудить искъ о неправильномъ лишеніи его свободы. При этомъ отвѣтственность падаетъ или на самого констэбля, или на то лицо, которое сдѣлало ему ложное сообщеніе: если оно ограничилось простымъ сообщеніемъ, предоставляя рѣшеніе вопроса о необходимости ареста подозрѣваемаго на усмотрѣніе констэбля, то отвѣтчикомъ является послѣдній, и наоборотъ — отвѣственность ложится на автора сообщенія, если онъ увѣрилъ констэбля въ основательности своего подозрѣнія и настаивалъ на немедленномъ, безъ дальнѣйшей провѣрки, задержаніи подозрѣваемаго имъ лица[2]). Таковъ одинъ изъ наиболѣе часто встрѣчающихся случаевъ неправильнаго лишенія свободы.

Искъ о неправильномъ заключеніи вчиняется по иниціативѣ пострадавшаго и имѣетъ своимъ предметомъ — матеріальное возмѣщеніе убытковъ и потерь, понесенныхъ заключеннымъ вслѣдствіе незаконнаго отнятія у него свободы. Разсматривается онъ судомъ присяжныхъ, функціи которыхъ въ Англіи, какъ извѣстно, не ограничиваются одними уголовными дѣлами, но распространяются и на массу гражданскихъ процессовъ. Въ опредѣленіи размѣра убытковъ присяжные пользуются чрезвычайно обширными правами[3]) и въ большинствѣ

1) Paterson, II, ст. 194.

2) Paterson, II, ст. 197.

3) Судья не въ правѣ ни предписывать, ни рекомендовать присяжнымъ размѣръ вознагражденія по иску о противозаконномъ лишеніи свободы. Paterson, II, 199.

случаевъ присуждаютъ отвѣтчиковъ къ уплатѣ весьма крупныхъ суммъ. При этомъ надо замѣтить, что высшія судебныя инстанціи крайне рѣдко отмѣняютъ вердикты присяжныхъ по дѣламъ о неправильномъ заключеніи.

Сущность и значеніе разсматриваемаго иска лучше всего обнаружится изъ слѣдующихъ фактическихъ примѣровъ. — Выше уже было упомянуто объ искѣ Вилькса противъ государственнаго секретаря Галифакса, который по приговору присяжныхъ былъ присужденъ къ уплатѣ истцу 4,000 фун. ст. убытковъ за то, что черезчуръ безцеремонно ворвался въ область личной его свободы. Вотъ еще одинъ интересный случай[1]). Нѣкто Фабригасъ подвергся неправильному заключенію, которое длилось цѣлый годъ. Получивъ свободу, онъ возбудилъ искъ, по которому присяжные присудили въ его пользу 3,000 фун. ст. убытковъ. Находя этотъ приговоръ несправедливымъ, отвѣтчикъ обратился въ высшую инстанцію съ просьбою отмѣнить вердиктъ о взысканіи съ него такой «чрезмѣрной» суммы. Въ этомъ ему было отказано, и верховный судья Де-Грэй (De-Grey) въ своей рѣчи высказалъ слѣдующіе мотивы отказа. Считаемъ за лучшее воспроизвести слова судьи, такъ какъ въ нихъ чрезвычайно ярко и рельефно выступаютъ, съ одной стороны — принципъ строгой судебной отвѣтственности, съ другой — та защита, какую находитъ въ Англіи важнѣйшій изъ такъ-называемыхъ не-имущественныхъ интересовъ. «Опредѣлить стоимость личной свободы человѣка, удаленнаго отъ семьи и двѣнадцать мѣсяцевъ прожившаго въ крайне тяжелой обстановкѣ», говорилъ Де-Грэй, — «вещь очень трудная. Мнѣнія относительно этого могутъ сильно разнообразиться. Я могу думать одно, другой — другое. Но что́ говоритъ законъ о такого рода личныхъ обидахъ? Законъ гласитъ, что жюри изъ 12 человѣкъ присуждаетъ и опредѣляетъ размѣръ убытковъ въ воз-

1) Ibid.

мѣщеніе этой личной обиды. Не можемъ не вспомнить того, что произошло въ печальномъ дѣлѣ между государственнымъ секретаремъ и однимъ типографскимъ ученикомъ (a printer's boy)[1]). Этотъ послѣдній былъ схваченъ по ошибкѣ (under a mistake) и отправленъ въ помѣщеніе лучшее, чѣмъ то, въ которомъ онъ жилъ; пищу ему давали лучше той, которою онъ питался обыкновенно, и обращались съ нимъ лучше, чѣмъ дома. Тѣмъ не менѣе онъ возбуждаетъ искъ о неправильномъ заключеніи и получаетъ 300 фун. ст. убытковъ. Такой суммы онъ не заработалъ бы въ цѣлые годы. Но судъ сказалъ — мы не въ правѣ разбирать основательность приговора жюри по такому предмету, каковъ настоящій. Проявили ли присяжные свое полномочіе постановлять рѣшеніе, или въ ихъ образѣ дѣйствій есть нѣчто преступное, кромѣ развѣ того, что въ опредѣленіи размѣра вознагражденія не соблюдена пропорціональность? Ничуть нѣтъ. Я не могу предписать присяжнымъ, какова по моему мнѣнію цѣнность личной свободы».

Рядомъ съ искомъ о неправильномъ заключеніи слѣдуетъ упомянуть о другомъ, нѣсколько сходномъ съ нимъ искѣ, который также является иногда средствомъ защиты личной свободы и носитъ особое названіе — «иска о недобросовѣстномъ (собственно злостномъ) преслѣдованіи» (action for malicious prosecution). Онъ употребляется въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-либо, вслѣдствіе-ли злобы, ненависти или вообще какого-нибудь преступнаго намѣренія (malice), возбуждаетъ преслѣдованіе или, какъ выражаются англійскіе юристы, «приводитъ судебный механизмъ въ дѣйствіе» противъ лица, ни въ чемъ неповиннаго, на котораго такимъ образомъ совершенно противозаконно ложится вся тягость уголовнаго пре-

1) Упоминаемый въ рѣчи судьи типографскій ученикъ былъ задержанъ на основаніи предписанія государственнаго секретаря и пробылъ въ заключеніи всего шесть часовъ. — Paterson: II, стр. 199.

слѣдованія и, какъ одинъ изъ его элементовъ, — ограниченія въ личной свободѣ. Часто этотъ искъ, вмѣстѣ съ искомъ о противозаконномъ заключеніи, сливаются въ одинъ и предъявляются совмѣстно [1]).

При нѣкоторомъ сходствѣ разсматриваемыхъ нами исковъ, которое заключается главнымъ образомъ въ томъ, что оба они служатъ средствами удовлетворенія интересовъ пострадавшихъ вслѣдствіе неправильнаго и незаконнаго лишенія свободы и привлеченія къ отвѣтственности виновныхъ въ послѣднемъ, есть между ними и весьма существенныя различія, которыя сводятся къ слѣдующему. Между тѣмъ какъ основаніями къ иску о неправильномъ заключеніи являются отсутствіе законныхъ къ тому причинъ и несоблюденіе установленныхъ закономъ порядка и условій лишенія свободы, при чемъ мотивы неправильнаго заключенія не имѣютъ рѣшительно никакого значенія, — въ искѣ о недобросовѣстномъ преслѣдованіи, при производствѣ котораго соблюдены въ точности всѣ законныя формы, на ряду съ отсутствіемъ «разумной и правдоподобной (probable) причины къ обвиненію» [2]), главную роль играетъ побудительный мотивъ его (злоба, ненависть, корысть и т. под.). Отсюда и отвѣтственность по этому иску падаетъ не на должностныхъ лицъ, участвовавшихъ въ преслѣдованіи лишь въ качествѣ орудій, а на того, кто подъ вліяніемъ какого-либо преступнаго намѣренія возбудилъ это преслѣдованіе. Подвѣдомственъ искъ этотъ также суду присяжныхъ, которые, какъ и въ искѣ о неправильномъ заключеніи, пользуются неограниченными правами въ опредѣленіи размѣра вознагражденія за ущербъ, причиненный истцу безосновательнымъ преслѣдованіемъ. Такъ, по иску одного баронета къ богатому ростовщику, возбудившему противъ

1) Herbert Stephen: The Law relating to Action for Malicious Prosecution (Lon. 1888), ст. 120.

2) Paterson, II, 201—203.

него неправильное уголовное преслѣдованіе, жюри опредѣлило въ его пользу 10,000 фун. ст. вознагражденія. Судъ высшей инстанціи, не признавъ «чрезмѣрной» эту сумму, отказалъ въ просьбѣ отмѣнить рѣшеніе присяжныхъ, указавъ, что «судъ не вмѣшивается въ оцѣнку размѣровъ убытковъ, если они не настолько чрезмѣрны, чтобы представлять собою явное доказательство предубѣжденія и пристрастія присяжныхъ, иначе говоря, — если они не находятся въ рѣшительномъ несоотвѣтствіи какъ съ причиненнымъ истцу вредомъ, такъ и съ положеніемъ и средствами истца или отвѣтчика»[1]).

Сущность процедуры Habeas Corpus, разсмотрѣніе которой составляетъ предметъ дальнѣйшаго изложенія, заключается въ томъ, что во всѣхъ случаяхъ противозаконнаго и произвольнаго лишенія свободы, по требованію потерпѣвшаго судомъ выдается приказъ (writ of Habeas Corpus), въ силу котораго проситель долженъ быть безъ промедленія доставленъ въ судъ, послѣ чего этотъ послѣдній, по разсмотрѣніи причинъ и обстоятельствъ ареста и дальнѣйшаго задержанія, либо освобождаетъ его совершенно, либо отпускаетъ на свободу подъ поручительствомъ, либо наконецъ отсылаетъ его обратно въ заключеніе. Въ видахъ болѣе рельефнаго изображенія деталей этой процедуры, она будетъ разсмотрѣна въ порядкѣ постепеннаго слѣдованія различныхъ ея стадій.

Прежде всего слѣдуетъ указать, какіе именно суды облечены правомъ издавать приказъ Habeas Corpus. Актомъ 1679 года обязанность выдавать этотъ приказъ во время судебныхъ сессій возложена: 1) на верховный судъ канцлера (High court of Chancery); 2) судъ казначейства (court of Exchequer); 3) судъ королевской скамьи (court of King's Bench); 4) судъ общихъ

1) H. Stephen, назв. соч., ст. 118.

тяжбъ (court of Common Pleas). Во время же вакацій, т. е. въ промежуткахъ между сессіями перечисленныхъ судовъ, приказъ Habeas Corpus, въ силу того же акта, обязаны выдавать: 1) Лордъ канцлеръ; 2) Лордъ хранитель большой печати (Lord Keeper of the Great Seal); 3) каждый изъ членовъ суда казначейства (такъ называемые — Barons of the Exchequer); наконецъ, 4) каждый изъ судей, входящихъ въ составъ судовъ Королевской Скамьи и Общихъ Тяжбъ. Такъ было до 1873 года, когда по акту «Supreme Court of Judicature Act» всѣ названные выше суды, являвшіеся до тѣхъ поръ отдѣльными и болѣе или менѣе независимыми другъ отъ друга трибуналами, были соединены (вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими) въ одинъ Верховный Судъ[1]). Они вошли въ его составъ въ качествѣ особыхъ «отдѣленій», которымъ присвоены были прежнія названія — «королевской скамьи», «казначейства» и т. д. При этомъ были произведены нѣкоторыя измѣненія относительно раздѣленія судебнаго года (legal year) на періоды сессій и вакацій. «Стремленіе устранить возникавшія отсюда неудобства и упорядочить разбирательство, во время вакацій, дѣлъ, требующихъ немедленнаго и быстраго разсмотрѣнія»[2]) — такова ближайшая цѣль этихъ измѣненій. Въ Актѣ 1873 года они были только намѣчены; подробную же разработку они получили въ слѣдовавшемъ затѣмъ актѣ 1875 года. Созданный ими въ этомъ отношеніи порядокъ заключается въ томъ, что въ началѣ «Долгой вакаціи» изъ членовъ Верховнаго Суда выбираются двое судей, которые получаютъ званіе вакаціонныхъ судей» (vacation judges) и «могутъ засѣдать или порознь или вмѣстѣ», смотря по обстоятельствамъ, съ правомъ рѣшать значительную часть дѣлъ, подсудныхъ тому или

1) Ст. 3-я Акта 1873 года. — W. T. Charley: Judicature Acts, the new Practice and Pleading. — 3 edition. Lon. 1877, стр. 3.

2) Ст. 28 того-же акта.

другому изъ отдѣленій Верховнаго Суда[1]). — Такимъ образомъ въ настоящее время выдача приказа Habeas Corpus производится обыкновенно отдѣленіями Верховнаго Суда, а въ вакаціонное время — тѣмъ или другимъ изъ двухъ, особо избираемыхъ на это время, «вакаціонныхъ судей».

Просить о выдачѣ Habeas Corpus могутъ всѣ лица, подвергшіяся какъ заключенію въ собственномъ смыслѣ этого слова, такъ и вообще всякому активному стѣсненію въ своей свободѣ, всѣ кромѣ тѣхъ, кто подвергнутъ задержанію по обвиненію въ государственной измѣнѣ или какомъ-либо тяжкомъ уголовномъ преступленіи. При этомъ Актъ 1679 года требуетъ, чтобы обвиненіе это было «ясно и спеціально изложено въ предписаніи о преданіи суду». — Выше было указано, что въ англійскомъ правѣ понятіе imprisonment имѣетъ чрезвычайно широкій объемъ. Подъ нимъ разумѣется не только полное лишеніе свободы, въ видѣ, напр., тюремнаго заключенія, но и большее или меньшее ограниченіе ея. Всякое стѣсненіе въ правѣ свободнаго распоряженія своею личностью, безъ различія въ его

1) По статьѣ 26 Акта 1873 г. „раздѣленіе судебнаго года на термины (terms) отмѣняется, поскольку оно касается отправленія правосудія“. Оно замѣнено дѣленіемъ на сессіи и вакаціи (Sittings and Vacations), имѣющимъ нѣкоторое процессуальное значеніе и установленнымъ ради удобствъ судей. Верховный судъ имѣетъ четыре сессіи въ году: Michaelmas Sittings, Hilary sittings, Easter sittings и Trinity sittings. Первая начинается 2 ноября и оканчивается 21 декабря; вторая съ 11 января продолжается до пятницы передъ Пасхою; третья начинается во вторникъ недѣли послѣ Пасхи и оканчивается въ пятницу передъ Пятидесятницею; четвертая начинается во вторникъ послѣ недѣли Пятидесятницы и оканчивается 8 августа. Соотвѣтственно этому дѣленію существуютъ четыре вакаціонныхъ періода: Долгая вакація (Long vacation, съ 10 августа по 24 октября), Рождественская (съ 24 декабря по 6 января), Пасхальная (съ великой пятницы до вторника пасхальной недѣли), Троичная (съ субботы наканунѣ Троичнаго дня и до вторника послѣ него). — F. H. Short: The Crown Office Rules and Forms (1886), the Supreme Court of Judicature Acts and Rules of the Supreme Court (1883) etc. (Lon. 1886), стр. 283, 275—276.

степени, продолжительности и той обстановки, въ которой оно произведено, — есть съ точки зрѣнія закона imprisonment, заключеніе[1]). «Разъ только извѣстное лицо лишено привилегіи идти куда и какъ ему угодно, оно уже стѣснено въ своей свободѣ и имѣетъ право изслѣдовать, не противозаконно-ли и несправедливо это стѣсненіе, все равно — произведено оно тюремнымъ смотрителемъ, констэблемъ или частнымъ лицомъ. Для того, чтобы какой-либо гражданинъ, считающій себя несправедливо обвиняемымъ въ нарушеніи законовъ, могъ быть выслушанъ, нѣтъ никакой надобности въ томъ, чтобы онъ подвергся заключенію въ тюрьмѣ»[2]). Тѣ лица, которыя подверглись лишенію или стѣсненію въ своей свободѣ вслѣдствіе обвиненія въ какомъ-либо уголовномъ преступленіи (for criminal or supposed criminal matters), находятъ защиту въ порядкѣ, установленномъ Habeas Corpus Актомъ 1679 года. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда поводомъ къ ограниченію въ личной свободѣ являются какія-либо другія причины, на защиту незаконно пострадавшихъ выступаетъ также Habeas Corpus, но уже въ силу акта 1816 года, который, какъ было указано въ первой главѣ, санкціонировалъ и усовершенствовалъ издавна существовавшій порядокъ пользованія процедурою Habeas Corpus по common law. Послѣдній практикуется главнымъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ лишенія свободы, которые возникаютъ въ сферѣ частныхъ отношеній гражданъ между собою[3]). Различія въ процедурѣ по акту 1679 и по

1) „Every restraint of a man's liberty or keeping the custody of another, either in a gaol, or in a house, or in the stocks, or even in the street, is in law an imprisonment". — Paterson: II, стр. 191.

2) Hurd, стр. 201.

3) Вотъ нѣкоторые примѣры такого рода случаевъ, приводимые въ извѣстномъ сочиненіи проф. А. В. Дайси: Основы государственнаго права Англіи (переводъ подъ редакціею проф. П. Г. Виноградова, Спб. 1891), стр. 165: „если ребенка насильно держатъ вдали отъ родителей, если кого-нибудь несправедливо заключаютъ въ сумасшедшій домъ, если кѣмъ-нибудь будетъ заявлено, что монахинѣ не позволяютъ оставить

common law (актъ 1816 года) весьма не существенны и постепенно сглаживаются вовсе, такъ какъ суды уже съ давнихъ поръ стали руководствоваться, насколько это возможно, постановленіями акта 1679 года даже и въ тѣхъ случахъ, въ которыхъ выдача Habeas Corpus основывается не на этомъ статутѣ, а на common law и актѣ 1816 г.[1]).

Такимъ образомъ всякій, считающій себя лишеннымъ свободы неправильно, противозаконно, можетъ обратиться въ то или другое отдѣленіе Верховнаго Суда или (во время вакацій) къ одному изъ вакаціонныхъ судей и просить о выдачѣ приказа Habeas Corpus. По статьѣ III акта 1679 года, просьба эта должна быть облечена въ форму «письменнаго требованія» (request made in writing). Прошеніе должно быть подписано двумя свидѣтелями. При этомъ нѣтъ никакой надобности въ томъ, чтобы прошеніе исходило непосредственно отъ заключеннаго. Оно можетъ быть написано и предъявлено его повѣреннымъ, другомъ, родственникомъ, вообще всякимъ лицомъ, дѣйствующимъ въ его интересахъ. Основаніемъ къ этому является стремленіе предупредить различныя проволочки въ тѣхъ случаяхъ, когда заключенный поставленъ въ затрудненіе и даже въ полную невозможность лично обратиться съ подлежащею просьбою, — и этимъ доставить ему какъ можно болѣе быстрое облегченіе въ его положеніи. — Хорошею иллюстраціею сказаннаго служитъ слѣдующій любопытный случай, извѣстный подъ названіемъ «дѣло о Готтентотской Венерѣ»[2]). Въ 1810 году въ Лондонѣ показывалась публикѣ, подъ именемъ «Готтентот-

---

монастырь, однимъ словомъ, если какой-нибудь мужчина, женщина или ребенокъ будутъ лишены свободы, или если даже только кто-нибудь будетъ утверждать это повидимому основательно, то судъ непремѣнно выдастъ указъ habeas corpus, обращенный къ лицу, держащему въ заключеніи потерпѣвшаго".

1) Hurd, ст. 199.

2) Hottentot-Venus Case. Paterson, II, ст. 211.

ской Венеры», негритянка изъ Южной Африки. Захарій Маколэй и нѣкоторыя другія лица, ратовавшіе противъ невольничества, думая, что она является жертвою эксплоатаціи своего хозяина, который держитъ ее въ цѣляхъ наживы и противъ ея воли, обратились въ судъ съ просьбой о выдачѣ Habeas Corpus, чтобы такимъ образомъ удостовѣриться, не находится ли она дѣйствительно въ состояніи принудительнаго и противозаконнаго заключенія. Судъ уже сдѣлалъ предварительныя распоряженія и поручилъ должностнымъ лицамъ посѣтить негритянку и собрать необходимыя свѣдѣнія. Но тутъ обнаружилось, что она прибыла изъ Африки и была показываема публикѣ съ ея собственнаго согласія, по контракту, въ силу котораго ей выдѣлялась извѣстная часть сбора. Получивъ эти свѣдѣнія, судъ, конечно, призналъ излишнимъ выдавать Habeas Corpus, такъ какъ противозаконнаго лишенія свободы въ данномъ случаѣ, очевидно, не было. — Кромѣ нагляднаго доказательства того, что Habeas Corpus можетъ быть выданъ не только по требованію пострадавшаго, но и по просьбѣ совершенно посторонняго къ нему лица, дѣло о Готтентотской Венерѣ ярко свидѣтельствуетъ еще о томъ, что въ дѣлѣ выдачи Habeas Corpus не проводится никакихъ различій между англичанами и иностранцами. «Всякій чужеземецъ, — говоритъ Патерсонъ[1]), — разъ онъ дышетъ воздухомъ Англіи, есть какъ бы прирожденный англичанинъ». Этотъ принципъ наглядно иллюстрируется и въ дѣлѣ о русскихъ матросахъ, которое цитируетъ Дайси. «Въ 1854 году, — говоритъ онъ[2]), — нѣсколько русскихъ матросовъ бродили по улицамъ Гильдфорда, не имѣя повидимому никакихъ средствъ къ существованію; они были признаны русскимъ морскимъ офицеромъ за дезертировъ съ одного русскаго военнаго корабля; тогда по его указаніямъ и при помощи начальника полиціи они были отправлены

1) Paterson, II, 211.

2) А. В. Дайси: Основы государственнаго права Англіи, стр. 169.

въ Портсмутъ для водворенія снова на русскомъ кораблѣ. Явилось сомнѣніе въ законности этого дѣла. Спросили совѣта у юристовъ, которые и выразили мнѣніе, что выдача русскихъ матросовъ лейтенанту и помощь, предложенная полиціей для того, чтобы доставить ихъ обратно на русскій корабль, были противны закону. По всей вѣроятности, матросы были отпущены на свободу; они, безъ сомнѣнія, были бы освобождены судомъ, если бы прибѣгли къ Habeas Corpus».

Въ тѣхъ случаяхъ, когда просьба о выдачѣ Habeas Corpus предъявляется на основаніи акта 1679 года, при прошеніи должна быть представлена копія съ предписанія о задержаніи обвиняемаго. Если въ выдачѣ ея отказано, то предъявитель прошенія долженъ представить удостовѣреніе подъ присягою въ томъ, что на просьбу его о выдачѣ копіи съ предписанія послѣдовалъ отказъ со стороны того лица, подъ стражей котораго находится заключенный. Этимъ лицемъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ тюремный смотритель, къ которому, какъ было сказано выше, и отсылается вмѣстѣ съ личностью обвиняемаго самый текстъ warrant of commitmet. Выдача копіи съ него, по требованію самого обвиняемаго, или иного лица, дѣйствующаго въ его интересахъ, обязательна для тюремнаго смотрителя, его помощниковъ и вообще всѣхъ должностныхъ лицъ, подъ стражей которыхъ находится заключенный. Отказъ въ выдачѣ копій влечетъ за собою отвѣтственность, которая выражается въ формѣ весьма значительнаго штрафа. А именно, ст. V акта 1679 года гласитъ, что если то или другое изъ указанныхъ лицъ на требованіе о выдачѣ копіи отвѣтитъ отказомъ и «по прошествіи шести часовъ со времени предъявленія требованія не выдастъ ея... то оно подлежитъ штрафу въ пользу обвиняемаго или пострадавшаго, въ первомъ случаѣ — въ размѣрѣ 100 фун. ст., въ случаѣ вторичнаго отказа — 200 фун. ст. и отрѣшенію отъ должности безъ права вновь занять или исполнять ее».

Таковы тѣ условія и формальности, которыя должны быть соблюдаемы при предъявленіи просьбы о выдачѣ Habeas Corpus въ случаяхъ, обнимаемыхъ актомъ 1679 года. Какъ ни просты эти условія, однако тамъ, гдѣ выдача Habeas Corpus производится на основаніи Common law и акта 1816 года, порядокъ предъявленія просьбы еще проще. Здѣсь лицо, обращающееся въ судъ, въ своей просьбѣ опирается на простое «удостовѣреніе подъ присягой (on an affidavit) обстоятельствъ, которыя должны заключать въ себѣ какое-либо вѣроятное основаніе (some probable cause) къ тому, чтобы склонить судъ къ выдачѣ приказа Habeas Corpus». Если же оно въ состояніи доказать, что заключеніе произведено «безъ основательной причины» и подвергшійся ему имѣетъ такимъ образомъ несомнѣнное право быть освобожденнымъ, тогда судъ безусловно обязанъ выдать приказъ: этотъ послѣдній въ такомъ случаѣ становится a writ of right[1]).

Разсмотрѣвъ предъявленную, съ соблюденіемъ указанныхъ формальностей, просьбу, судъ выдаетъ предъявителю ея приказъ Habeas Corpus. Здѣсь надо различать, во-первыхъ, тѣ случаи, въ которыхъ выдача приказа составляетъ безусловную обязанность суда или отдѣльнаго судьи, и во вторыхъ, тѣ, въ которыхъ вопросъ о его выдачѣ предоставляется усмотрѣнію суда и гдѣ, слѣдовательно, онъ можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, отказать въ ней. — Судъ или судья о б я з а н ъ выдать приказъ, если основаніемъ къ требованію его является задержаніе по обвиненію въ какомъ-либо уголовномъ преступленіи и въ просьбѣ о выдачѣ приказа соблюдены указанныя выше условія, т.-е. во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда обращеніе къ суду или судьѣ дѣлается на точномъ основаніи Habeas Corpus Акта 1679 года. Такъ какъ до изданія его полученіе приказа въ вакаціонное время было сопряжено съ не-

1) Hurd, ст. 204—205.

преодолимыми затрудненіями и проволочками, то составители акта 1679 и обратили на это особенное вниманіе. Въ цѣляхъ устраненія этихъ затрудненій, ст. X налагаетъ штрафъ въ 500 фун. ст. на того судью, который «въ вакаціонное время, по предъявленіи ему копіи съ предписанія о задержаніи или удостовѣренія подъ присягою о томъ, что въ этой копіи было отказано, не выдастъ приказа Habeas Corpus». Столь значительный штрафъ является весьма существенной гарантіей противъ произвола судей, и «со времени изданія Habeas Corpus Акта не было ни одного случая какого-либо предосудительнаго промедленія или нежеланія со стороны судьи — быстро выполнить всякое законное требованіе обвиняемаго, даже въ тѣ части года, на которыя не распространяется указанная кара»[1]). — Далѣе: если обращеніе къ суду дѣлается не по акту 1679 года, а на основаніи common law и акта 1816 года, то судъ не можетъ отказать въ выдачѣ Habeas Corpus во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда представляется «правдоподобное основаніе» къ предположенію, что данное лицо подверглось лишенію свободы безъ достаточной, справедливой причины» (without just cause). Заключенный въ такомъ случаѣ имѣетъ несомнѣнное право быть освобожденнымъ, и «приказъ Habeas Corpus», говоритъ Блэкстонъ, «принадлежитъ ему здѣсь по праву; въ немъ не можетъ быть отказано, онъ долженъ быть выданъ всякому заключенному, находится ли онъ въ тюрьмѣ или иначе какъ нибудь ограниченъ въ своей свободѣ, при чемъ безразлично, произошло-ли это въ силу повелѣнія Короля, Тайнаго Совѣта или кого-нибудь иного[2]).

Отказать въ выдачѣ приказа Habeas Corpus судъ можетъ, во-первыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, которые прямо

---

1) Paterson, II, ст. 211.

2) Blackstone: Commentaries, т. III, ст. 132. — Hurd, ст. 222—223.

оговорены въ актѣ 1679 года, т. е. когда основаніемъ къ заключенію служитъ обвиненіе въ государственной измѣнѣ или тяжкомъ уголовномъ преступленіи — обвиненіе, вполнѣ ясно и точно опредѣленное и формулированное въ предписаніи (warrant of commitment). Сюда же слѣдуетъ отнести и тѣ случаи, когда въ судъ обращаются за приказомъ Habeas Corpus лица, приговоренныя къ заключенію по судебному приговору, когда, слѣдовательно, оно является наказаніемъ, назначеннымъ послѣ судебнаго разбирательства. — Во вторыхъ, судъ въ правѣ отказать въ выдачѣ приказа Habeas Corpus, если въ просьбѣ не указаны вовсе болѣе или менѣе вѣроятныя основанія въ тому, что заключенный имѣетъ право на «облегченіе» въ своемъ положеніи[1]).

Въ виду особенной важности права суда отказывать въ Habeas Corpus, необходимо хотя бы вкратцѣ указать какъ тѣ мотивы и соображенія, которыми руководствуется судъ въ своемъ отказѣ, такъ и тѣ предѣлы, далѣе которыхъ онъ не можетъ идти въ проявленіи этого права. Прямыхъ законодательныхъ по этому предмету постановленій вовсе не имѣется въ статутахъ, которыми регулируется процедура Habeas Corpus, а потому рѣшеніе вопроса о мотивахъ и предѣлахъ отказа силою вещей было предоставлено судебной практикѣ. Вопросъ этотъ подвергался неоднократному обсужденію и былъ впервые основательно разработанъ въ отвѣтахъ судей на вопросы, предложенные имъ въ 1758 году палатой лордовъ во время дебатовъ по поводу билля о дополнительномъ Habeas Corpus Актѣ. Вотъ эти-то отвѣты судей и легли въ основу всей дальнѣйшей практики, въ которой мало по малу выработалась на этотъ счетъ опредѣленная доктрина, существенныя черты которой состоятъ въ слѣдующемъ. Выдача приказа Habeas Corpus не есть a matter of

1) Hurd, ст. 218.

course — вещь сама собою разумѣющаяся, и не можетъ быть допускаема по простому заявленію или требованію. «Если бы во всѣхъ тюрьмахъ королевства», говорилъ Вильмотъ[1]), «преступники, которымъ угрожаетъ смертная казнь, были въ правѣ получать приказъ Habeas Corpus, то правосудіе встрѣчало бы преграды и могло бы быть даже совершенно избѣгаемо». Далѣе: было бы неумѣстно, если бы судъ выдавалъ Habeas Corpus, зная навѣрное, что въ концѣ концевъ ему придется отправить обратно въ заключеніе приведенное къ нему лицо. Вслѣдствіе всего этого Habeas Corpus выдается лишь по предъявленіи мотивированнаго прошенія, которое давало бы суду основаніе усмотрѣть, что лишеніе свободы было произведено неправильно и что заключенный имѣетъ право быть освобожденнымъ. «Если бы приказъ Habeas Corpus», говоритъ Блэкстонъ[2]), «выдавался во всякомъ случаѣ, безъ указанія предъ судомъ или судьей какого-либо разумнаго основанія къ его выдачѣ, то любой измѣнникъ или тяжкій уголовный преступникъ, приговоренные къ смертной казни, могли бы, вслѣдствіе Habeas Corpus, получить временное освобожденіе, хотя, будучи приведены въ судъ, они, конечно, сейчасъ же были бы снова отправлены въ заключеніе». Изъ сказаннаго видны и границы, за предѣлы которыхъ судъ не долженъ переходить въ проявленіи своего права отказывать, а именно: — онъ можетъ не выдавать Habeas Corpus лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ просьбѣ о выдачѣ его не представлено рѣшительно никакихъ данныхъ, которыя свидѣтельствовали бы о незаконности задержанія, или когда разсмотрѣніе просьбы вселяетъ въ судьяхъ полную и твердую увѣренность въ томъ, что приведенное къ нимъ въ силу приказа Habeas Corpus лицо придется вновь отправить въ заключеніе.

1) Вильмотъ — одинъ изъ судей, спрошенныхъ въ 1758 г. палатою лордовъ. Paterson, II, ст. 213—214.

2) Blackstone, т. III, ст. 125.

Когда Habeas Corpus выдается въ періодъ судебной сессіи, выдача его заносится въ журналъ суда; если же въ вакаціонное время, то выдавшій его судья дѣлаетъ обыкновенно на оборотѣ прошенія собственноручную о томъ помѣтку [1]). «Въ тѣхъ видахъ, чтобы ни одинъ шерифъ, тюремный смотритель, или иное какое-либо должностное лицо не могли отговариваться невѣдѣніемъ законной силы и важности приказа», ст. III Habeas Corpus Акта постановляетъ, между прочимъ, что приказъ долженъ быть подписанъ выдавшимъ его судьею и чтобы на немъ была надпись — per statutum tricesimo primo Caroli secundi regis [2]).

Прежде, чѣмъ перейти къ анализу отдѣльныхъ составныхъ частей приказа Habeas Corpus, приведемъ цѣликомъ подлинную формулу его. Вотъ она [3]):

Victoria, by the Grace of God, of the United Kingdom of Great Britain and Ireland, Queen, Defender of the Faith, to the keeper of our Gaol of —, at —, or his deputy, greeting.

---

1) Hurd, стр. 226.

2) Указанное постановленіе имѣло цѣлью устранить злоупотребленія, столь частыя въ эпоху изданія акта 1679. Съ теченіемъ времени оно утратило свое значеніе, такъ что требуемая имъ надпись мало по малу совершенно перестала употребляться за ненадобностью. — Short and Mellor, стр. 361, прим.

3) Заимствуемъ ее изъ Burn: Justice of the peace and parish officer. L. 1845, т. III, стр. 436. — Сличеніе этой формулы съ приведеннымъ, въ историческомъ очеркѣ (см. выше, стр. 16), латинскимъ текстомъ ея показываетъ, что современный текстъ приказа есть почти дословный переводъ съ латинскаго на англійскій языкъ. Не смотря на то, что съ замѣною латинскаго языка англійскимъ въ формулѣ уже не встрѣчается словъ Habeas Corpus ad subjiciendum (теперь — you have the body), названіе процедуры и самаго приказа осталось прежнее. Нѣкоторыя части приведенной формулы, конечно, могутъ измѣняться въ зависимости отъ того, къ кому собственно обращенъ приказъ, а также и отъ того, назначается-ли какой-нибудь опредѣленный день для привода заключеннаго или, какъ въ указанной формулѣ, его предписывается доставить немедленно.

We command you, that you have before us at Westminster-Hall, immediately after the receipt of this writ, the body of C. D. being committed and detained in Our prison under your custody (as is said) together with the day and cause of the taking and detaining of the said C. D., by whatever name the said C. D. be called in the same, to undergo and receive all and singular such things as Our Court shall then and there consider of him in that behalf, and that you have then there this writ. Witness Thomas Lord Denman at Westminster' the — day of —, in the — year of our reign. By the court...

Т.-е.: — Викторія, Божьею милостью, Королева Соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, Защитница Вѣры, смотрителю нашей тюрьмы.....въ ....., или его помощнику — привѣтъ.

Повелѣваемъ вамъ, чтобы вы немедленно послѣ полученія этого приказа, представили къ намъ въ Вестминстеръ-Голль личность (тѣло — body) C. D., арестованнаго и заключеннаго, какъ говорятъ, въ нашу тюрьму подъ вашей охраной, а вмѣстѣ съ тѣмъ указали день и причину взятія и дальнѣйшаго задержанія названнаго C. D. подъ какимъ-бы именемъ онъ ни былъ тамъ обозначенъ, — для того, чтобы выслушать и принять (къ исполненію) всѣ вообще и каждое въ частности изъ тѣхъ постановленій, которыя нашъ судъ сдѣлаетъ по этому поводу; приказъ этотъ вы должны имѣть тогда при себѣ. (Далѣе слѣдуютъ обозначеніе времени выдачи приказа и подписи).

По отношенію къ отдѣльнымъ частямъ приказа[1])

1) Кромѣ разсматриваемаго приказа Habeas Corpus ad subjiciendum въ англійскомъ правѣ есть еще нѣсколько видовъ приказа Habeas Corpus, но они не имѣютъ отношенія къ вопросу о защитѣ личной свободы. Таковы — Habeas Corpus ad testificandum (приказъ суда доставить арестанта для дачи показаній по какому-нибудь дѣлу), Habeas Corpus ad deliberandum and recipias (приказъ о переводѣ арестанта изъ одной тюрьмы въ другую) и др.

нужно замѣтить слѣдующее. — Во-первыхъ, приказъ выдается отъ имени короля или королевы, вслѣдствіе чего съ древнихъ временъ онъ и получилъ названіе королевскаго — King's или Queen's Writ. Основаніемъ къ этому является презумпція, по которой государство заинтересовано во всѣхъ случаяхъ неправильнаго лишенія свободы и король, какъ глава его, «имѣетъ право во всякую минуту быть извѣщеннымъ о положеніи заключеннаго, а также и о причинахъ его задержанія[1]).

Во-вторыхъ, приказъ обращается къ тому лицу, подъ охраной или стражей котораго находится заключенный. Въ случаяхъ, обнимаемыхъ Habeas Corpus Актомъ[2]) этимъ лицомъ бываетъ какое-нибудь должностное лицо — рѣдко шерифъ, всего чаще — тюремный смотритель, его помощникъ и т. д. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что лицо, къ которому адресуется приказъ, должно быть обозначаемо вполнѣ точно: такъ, напр., въ приказѣ не можетъ быть сказано — «шерифу или тюремному смотрителю». Въ этомъ отношеніи судъ руководствуется слѣдующимъ правиломъ: «если задержаніе произведено по предписанію шерифа, то приказъ долженъ быть направленъ къ нему, такъ какъ въ глазахъ закона заключенный находится подъ его надзоромъ; если же задержанный былъ немедленно отправленъ подъ стражу тюремнаго смотрителя, какъ это бываетъ во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ, то приказъ долженъ быть обращенъ непремѣнно къ нему»[3]).

Въ третьихъ, самая существенная часть приказа есть та, въ которой судъ предписываетъ доставить къ нему заключеннаго, съ указаніемъ времени, причинъ и

---

1) Hurd, ст. 230.

2) Въ случаяхъ же, основанныхъ на Common law и актѣ 1816 г., такимъ лицомъ обыкновенно является какой-нибудь частный человѣкъ: отецъ, неправильно лишающій свободы своего сына, мужъ, стѣсняющій свободу своей жены, хозяинъ какого-нибудь промышленнаго заведенія, ограничивающій свободу своего прикащика или ученика и т. под.

3) Hurd, стр. 231.

обстоятельствъ его взятія и задержанія. Въ эпоху господства въ судебной практикѣ латинскаго языка это предписаніе выражалось словами — Habeas Corpus ad subjiciendum.... una cum causa detentionis; въ настоящее же время оно выражается такъ: We command you that you have before us.... the body..., together with the day and cause of the taking and detaining of the.... Такимъ образомъ, въ современной формулѣ полнѣе и отчетливѣе обозначаются требованія суда отъ лица, къ которому обращается приказъ: тогда какъ прежде требовалось указаніе лишь causa detentionis, теперь должны быть указаны и время, и причина какъ первоначальнаго взятія, такъ и дальнѣйшаго задержанія.

Получивъ изъ суда приказъ, повѣренный, родственникъ, другъ или иной кто, дѣйствующій въ интересахъ заключеннаго, предъявляетъ его тому лицу, къ которому онъ обращенъ. Если заключенный находится въ тюрьмѣ, то текстъ приказа или вручается лично тюремному смотрителю, или же «оставляется въ тюрьмѣ у кого-либо изъ его помощниковъ» (ст. II акта 1679 г.).

Немедленно послѣ полученія приказа Habeas Corpus или въ опредѣленный въ немъ день то лицо, къ которому онъ обращенъ, обязано исполнить заключающееся въ немъ предписаніе суда, т.-е. доставить къ нему заключеннаго и указать время, причины и обстоятельства его задержанія. Механизмъ выполненія требованій приказа носитъ техническое названіе „return“, подъ которымъ надо разумѣть слѣдующее. Return состоитъ, во-1) изъ письменнаго отзыва, скрѣпленнаго тѣмъ лицомъ, которому адресованъ приказъ, отзыва, констатирующаго время и причину взятія и дальнѣйшаго задержанія заключеннаго, и во-2) приведенія его въ судъ или къ судьѣ; если же заключенный не приводится, то должны быть указаны основанія къ этому [1]).

1) Hurd, ст. 235.

Скорѣйшее и точное выполненіе этихъ требованій есть едва-ли не самое важное условіе дѣйствительности всей процедуры Habeas Corpus. Поэтому вполнѣ понятно, что законодательство и судебная практика ревниво относятся къ этому, принимая мѣры къ предотвращенію и предупрежденію возможныхъ здѣсь проволочекъ. Частыя и «великія промедленія» шерифовъ, тюремныхъ смотрителей и др. въ исполненіи требованій Habeas Corpus и послужили одной изъ главнѣйшихъ побудительныхъ причинъ къ изданію статута 1679 г. Статья II установляетъ для производства return'а крайніе сроки, продолжительность которыхъ колеблется между 3 и 20 днями, смотря по разстоянію мѣста заключенія даннаго лица отъ мѣста нахожденія суда или судьи, къ которому долженъ быть приведенъ заключенный. Return долженъ быть сдѣланъ не позже 3-хъ дней послѣ предъявленія приказа, если мѣсто заключенія находится на разстояніи не свыше 20 миль отъ мѣста пребыванія суда или судьи; если болѣе 20, но не свыше 100 миль, то — въ теченіи 10 дней, и наконецъ, если разстояніе превышаетъ 100 миль, то return долженъ быть сдѣланъ въ теченіе 20 дней послѣ предъявленія приказа, «никакъ не позже». При этомъ надо замѣтить, что крайній 20 дневный срокъ въ практикѣ встрѣчается очень рѣдко [1]).

Въ той же II статьѣ акта 1679 г. предусматривается покрытіе издержекъ по доставленію заключеннаго въ судъ, а также и по обратной отсылкѣ его въ мѣсто заключенія, если послѣднее будетъ признано правильнымъ. Издержки эти не должны превышать 12 пенсовъ на милю. Судебною практикою установлено однако, что неуплата издержекъ не есть еще достаточное основаніе къ невыполненію приказа и непредставленію заключеннаго въ судъ: впрочемъ этотъ послѣдній освобождаетъ заключеннаго лишь по уплатѣ издержекъ [2]).

1) Paterson, II, ст. 216.

2) Hurd, ст. 226. — Church, ст. 130—131.

Неисполненіе требованій относительно немедленнаго производства return'а карается значительнымъ штрафомъ, идущимъ въ пользу заключеннаго. Такъ, если какое-либо должностное лицо (any officer or his under-officers и т. д.) «пренебрежетъ или вовсе откажется сдѣлать return», то, по ст. V акта 1679 г., въ первый разъ онъ подлежитъ штрафу въ 100 фун. стер., а во второй — штрафу въ 200 фун. стер. и удаленію отъ должности безъ права занять ее вновь. Штрафъ этотъ распространяется только на случаи, обнимаемые актомъ 1679 г. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ, вмѣсто штрафа, виновный въ неисполненіи приказа подвергается преслѣдованію какъ за contempt of court, т.-е. неповиновеніе распоряженіямъ суда[1]).

Остановимся теперь на болѣе подробномъ разсмотрѣніи составныхъ элементовъ return'а и тѣхъ условій, которыя должны быть соблюдаемы при выполненіи приказа Habeas Corpus. Отзывъ лица, къ которому обращенъ приказъ, долженъ быть изложенъ въ письменной формѣ за его подписью, и представленъ въ тотъ судъ или къ тому судьѣ, который указанъ въ текстѣ при-

1) Paterson, II, ст. 216. — Hurd, ст. 236—237. — Contempt of court является для англійскихъ судовъ могущественнѣйшимъ орудіемъ къ обезпеченію безусловнаго выполненія всякаго рода постановленій и требованій суда, а также средствомъ защиты чести и достоинства его. Къ нему прибѣгаютъ въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ; напр. дерзкое или неуважительное поведеніе въ судѣ, устрашеніе свидѣтелей, оскорбленіе судьи или суда въ печати, преждевременное опубликованіе свѣдѣній о производящихся дѣлахъ, все это составляетъ contempt of court. Виновныхъ въ немъ судъ можетъ подвергнуть штрафу или тюремному заключенію, при чемъ опредѣленіе размѣра перваго и продолжительности послѣдняго предоставляется всецѣло на усмотрѣніе суда. Рѣшенія его по дѣламъ о contempt of court не подлежатъ обжалованію. Еще въ сравнительно недавнее время (въ началѣ XIX ст.) бывали случаи, когда тюремное заключеніе за contempt продолжалось десятки лѣтъ, что вызывало сильныя нареканія и недовольство общественнаго мнѣнія, подъ вліяніемъ котораго суды перестали прибѣгать къ прежнимъ черезчуръ крутымъ мѣрамъ наказанія за contempt. Franqueville: наз. соч., т. II, ст. 26—30.

каза. Содержаніе отзыва зависитъ отъ того, приводится-ли заключенный въ судъ, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ въ отзывѣ должны быть констатированы время и причины задержанія; во второмъ — приведены основанія, почему заключенный не доставленъ въ судъ.

Разсмотримъ каждый изъ этихъ случаевъ отдѣльно. Одного представленія заключеннаго въ судъ недостаточно. Если то лицо, къ которому обращенъ приказъ, ограничивается этимъ, отказываясь или уклоняясь изложить причины взятія и задержанія заключеннаго, то оно подлежитъ отвѣтственности за contempt of court [1]). Въ отзывѣ, какъ было уже замѣчено выше, должны быть разграничены два момента — собственно взятія, ареста (caption) и дальнѣйшаго задержанія арестованнаго лица (detention). Основаніемъ къ этому является возможность такихъ случаевъ, гдѣ при полной законности одного изъ названныхъ актовъ, другой оказывается противозаконнымъ. Суду необходимо знать это, такъ какъ ближайшая цѣль процедуры Habeas Corpus — освободить лишеннаго свободы изъ противозаконнаго заключенія въ данный моментъ, а онъ можетъ имѣть право на это освобожденіе, хотя бы первоначальный арестъ его и былъ вполнѣ законенъ. И наоборотъ — если въ отзывѣ будетъ доказано законное основаніе къ лишенію свободы, то заключенный не можетъ быть освобожденъ, хотя бы первоначальный арестъ и былъ произведенъ безъ соблюденія требуемыхъ закономъ условій. Послѣ указанія времени и поводовъ къ первоначальному аресту, въ отзывѣ должны быть изложены причины дальнѣйшаго задержанія. Если основаніемъ послѣдняго является распоряженіе какой-либо общественной власти, какъ напр., спеціальное предписаніе объ арестѣ, то текстъ его долженъ быть представленъ суду, который и разбираетъ его дѣйствительность, законную силу. Если кромѣ спеціальнаго предписа-

1) Hurd, cr. 252.

нія есть еще другіе документы и акты, имѣющіе отношеніе къ вопросу о задержаніи даннаго лица, то и они также должны быть присоединены къ отзыву. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда лишеніе свободы произведено не въ силу письменнаго предписанія, а по какимъ-либо инымъ основаніямъ[1]), то въ отзывѣ должны быть изложены подробно всѣ факты, такъ или иначе касающіеся вопроса о заключеніи.

Таково содержаніе отзыва въ тѣхъ случаяхъ, когда заключенный представляется въ судъ. Если же этого послѣдняго не дѣлается, то въ отзывѣ должны быть изложены причины этого. Основные элементы англійской системы гарантій — неотступное преслѣдованіе цѣли возстановленія незаконно нарушеннаго права личной свободы, въ связи съ мѣрами устраненія всевозможныхъ преградъ на пути къ достиженію этой цѣли — исключаютъ всякій произволъ въ дѣлѣ выполненія требованій суда относительно приведенія къ нему заключенныхъ. И дѣйствительно, существуютъ только два основанія, которыя въ судебной практикѣ признаются достаточными для того, чтобы оправдать неприведеніе заключеннаго въ судъ, а именно[2]): 1) если то лицо, къ которому обращенъ приказъ Habeas Corpus, не имѣетъ въ своемъ «распоряженіи» той личности, въ интересахъ которой изданъ приказъ, если слѣдовательно нѣтъ самаго факта заключенія, и 2) если заключенный боленъ и слабъ настолько, что представленіе его въ судъ сопряжено съ опасностью для его жизни или здоровья.

Въ виду того важнаго значенія, какое имѣетъ представленіе заключеннаго въ судъ, послѣдній очень строго относится къ мотивамъ не-приведенія его и требуетъ

1) Сюда относятся всѣ случаи ареста безъ особаго предписанія, а также различныя ограниченія въ свободѣ, наложенныя by private authority, въ области частныхъ отношеній — между супругами, родителями и дѣтьми, хозяиномъ и рабочими и т. п.

2) Hurd, стр. 240—250.

отъ нихъ самой безукоризненной точности. Вотъ что говорилъ по этому поводу одинъ изъ членовъ англійской магистратуры, судья Грозъ (Grose): — «бдительнымъ окомъ судъ постоянно слѣдитъ за отзывами на приказы Habeas Corpus. Свобода личности находится въ такой сильной зависимости отъ быстраго выполненія требованій этого приказа, что мы всегда на сторожѣ всякой попытки уклоненія отъ обычной формы отзыва«[1]). Обычная форма эта, выработавшаяся вслѣдствіе столь строгаго отношенія къ дѣлу со стороны судей, заключается въ словахъ: «that the party has not the person in his possession, custody or power[2])», т. е. — что то лицо, въ интересахъ котораго данъ приказъ, не находится «ни въ распоряженіи, ни подъ стражей, ни во власти» того, къ кому приказъ обращенъ. Въ подтвержденіе этого послѣдній долженъ представить факты, настолько достовѣрные и доказанные, чтобы судъ могъ изъ нихъ убѣдиться въ томъ, что дѣйствительно заключеннный не находится у него. Если же отзывъ отличается уклончивостью и способенъ оставить хотя бы нѣкоторое сомнѣніе въ его справедливости, то судъ издаетъ предписаніе объ арестѣ составителя его и возбуждаетъ противъ него преслѣдованіе за неповиновеніе распоряженіямъ суда (for contempt of court[3]).

Другимъ мотивомъ къ не-представленію заключеннаго въ судъ можетъ быть болѣзненное состояніе его. Но для того, чтобы мотивъ этотъ былъ признанъ достаточнымъ, къ отзыву должно быть приложено медицин-

1) Hurd, ст. 241.

2) Hurd, ibid. -- Paterson, II, ст. 216.

3) Такъ напр., отзывъ, въ которомъ было сказано: „ни въ моментъ полученія приказа, ни впослѣдствіи я не удерживалъ (такого-то) въ заключеніи“ (I had not detained the body of .. in my custody) — былъ признанъ уклончивымъ, такъ какъ составитель его не отвергалъ факта пребыванія у него даннаго лица, а только отрицалъ фактъ заключенія его (does not deny having the party, he only denies the detaining of ...) — Hurd, стр 241.

ское удостовѣреніе въ томъ, что заключенный дѣйствительно настолько слабъ, что безпокойство, сопряженное съ приведеніемъ его въ судъ, можетъ повлечь за собой опасность для его жизни или здоровья [1]).

Этимъ исчерпываются тѣ основанія, которыя признаются судомъ достаточнымъ оправданіемъ къ неприведенію заключеннаго. Въ случаѣ отсутствія того и другаго изъ разсмотрѣнныхъ основаній, то лицо, къ которому обращенъ приказъ, безусловно обязано представить заключеннаго въ судъ или къ судьѣ. Иначе — оно подвергается строгой отвѣтственности въ порядкѣ, указанномъ выше: т. е. въ случаяхъ, обнимаемыхъ статутомъ 1679 года, оно подлежитъ штрафу въ размѣрѣ 100 или 200 фун. ст. и удаленію отъ должности, во всѣхъ остальныхъ — судебному преслѣдованію по обвиненію въ неисполненіи предписаній суда.

Кромѣ отзыва съ объясненіемъ причинъ лишенія свободы суду долженъ быть представленъ и подлинный текстъ выданнаго имъ приказа Habeas Corpus.

Съ цѣлью показать, какъ строго и зорко слѣдитъ судъ за точнымъ исполненіемъ своихъ предписаній относительно Habeas Corpus, приведемъ случай, имѣвшій мѣсто въ практикѣ самаго послѣдняго времени. Въ 1889 г. дезертировалъ матросъ по фамиліи Флойдъ. Полиція, розыскивая дезертира, арестовала нѣкоего Томпсона, принявъ его за бѣглаго матроса. Арестованный былъ доставленъ на одинъ изъ кораблей и тамъ, не смотря на протесты съ его стороны, онъ былъ подвергнутъ заключенію, какъ дезертиръ. Послѣ нѣкотораго времени несчастному удалось наконецъ войти въ сношенія съ близкими ему людьми, которые и возбудили ходатайство о выдачѣ приказа Habeas Corpus въ интересахъ Томпсона. Судъ дѣйствительно выдалъ приказъ, въ которомъ капитану корабля, м-ру Вудвордъ, повелѣвалось немедленно доставить Томпсона въ судъ, пред-

1) Hurd, стр. 249—250.

ставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ подлинный приказъ съ надлежащимъ отвѣтомъ.

7 іюня 1889 г. Томпсонъ дѣйствительно былъ доставленъ въ отдѣленіе Королевской Скамьи Верховнаго суда. Капитанъ Вудвордъ лично не явился, а прислалъ повѣреннаго, адвоката адмиралтейства. Когда судьи предложили ему представить подлинный приказъ, онъ сказалъ, что у него есть лишь копія его. По этому поводу между судьями и повѣреннымъ произошелъ слѣдующій діалогъ:

«Судья Мэтью (предсѣдатель). — Мы желаемъ имѣть нашъ приказъ.

Судья Манисти. — Вы оказываете неповиновеніе предписаніямъ приказа; вы должны представить подлинникъ его вмѣстѣ съ отвѣтомъ. Вы говорите, что у васъ нѣтъ приказа, и ничего не отвѣчаете: вѣдь это настоящее оскорбленіе суда.

Адвокатъ. — Подлиннаго приказа нѣтъ здѣсь.

Судья Манисти. — Мы не можемъ выслушивать подобныя нелѣпости.

Адвокатъ. — Мнѣ прискорбно, что ваша милость употребляетъ такое выраженіе.

Судья Мэтью. — Долженъ сказать, что я одобряю это выраженіе. Въ самомъ дѣлѣ нелѣпо, что адвокатъ, и притомъ адвокатъ знаменитый, является сюда безъ подлиннаго приказа и надлежащаго отвѣта на него.

Адвокатъ въ объясненіе сослался на распоряженіе высшаго начальства.

Судья Мэтью. — Да, но вы должны были тѣмъ, кто вамъ сказалъ это, отвѣтить, что вы отказываетесь явиться сюда, чтобы повторять подобныя нелѣпости.

Судья Манисти. — Мы предпишемъ арестовать капитана Вудворда. Намъ необходимо знать истину. Безполезно являться сюда и говорить, что не знаешь порядковъ. Ихъ надо знать и поступать сообразно съ ними. Въ противномъ случаѣ мы должны наложить строгое наказаніе. Нельзя играть такимъ образомъ сво-

бодою гражданъ. Мнѣ безразлично, лежитъ-ли вина этого на адмиралтействѣ, или на министрѣ внутреннихъ дѣлъ, или на какой-нибудь другой власти. Фактъ тотъ, что суду не оказано должное повиновеніе.

Судья Мэтью. — Я совершенно того же мнѣнія. Въ данномъ случаѣ, повидимому, забыли основной принципъ нашей конституціи о верховенствѣ закона въ этой странѣ и о томъ, что никакое должностное лицо не можетъ въ свое оправданіе ссылаться на распоряженіе высшей власти, какъ бы высока она ни была... приказу должно быть оказано полное повиновеніе».

На слѣдующій день капитанъ Вудвордъ, командиръ судна «Герцогъ Веллингтонъ», былъ арестованъ агентомъ шерифа, который и доставилъ его въ мѣстную тюрьму. Въ тотъ же день однако онъ былъ отпущенъ на свободу подъ обезпеченіе.

Когда же 21-го іюня онъ предсталъ передъ судомъ, судья Мэтью обратился къ нему со слѣдующими словами:

«Вашъ адвокатъ представилъ намъ почтительныя извиненія и сказалъ, что вы дѣйствовали согласно распоряженіямъ вашего начальства. Мы не можемъ однако принять это какъ оправданіе, мы имѣемъ дѣло только съ вами.... Вы совершили очень важный contempt of Court. Приказъ Habeas Corpus — одинъ изъ наиболѣе священныхъ, какія только знаетъ законъ; онъ созданъ для того, чтобы противодѣйствовать всякому произвольному заключенію, и каждый, какъ бы ни былъ онъ высоко поставленъ, обязанъ повиноваться ему.... Вы представили этого человѣка сюда, не объяснивъ намъ, почему вы подвергли его заключенію, и не отвѣтивъ на нашъ приказъ.... Мы обязаны дать понять, что этому великому приказу Habeas Corpus должны немедленно повиноваться всѣ, въ особенности же должностныя лица. Мы могли бы подвергнуть васъ тюремному заключенію, но на этотъ разъ мы лишь налагаемъ на васъ штрафъ въ размѣрѣ 50 фун. ст.»

Капитанъ Вудвордъ принялся увѣрять, что онъ не

имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія оказывать неуваженіе правосудію; но старанія его оказались тщетными. «Мы вполнѣ вѣримъ этому — сказалъ судья Мэтью, — ибо, не будь этого, мы подвергли бы васъ тюремному заключенію.... Всѣ судебныя издержки по настоящему дѣлу уплатитъ осужденый»[1])....

Переходимъ къ послѣдней стадіи процедуры Habeas Corpus и остановимся на разсмотрѣніи того, что̀ въ тѣхъ и другихъ случаяхъ дѣлаетъ судъ по отношенію къ дальнѣйшей судьбѣ лицъ, подвергшихся лишенію свободы. — Немедленно послѣ приведенія заключеннаго и представленія отзыва о причинахъ взятія и задержанія его, судъ приступаетъ къ изслѣдованію обстоятельствъ дѣла. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что возможны два вида судебнаго разбирательства по Habeas Corpus. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ судъ разсматриваетъ вопросы и факта и права, въ другихъ — онъ ограничивается изслѣдованіемъ дѣла лишь съ точки зрѣнія права (law simply)[2]). Послѣднее имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ факты, приведенные въ отзывѣ, не подлежатъ оспариванію, и судъ разсматриваетъ только, — достаточны-ли они съ точки зрѣнія права для того, чтобы оправдать лишеніе свободы. Если же данный случай подходитъ къ той категоріи, гдѣ оспариваніе фактовъ, представленныхъ въ отзывѣ, дозволяется, то судъ изслѣдуетъ сначала вѣрность ихъ и затѣмъ уже разсматриваетъ достаточность ихъ съ точки зрѣнія права.

Въ виду того вліянія, какое оказываетъ на характеръ судебнаго разбирательства вопросъ о внутренней силѣ и степени достовѣрности отзыва, необходимо привести нѣкоторыя историческія данныя по этому предмету и указать, въ какихъ именно случаяхъ дозволяется оспариваніе фактовъ отзыва. — Древнее common law относилось отрицательно къ возможности опровер-

1) Franqueville: Le systéme judiciaire de la Grande Bretagne. Paris, 1893; томъ I, стр. 65—68.

2) Hurd, ст. 289 и сл.

гать фактическія данныя, представленныя въ return'ѣ. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ и толкователей его, юристъ начала XVII вѣка Гаукинсъ (Hawkins) говоритъ[1]: «какъ кажется, признано, что никто ни въ какомъ случаѣ не можетъ опровергать достовѣрность отзыва на Habeas Corpus». Если же заинтересованное въ дѣлѣ лицо считало факты, приведенные въ отзывѣ, невѣрными, то ему предоставлялось возбудить особый «искъ о ложномъ отзывѣ» (action for a false return). Что касается Habeas Corpus Акта, то онъ вовсе не затрогиваетъ вопроса о возможности опровергать факты отзыва, такъ что въ судебной практикѣ и по статуту 1679 года, и по common law установилось отрицательное отношеніе къ нему. Однако съ теченіемъ времени стало сильно чувствоваться неудобство этого порядка, и вотъ въ 1758 году, при внесеніи въ парламентъ билля о дополнительномъ Habeas Corpus Актѣ, между прочимъ, предложено было отмѣнить этотъ порядокъ и допустить опроверженіе фактовъ отзыва. Билль этотъ, какъ мы говорили, былъ принятъ палатою общинъ, но верхняя палата отвергла его. Изслѣдуя по этому поводу различныя стороны процедуры Habeas Corpus, палата лордовъ признала нужнымъ предложить призваннымъ въ ея засѣданіе судьямъ, между прочимъ, и вопросъ о силѣ и значеніи return'а. Вопросъ поставленъ былъ въ слѣдующей формѣ: — «Во всѣхъ-ли случаяхъ судьи настолько связаны фактами, выставленными въ отзывѣ на приказъ Habeas Corpus, что они не могутъ освободить доставленное къ нимъ лицо, хотя бы ясныя и несомнѣнныя доказательства приводили ихъ къ тому убѣжденію, что отзывъ фактически невѣренъ и что данное лицо ограничено въ своей свободѣ путемъ недозволенныхъ средствъ, въ прямое нарушеніе закона и справедливости»[2].

1) Hurd, ст. 258.

2) Hurd, ст. 259. — Parliamentary History of England, vol. XV 1753—1765), ст. 902; вопросъ десятый.

Судьи отвѣтили на этотъ вопросъ отрицательно. Большинство ихъ дали категорически-отрицательный отвѣтъ, другіе — съ нѣкоторыми ограниченіями. Съ этого момента сталъ обнаруживаться рѣзкій поворотъ въ сторону положительнаго рѣшенія интересующаго насъ вопроса. Высказанныя судьями «мнѣнія» (opinions) легли въ основу дальнѣйшей судебной практики, стали проводиться въ жизнь, а въ 1816 году получили наконецъ и законодательное признаніе въ дополнительномъ Habeas Corpus Актѣ. Статья 3-я его гласитъ слѣдующее: — «Во всѣхъ случаяхъ, предусматриваемыхъ этимъ актомъ, хотя бы отзывъ на приказъ Habeas Corpus былъ вполнѣ достаточенъ съ точки зрѣнія права, судьѣ или барону (членъ суда казначейства), которому представляются отзывъ и заключенный, разрѣшается изслѣдовать вѣрность фактовъ (the truth of the facts), изложенныхъ въ отзывѣ при посредствѣ показаній подъ присягою». Но это постановленіе акта 1816 года не было распространено на практику по статуту 1679 года: въ результатѣ въ процедурѣ Habeas Corpus установилась въ этомъ отношеніи двойственность, и вопросъ о возможности опровергать факты, заключающіеся въ отзывѣ, съ тѣхъ поръ и понынѣ рѣшается въ томъ или другомъ смыслѣ въ зависимости отъ того, изданъ-ли Habeas Corpus на основаніи статута 1679 года, или по common law и акту 1816 года. Въ послѣднемъ случаѣ показанія подъ присягою, съ цѣлью опровергнуть отзывъ, допускаются. Напротивъ, тамъ гдѣ приказъ изданъ per statutum tricesimo primo Caroli secundi regis, факты, изложенные въ отзывѣ, опроверженію не подлежатъ, и лицу заинтересованному, если оно считаетъ ихъ невѣрными, предоставляется возбудить искъ о ложномъ отзывѣ[1]).

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, почему въ дѣлахъ, возникающихъ по Habeas Corpus

1) Paterson, II, ст. 216. — Hurd, ст. 268.

Акту 1679 года, судъ лишенъ права входить въ разсмотрѣніе вѣрности фактовъ, представленныхъ въ отзывѣ. Повидимому, это обстоятельство должно влечь за собою весьма неблагопріятныя для дѣла послѣдствія. Но эта странность и кажущійся недостатокъ пропадаютъ, если принять во вниманіе, что статутъ 1679 касается только случаевъ лишенія свободы по обвиненію въ уголовныхъ преступленіяхъ. Между тѣмъ въ такихъ случаяхъ задержаніе, какъ указано выше, производится на основаніи особаго предписанія въ которомъ обстоятельства и причины заключенія излагаются компетентнымъ должностнымъ лицомъ, обыкновенно мировымъ или полицейскимъ судьею. Притомъ же «задержанію по обвиненію или подозрѣнію въ уголовномъ преступленіи предшествуетъ предварительное судебное слѣдствіе»[1]), въ теченіе котораго и происходитъ провѣрка фактическихъ данныхъ. — Далеко не то представляютъ всѣ остальные случаи лишенія свободы, въ которыхъ на защиту пострадавшаго выступаетъ Habeas Corpus по common law и по акту 1816 года. «Здѣсь и въ особенности во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ограниченія въ свободѣ возникаютъ изъ частныхъ отношеній, вполнѣ умѣстно, если не совсѣмъ необходимо — допускать повѣрку всѣхъ фактовъ, которые весьма важно знать суду для того, чтобы онъ могъ рѣшить, не противозаконно-ли заключеніе»[2]). Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ такихъ случаяхъ задержанію не предшествуетъ судебное разслѣдованіе и самая процедура Habeas Corpus не обставлена здѣсь такими санкціями, какъ Habeas Corpus по статуту 1679 года.

Не смотря на указанныя особенности въ характерѣ судебнаго разбирательства въ томъ случаѣ, гдѣ его предметомъ являются вопросы и факта и права, и въ томъ, гдѣ оно касается только права, задачи суда въ обоихъ

1) Hurd, ibid.
2) Hurd, ст. 268.

случаяхъ сводятся въ концѣ концовъ къ тому, чтобы изслѣдовать, — законно-ли или нѣтъ подвергнуто данное лицо лишенію свободы. Это единственный существенный вопросъ, который подлежитъ рѣшенію суда во всѣхъ дѣлахъ по Habeas Corpus. Другихъ предметовъ онъ не касается, и хотя бывали иногда попытки во время преній возбуждать нѣкоторые иные вопросы, но всѣ онѣ постоянно встрѣчали противодѣйствіе [1]). Въ судебной практикѣ твердо укоренилось правило, по которому въ преніяхъ стороны касаются лишь тѣхъ данныхъ, которыя находятся въ непосредственной связи съ вопросомъ о законности лишенія свободы. Обыкновенно на объясненія автора отзыва на приказъ заключенный представляетъ отвѣтъ (reply), содержащій въ себѣ сжатое изложеніе фактовъ, доказывающихъ незаконность задержанія. Иногда же «отвѣтъ» этотъ состоитъ въ простомъ отрицаніи фактовъ, представленныхъ въ отзывѣ [2]). Кромѣ отвѣта заключеннаго и данныхъ, констатированныхъ въ отзывѣ, а также представленныхъ устно тѣмъ лицомъ, подъ стражей котораго находился заключенный, судъ въ рѣшеніи вопроса о законности лишенія свободы опирается еще на показанія свидѣтелей, которые могутъ быть вызываемы обѣими сторонами. Не входя въ подробности касательно компетенціи свидѣтелей и другихъ вопросовъ, имѣющихъ связь съ тѣми техническими особенностями, которыя отличаютъ систему доказательствъ въ процедурѣ Habeas Corpus, близко подходящей къ такъ называемому «суммарному», сокращенному производству, отъ системы, принятой въ общемъ, «регулярномъ» судопроизводствѣ, — мы ограничимся указаніемъ лишь общихъ положеній относительно «показаній подъ присягою», affidavits. Путемъ этихъ показаній, какъ сказано выше, актъ 1816 г. разрѣшаетъ опровергать факты, приведенные въ отзывѣ. Но доказательная сила

1) Hurd, ст. 290.

2) Hurd, ст. 292.

ихъ и предѣлы пользованія ими не предусмотрѣны ни этимъ актомъ, ни какими-либо другими статутными постановленіями: рѣшеніе этихъ вопросовъ всецѣло предоставлено на усмотрѣніе судей. Вотъ къ какимъ заключеніямъ приходитъ Гёрдъ, послѣ тщательнаго анализа данныхъ судебной практики относительно способовъ доказательства въ дѣлахъ по Habeas Corpus[1]):

«1) Показанія подъ присягою, данныя передъ компетентной властью и надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованныя, могутъ быть принимаемы, хотя бы они были сняты безъ увѣдомленія о томъ противной стороны.

2) Вопросъ объ ихъ принятіи предоставляется на «здравое» (sound) усмотрѣніе суда, который въ пользованіи ими соображается съ обстоятельствами каждаго отдѣльнаго случая.

3) Въ изслѣдованіяхъ, касающихся уголовныхъ обвиненій, требуется личное присутствіе свидѣтелей, если не доказано, что этого нельзя было достигнуть послѣ тщательныхъ стараній.

4) Этотъ видъ доказательства относится къ категоріи всего менѣе допускаемыхъ (is of the lawest admissible grade), и потому долженъ быть принимаемъ съ большою осторожностью и тщательно взвѣшиваемъ».

Въ тѣхъ случаяхъ, когда основаніемъ къ задержанію является обвиненіе въ какомъ-либо уголовномъ преступленіи или проступкѣ, гдѣ, слѣдовательно, заключенію предшествовало предварительное слѣдствіе, — судъ, разбирающій дѣло по Habeas Corpus, можетъ въ инте-

---

1) Hurd, ст. 319. Сочиненіе этого автора, американскаго юриста, представляетъ собою изслѣдованіе практики института Habeas Corpus главнымъ образомъ въ Америкѣ; но туда институтъ этотъ былъ перенесенъ изъ Англіи, вслѣдствіе чего при изученіи его Гёрдъ постоянно опирается на англійскую практику. Въ нашемъ изложеніи мы пользовались лишь тѣми данными и обобщеніями его, которыя извлечены авторомъ изъ англійскаго права. У англійскихъ юристовъ трактатъ Гёрда пользуется большимъ авторитетомъ.

ресахъ полнаго и лучшаго выясненія его вытребовать у производившаго слѣдствіе судьи соотвѣтствующіе протоколы, заключающіе въ себѣ свидѣтельскія показанія и другія данныя предварительнаго слѣдствія. Для этого судъ обращается къ сказанному магистрату съ особымъ предписаніемъ, носящимъ названіе «writ of certiorari», о доставленіи ему надлежащихъ документовъ. Обыкновенно предписаніе это издается судомъ одновременно съ выдачей приказа Habeas Corpus. Полученные такимъ путемъ документы являются для суда весьма важнымъ подспорьемъ, «снабжающимъ его средствами къ сужденію о томъ, какъ поступить съ заключеннымъ»[1]).

Взвѣсивъ всѣ перечисленныя данныя, судъ постановляетъ свое рѣшеніе. Обыкновенно судебное разбирательство по Habeas Corpus тянется очень недолго и нерѣдко заканчивается въ одномъ засѣданіи. Но въ нѣкоторыхъ случахъ, какъ, напримѣръ, когда необходимо вызвать свидѣтелей, разсмотрѣніе дѣла затягивается на нѣсколько дней. Въ теченіе всего этого времени заключенный находится въ состояніи задержанія (is detained). Но основаніемъ къ этому является уже не первоначальное предписаніе о задержаніи, которое съ моментомъ приведенія заключеннаго въ судъ теряетъ свою силу, а власть, авторитетъ самого суда, который въ правѣ принять на этотъ счетъ тѣ или другія мѣры. Во время разсмотрѣнія дѣла судъ или отсылаетъ заключеннаго подъ стражу (подъ своимъ непосредственнымъ контролемъ), или же отпускаетъ его на свободу на-поруки de die in diem[2]).

Рѣшеніе суда по Habeas Corpus, смотря по обнаружившимся обстоятельствамъ дѣла, принимаетъ одну изъ слѣдующихъ трехъ формъ: судъ или 1) совершенно освобождаетъ заключеннаго, или 2) отпускаетъ его на

1) Hurd, ст. 350 и сл.

2) Hurd, ст. 319—320.

свободу подъ поручительствомъ, или же, наконецъ, 3) отправляетъ его обратно въ заключеніе.

Полное освобожденіе имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда данныя судебнаго разбирательства обнаруживаютъ противозаконность ареста и дальнѣйшаго задержанія. Выше подробно разсмотрѣны необходимые элементы понятія «законнаго» лишенія свободы, и здѣсь уже мы не будемъ возвращаться снова къ этому. Наиболѣе существенными условіями его являются наличность достаточныхъ основаній къ задержанію и соблюденіе закономъ установленнаго порядка производства ареста и заключенія. Если порядокъ этотъ не соблюденъ и не имѣется достаточныхъ основаній къ аресту, т. е. если данное лицо не обнаружило намѣренія уклониться отъ правосудія (въ гражданскомъ процессѣ) и не совершило никакого уголовнаго преступленія, то лишеніе свободы считается незаконнымъ и подвергшійся ему подлежитъ полному освобожденію [1]).

Если арестъ произведенъ съ соблюденіемъ законныхъ формъ и при наличности достаточнаго основанія, т. е. вслѣдствіе какого-либо преступленія и если это преступленіе по своему характеру допускаетъ освобожденіе на-поруки или подъ обезпеченіе, то судъ отпускаетъ заключеннаго на свободу, принимая отъ него и поручителей обязательство уплаты извѣстной денежной суммы, какъ мѣру обезпеченія противъ уклоненія его отъ суда. — Въ освобожденіи подъ поручительствомъ, на основаніи Habeas Corpus, Верховный судъ руководствуется тѣми принципами и соображеніями, которые указаны выше, при разсмотрѣніи соотвѣтственныхъ дѣйствій

1) Здѣсь, какъ и вообще въ нашемъ изслѣдованіи, мы имѣемъ въ виду преимущественно случаи лишенія свободы въ сферѣ публично-правовыхъ отношеній. Что касается до случаевъ, относящихся къ области частно-правовыхъ отношеній (лишеніе свободы мужемъ жены, отцемъ сына, опекуномъ опекаемаго и т. под.), то при разсмотрѣніи ихъ судъ руководствуется юридическими нормами, регулирующими тѣ или другія изъ этихъ отношеній.

низшей магистратуры[1]). Существенное между ними различіе состоитъ въ томъ, что Верховный Судъ обладаетъ болѣе широкими правами и можетъ отпускать на свободу обвиняемыхъ въ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ и даже въ государственной измѣнѣ, между тѣмъ какъ члены низшей магистратуры не въ вправѣ дѣлать это.

Въ Habeas Corpus Актѣ 1679 года обращено особенное вниманіе на случаи «повторенія заключенія по обвиненію въ одномъ и томъ же преступленіи». Въ видахъ предупрежденія этихъ случаевъ, ст. VI постановляетъ, что лицо, освобожденное въ силу Habeas Corpus, уже не можетъ быть снова лишено свободы за то же самое преступленіе иначе, какъ «по особому законному предписанію того суда, въ который оно, согласно обязательству, должно явиться». Виновные въ нарушеніи этого постановленія подвергаются штрафу въ размѣрѣ 500 фун. ст., идущему въ пользу пострадавшаго лица.

Если же, наконецъ, основанія къ задержанію представляются достаточными и законными и судъ не считаетъ возможнымъ отпустить задержаннаго на-поруки, то составляется рѣшеніе объ обратной его отсылкѣ въ мѣсто заключенія.

Заканчивая этимъ изложеніе процедуры Habeas Corpus, считаемъ нужнымъ снова указать постановленія акта 1679 г. относительно лицъ, подвергающихся лишенію свободы по обвиненію въ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ и государственной измѣнѣ. За такими лицами актъ не признаетъ права на полученіе приказа Habeas Corpus, но обезпечиваетъ право требовать скораго суда. По ст. VII акта 1679 г. обвиняемый можетъ ходатайствовать о рѣшеніи его дѣла въ ближайшую сессію; если этого не будетъ, то въ концѣ сессіи судъ, по просьбѣ самого обвиняемаго или кого-

1) См. выше стр. 104 и сл.

либо другаго, дѣйствующаго въ его интересахъ, долженъ[1]) отпустить его на-поруки; если же и въ слѣдующую сессію дѣло его не будетъ разобрано, то онъ подлежитъ полному освобожденію изъ заключенія по взводимому противъ него обвиненію. — Эти постановленія имѣютъ важное значеніе для надлежащаго уясненія истиннаго смысла и характера пріостановки Habeas Corpus Акта, изученіе которой составляетъ задачу дальнѣйшаго изложенія.

Общее значеніе процедуры[2]) Habeas Corpus, какъ средства защиты личной свободы отъ произвольнаго нарушенія или стѣсненія ея, выступаетъ съ достаточною ясностью изъ приведеннаго очерка этого института. Въ заключеніе отмѣтимъ лишь, что въ современной практикѣ къ нему прибѣгаютъ сравнительно рѣдко: такъ, напримѣръ, въ 1891 году было предъявлено всего 28 требованій о выдачѣ приказа Habeas Corpus, изъ которыхъ удовлетвореніе получили 10 ходатайствъ[3]). Объясняется это главнымъ образомъ тѣмъ широкимъ развитіемъ, какое получили въ Англіи начала законности, предупреждающей и устраняющей возможность частыхъ случаевъ произвольнаго стѣсненія личной свободы. «Въ настоящее время — говоритъ Мэтландъ[4]), — нѣтъ особеннаго основанія бояться, чтобы кто-либо былъ подвергнутъ заключенію произвольнымъ образомъ, но обращеніе за приказомъ Habeas Corpus

---

1) За исключеніемъ того случая, когда передъ судомъ будетъ подъ присягою удостовѣрена невозможность вызова въ эту сессію свидѣтелей со стороны обвиненія.

2) Значеніе ея въ системѣ англійскихъ политическихъ учрежденій хорошо выяснено въ сочиненіи А. Дайси — Основы государственнаго права Англіи, въ главѣ V.

3) Franqueville: т. II, стр. 138.

4) Maitland: Justice and Police, стр. 132.

во всякомъ случаѣ продолжаетъ быть удобнымъ способомъ возбужденія передъ Верховнымъ Судомъ вопроса о томъ, законно или нѣтъ произведено лишеніе свободы». Описанный выше (стр. 133 и слѣд.) случай съ Томпсономъ показываетъ, что и въ настоящее время процедура Habeas Corpus имѣетъ для Англіи не одинъ историческій интересъ, но и жизненное значеніе.

При томъ же слѣдуетъ имѣть въ виду, что кромѣ процедуры Habeas Corpus въ англійскомъ правѣ существуетъ еще болѣе простое средство защиты противъ произвольнаго лишенія, извѣстное подъ названіемъ commission of gaol delivery (полномочіе освобождать изъ тюремъ). Полномочіемъ этимъ обладаютъ судьи, участвующіе въ судебныхъ сессіяхъ, устраиваемыхъ четыре[1]) раза въ теченіе года. Предсѣдательствуетъ на нихъ одинъ изъ членовъ верховнаго суда. Въ числѣ другихъ полномочій или порученій (commissions) ему принадлежитъ и право или вовсе освобождать изъ тюремъ лицъ, содержащихся безъ основательной причины, или отпускать ихъ на свободу подъ условіемъ обезпеченія. По прибытіи его въ мѣсто сессіи ему представляется «a calendar of prisoners», т. е. списокъ всѣхъ лицъ, содержащихся въ мѣстныхъ тюрьмахъ и арестованныхъ по предписаніямъ судей, съ обозначеніемъ имени, званія и возраста каждаго арестанта, имени судьи, предписавшаго подвергнуть его заключенію, а также времени ареста и содержанія взводимаго противъ него обвиненія. Этотъ списокъ судья сличаетъ съ представленными ему обвинительными актами. «Если онъ найдетъ, что подъ стражею содержится лицо, противъ котораго нѣтъ обвинительнаго акта, или арестованное безъ правильнаго законнаго постановленія объ отсылкѣ его къ суду, а также если арестантъ жалуется на неосновательный арестъ или на противозаконный отказъ въ представленіи обезпеченія,

1) Ibid.: стр. 158.

то судья можетъ тотчасъ же освободить вовсе заключеннаго или принять отъ него обезпеченіе[1])». Вотъ сущность такъ назыв. commission[2]) of gaol delivery — судейскаго полномочія, регулярное осуществленіе котораго является весьма дѣйствительною гарантіею противъ произвольнаго лишенія свободы.

---

1) Миттермайеръ: Уголовное судопроизводство въ Англіи, Шотландіи и Сѣверной Америкѣ; русскій переводъ, М. 1864 г., стр. 145.

2) Изъ сказаннаго видно, что эта „commission" не имѣетъ ничего общаго съ какими-либо „коммиссіями" въ обычномъ смыслѣ этого слова. Вполнѣ ошибочнымъ представляется поэтому слѣдующее описаніе разсмотрѣннаго института, данное въ книгѣ проф. И. Т. Тарасова — Личное задержаніе, какъ полицейская мѣра безопасности (Кіевъ, 1875 г., стр. 163): „Что же касается продолжительности судебнаго ареста, говоритъ г. Тарасовъ, то она ограничивается въ достаточной степени существованіемъ т. н. Commission of general gaol delivery, имѣющей (?) засѣданія не менѣе двухъ разъ въ годъ и обязанность которой (очевидно коммиссіи?) заключается въ томъ, чтобы освобождать изъ тюремъ подслѣдственныхъ арестантовъ, вслѣдствіе чего въ Англіи срокъ продолжительности предварительнаго ареста въ исключительныхъ случаяхъ только достигаетъ 5-ти мѣсяцевъ". Въ данномъ случаѣ терминъ „commission" можно было бы перевести словомъ „порученіе"; коммиссія же въ обычномъ словоупотребленіи обозначается по-англійски терминомъ „committee".

Глава III.

Пріостановка Habeas Corpus Акта, какъ чрезвычайная мѣра полиціи безопасности.

«Опытъ народовъ самыхъ свободныхъ, какіе когда-либо существовали на землѣ, — говоритъ Монтескьё [1]), — заставляетъ меня признать, что бываютъ случаи, когда нужно на нѣкоторое время набросить на свободу покрывало, какъ нѣкогда покрывали статуи боговъ». — «Когда существованію государства или его спокойствію грозитъ что-либо, — читаемъ у современнаго авторитетнаго писателя по административному праву, проф. Лёнинга [2]), — спасеніе государства отъ угрожающихъ опасностей составляетъ важнѣйшую задачу государственной власти. Для того, чтобы быть въ состояніи выполнить эту задачу, органы государственной власти должны быть облечены обширными полномочіями. Ограниченія, которыя ставятъ имъ законы объ охранѣ личной свободы, должны быть временно уничтожены». — «Государство есть существо столь высокаго порядка, — говоритъ извѣстный публицистъ проф. Блюнчли [3]), — что сохраненіе его существованія, забота о которомъ составляетъ первую обя-

1) Esprit des Lois, liv. XII, chap. XIX.

2) E. Loening: Lehrbuch des Deutschen Verwaltungsrechts, Lpzg. 1884, стр. 290.

3) Bluntschli: Allgemeines Staatsrecht, 3. Aufl., München 1863; т. II, стр. 112—113.

занность правительства, можетъ въ крайнемъ случаѣ оправдывать нарушеніе индивидуальныхъ правъ и отступленіе отъ обычнаго порядка. Когда дѣло идетъ дѣйствительно о спасеніи государства и когда это спасеніе невозможно безъ нарушенія существующихъ правъ отдѣльныхъ лицъ или даже цѣлыхъ классовъ населенія, правительство не можетъ и не должно, щадя эти права, обрекать государство на гибель: непреклонно слѣдуя принципу — salus populi suprema lex esto, оно должно сдѣлать все, что необходимо для сохраненія и спасенія государства . . . Для того, чтобы спасти корабль во время бури, искусный капитанъ безъ колебанія предоставляетъ имущество своихъ пассажировъ на произволъ бушующихъ волнъ; чтобы доставить арміи побѣду въ сраженіи или обезпечить ей благополучное отступленіе, полководецъ рѣшается подвергнуть вѣрной гибели отдѣльные баталіоны, если это — единственное къ тому средство. Государственный мужъ, правитель не можетъ поступить иначе въ томъ случаѣ, когда государство является въ крайней опасности».

Таковы тѣ обычныя соображенія, ставшія общимъ мѣстомъ, которыми въ континентальной политико-юридической литературѣ мотивируется необходимость такъ называемыхъ чрезвычайныхъ мѣръ полиціи безопасности. Съ болѣе или менѣе существенными измѣненіями они повторяются въ любомъ руководствѣ или трактатѣ по государственному или административному праву, когда автору приходится касаться осаднаго или военнаго положенія, — этого главнаго типа исключительныхъ мѣръ, знакомаго большинству континентальныхъ государствъ Западной Европы.

Сознаніе необходимости, въ крайнихъ случаяхъ, чрезвычайныхъ мѣръ съ цѣлью обезпеченія государственнаго спокойствія не чуждо и англійскому праву. Но практическое выраженіе этого сознанія приняло въ Англіи формы, существенно отличныя отъ того, что наблюдается во Франціи, Германіи, Австріи и другихъ

государствахъ континента. — Въ чемъ заключаются особенности англійскаго права въ этомъ отношеніи, покажетъ дальнѣйшее изложеніе, главная задача котораго состоитъ въ детальномъ разсмотрѣніи такъ называемой пріостановки Habeas Corpus Акта, какъ чрезвычайной мѣры полиціи безопасности.

Ближайшее изученіе этой мѣры представляется желательнымъ въ виду того, что пріостановка Habeas Corpus Акта нерѣдко получаетъ неправильное освѣщеніе. Въ континентальной политической и юридической литературѣ довольно широко распространилось воззрѣніе на пріостановку, какъ на мѣру вполнѣ аналогичную, весьма сходную, а по утвержденію нѣкоторыхъ писателей — даже какъ на тождественную съ осаднымъ положеніемъ. Такъ, Лоренцъ Штейнъ при изложеніи ученія объ осадномъ положеніи (Das Recht des Belagerungszustandes) сближаетъ съ нимъ пріостановку Habeas Corpus Акта [1]). По утвержденію французскаго писателя, Мориса Блока, «пріостановка Habeas Corpus Акта равносильна осадному положенію»; при этомъ, упомянувъ о томъ, что пріостановка можетъ быть объявляема лишь посредствомъ закона, Блокъ прибавляетъ однако [2]): «въ крайнемъ случаѣ министерство можетъ предпринять эту мѣру подъ своею отвѣтственностью съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи испросить билль объ амнистіи» (какъ

1) Lorenz Stein: Innere Verwaltungslehre. Das Polizeirecht (Stuttgart, 1867), стр. 130: „In England erscheint der Belagerungszustand als Aufhebung der Habeas-Corpus-Akte". Тамъ-же, характеризуя различныя системы порядка объявленія осаднаго положенія, Штейнъ говоритъ: „Entweder kann der Belagerungszustand nur durch den Beschluss der Reichsvertretung eingeführt werden, wie in England, oder er kann durch Verordnung des Ministeriums" и т. д.

2) Maurice Block: Dictionnaire de l' administration française. 2e édition, Par. 1877, стр. 920: „Dans le Royaume Uni la suspension de l'Habeas Corpus Act équivaut à l'état de siége. Cette suspension ne peut être declarée que par une loi. En cas d'urgence, le ministère pourrait prendre la mesure sous sa responsabilité, quitte à demander un bill d'indemnité".

будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, это утвержденіе лишено основанія). Покойный проф. И. Е. Андреевскій, указавъ на то, что «положительныя законодательства по отношенію къ мѣрамъ предупрежденія возстаній и возмущеній не представляютъ значительныхъ различій», говоритъ, что въ Англіи пріостановкою Habeas Corpus Акта «мѣстной администраціи и органамъ исполнительной власти предоставляется полная (?) свобода дѣятельности»[1]).

Такое сближеніе и даже отождествленіе англійской пріостановки съ континентальнымъ осаднымъ положеніемъ въ значительной степени произвольно; повторяясь же довольно часто, и даже въ работахъ, какъ мы видѣли, весьма авторитетныхъ писателей, оно порождаетъ неправильное представленіе о характерѣ и значеніи пріостановки.

Трудно установить съ точностью, когда именно въ континентальной литературѣ возникло это невѣрное воззрѣніе на англійскую чрезвычайную мѣру безопасности. Не подлежитъ однако сомнѣнію то обстоятельство, что распространенію его содѣйствовало отсутствіе спеціальной разработки вопроса о пріостановкѣ Habeas Corpus Акта. Въ самомъ дѣлѣ, ни въ нѣмецкой, ни во французской, ни въ русской литературѣ нѣтъ ни одной работы[2]), которая была бы посвящена всесторон-

---

1) И. Е. Андреевскій: Полицейское право, т. I, изд. 2е, Спб. 1874, стр. 276.

2) Вообще литература по вопросу о чрезвычайныхъ мѣрахъ безопасности не отличается богатствомъ. Это отмѣтилъ уже Лоренцъ Штейнъ, который, желая по своему обыкновенію указать литературу по этому предмету, вынужденъ былъ ограничиться слѣдующимъ замѣчаніемъ (см. Das Polizeirecht, стр. 130): „Моль молчитъ. Чуть-ли не единственная работа по этому предмету — Миттермайера, Gesetz über die persönliche Freiheit". Но и эта работа, — замѣтимъ мы, — есть не что иное, какъ небольшая статья, помѣщенная въ первой книжкѣ „Archiv des Criminalrechts" за 1849 г., стр. 29—73. Полное заглавіе ея — Die Gesetzgebungen über Belagerungsstand, Kriegsrecht, Standrecht und Suspension der Gesetze über Persönliche Freiheit. Въ этой статьѣ нѣсколько страницъ (31—33) посвящены Habeas Corpus и его пріостановкѣ по поводу изданнаго въ августѣ

нему изученію пріостановки, да и вообще самаго института Habeas Corpus, а тѣ отдѣльныя, отрывочныя свѣдѣнія и указанія, которыя дѣлались по этому предмету, не могли служить достаточнымъ матеріаломъ для надлежащаго уясненія его. Любопытно, что и въ англійской литературѣ не было предпринято изслѣдованія вопроса о пріостановкѣ на основаніи изученія практики этой мѣры [1]). Между тѣмъ надлежащее и всестороннее уясненіе ея возможно не иначе, какъ при помощи ближайшаго разсмотрѣнія отдѣльныхъ случаевъ практическаго примѣненія этой мѣры.

Изученіе осаднаго положенія, напр. во Франціи или Германіи, не сопряжено съ какими-либо затрудненіями и неудобствами, благодаря существованію особыхъ законодательныхъ опредѣленій объ Etat de siège, о Belagerungszustand и Kriegszustand. Обратившись къ нимъ, не трудно получить вполнѣ отчетливое пред-

1848 г. акта о пріостановкѣ H. C. A. въ Ирландіи. — За время, слѣдовавшее за вышеприведеннымъ указаніемъ Штейна, т. е. послѣ 1867 г., литература вопроса о чрезвычайныхъ мѣрахъ не сдѣлалась особенно богатою: если не считать болѣе или менѣе отрывочныхъ указаній въ общихъ трактатахъ и руководствахъ по государственному и административному праву, то, какъ кажется, можно отмѣтить лишь одну спеціальную монографію — Theodore Reinach, De l'état de siège; étude historique et juridique; Paris, 1885 (стр. 314). Сочиненіе это, въ общемъ довольно удовлетворительное, распадается на три книги: первая (стр. 11—88) посвящена диктатурѣ и senatusconsultum ultimum въ древнемъ Римѣ; вторая (стр. 89—235) исторіи и современному положенію законодательства объ état de siége во Франціи; третья заключаетъ въ себѣ краткій очеркъ иностранныхъ законодательствъ (стр. 237—268) и общія соображенія объ осадномъ положеніи (стр. 268 и сл.). По отношенію къ пріостановкѣ Habeas Corpus Акта авторъ (стр. 259—263) ограничивается поверхностными и не всегда вѣрными замѣчаніями.

1) Этимъ мы, разумѣется, нимало не хотимъ сказать, что и въ Англіи нѣтъ правильнаго представленія о характерѣ и значеніи пріостановки. Такъ, напр., прекрасный общій очеркъ ея даетъ проф. Дайси въ не разъ уже цитированномъ сочиненіи „Основы государственнаго права Англіи“ (стр. 172—178); но этотъ очеркъ не удовлетворитъ желающаго получить детальное знакомство съ предметомъ, такъ какъ, будучи краткимъ, онъ и не могъ обнять многія второстепенныя подробности.

ставленіе о существѣ осаднаго и военнаго положенія, объ условіяхъ и поводахъ его объявленія, о томъ значеніи, какое это объявленіе имѣетъ въ государственной жизни, о тѣхъ перемѣнахъ, какія вызываетъ оно сравнительно съ нормальными условіями. Въ Англіи же нѣтъ никакихъ законодательныхъ опредѣленій ни о тѣхъ поводахъ, которые могутъ вызвать пріостановку Habeas Corpus Акта, ни о тѣхъ условіяхъ, которыя должны быть соблюдаемы при этомъ, ни о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыми объявленіе пріостановки сопровождается. Даже основное положеніе о томъ, что пріостановка Habeas Corpus Акта можетъ послѣдовать не иначе, какъ въ силу особаго парламентскаго акта, не имѣетъ для себя опоры въ какомъ-либо спеціальномъ законодательномъ опредѣленіи. Въ виду этого обстоятельства уясненія различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ пріостановкою Habeas Corpus Акта, какъ чрезвычайною мѣрою безопасности, приходится искать въ практикѣ этой мѣры, въ ближайшемъ изученіи отдѣльныхъ случаевъ примѣненія ея, на основаніи тѣхъ матеріаловъ, какіе даются парламентскими дебатами и самыми текстами актовъ о пріостановкѣ и актовъ объ амнистіи. Изученіе первыхъ важно потому, что въ парламентскихъ преніяхъ о пріостановкѣ (въ связи съ тѣми документами, докладами, донесеніями и пр., которые представляются парламенту) получаютъ освѣщеніе вопросы о поводахъ и основаніяхъ къ принятію этой мѣры, а также о значеніи, какое связывается съ нею въ глазахъ членовъ народнаго представительства. Изученіе самыхъ актовъ о пріостановкѣ выясняетъ существо ея, какъ исключительной мѣры, характеръ и предѣлы тѣхъ полномочій, которыми въ силу ея надѣляются исполнительные органы. Наконецъ, изученіе актовъ объ амнистіи, изданіемъ которыхъ сопровождалось большинство пріостановокъ, важно потому, что въ нихъ получаютъ освѣщеніе характеръ и границы пользованія чрезвычайными полномочіями; преніе же по обсужденію биллей объ амнистіи и документы, представлявшіеся

парламенту по этому поводу, заключаютъ въ себѣ существенныя данныя по вопросу о практическомъ примѣненіи актовъ о пріостановкѣ.

Пользуясь указанными матеріалами, мы сдѣлаемъ обзоръ послѣдовательной серіи случаевъ пріостановки Habeas Corpus Акта въ Англіи, начиная съ перваго, имѣвшаго мѣсто въ 1689 или точнѣе 1688 г., и кончая послѣднимъ, бывшимъ въ 1817 г.. При разсмотрѣніи отдѣльныхъ случаевъ особенное вниманіе будутъ привлекать слѣдующіе вопросы: — основанія и поводы пріостановки; важнѣйшіе мотивы въ пользу ея и главныя возраженія противъ; срокъ дѣйствія пріостановки; формулировка полномочій, даваемыхъ актомъ о пріостановкѣ. При изученіи актовъ объ амнистіи главное вниманіе обращено будетъ на уясненіе практическаго значенія пріостановки и предѣловъ пользованія исключительными полномочіями. Однако не всѣ случаи пріостановки подвергаются одинаково детальному разсмотрѣнію въ дальнѣйшемъ изложеніи: — отчасти потому, что не по всѣмъ случаямъ источники даютъ одинаково полный матеріалъ, отчасти же (и главнымъ образомъ) потому, что детальное разсмотрѣніе всѣхъ случаевъ представлялось бы излишнимъ, такъ какъ во многихъ изъ нихъ мотивы пріостановки, доводы за и противъ нея повторялись, а между тѣмъ для задачъ настоящей работы необходимо указаніе лишь главныхъ чертъ, опредѣляющихъ характеръ и значеніе изучаемаго института. — По разсмотрѣніи отдѣльныхъ случаевъ эти общія черты ихъ будутъ сведены въ общую характеристику пріостановки Habeas Corpus Акта, какъ чрезвычайной мѣры безопасности, съ указаніемъ на ея особенности сравнительно съ осаднымъ положеніемъ континентальныхъ государствъ.

Прежде, чѣмъ приступить къ обзору отдѣльныхъ случаевъ пріостановки Habeas Corpus Акта, необходимо остановиться на разсмотрѣніи основнаго положенія о

томъ, что пріостановка можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ въ силу спеціальнаго каждый разъ закона — парламентскаго статута, утвержденнаго королемъ.

На чемъ основывается это положеніе? Въ самомъ Habeas Corpus Актѣ 1679 г. нѣтъ рѣшительно никакого упоминанія о пріостановкѣ его дѣйствія. Слѣдовательно, требованіе парламентскаго согласія на принятіе этой мѣры приходится искать не въ какомъ-либо спеціальномъ по отношенію къ этому акту, законодательномъ предписаніи, а въ общемъ положеніи о томъ, что пріостановка дѣйствія какого-либо закона можетъ послѣдовать лишь въ силу особаго закона. Такое положеніе дѣйствительно находится въ Биллѣ о правахъ 1689 г., однимъ изъ пунктовъ котораго постановлено, «что притязаніе на право пріостанавливать дѣйствіе и исполненіе законовъ королевскою властью безъ согласія парламента — незаконно»[1]). И дѣйствительно, по отношенію ко всѣмъ случаямъ пріостановки Habeas Corpus Акта послѣ изданія Билля о правахъ, который получилъ королевское утвержденіе 16 декабря 1689, требованіе парламентскаго согласія можетъ быть основано на этомъ статутѣ. Но на чемъ же опиралось признаніе необходимости этого согласія въ первыхъ случаяхъ пріостановки, имѣвшихъ мѣсто до изданія Билля о правахъ? Первая пріостановка длилась отъ 6 марта до 17 апрѣля 1689 г., вторая была вотирована на срокъ отъ 25 апрѣля по 25 мая того-же года, при чемъ новый актъ продлилъ этотъ срокъ съ 25 мая по 23 октября 1689 г.

До извѣстной степени можно признать, что необходимость парламентскаго согласія и въ этихъ случаяхъ опиралась на приведенномъ положеніи Билля, которое первоначально было выражено въ Декларації правъ,

---

1) Bill of Rights, sec. 1: „That the pretended power of suspending of laws, or the execution of laws by regal authority, without consent of parliament, is illegal“.

прочитанной 13 февраля 1689, или точнѣе 1688[1]) г., при торжественномъ возведеніи на англійскій королевскій престолъ Вильгельма III и Маріи. Декларація эта, заключающая въ себѣ перечень незаконныхъ и произвольныхъ дѣйствій Іакова II и осужденіе этихъ дѣйствій, была предъявлена Вильгельму и Маріи въ качествѣ условія, подъ которымъ имъ предлагалась корона. Выразивъ согласіе на принятіе послѣдней, они вмѣстѣ съ тѣмъ обязывались соблюдать требованія Декларацiи и, въ частности, брали на себя обязательство не пріостанавливать дѣйствія законовъ безъ согласія парламента. Сознаніе цѣлесообразности выполненія этого обязательства и желаніе выполнить его были, конечно, главными побудительными причинами, заставившими Вильгельма обратиться къ парламенту за полномочіями, которыя предоставлены были указанными выше актами о пріостановкѣ Habeas Corpus Акта. Но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что это обязательство имѣло лишь нравственный, а не юридическій характеръ: Декларація правъ, при всемъ ея важномъ политическомъ значеніи, не была однако закономъ и не могла имѣть обязательной юридической силы; желаніе облечь ею положенія и требованія, выраженныя въ Декларацiи, и послужило мотивомъ къ послѣдовавшему затѣмъ превращенію ея въ Билль о правахъ, — парламентскій статутъ, утвержденный королевскою властью.

---

1) Въ то время началомъ года считалось въ Англіи не 1-е января, а 25-е марта. Это обстоятельство слѣдуетъ имѣть въ виду въ дальнѣйшемъ изложеніи, при исчисленіи продолжительности дѣйствія актовъ о пріостановкѣ. Начало года съ 1 января въ Англіи начали считать лишь съ 1753 года, въ силу акта, изданнаго въ царствованіе Георга II, въ 1751 г., которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ введенъ грегоріанскій календарь. Актъ этотъ называется — An Act for regulating the Commencement of the Year, and for correcting the Calendar now in use. См. Eduard Brinckmeyer. Praktisches Handbuch der historischen Chronologie aller Zeiten und Völker, besonders des Mittelalters. Lpzg. 1843, стр. 70 и 66.

По нашему мнѣнію, обязательность парламентскаго согласія на пріостановку Habeas Corpus Акта возникла значительно ранѣе и Билля о правахъ, и Декларацiи правъ. Она является косвеннымъ, но вполнѣ логическимъ и непремѣннымъ послѣдствіемъ Петиціи о правѣ 1628 года. Сущность постановленій этого документа по отношенію къ личной свободѣ состоитъ, какъ это было указано выше [1]), въ признаніи незаконности какихъ бы то ни было изъятій и исключеній изъ общаго законнаго порядка лишенія свободы, хотя бы эти изъятія дѣлались именемъ высшей исполнительной власти — короля и ближайшихъ его совѣтниковъ, членовъ Тайнаго совѣта. Но именно эти изъятія и вообще отступленія отъ законнаго порядка, защищаемаго процедурою Habeas Corpus (санкціонированнаго актомъ 1679 г.), и составляютъ существо пріостановки. Будучи незаконными при нормальномъ положеніи дѣлъ, эти изъятія могутъ стать законными, очевидно, не иначе, какъ при условіи допущенія ихъ въ исключительныхъ случаяхъ обычнымъ законнымъ порядкомъ, т. е. изданіемъ парламентскаго статута, утверждаемаго королевскою властью. Указаніе на то, что уже въ Петиціи о правѣ слѣдуетъ искать признанія (хотя и не выраженнаго прямо) обязательности парламентскаго согласія на пріостановку дѣйствія гарантіи процедуры Habeas Corpus, находитъ себѣ полное подкрѣпленіе въ подробностяхъ исторіи проведенія Петиціи.

Въ самомъ дѣлѣ, обязательность парламентскаго согласія въ данномъ случаѣ означаетъ, другими словами, отрицаніе за короною, какъ носительницею исполнительной власти, права отступать по своему усмотрѣнію отъ законнаго порядка лишенія свободы. Между тѣмъ ближайшее разсмотрѣніе событій 1628 г. показываетъ, что въ сущности упорство Карла I въ его борьбѣ съ общинами по вопросу о гарантіяхъ личной свободы

1) Стр. 56.

вызывалось именно желаніемъ короля сохранить за собою дискреціонное право арестовъ въ исключительныхъ случаяхъ, т. е. иначе говоря — право пріостанавливать дѣйствіе процедуры Habeas Corpus. Это выразилось весьма рельефно во время дебатовъ въ палатѣ лордовъ между представителемъ короны, генералъ-атторнеемъ, и делегатами палаты общинъ, — во время дебатовъ по поводу резолюцій, вотированныхъ общинами [1]). Въ своей рѣчи генералъ-атторней, усматривая въ резолюціяхъ стремленіе ограничить прерогативу королевской власти, старался доказать, что законъ предоставляетъ королю и Тайному совѣту, какъ его представителю, болѣе обширныя полномочія въ порядкѣ лишенія свободы, сравнительно съ общимъ законнымъ порядкомъ; законъ, по его словамъ, предоставляетъ имъ «въ исключительныхъ случаяхъ (in extraordinary cases) лишать свободы тѣхъ лицъ, которыхъ они въ интересахъ государства (for reason of state) признаютъ нужнымъ подвергнуть заключенію на-время, безъ указанія основаній къ этому, такъ какъ указаніе ихъ можетъ обнаружить государственную тайну въ этомъ отношеніи (the secret of the state in that point), а это обнаруженіе легко можетъ принести вредъ» [2]). По словамъ генералъ-атторнея, обычное требованіе указывать причины лишенія свободы не можетъ быть «съ удобствомъ примѣняемо къ королю и членамъ Тайнаго совѣта, которые подвергаютъ лишенію свободы по какому-нибудь важному дѣлу, въ государственныхъ соображеніяхъ (for some great cause, in reason of state), прежде чѣмъ можетъ послѣдовать надлежащее разсмотрѣніе дѣла» [3]). Далѣе ораторъ привелъ изъ прошлой практики нѣсколько случаевъ, показывающихъ, по его мнѣнію, что государственные интересы требуютъ иногда

1) См.-выше, стр. 48, 37—38.
2) Parliamentary History, т. II, стр. 306.
3) Ibid, стр. 312.

отступленія отъ обычнаго порядка и что право короля на эти отступленія не можетъ быть отрицаемо. Въ заключеніе своей рѣчи генералъ-атторней сказалъ, что члены палаты общинъ «поступили, конечно, какъ истинные англичане, стараясь всѣми возможными способами охранить свои вольности, и я, какъ англичанинъ, также желаю этого; но, — прибавилъ онъ, — я однако боюсь, что они поступили и какъ истые англичане, т. е., по обычной поговоркѣ, они пересолили (they have overdone) — предложеніе ихъ настолько безгранично, такъ широко, что оно не можетъ быть поддержано: оно не согласуется съ тою формою правленія, монархіею, подъ которою мы благополучно живемъ»[1]).

Желаніе сохранить за королевскою властью безконтрольное право отступать, въ исключительныхъ случаяхъ, отъ общаго законнаго порядка раздѣляли и умѣренные элементы большинства палаты лордовъ, которые, какъ было указано, опасались, что резолюціи общинъ могутъ быть приняты за нарушеніе королевской прерогативы. Именно этимъ желаніемъ рѣзко проникнутъ пятый пунктъ тѣхъ предложеній, которыя верхняя палата редактировала, рекомендуя принять ихъ взамѣнъ резолюцій нижней палаты. Упомянувъ о королевской прерогативѣ, «свойственной суверенитету короля и ввѣренной ему отъ Бога ad communem totius populi salutem, et non ad destructionem (къ общему всего народа благу, а не къ гибели)», этотъ пятый пунктъ[2]) выражаетъ ходатайство о томъ, чтобы король не пользовался своею прерогативою къ ущербу права собственности и личной свободы своихъ вѣрныхъ подданныхъ. Далѣе прямо говорится о тѣхъ случаяхъ, когда «въ цѣляхъ личной безопасности короля, или общаго спокойствія его народа, или мирнаго управленія его королевствомъ, король признаетъ нужнымъ и справедливымъ,

1) Ibid., стр. 315.

2) Англійскій текстъ, см. ниже, въ приложеніи I.

въ государственныхъ интересахъ, подвергнуть кого-либо заключенію или ограниченію въ свободѣ». Разсматриваемый пунктъ имѣетъ въ виду ходатайствовать о королевскомъ заявленіи, что въ такихъ случаяхъ «по прошествіи надлежащаго времени (within a convenient time) онъ сообщитъ либо объ общемъ, либо о спеціальномъ основаніи къ такому лишенію свободы и что, сообразно этому основанію, лишенный свободы будетъ немедленно подвергнутъ суду согласно общему судебному порядку». Не подлежитъ сомнѣнію, что главною цѣлью этого предложенія было — сохранить за короною дискреціонное право отступленія отъ общаго законнаго порядка обезпеченія свободы посредствомъ процедуры Habeas Corpus: это право по существу ни мало не ограничивалось бы туманною оговоркою относительно «надлежащаго времени» для сообщенія причинъ лишенія свободы, такъ какъ опредѣленіе этого момента оставалось бы всецѣло въ рукахъ власти, произведшей лишеніе свободы.

То обстоятельство, что главною задачею въ борьбѣ короля съ парламентомъ 1628 г. было стремленіе сохранить за высшею исполнительною властью дискреціонное право арестовъ въ исключительныхъ случаяхъ, наглядно выступаетъ также въ письмѣ, съ которымъ король нашелъ нужнымъ обратиться къ лордамъ 12го мая, когда уже обсуждалась Петиція. Въ этомъ письмѣ прямо указывалось на желательность и необходимость оставить за короною и ея совѣтниками то право, которое отвергалось обязательнымъ требованіемъ указывать суду основанія къ лишенію свободы [1]).

---

1) Указавъ въ началѣ письма на готовность удовлетворить всѣ умѣренныя требованія, о чемъ и было заявлено палатѣ общинъ въ королевскихъ посланіяхъ, Карлъ I говорилъ: „yet we find it still insisted upon, that in no case whatsoever, should it ever so nearly concern matters of state or government, neither we, nor our privy-council, have power to commit any man without the cause shewed; whereas it often happens, that, should the cause be shewed, the service itself would thereby be destroyed and defeated; and the cause

Предложенія, выработанныя палатою лордовъ, въ нижней палатѣ не встрѣтили сочувствія и были отклонены ею. Рѣшительный отпоръ вызвало въ ней и то дополнительное постановленіе[1]), которымъ лорды предлагали заключить Петицію о правѣ и которое, упоминая о sovereign power, какъ о власти безусловной и стоящей выше закона, грозило открыть возможность обходить требованія Петиціи и въ частности могло оправдывать произвольныя отступленія отъ законнаго порядка лишенія свободы. Не допуская такихъ отступленій, Петиція этимъ самымъ лишала корону права самовольно пріостанавливать дѣйствіе процедуры Habeas Corpus въ какихъ-бы то ни было случаяхъ. Вотъ почему именно къ этому документу можно пріурочить возникновеніе того положенія англійскаго права, по которому для пріостановки дѣйствія важнѣйшей гарантіи личной свободы необходимо согласіе парламента.

Приступая къ ближайшему разсмотрѣнію отдѣльныхъ случаевъ пріостановки основной гарантіи личной свободы въ Англіи, замѣтимъ, что всѣ они могутъ быть раздѣлены на двѣ большія группы. Пріуроченіе различныхъ случаевъ къ той или другой группѣ основывается на сходствѣ главныхъ мотивовъ, вызывавшихъ примѣненіе

---

alleged must be such as may be determined by our judges of our courts of Westminster, in a legal and ordinary way of justice; whereas the causes may be such, as those judges have not capacity of judicature, nor rules of law to direct and guide their judgment in cases of so transcendet a nature; which happening so often, the very intermitting of that constant rule of government, practised for so many ages, within this kingdom, would soon dissolve the foundation and frame of our monarchy.... My lords, we have thougt good to let you know, that, without the overthrow of our sovereignty, we cannot suffer this power to be impeached.“ — См. Parliamentary History т. II, стр. 352.

1) См. выше, стр. 52 и 53.

исключительныхъ мѣръ. Первую группу составитъ рядъ пріостановокъ Habeas Corpus Акта, обусловленныхъ борьбою съ Якобитами, — приверженцами Іакова II и его потомства, которые не разъ пытались вызвать внутреннія замѣшательства, осложненныя поддержкою Франціи, съ цѣлью вернуть англійскій престолъ династіи Стюартовъ. Вторую группу образуетъ рядъ пріостановокъ, главнымъ мотивомъ которыхъ являлась борьба съ демократическимъ движеніемъ, принимавшимъ характеръ опасный, съ точки зрѣнія правительства, для интересовъ государственнаго и общественнаго спокойствія. Дѣленіе это представляется тѣмъ болѣе удобнымъ, что и хронологически обѣ группы слѣдуютъ одна за другою, не переплетаясь: всѣ пріостановки изъ-за борьбы съ Якобитами относятся къ періоду 1689—1746 г., а пріостановки въ видахъ борьбы съ демократическимъ движеніемъ — къ 1794—1818 г.

I. Пріостановки, вызванныя борьбою съ Якобитами (1689—1746 г.)

Первый случай пріостановки Habeas Corpus Акта имѣлъ мѣсто въ теченіе перваго мѣсяца царствованія Вильгельма III, возведеніе котораго на англійскій престолъ заключило революцію 1688 года. Когда Іаковъ II, сознавая свое безсиліе въ борьбѣ противъ движенія, вызваннаго его противозаконнымъ и деспотическимъ правленіемъ, бѣжалъ изъ Лондона (18 декабря 1688 г.), многія лица, бывшія главными участниками его противозаконныхъ дѣйствій, были подвергнуты заключенію. Лишены свободы были также и тѣ лица, которыхъ считали прикосновенными къ происканъ и интригамъ въ пользу возвращенія Іакова II [1]). Въ періодъ между-

1) Macaulay: History of England (изданіе Таухница, Лпцг. 1855) т. IV, стр. 47.

царствія производство такихъ арестовъ не вызывало особыхъ неудобствъ и не могло сопровождаться какими-либо осложненіями, нежелательными для Вильгельма и его сотрудниковъ: въ теченіе всего этого переходнаго времени правильное функціонированіе государственныхъ учрежденій пріостановилось, высшіе суды были закрыты, вслѣдствіе чего заключенные не могли воспользоваться гарантіями Habeas Corpus Акта. Торжественное провозглашеніе Вильгельма III и Маріи II королемъ и королевою (13 февр.) полагало конецъ междуцарствію, а съ установленіемъ правильнаго государственнаго управленія возстановлялась и дѣятельность судебныхъ учрежденій. Подвергнутымъ заключенію открывалась полная возможность воспользоваться гарантіями акта 1679 г. [1]). Будучи арестованы по подозрѣнію въ государственной измѣнѣ, они имѣли право потребовать немедленнаго производства суда надъ ними, а это могло представить различныя неудобства правительству; отказъ же въ разбирательствѣ ихъ дѣлъ въ ближайшую сессію обязывалъ бы суды отпустить ихъ на свободу подъ поручительствомъ или обезпеченіемъ, что также могло со-

1) Ими въ числѣ другихъ заключенныхъ имѣлъ въ виду воспользоваться лордъ Джеффрисъ, занимавшій при Іаковѣ II важный постъ лорда-канцлера и бывшій однимъ изъ главныхъ орудій и вдохновителей произвольнаго режима этого короля. Послѣ бѣгства Іакова II Джеффрисъ, зная о всеобщей ненависти къ нему, скрылся въ костюмѣ матроса въ одномъ изъ глухихъ кварталовъ Лондона. Его однако узнали въ одной тавернѣ; собралась толпа, и Джеффрису грозила неминуемая смерть, если бы отряду городской милиціи не удалось освободить его изъ рукъ разъяренной толпы. Джеффрисъ былъ отведенъ къ лорду-мэру и затѣмъ заключенъ въ Тоуеръ. Здѣсь онъ, по словамъ Маколея, „утѣшалъ себя надеждою, что приказъ Habeas Corpus освободитъ его изъ заключенія и что онъ получитъ возможность убѣжать въ какую-нибудь чужеземную страну и скрыться съ частью своего гнуснымъ образомъ пріобрѣтеннаго богатства; но пока новое правительство не установилось, не было суда компетентнаго выдать приказъ Habeas Corpus, а лишь только правительство установилось, Habeas Corpus Актъ былъ пріостановленъ“ (Macaulay, ibid., т. V, ст. 65). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Джеффрисъ умеръ въ Тоуерѣ.

провождаться большими неудобствами. Между тѣмъ представлялась надобность не только въ удержаніи подъ стражею уже заключенныхъ лицъ, но и въ производствѣ новыхъ арестовъ.

Въ виду этого уже въ началѣ марта король обратился въ палату общинъ съ посланіемъ слѣдующаго содержанія[1]). Въ немъ прежде всего указывалось на достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что въ Лондонѣ и вблизи его многія лица устраиваютъ частныя сборища «съ цѣлью организаціи заговора противъ правительства и для содѣйствія бывшему королю Іакову». Нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ король уже повелѣлъ задержать и подвергнуть заключенію по подозрѣнію въ государственной измѣнѣ; при этомъ однако онъ можетъ, въ скоромъ времени, встрѣтить надобность поступить такимъ же образомъ и съ другими. «Но въ такомъ случаѣ, — продолжаетъ посланіе, — король окажется между двумя большими затрудненіями: если онъ отпуститъ заключенныхъ на свободу, то онъ поступитъ противъ интересовъ какъ своей собственной безопасности, такъ и безопасности своего правительства и народа; если же, съ другой стороны, онъ рѣшится оставить ихъ въ заключеніи, то онъ всякомъ случаѣ не желаетъ сдѣлать что-либо такое, что не вполнѣ оправдывается закономъ, о соблюденіи котораго онъ столь часто заявлялъ; между тѣмъ, если эти лица получатъ освобожденіе въ силу Habeas Corpus Акта, возникнетъ новое затрудненіе. Его величество не желаетъ равнымъ образомъ и того, чтобы въ данномъ случаѣ брались чрезмѣрныя обезпеченія (excessive bail), такъ какъ его величество помнитъ, что объ этомъ гласитъ одна изъ статей представленной ему декларации. Между тѣмъ обычное обезпеченіе окажется недостаточнымъ, ибо люди, преслѣдующіе такіе замыслы, въ надеждѣ на успѣхъ не остановятся передъ

1) Parliamentary History, т. V (1688—1702), стр. 153—154.

потерею небольшой суммы. Такъ какъ это случилось въ то время, когда парламентъ засѣдаетъ, его величество призналъ удобнымъ спросить по этому предмету совѣта у палаты, при чемъ онъ намѣренъ также посовѣтоваться и съ лордами».

Обращаясь къ парламенту лишь за совѣтомъ, король въ своемъ посланіи не высказалъ какихъ-либо опредѣленныхъ указаній относительно желательныхъ мѣръ. Но въ чемъ онѣ могли заключаться, не подлежало сомнѣнію: парламенту предстояло узаконить отступленіе отъ общаго законнаго порядка обезпеченія личной свободы, установленнаго Habeas Corpus Актомъ 1679 года, т. е. пріостановить дѣйствіе его. Одинъ изъ ораторовъ, въ виду нежелательности прибѣгать хотя бы къ временной пріостановкѣ этого важнаго статута, предложилъ ограничиться подачею королю совѣта задерживать тѣхъ, кого онъ имѣетъ основа ie подозрѣвать [1]). На это однако было указано, чтонсудья, къ которому обратятся съ ходатайствомъ о выдачѣ приказа Habeas Corpus, не можетъ въ оправданіе отказа въ немъ сослаться на то, что палата общинъ посовѣтовала королю поступать иначе; такой совѣтъ не можетъ отмѣнить обязательность законной судебной процедуры; для этого необходима законодательная мѣра. Членъ Тайнаго совѣта Гампденъ, сообщившій палатѣ королевское посланіе, предложилъ ей вотировать билль, который предоставлялъ бы королю право, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, производить аресты съ тѣмъ, чтобы лишенные свободы въ теченіе этого времени не могли воспользоваться гарантіями института Habeas Corpus.

Это предложеніе не встрѣтило особаго противодѣйствія, и послѣ непродолжительнаго обсужденія рѣшено было «образовать коммиссію для изготовленія временнаго билля объ уполномоченіи его величества подвергать аресту и задержанію всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ

1) Ibid., ст. 156.

онъ будетъ имѣть основательную причину подозрѣвать въ злоумышленіяхъ противъ правительства». Въ томъ же засѣданіи билль этотъ былъ подвергнутъ первому и второму чтеніямъ, а въ слѣдующемъ засѣданіи, 4 марта, вотированъ окончательно. При этомъ принята была поправка, въ силу которой срокомъ дѣйствія акта было назначено 17 апрѣля; такимъ образомъ, если принять, что королевское утвержденіе актъ получилъ 6 марта, то дѣйствіе Habeas Corpus Акта было пріостановлено на срокъ около шести недѣль, а не на три мѣсяца, какъ проектировалъ Гампденъ. Сказавшаяся въ этомъ осторожность по отношенію къ закону о гарантіяхъ личной свободы еще рѣзче выразилась во внесеніи другой поправки къ биллю, въ силу которой онъ «никогда не долженъ быть признаваемъ прецедентомъ или примѣромъ на будущее время», но эта поправка была отвергнута[1]).

Обращаясь къ разсмотрѣнію самаго текста[2]) акта о пріостановкѣ, нельзя прежде всего не замѣтить, что названіе его, титулъ акта не содержитъ въ себѣ упоминанія о пріостановкѣ Habeas Corpus Акта. Онъ называется — «Актъ объ уполномоченіи его величества задерживать и подвергать заключенію тѣхъ лицъ, которыхъ онъ будетъ имѣть основательную причину подозрѣвать въ злоумышленіяхъ противъ правительства». Послѣдующіе акты о пріостановкѣ Habeas Corpus носятъ тотъ-же титулъ (съ самыми несущественными

1) Подробности обсужденія королевскаго посланія и билля о пріостановкѣ занимаютъ стр. 154—159 тома V-го Parliamentary History. Значительное мѣсто въ нихъ занимаютъ заявленія о благодарности королю за его посланіе съ просьбою о совѣтѣ, обращеніе за которымъ составляетъ „вещь не очень обычную“. Объ обсужденіи билля о пріостановкѣ въ палатѣ лордовъ въ Parliamentary History свѣдѣній нѣтъ.

2) Полный англійскій текстъ его напечатанъ ниже, въ „Приложеніяхъ“. Актъ этотъ обозначается такъ: 1 Will. & Mar., s. 1, cap. 2. См. The Statutes of the Realm. Printed by Command of His Majesty King George III, in pursuance of an Address of the House of Commons of Great Britain. Vol. VI (1819), ст. 24.

измѣненіями): обычный терминъ для обозначенія ихъ, «Habeas Corpus Suspension Acts», не есть оффиціальный терминъ законодательства, а лишь обыденное названіе, установившееся ради удобства обозначенія ихъ существа въ немногихъ словахъ, подобно тому, какъ и Habeas Corpus Act не есть точное названіе статута 1679 года[1]).

Актъ состоитъ изъ четырехъ статей и краткаго вступленія, въ которомъ указывается цѣль его изданія — «ради обезпеченія спокойствія королевства, въ настоящее время грозящей опасности, противъ покушеній и измѣнническихъ злоумышленій злонамѣренныхъ лицъ».

Въ первой статьѣ излагается основное положеніе акта о томъ, что лица, задержанныя по подозрѣнію въ государственной измѣнѣ въ силу приказа королевскаго Тайнаго совѣта, подписаннаго по крайней мѣрѣ шестью членами его, могутъ быть содержимы подъ стражею до 17 апрѣля 1689 года безъ права быть отпущенными на свободу подъ обезпеченіе или поручительство; при этомъ «никакой судья, ни кто-либо другой» не можетъ до 17 апрѣля отпустить ихъ подъ обезпеченіе, ни подвергнуть суду никого изъ лицъ, такимъ образомъ задержанныхъ, иначе какъ въ силу приказа Тайнаго совѣта за подписью по меньшей мѣрѣ шести членовъ его, не взирая на какой-либо законъ или статутъ, сему противный.

Вторая статья постановляетъ, что «начиная съ сказаннаго 17 апрѣля лица, такимъ образомъ заключенныя, могутъ воспользоваться выгодами и преимуществами Акта, изданнаго на тридцать первомъ году царствованія короля Карла втораго, подъ названіемъ Актъ въ видахъ лучшаго обезпеченія свободы личности и предупрежденія заключеній за моремъ, а также всѣхъ другихъ законовъ и статутовъ, какимъ-либо образомъ

1) См. выше, стр. 74.

относящихся къ обезпеченію свободы подданныхъ этого королевства.»

Третья статья устанавливаетъ срокъ дѣйствія пріостановки: «настоящій актъ будетъ сохранять свою силу до сказаннаго 17 апрѣля, не долѣе.»

Послѣдняя четвертая статья заключаетъ въ себѣ оговорку относительно такъ называемой парламентской привилегіи, т. е. о томъ, что дѣйствіе акта не распространяется на членовъ парламента, арестъ которыхъ можетъ послѣдовать не иначе, какъ съ согласія соотвѣтственной палаты парламента. Это постановленіе выражено въ слѣдующей формѣ: «ничто въ настоящемъ актѣ не должно быть распространяемо на старинныя права и привилегіи парламента, ни на заключеніе или задержаніе какого-либо члена обѣихъ палатъ парламента до тѣхъ поръ, пока предметъ, въ которомъ онъ подозрѣвается, не будетъ предварительно сообщенъ той палатѣ, членомъ которой онъ состоитъ, и пока на его арестъ или задержаніе не будетъ получено согласіе этой палаты.»

Шестинедѣльный срокъ пріостановки оказался недостаточнымъ: уже черезъ недѣлю по истеченіи его изданъ былъ новый актъ, въ силу котораго дѣйствіе Habeas Corpus Акта снова было пріостановлено съ 25 апрѣля по 25 мая 1689 г., т. е. на одинъ мѣсяцъ. Никакихъ свѣдѣній объ обсужденіи этого билля въ Parliamentary History нѣтъ; лишь въ позднѣйшихъ преніяхъ находимъ указаніе на то, что ее предположено было установить на болѣе продолжительное время и что сокращеніе этого періода до мѣсячнаго срока сдѣлано было палатою лордовъ[1]).

---

1) Parliamentary History, т. V, стр. 266. — Что касается текста этого втораго акта о пріостановкѣ (1 Will. & Mar., cap. 7), то онъ почти буквально воспроизводитъ текстъ перваго; нѣкоторое различіе находимъ лишь въ первой статьѣ, а именно: 1) основаніемъ къ задержанію является, кромѣ подозрѣнія въ государственной измѣнѣ,

Это указаніе сдѣлано было при внесеніи Гампденомъ въ палату общинъ, 22 мая, билля о продленіи пріостановки на новый уже болѣе продолжительный періодъ, а именно — съ 25 мая по 23 октября 1689 г., т. е. на пять мѣсяцевъ.

Обсужденіе этого билля вызвало въ нижней палатѣ довольно оживленныя пренія [1]), представляющія немалый интересъ, такъ какъ въ нихъ впервые выражены были съ значительною подробностью соображенія и доводы за и противъ продленія чрезвычайной мѣры на новый, болѣе продолжительный срокъ.

Важнѣйшіе доводы оппозиціи представляются въ слѣдующемъ видѣ. Продленіе пріостановки Habeas Corpus Акта нежелательно потому, что при слишкомъ частой практикѣ ея утратится всякое значеніе этого важнаго законодательнаго акта, величайшаго оплота противъ деспотизма. Лишеніе свободы по простому подозрѣнію грозитъ возможностью заключенія людей неповинныхъ, по какимъ-нибудь неосновательнымъ и недобросовѣстнымъ доносамъ. — Пріостановка надѣляетъ правительство произвольною властью, опасною для

также подозрѣніе въ „измѣнническихъ происках“ (Suspicion of High Treason or Treasonable Practices), и 2) задержаніе можетъ быть произведено, кромѣ приказа за подписью шести членовъ Тайнаго Совѣта, приказомъ за подписью кого-либо изъ двухъ государственныхъ секретарей (by Warrant signed by either of His Majestyes Secretaries of State); при этомъ однако отпущеніе на свободу задержанныхъ лицъ или производство надъ ними суда можетъ и по этому акту послѣдовать лишь въ силу приказа Тайнаго Совѣта за подписью шести членовъ, а не государственныхъ секретарей. Изъ этихъ двухъ дополненій большее значеніе имѣетъ первое, такъ какъ упоминаніемъ о „treasonable practices“ очевидно имѣлось въ виду расширить предѣлы исключительныхъ полномочій по производству арестовъ на такихъ лицъ, дѣянія которыхъ могли не подойти подъ понятіе „treason“. Терминъ „измѣнническіе происки“ встрѣчается и въ позднѣйшихъ актахъ о пріостановкѣ. — The Statutes of the Realm, т. VI, стр. 57.

1) Parliamentary History, т. V, стр. 266—276. — Въ палатѣ общинъ билль былъ принятъ 126 противъ 83 голосовъ. Свѣдѣній объ обсужденіи билля въ палатѣ лордовъ нѣтъ.

страны. «Еще недавно, — говорилъ одинъ изъ ораторовъ, — мы обвиняли правительство въ произвольномъ управленіи вопреки закону, а теперь мы сами устанавливаемъ произвольное управленіе по закону». — Указаніе на временную необходимость его до тѣхъ поръ, пока государственное управленіе упрочится, не можетъ быть признано убѣдительнымъ. Исторія показываетъ, что иногда временныя мѣры чрезвычайнаго характера превращались въ постоянныя; такъ, французскій король Людовикъ XI пожелалъ получить право на установленіе налоговъ только до собранія слѣдующаго парламента, но онъ такъ и не созвалъ парламента, и съ тѣхъ поръ налоги во Франціи устанавливаются безъ участія парламента. — Пріостановка не можетъ быть оправдана задачею «охраненія правительства» (preservation of government): какъ отъ внѣшнихъ, такъ и отъ внутреннихъ враговъ оно вполнѣ обезпечивается существованіемъ хорошаго флота и арміи въ 40,000 чел., «которая можетъ оказаться столь же роковою, какъ и прежде, для тѣхъ, которые покусятся противъ правительства».

На эти доводы защитники продленія пріостановки указывали, что оно вызывается тѣмъ, что еще не миновала опасность, заставившая прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Сторонники бывшаго короля Іакова помышляютъ о его возвращеніи, «пьютъ за его здоровье», отказываются повиноваться королю Вильгельму; французскій же король Людовикъ XIV готовъ оказать Іакову рѣшительную активную поддержку. При такихъ условіяхъ парламентъ, особенно въ виду скораго окончанія сессіи, долженъ предоставить королю нужныя полномочія для борьбы съ угрожающими опасностями. Если билль не будетъ принятъ, опасныя лица могутъ быть выпущены на свободу и получатъ возможность дѣйствовать въ видахъ «низверженія правительства».— Высказанные противъ билля доводы имѣли бы значеніе, если бы дѣло шло о совершенной отмѣнѣ закона о

Habeas Corpus; временная же пріостановка его не можетъ быть опасна. Нѣтъ основанія бояться злоупотребленія полномочіями билля, такъ какъ лишеніе свободы можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ при условіи основательной причины (just cause) подозрѣнія. Аресты же произвольные, при отсутствіи такой причины, подвергнутъ виновныхъ въ нихъ отвѣтственности передъ закономъ и парламентомъ. Дѣйствительно опасною пріостановка была бы въ томъ случаѣ, если бы ее могла примѣнять по своему усмотрѣнію сама исполнительная власть; пріостановка же законодательною властью — не опасна.

Текстъ этого акта о продленіи вполнѣ сходенъ съ текстомъ предшествующаго акта, при чемъ лишь прибавлена новая пятая статья. Она любопытна въ томъ отношеніи, что въ ней сказалась особая заботливость о предупрежденіи злоупотребленій по примѣненію чрезвычайныхъ мѣръ. Статья эта предписываетъ, чтобы точная копія каждаго приказа о лишеніи свободы по этому акту вносилась клерками Тайнаго совѣта въ особую книгу, при чемъ такая запись должна быть подписана лицами, выдавшими приказъ. Приказъ безъ такой записи не можетъ почитаться приказомъ, изданнымъ въ силу этого акта и имъ оправдываемымъ[1]).

Изданіемъ акта 25 мая заканчивается первая серія пріостановокъ Habeas Corpus Акта, слѣдовавшихъ одна за другою непрерывно и занявшихъ въ общей сложности болѣе семи мѣсяцевъ перваго года царствованія Вильгельма III. Всѣ онѣ были вызваны одною и тою же причиною — необходимостью лишить свободы «Якобитовъ», сторонниковъ Іакова, дѣйствовавшихъ въ интересахъ возвращенія ему потеряннаго трона. Сознавая важность обезпеченія новаго правительства отъ происковъ его враговъ, опасность которыхъ увеличивалась

1) The Statutes of the Realm. т. VI, стр. 77: — 1 Will. & Mar.. c. 19.

угрожающимъ образомъ дѣйствій Людовика XIV, давшаго пріютъ и поддержку Іакову II, парламентъ безъ особыхъ колебаній предоставлялъ исполнительной власти нужныя ей чрезвычайныя полномочія, при чемъ однако примѣненіе ихъ ограничивалось каждый разъ незначительнымъ періодомъ времени.

Къ царствованію Вильгельма III относится еще одинъ случай пріостановки Habeas Corpus Акта, имѣвшій мѣсто въ 1695—1696 г. Поводомъ послужили опять-таки происки Якобитовъ, грозившіе принять размѣры весьма тревожные для спокойствія государства и личной безопасности короля. Въ средѣ Якобитовъ созрѣли два рѣшительныхъ плана съ цѣлью возвращенія англійскаго трона Іакову II. Задачею одного изъ нихъ было произвести открытое возстаніе, которое долженъ былъ поддержать Людовикъ XIV посылкою въ Англію своего войска. «Въ этомъ заговорѣ, — говоритъ Маколей [1]), — приняли большее или меньшее участіе почти всѣ видные Якобиты. Одни запасались оружіемъ, другіе скупали лошадей, третьи составляли списки лицъ, на которыхъ можно было вполнѣ положиться. Главное руководительство подготовкою возстанія принадлежало побочному сыну Іакова, герцогу Бервику. На него возложены были сношенія съ Якобитскою знатью и опредѣленіе момента для начатія возстанія. Онъ былъ уполномоченъ увѣрить Якобитовъ, что французское правительство сосредоточитъ войска въ Кале и что, лишь только въ Англіи вспыхнетъ возстаніе, Іаковъ съ 12,000-ной французской арміей направится въ Англію».

Другой планъ состоялъ въ заговорѣ противъ жизни короля. Осуществленіе его приняли на себя менѣе видные дѣятели изъ среды Якобитовъ, при молчаливомъ согласіи и сочувствіи самого Іакова и его ближайшихъ сторонниковъ. Организаторъ заговора, шотландскій выходецъ сэръ Барклей привлекъ къ участію въ немъ до сорока

1) Macaulay, т. VIII, стр. 111 и сл.

человѣкъ, которые и должны были осуществить гнусный замыселъ свой 15 февраля, напавъ на короля при возвращеніи его съ обычной поѣздки на охоту. Но о планахъ заговорщиковъ сдѣлалось извѣстнымъ, и въ день, назначенный для убіенія короля, многіе изъ нихъ были арестованы. Приняты были также и общія мѣры къ предотвращенію возможности вторженія непріятельскаго войска и предупрежденію возстанія.

24 февраля король лично явился въ парламентъ, передъ которымъ и было прочитано заявленіе о готовившемся покушеніи на жизнь короля. «Я получилъ, — гласила королевская рѣчь, — нѣсколько согласныхъ между собою извѣщеній о замыслахъ убить меня, а также и о томъ, что нашими врагами сдѣланы приготовленія къ внезапному вторженію въ это королевство; въ виду сего я призналъ необходимымъ, не теряя времени, сообщить моему парламенту объ этихъ предметахъ, столь близко касающихся безопасности королевства и общественнаго благополучія, питая увѣренность, что съ вашей стороны не будетъ упущено ничего изъ того, что можетъ быть признано нужнымъ для нашего спокойствія на будущее время». Упомянувъ о сдѣланныхъ уже распоряженіяхъ по флоту и арміи, король продолжалъ: «нѣкоторые изъ заговорщиковъ противъ моей особы уже находятся подъ стражею, приняты мѣры къ задержанію и остальныхъ обнаруженныхъ участниковъ.» Въ заключеніе король снова выразилъ увѣренность въ готовности парламента «сдѣлать все, что́ онъ признаетъ нужнымъ для общей безопасности»[1]).

Палаты парламента тотчасъ же вотировали совмѣстный адресъ королю, въ которомъ, благодаря Провидѣніе, сохранившее жизнь короля, просили его проявить бо́льшую, чѣмъ обыкновенно, заботливость о своей особѣ. Выразивъ полную готовность оказать всякое содѣйствіе для охраненія личности короля и поддержанія его

1) Parliamentary History, т. V, стр. 987—988.

правительства, парламентъ заключилъ адресъ выраженіемъ «желанія, чтобы король подвергалъ задержанію всѣхъ лицъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ лошадей и оружіе, которыхъ онъ признаетъ нужнымъ задержать по этому поводу»[1]).

Въ тотъ же день въ палату общинъ внесенъ былъ билль о пріостановкѣ Habeas Corpus Акта въ обычной формѣ — билля объ уполномоченіи его величества задерживать и подвергать заключенію тѣхъ лицъ, которыхъ онъ заподозритъ въ злоумышленіяхъ противъ своей особы и правительства.

Этотъ актъ[2]) предоставляетъ чрезвычайныя полномочія по задержанію лицъ, находившихся въ заключеніи 20 февраля 1695 г., и лицъ, подлежавшихъ дальнѣйшимъ арестамъ по подозрѣнію въ государственной измѣнѣ и измѣнническихъ происках, впредь до 1 сентября 1696 года. Такимъ образомъ общій срокъ этой пріостановки — шесть мѣсяцевъ и десять дней.

Въ текстѣ акта[3]) находимъ нѣкоторое различіе сравнительно съ предшествующими. Основныя постановленія — относительно полномочій по задержанію, о срокѣ пріостановки и парламентской привилегіи — изложены въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и въ первыхъ актахъ. Различіе замѣчается, во-первыхъ, во вступленіи, и во-вторыхъ, въ прибавкѣ двухъ новыхъ статей, неизвѣстныхъ предъидущимъ.

Измѣненія эти вызваны особенностями поводовъ изданія акта. Вмѣсто краткаго указанія прежнихъ актовъ вступленіе заключаетъ въ себѣ болѣе подробную мотивировку. «Въ виду того, что папистами и другими злонамѣренными и предательскими лицами, — гласитъ это вступленіе, — былъ образованъ и подготовленъ ужаснѣйшій варварскій и гнусный заговоръ (a most horrid

1) Ibid., стр. 989—990.

2) 7 & 8 Will. III, c. 11. — Данныхъ по самому обсужденію его въ Parliamentary History не приведено.

3) The Statutes of the Realm, т. VII (Lon. 1820), стр. 74.

barbarous and detestable Conspiracy) для убіенія королевской особы его величества въ цѣляхъ поощрить задуманное вторженіе изъ Франціи къ полной гибели и низверженію протестантской религіи, законовъ и вольностей этого королевства, — ради лучшаго охраненія священной особы его величества и обезпеченія спокойствія королевства, въ настоящее время угрожающей опасности, противъ покушеній и измѣнническихъ злоумышленій злонамѣренныхъ лицъ постановляется» и. т. д.

Что касается дополнительныхъ статей, то онѣ вызваны желаніемъ противодѣйствовать одной изъ подготовительныхъ мѣръ къ организаціи возстанія, о которой упомянуто, а именно закупкѣ лошадей. «Весьма цѣлесообразно, — гласитъ ст. IV акта, — чтобы лица, которыя могутъ быть подозрѣваемы въ замыслахъ противъ правительства его величества, были лишены возможности осуществить свои злоумышленія.» Въ виду этого лейтенантамъ всѣхъ графствъ или ихъ замѣстителямъ предоставляется право, впредь до 1 сентября 1696 года, издавать за своими подписями и печатями приказы «розыскивать и забирать всѣхъ лошадей стоимостью въ пять фунтовъ и выше, принадлежащихъ или находящихся въ пользованіи у лицъ, которыхъ лейтенанты или трое или болѣе ихъ помощниковъ признаютъ опасными для спокойствія королевства.»

Постановленіе это любопытно въ томъ отношеніи, что имъ къ главной цѣли акта, пріостановкѣ гарантій личной свободы, присоединяется извѣстное ограниченіе имущественныхъ правъ лицъ, противъ которыхъ направлены исключительныя полномочія. Ограниченіе это обставляется однако различными предосторожностями. Въ видѣ общаго правила, названныя лошади могутъ быть забираемы на время не свыше трехъ недѣль; для задержанія ихъ, въ случаѣ необходимости, на болѣе продолжительное время нужно особое распоряженіе за подписью шести членовъ Тайнаго Совѣта. Розыски

лошадей должны быть производимы не иначе, какъ днемъ (между восходомъ солнца и его закатомъ), кромѣ городовъ и пригородовъ, гдѣ розыски и въ ночное время будутъ законны, если въ приказѣ будетъ объ этомъ сказано. Въ случаѣ сопротивленія къ производству розыска разрѣшается употреблять силу. «Въ случаѣ вторженія или возстанія, но не иначе» всѣ забранныя лошади «въ теченіе того времени, какъ онѣ могутъ быть задержаны въ силу настоящаго акта, могутъ быть употребляемы его величествомъ въ предѣлахъ королевства противъ его враговъ». Актъ стремится регулировать и порядокъ содержанія забранныхъ лошадей. Если онѣ отдаются какому-либо содержателю постоялаго двора, то за прокормъ или содержаніе ихъ платятъ ему собственники по разсчету не свыше четырехъ шиллинговъ въ недѣлю за каждую лошадь. — Статья V и послѣдняя акта заключаетъ въ себѣ оговорку о томъ, что этотъ актъ «не долженъ быть толкуемъ въ смыслѣ предоставленія права забирать жеребыхъ кобылъ или матокъ съ жеребятами моложе трехъ лѣтъ.»

Слѣдующая пріостановка относится къ царствованію королевы Анны, а именно къ 1707—1708 г., и была направлена также противъ Якобитовъ. Ближайшимъ поводомъ къ ней послужила экспедиція въ Шотландію, снаряженная Франціей съ цѣлью доставить торжество претенденту на англійскій престолъ, какимъ теперь являлся сынъ Іакова II. Когда этотъ послѣдній умеръ въ Сенъ-Жерменѣ (въ 1701 г.), Людовикъ XIV, не смотря на возраженія своихъ совѣтниковъ въ виду обязательствъ мирнаго трактата 1697 г. (по которому Людовикъ, признавшій Вильгельма королемъ англійскимъ, обязывался не предпринимать дѣйствій, могущихъ поколебать его престолъ), — торжественно призналъ юнаго сына покойнаго Іакова королемъ Англіи подъ именемъ Іакова III. Питая враждебныя по отношенію къ Англіи намѣренія, Людовикъ ожидалъ лишь удобнаго повода

для того, чтобы приступить къ ихъ осуществленію и ради ихъ вызвать внутреннія неурядицы на почвѣ борьбы за престолъ. Удобнымъ для этого поводомъ признано было недовольство значительной доли шотландскаго населенія заключеніемъ уніи Шотландіи съ Англіей (въ 1707 г.). Одному изъ Якобитовъ поручено было предпринять поѣздку въ Шотландію и на мѣстѣ выяснить положеніе дѣлъ и шансы претендента; результатомъ этой миссіи было убѣжденіе въ томъ, что появленіе Іакова въ Шотландіи, съ отрядомъ французскаго войска, вызоветъ энергическую поддержку со стороны ея населенія, готоваго подняться противъ Англіи. Вслѣдствіе этого версальское правительство рѣшило снарядить экспедицію, отправивъ изъ Дюнкирхена эскадру съ 4,000 войскомъ, которое было признано достаточнымъ въ виду незначительности англійскаго гарнизона въ Шотландіи. На одномъ изъ кораблей долженъ былъ отплыть самъ девятнадцатилѣтній претендентъ, принявшій въ этой экспедиціи имя «Chevalier de St.-George». 7 марта 1707—1708 г. онъ долженъ былъ выѣхать изъ Сенъ-Жермена въ Дюнкирхенъ; отплытіе эскадры было назначено на 10 марта [1]).

Приготовленія къ этой экспедиціи, не смотря на то, что они велись въ большой тайнѣ, не могли не быть замѣченными. Свѣдѣнія о нихъ дошли въ началѣ марта до англійскаго правительства, которое не замедлило принять свои мѣры. 4 марта парламенту было сообщено, что «наканунѣ и утромъ этого дня получены различныя свѣдѣнія о большихъ приготовленіяхъ въ Дюнкирхенѣ къ немедленному вторженію въ Англію французовъ, при чемъ именующей себя принцемъ Уэльскимъ явится въ Дюнкирхенъ для этой цѣли» [2]). Пар-

1) Earl Stanhope: History of England comprising the Reign of Queen Anne until the Peace of Utrecht (1701—1713), 4th edition, Lon. 1872; т. II, стр. 44—46, 57 и сл.

2) Parliamentary History, т. VI (1702—1714), стр. 725—726.

ламентъ немедленно вотировалъ адресъ на имя королевы, въ которомъ между прочимъ выражено было желаніе, чтобы «сдѣланы были распоряженія о задержаніи тѣхъ лицъ, вмѣстѣ съ ихъ лошадьми и оружіемъ, которыхъ королева будетъ имѣть основаніе подозрѣвать въ злоумышленіяхъ противъ своей особы и правительства.»

Вслѣдъ затѣмъ вотированъ былъ и актъ о пріостановкѣ гарантій личной свободы для всѣхъ задержанныхъ по подозрѣнію въ государственной измѣнѣ и предательскихъ происках, на время съ 10 марта 1707 г. по 23 октября 1708 г., т. е. на семь мѣсяцевъ и двѣ недѣли[1]).

Содержаніе этого акта[2]), въ общемъ весьма сходное съ предшествующимъ, различается отъ него въ нѣкоторыхъ деталяхъ. Изъ девяти статей въ шести находимъ почти буквальное воспроизведеніе постановленій предъидущаго акта 1695 г., въ томъ числѣ и постановленія о забираніи лошадей. Различіе заключается, во-первыхъ, въ прибавкѣ двухъ статей, неизвѣстныхъ прежнимъ актамъ о пріостановкѣ (а именно ст. II и IX), и во-вторыхъ, въ нѣсколько иной формулировкѣ обычнаго постановленія о возобновленіи дѣйствія законовъ о личной свободѣ (въ ст. III).

---

1) Вмѣстѣ съ тѣмъ приняты были и энергическія мѣры по флоту и арміи для противодѣйствія вторженію. Успѣху этихъ мѣръ значительно содѣйствовало замедленіе въ отплытіи эскадры вслѣдствіе болѣзни претендента, заставившей отсрочить отплытіе до 17 марта. Когда французская эскадра приближалась къ шотландскимъ берегамъ, англійскія морскія силы, значительно превосходившія силы эскадры, готовы были дать отпоръ. Командиръ эскадры, адмиралъ Форберъ, въ виду этого, призналъ за лучшее вернуться обратно. Претендентъ, побуждаемый ободрительными увѣреніями своихъ ближайшихъ сторонниковъ, выражалъ желаніе высадиться даже безъ войска, но адмиралъ не допустилъ этого, ссылаясь на неимѣніе надлежащихъ для этого инструкцій. Stanhope, ibid., стр. 59—60.

2) 6 Anne, cap. 67. The Statutes of the Realm, т. VIII, стр. 815—816. — Никакихъ свѣдѣній объ обсужденіи его въ Parliamentary History не имѣется.

Статья II является послѣдствіемъ состоявшагося въ 1707 г. соединенія Шотландіи съ Англіей. Она заключаетъ въ себѣ постановленіе о пріостановкѣ (впредь до 23 окт. 1708 г.), «для всѣхъ случаевъ измѣны и подозрѣнія въ измѣнѣ», — шотландскаго закона 1701 г. о гарантіяхъ личной свободы[1]).

Выраженное же въ статьѣ IX новое постановленіе имѣетъ въ виду предупредить обходъ предписаній акта о забираніи лошадей. Оно мотивируется возможностью случаевъ сокрытія лошадей, подлежащихъ задержанію, производствомъ «мнимой продажи» ихъ. Вслѣдствіе этого актъ объявляетъ недѣйствительными всякія продажи лошадей «кому-либо изъ людей зависимыхъ (to any Servant or Servants) отъ лицъ, лошади которыхъ подлежатъ задержанію въ силу этого акта, а также и какому-либо другому лицу по порученію для какого-либо паписта или считающагося папистомъ».

Наконецъ статья III о возстановленіи съ 23 октября силы всѣхъ законовъ о личной свободѣ представляетъ собою новую формулировку въ томъ отношеніи, что въ ней нѣтъ прямаго упоминанія о Habeas Corpus Актѣ 1679 г, и говорится лишь вообще о «всѣхъ законахъ и статутахъ, имѣющихъ отношеніе къ личной свободѣ гражданъ королевства или ее обезпечивающихъ»[2]).

Нужно замѣтить, что упоминаніе это отсутствуетъ и во всѣхъ позднѣйшихъ актахъ о пріостановкѣ.

---

1) Вотъ эта статья: — And be it further enacted by the Authority aforesaid That the Act made in Scotland in the year of our Lord one thousand seven hundred and one intituled For preventing wrongous Imprisonment and against undue Delays in Trials until the said Twenty-third Day of October be suspended as to all Cases of Treason and Suspicion of Treason. — Ср. выше стр. 84.

2) Provided always That from and after the said Three and twentieth Day of October the said Persons so committed shall have the Benefit and Advantage of all Laws and Statutes any way relating to or providing for the Liberty of the Subjects of this Realm. — Ср. ст. II перваго акта о пріостановкѣ, напечатаннаго въ Приложеніяхъ.

Объясненіе этого обстоятельства слѣдуетъ, быть можетъ, искать въ чисто внѣшнихъ редакціонныхъ соображеніяхъ, — въ желаніи избѣжать длинныхъ титуловъ англійскаго акта 1679 г. и шотландскаго закона 1701 г., о которомъ конечно пришлось бы упомянуть.

Борьба съ Якобитами вызвала рядъ новыхъ пріостановокъ Habeas Corpus Акта въ царствованіе первыхъ двухъ королей Ганноверской династіи, Георга I и Георга II, а именно — въ 1715—1716, въ 1722 и въ 1744—1746 г. Эти годы ознаменовались новыми рѣшительными попытками со стороны приверженцевъ династіи Стюартовъ организовать возстаніе съ цѣлью возвращенія ей королевскаго трона. Главною почвою для нихъ по прежнему служила Шотландія, въ которой стремленія претендента находили особенно дѣятельную поддержку со стороны вліятельныхъ лицъ, недовольныхъ присоединеніемъ Шотландіи къ Англіи и продолжавшихъ хранить традиціи привязанности къ дому Стюартовъ. Въ самой Англіи происки Якобитовъ также нашли себѣ опору въ сочувствіи многихъ членовъ торійской партіи, которое стало выражаться особенно рѣзко послѣ того, какъ со вступленіемъ на престолъ Георга I управленіе перешло всецѣло въ руки виговъ.

Обзоръ событій, сопровождавшихъ названныя попытки Якобитовъ, не входитъ непосредственно въ задачу настоящей работы. Они составляютъ предметъ общей политической исторіи Англіи и обыкновенно съ значительною подробностью излагаются въ историческихъ трудахъ, касающихся этой эпохи, — особенно же детали возстаній 1715 и 1745 гг.[1]). Для цѣлей настоящаго очерка достаточно имѣть въ виду, что оба эти возстанія (и главнымъ образомъ второе) принимали весьма угро-

---

1) Такъ, напр. обстоятельный обзоръ ихъ даетъ сочиненіе Lord Mahon (позднѣе Lord Stanhope): History of England from the Peace of Utrecht to the Peace of Aix-la-Chapelle. 2nd edition, London 1839, томъ I (главы V и VI) и томъ III (главы XXVII, XXVIII и XXIX).

жающій характеръ и опасные размѣры, такъ что для подавленія ихъ понадобилось прибѣгнуть къ крайне энергическимъ мѣрамъ. Въ ряду ихъ на первомъ планѣ стояли мѣры военныя, организація вооруженнаго отпора мятежнымъ дѣйствіямъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ правительство каждый разъ находило нужнымъ прибѣгать къ парламенту и за полученіемъ чрезвычайныхъ полномочій по задержанію опасныхъ лицъ, за пріостановкою обычныхъ законныхъ гарантій личной свободы.

Къ сожалѣнію, не по всѣмъ указаннымъ выше случаямъ пріостановки Habeas Corpus Акта имѣются достаточно полные матеріалы. Такъ, по отношенію къ возстанію 1715 г. мы вынуждены ограничиться лишь немногими замѣчаніями. Самое возстаніе вспыхнуло въ началѣ сентября 1715 г., подъ руководствомъ графа Маръ, но извѣстія о подготовкѣ его получены были въ Англіи значительно ранѣе. До свѣдѣнія парламента о приготовленіяхъ претендента Іакова къ вторженію доведено было 20 іюля въ королевской рѣчи, въ которой король и обратился къ палатамъ съ просьбою о принятіи нужныхъ мѣръ къ обезпеченію безопасности страны[1]). По всей вѣроятности, тотчасъ же послѣ этого и былъ вотированъ билль о пріостановкѣ Habeas Corpus Акта на шестимѣсячный срокъ, т. е. до января 1715—1716 г. Говоримъ «по всей вѣроятности» потому, что въ Parliamentary History нѣтъ никакихъ свѣдѣній о принятіи этого билля; что же касается сборника статутовъ, то въ немъ напечатанъ лишь титулъ акта о пріостановкѣ, безъ указаній на его содержаніе[2]).

1) Parliamentary History, томъ VII, стр. III: „In these circumstances, I think it proper to ask your assistance; and make no doubt but you will so far consult your own security, as not to leave the nation, under a rebellion actually begun at home, and threatened with an invasion from abroad, in a defenceless condition: And I shall look upon the provision you shall make for the safety of my people, as the best mark of your affection to me."

2) The Statutes at Large, томъ 5, стр. 11: — 1 Geo. 1, cap. 8. An Act to impower his Majesty to secure and detain such persons

Опредѣленіе январемъ конечнаго срока дѣйствія этой пріостановки опирается на имѣющіяся свѣдѣнія о томъ, что въ январѣ парламентомъ вотированъ[1]) актъ о продленіи ея на новый срокъ, опять на шесть мѣсяцевъ. — Продленіе чрезвычайныхъ мѣръ вызвано было тѣмъ, что возстаніе, начавшееся 3 сентября, еще не было подавлено; мятежникамъ удалось подвинуться вглубь страны, и успѣхъ движенія представлялся настолько обезпеченнымъ, что явившійся въ декабрѣ изъ Франціи Іаковъ издалъ прокламацію, въ которой на 23 января назначено было его коронованіе[2]). Однако еще до наступленія этого дня приближеніе значительнаго подкрѣпленія англійскихъ войскъ парализовало всѣ шансы мятежниковъ и побудило претендента поспѣшить возвратиться[3]).

О слѣдовавшей затѣмъ пріостановкѣ 1722 г. имѣются болѣе подробныя свѣдѣнія. Не за долго передъ тѣмъ въ странѣ произошелъ грандіозный финансовый кризисъ, жертвами котораго оказались многія тысячи семей. Однимъ изъ косвенныхъ послѣдствій этого было развитіе крайняго недовольства администраціей, которымъ Якобиты нашли для себя желательнымъ воспользоваться. Задуманъ былъ планъ новаго возстанія, для успѣха котораго старались обезпечить иноземную поддержку войскомъ. Неудача многихъ попытокъ въ обезпеченіи этой поддержки не

as his Majesty shall suspect are conspiring against his person and government.

1) Parliamentary History, томъ VII, стр. 275. Содержаніе этого акта также намъ неизвѣстно, такъ какъ въ Statutes at Large напечатанъ лишь титулъ его: 1 Geo. 1, cap. 30. An Act for continuing the Act of this present session of Parliament, intituled An Act to impower, и. т. д.

2) Lord Mahon, назв. соч. т. I, стр. 271.

3) Неудачѣ этого возстанія значительно содѣйствовало то обстоятельство, что не оправдалась надежда Якобитовъ на активную помощь Франціи. Горячій сторонникъ претендента, Людовикъ XIV умеръ почти наканунѣ возстанія, а новое правительство Франціи не нашло желательнымъ оказать поддержку планамъ, враждебнымъ Англіи.

обезкуражила организаторовъ плана и они рѣшили осуществить его собственными силами. Въ составъ плана входило овладѣніе Тоуеромъ, а также Банкомъ, Казначействомъ и другими мѣстами храненія денежныхъ фондовъ, послѣ чего должно было послѣдовать провозглашеніе претендента одновременно въ разныхъ мѣстахъ страны. Однако о планахъ этихъ англійскому правительству сдѣлалось извѣстнымъ заблаговременно,—отчасти черезъ французское правительство, отказавшее Якобитамъ въ просьбѣ о помощи 5,000 войскомъ. Уже весною 1722 г. правительствомъ, во главѣ котораго находился Робертъ Вальполь, приняты были мѣры съ цѣлью предупредить осуществленіе заговора. Въ довершеніе ихъ признано было нужнымъ испросить у парламента, тотчасъ же по открытіи его сессіи, чрезвычайныхъ полномочій по задержанію подозрѣваемыхъ лицъ.

Данныя по исторіи этой пріостановки позволяютъ сдѣлать довольно полный очеркъ ея, представляющій интересъ во многихъ отношеніяхъ.

Сессія парламента была открыта 11 октября 1722 г. Тронная рѣчь была цѣликомъ посвящена сообщенію о заговорѣ. «Милорды и джентльмены!» — говорилось въ ней[1]): «къ прискорбію моему я вынужденъ, при открытіи настоящаго парламента, сообщить вамъ, что нѣсколько времени тому назадъ образовался и до сихъ поръ продолжается опасный заговоръ противъ моей особы и правительства, въ пользу папистскаго Претендента (Popish Pretender). Разоблаченія, сдѣланныя мною здѣсь, донесенія, полученныя отъ моихъ министровъ заграницею, и свѣдѣнія, имѣющіяся у меня отъ союзныхъ державъ, изъ различныхъ мѣстностей Европы, — дали мнѣ обильныя и согласныя между собою доказательства этого злоумышленія. Заговорщики черезъ посредство своихъ эмиссаровъ усиленно домо-

1) Parliamentary History, томъ VIII (1722—1733), стр. 25—27.

гались получить поддержку отъ иностранныхъ державъ; но они были разочарованы въ своихъ ожиданіяхъ. Однако, полагаясь на свою численность и не обезкураживаясь своею прошлою неудачею, они рѣшили еще разъ своими собственными силами попытаться низвергнуть мое правительство. Съ этою цѣлью они запаслись значительными суммами денегъ, пригласили большое число офицеровъ изъ-заграницы, обезпечили себѣ обширные запасы оружія и боевыхъ снарядовъ и чувствовали себя уже настолько готовыми, что, еслибы заговоръ не былъ своевременно открытъ, мы безъ сомнѣнія видѣли бы всю націю и особенно городъ Лондонъ вовлеченными въ кровопролитіе и замѣшательство. Старанія мои, милостью божіею, до сихъ поръ предупредили исполненіе ихъ измѣнническихъ плановъ. Войска стояли лагеремъ въ теченіе всего прошлаго лѣта; шесть полковъ (хотя и очень необходимые для безопасности Ирландіи) были доставлены изъ этого королевства. Генеральные Штаты дали мнѣ увѣренія, что они будутъ держать значительное число войскъ на готовѣ къ высадкѣ по первому извѣстію объ ихъ необходимости здѣсь, — чѣмъ и ограничиваются мои желанія отъ нихъ, такъ какъ я рѣшился не подвергать мой народъ бо̀льшимъ расходамъ, чѣмъ то безусловно необходимо для его спокойствія и безопасности. Нѣкоторые изъ заговорщиковъ схвачены и подвергнуты заключенію; приняты мѣры и къ задержанію другихъ. Милорды и джентльмены! Изложивъ такимъ образомъ вамъ общее положеніе настоящаго заговора, я долженъ предоставить вашему соображенію, что̀ приличествуетъ и что необходимо сдѣлать для спокойствія и безопасности королевства. Не могу не вѣрить, что надежды и ожиданія нашихъ враговъ весьма не основательны, надежды, которыми они льстятъ себя на то, что недавнія неурядицы, — какъ бы ловко и лукаво ни были онѣ разжигаемы, — превратятся въ недовольство и разовьютъ мятежный духъ. Если бы я, со времени моего вступ-

ленія на престолъ, сдѣлалъ попытку на какое-либо новшество въ нашей установленной религіи; если бы я хотя бы въ одномъ какомъ-нибудь случаѣ посягнулъ на свободу или собственность моихъ подданныхъ, — тогда я менѣе удивился бы попыткамъ отвратить отъ меня расположеніе моего народа и вовлечь его въ дѣйствія, конечнымъ результатомъ которыхъ можетъ быть только его собственная гибель. Надѣяться на то, чтобы убѣдить свободный народъ, вполнѣ пользующійся всѣмъ, что ему дорого, перемѣнить свободу на рабство, протестантскую религію на папизмъ, и пожертвовать кровью и богатствами, потраченными на защиту нашего настоящаго порядка, — это представляется безуміемъ, не имѣющимъ значенія: однако, какъ бы тщетны и безуспѣшны ни оказались въ концѣ концевъ эти отчаянные планы, въ настоящее время они имѣютъ желанное дѣйствіе въ томъ отношеніи, что порождаютъ безпокойство и смущеніе въ умахъ моего народа, чѣмъ наши враги стараются воспользоваться въ своихъ собственныхъ видахъ. Составляя заговоры, они понижаютъ цѣну всей собственности, помѣщенной въ публичныхъ фондахъ, и затѣмъ жалуются на плохое состояніе кредита; они дѣлаютъ необходимымъ увеличеніе національныхъ расходовъ и затѣмъ кричатъ о тяжести налоговъ; и вообще стараются приписать моему управленію тѣ убытки и бѣдствія, которые причиняются ими одними».

Обратившись затѣмъ къ членамъ палаты общинъ съ обычнымъ заявленіемъ о финансовыхъ смѣтахъ, которыя ограничиваются требованіемъ лишь «безусловно необходимаго», тронная рѣчь заканчивается воззваніемъ къ единенію: «Мнѣ нѣтъ надобности говорить о томъ, какъ безконечно важно для мира и спокойствія королевства, чтобы настоящій парламентъ проявилъ болѣе, чѣмъ обыкновенныя рвеніе и рѣшительность. Полное единеніе между всѣми, искренно сочувствующими настоящему порядку, стало теперь безусловно необходимымъ. Нашъ

враги слишкомъ долго извлекали выгоды изъ вашихъ раздоровъ и несогласій. Пусть же будетъ извѣстно, что духъ папизма, который грозитъ лишь гибелью гражданскихъ и религіозныхъ правъ протестантской церкви и королевства — хотя бы нѣкоторые и забыли о своихъ божественныхъ и человѣческихъ обязанностяхъ — не въ столь сильной степени распространенъ въ моемъ народѣ, чтобы онъ былъ готовъ къ такой роковой перемѣнѣ. Пусть же видитъ міръ, что общее настроеніе націи не таково, чтобы поощрить вторженіе къ намъ иностранныхъ державъ или ободрить внутреннихъ враговъ къ возбужденію гражданской войны въ нѣдрахъ королевства. Вашъ собственный интересъ и благополучіе призываютъ васъ къ самозащитѣ. Я всецѣло уповаю на божественное покровительство, на поддержку моего парламента и любовь моего народа, котораго я буду стараться спасти, оставаясь непоколебимо вѣрнымъ конституціи церкви и государства и продолжая ставить законы страны правиломъ и мѣрою всѣхъ моихъ дѣйствій».

Въ томъ же засѣданіи, 11 окт., лишь только король удалился изъ палаты лордовъ и общины вернулись въ свою палату, лордъ-намѣстникъ Ирландіи, герцогъ Графтонъ, указавъ на ужасный заговоръ и «на необходимость усилить власть министровъ его величества въ цѣляхъ полнаго раскрытія и окончательнаго подавленія этихъ измѣнническихъ плановъ и дѣйствій», «представилъ палатѣ лордовъ билль о пріостановкѣ Habeas Corpus Акта и объ уполномоченіи его величества забирать и задерживать тѣхъ лицъ, которыхъ его величество заподозритъ въ злоумышленіяхъ противъ его особы и правительства, на время одного года». Второму чтенію билля предшествовали «продолжительныя и горячія пренія», по окончаніи которыхъ оно было вотировано большинствомъ 67 голосовъ противъ 24. При комитетскомъ обсужденіи предложено было опредѣлить конечный срокъ пріостановки — до 24 Октября

1723 г. Третьему чтенію опять предшествовали «очень горячіе и упорные дебаты».

Сущность возраженій, изложенныхъ затѣмъ въ особомъ протестѣ противъ билля, подписанномъ 19-ью лордами, заключается въ слѣдующемъ[1]). Habeas Corpus Актъ, по всеобщему признанію, составляетъ «великій оплотъ личной свободы.» Хотя въ случаяхъ дѣйствительнаго возстанія и грозящаго нашествія этотъ актъ и былъ иногда пріостанавливаемъ, однако это дѣлалось «осторожно и постепенно» (sparingly and by degrees). Наиболѣе продолжительнымъ срокомъ пріостановки былъ шестимѣсячный срокъ. Оппоненты съ прискорбіемъ думаютъ о возможныхъ послѣдствіяхъ предлагаемой пріостановки для самаго существа этого превосходнаго закона: подобно тому, какъ прошлыя пріостановки являются прецедентомъ для нынѣшней на годичный и даже болѣе срокъ, такъ настоящая пріостановка можетъ послужить въ другомъ случаѣ столь же хорошимъ прецедентомъ для пріостановки на два года. Въ виду того, что гнусный заговоръ обнаруженъ свыше пяти мѣсяцевъ тому назадъ и нѣкоторыя лица уже давно подвергнуты заключенію за участіе въ немъ, оппоненты находятъ, что было бы весьма неосновательно предполагать, что опасность этого заговора, подъ управленіемъ дѣятельнаго министра, продлится еще въ теченіе года или болѣе и притомъ въ такой сильной степени, чтобы требовалась пріостановка гарантій личной свободы на все это время. Далѣе они указываютъ на то, что король уже въ теченіе двухъ лѣтъ не посѣщалъ своихъ заграничныхъ владѣній и что онъ вѣроятно ближайшею весною оставитъ королевство съ цѣлью побывать въ нихъ; а въ такомъ случаѣ «эта великая власть подозрѣвать и подвергать его подданныхъ заключенію at will до 24 октября 1723 г. и позднѣе, пока они въ состояніи будутъ воспользоваться благодѣяніями Habeas Corpus Акта (если

1) Ibid, с. 30—35.

они вообще въ состояніи будутъ тогда воспользоваться имъ), будетъ находиться въ рукахъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ согражданъ, по отношенію къ которымъ мы не столь увѣрены, чтобы они стояли выше всякихъ предубѣжденій и партійности, какъ въ этомъ мы увѣрены по отношенію къ его величеству»[1]). Оппоненты указываютъ также на то, что пріостановка Habeas Corpus Акта на столь продолжительный срокъ парализуетъ дѣйствіе закона о свободѣ членовъ парламента отъ ареста во время сессіи парламента, согласіе котораго необходимо для арестованія кого-либо изъ членовъ его, такъ какъ по всей вѣроятности парламентъ не будетъ засѣдать большую часть времени, на который пріостанавливается Habeas Corpus Актъ. Наконецъ, по ихъ мнѣнію, «этотъ билль въ сущности надѣляетъ министровъ почти столь же произвольною и широкою властью, какъ власть римскаго диктатора, такъ какъ они могутъ даже невинныхъ лицъ, которыя будутъ имѣть несчастіе не понравиться имъ, подвергать наказанію свыше-годичнымъ заключеніемъ, которое немногимъ лучше смерти и которое нерѣдко причиняетъ ее. Диктаторская власть у римлянъ всегда прекращалась немедленно послѣ того, какъ исчезалъ поводъ къ установленію ея, и замѣчательно, что она никогда не продолжалась долѣе этого до тѣхъ поръ, пока римская республика, отъ которой всѣ другія государства заимствовали столь многія правила управленія, не утратила своей свободы»[2]).

Основываясь на приведенныхъ соображеніяхъ о «столь многихъ неудобствахъ», оппоненты считали

---

1) Этотъ аргументъ лордовъ-оппонентовъ представляется довольно страннымъ, свидѣтельствуя какъ бы о непониманіи ими одного изъ главныхъ положеній англійскаго конституціоннаго права — отвѣтственности министровъ и безотвѣтственности короля, который дѣйствуетъ не иначе, какъ черезъ своихъ министровъ. (Это обстоятельство было отмѣчено тогда же, въ статьѣ London Journal, напечатанной въ примѣчаніи къ отчету о преніяхъ въ Parl. Hist. т. VIII, стр. 29—36).

2) Ibid., стр. 29.

вполнѣ благоразумнымъ ограничить пріостановку шестимѣсячнымъ срокомъ, по прошествіи котораго, въ случаѣ необходимости, она могла бы быть продолжена еще на шесть мѣсяцевъ, подобно тому, какъ это было уже сдѣлано въ настоящее царствованіе во время прошлаго возстанія.

Возраженіямъ этимъ были противопоставлены слѣдующіе доводы. Habeas Corpus Актъ былъ пріостанавливаемъ по гораздо менѣе важнымъ поводамъ, по простымъ намекамъ на существованіе заговора. Между тѣмъ теперь король представилъ парламенту подробныя свѣдѣнія о заговорѣ съ цѣлью возвести на престолъ папистскаго принца. Необходимо, чтобы пріостановка продолжалась въ теченіе цѣлаго года, такъ какъ заговорщики, которые вѣроятно всю зиму будутъ соблюдать спокойствіе, постараются воспользоваться именно лѣтомъ, когда парламентъ уже не будетъ засѣдать, и будутъ льстить себя надеждою на чужеземную помощь.

Въ концѣ концевъ билль былъ принятъ безъ голосованія и отосланъ въ палату общинъ, гдѣ онъ былъ прочитанъ въ первый разъ 15 октября [1]). На слѣдующій день происходило второе чтеніе безъ преній; комитетское же обсужденіе вызвало рядъ возраженій. Они сводились главнымъ образомъ къ признанію годичнаго срока пріостановки чрезмѣрнымъ, при чемъ указывалось, что «даже во времена открытаго и дѣйствительнаго возстанія Habeas Corpus Актъ никогда не пріостанавливался болѣе, чѣмъ на шесть мѣсяцевъ». Противъ этихъ возраженій выступилъ генералъ-атторней Сэръ Робертъ Раймондъ. Въ доказательство необходимости пріостановки на цѣлый годъ, онъ говорилъ, что «настоящій заговоръ лежитъ глубоко, распространяется далеко и широко и состоитъ изъ нѣсколькихъ развѣтвленій, вслѣдствіе чего требуется значительное количество времени для того, чтобы распутать и раскрыть

1) Ibid., стр. 38.

его вполнѣ». Послѣ дальнѣйшихъ преній о срокѣ пріостановки ораторомъ выступилъ канцлеръ казначейства и премьеръ Робертъ Вальполь, который представилъ палатѣ нѣкоторыя дальнѣйшія подробности относительно заговора. Онъ заявилъ, что этотъ заговоръ образовался около прошлаго Рождества. Прежде всего заговорщики обратились къ нѣкоторымъ иностраннымъ государямъ за поддержкою, прося 5,000 чел.; когда имъ было отказано въ этомъ, они въ апрѣлѣ мѣсяцѣ опять настоятельно просили доставить 3,000 чел. Снова разочаровавшись въ своихъ ожиданіяхъ чужеземной помощи, они рѣшили дѣйствовать собственными своими силами, разсчитывая на недовольство въ Англіи. Первымъ дѣломъ ихъ должно было быть овладѣніе банкомъ, казначействомъ и другими учрежденіями, въ которыхъ хранятся государственные фонды. Правительство уже съ прошлаго мая имѣетъ несомнѣнныя свѣдѣнія объ этомъ заговорѣ; не смотря на это, оно признало нужнымъ не задерживать никого, такъ какъ въ то время два судебныхъ періода слѣдовали одинъ за другимъ и заговорщики могли бы воспользоваться Habeas Corpus Актомъ, и въ виду этого задержаніе ихъ было отсрочено до наступленія главнаго вакаціоннаго періода. Къ этому Р. Вальполь прибавилъ, что измѣнническіе замыслы противъ короля и правительства продолжаются со времени смерти покойной королевы; «можно было бы доказать, что происходило собраніе нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, одно изъ которыхъ недалеко отсюда (ораторъ намекалъ этимъ на одного изъ членовъ палаты лордовъ), при чемъ на этомъ собраніи предложено было провозгласить претендента на королевской биржѣ.» Подробный отчетъ объ этомъ гнусномъ заговорѣ будетъ въ соотвѣтственное время представленъ парламенту. Что же касается нынѣ стоящаго передъ нимъ вопроса, то совершенно вѣрно, что Habeas Corpus Актъ никогда до сихъ поръ не былъ пріостанавливаемъ болѣе, чѣмъ на шесть мѣсяцевъ; но лорды уже вотировали пріостановку на

одинъ годъ и, если палата общинъ измѣнитъ срокъ, то между обѣими палатами произойдетъ разногласіе, которое въ настоящее безпокойное и опасное время можетъ произвести дурное впечатлѣніе на иностранные дворы[1]).

Послѣ этой рѣчи поставленъ былъ вопросъ о принятіи билля въ томъ видѣ, въ какомъ онъ доставленъ изъ палаты лордовъ. Вопросъ рѣшенъ утвердительно большинствомъ 246 голосовъ противъ 193. Въ третьемъ чтеніи билль принятъ безъ голосованія. На слѣдующій день, 17 октября, послѣдовало королевское утвержденіе его[2]).

Мѣры, принятыя въ теченіе 1722 г. и завершившіяся пріостановкою Habeas Corpus Акта, оказались вполнѣ цѣлесообразными для предупрежденія новой попытки Якобитовъ произвести возстаніе, тѣмъ болѣе, что и въ этотъ разъ они, какъ и въ 1715 г., не встрѣтили поддержки со стороны французскаго правительства, находившаго нужнымъ сохранять съ Англіей добрыя отношенія. Въ теченіе двадцатилѣтняго періода Якобитамъ пришлось воздерживаться отъ сколько-нибудь рѣшительныхъ попытокъ осуществленія своихъ замысловъ. Благопріятнымъ поводомъ для возобновленія ихъ послужила рѣзкая перемѣна, происшедшая въ отношеніяхъ между Франціей и Англіей подъ вліяніемъ осложненій континентальной политики, приведшихъ въ 1744 г. къ войнѣ между ними. Еще до возникновенія ея французское правительство рѣшило оказать дѣятельную

1) Ibid., стр. 39—41.

2) Ibid., стр. 41. — Содержаніе этого акта также намъ неизвѣстно, такъ какъ въ Statutes at Large (т. 5, стр. 417) имѣется лишь титулъ его: 9. Geo. 1, cap. 1. An Act to impower his Majesty to secure and detain и. т. д. — Въ день утвержденія акта, 17 окт., палатѣ лордовъ было сообщено, что епископъ Рочестерскій (Аттербери), лорды Нортъ и Грей и графъ Оррери заключены въ Тоуеръ за участіе въ заговорѣ и что король желаетъ получить согласіе палаты на задержаніе указанныхъ лицъ въ силу акта о пріостановкѣ Черезъ нѣсколько дней у палаты испрошено было согласіе также на задержаніе герцога Норфолькскаго по подозрѣнію въ участіи его въ заговорѣ (Parliam. Hist., т. VIII., стр. 43—44).

поддержку замысламъ Якобитовъ организаціей экспедиціи съ цѣлью вторженія въ Англію съ 15.000 войскомъ. Приготовленія къ этой экспедиціи начались еще въ концѣ 1743 г. Въ виду преклонныхъ лѣтъ самого претендента, Іакова, онъ не могъ принять участія въ этомъ предпріятіи и былъ представленъ старшимъ сыномъ своимъ, Карломъ-Эдуардомъ, который въ концѣ января 1743—1744 г. прибылъ въ Парижъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ мѣсто отплытія эскадры.

По полученіи свѣдѣній объ этомъ англійское правительство сообщило о нихъ парламенту и обратилось къ нему съ ходатайствомъ о принятіи экстренныхъ мѣръ, выразивъ увѣренность, что палаты «усилятъ власть короля и окажутъ содѣйствіе всѣми тѣми мѣрами, которыя будутъ признаны необходимыми для разрушенія столь опаснаго замысла въ интересахъ безопасности особы короля и его правительства, а также религіи, законовъ и свободы королевства» [1]).

Одною изъ этихъ мѣръ должна была явиться пріостановка гарантій личной свободы съ цѣлью задержанія лицъ, подозрѣваемыхъ въ предательскихъ замыслахъ и участіи въ заговорѣ. Билль объ этой пріостановкѣ, въ обычной его формулировкѣ, внесенъ былъ въ палату общинъ 28 февраля 1743—44 г. генералъ-атторнеемъ [2]). Представляя его, онъ указалъ на опасное положеніе дѣлъ въ странѣ, когда приходится принимать мѣры не только противъ иностраннаго вторженія, но и противъ домашнихъ волненій. Правительство поэтому должно быть подкрѣплено всею тою властью, какую ему можно законно ввѣрить (with all the power that it would be legally entrusted with) для защиты страны. Онъ глубоко убѣжденъ въ важности этого неоцѣнимаго закона (Habeas Corpus Акта) для охраненія свободы и скорѣе согласился бы дать отрѣзать

1) Parliamentary History, томъ XIII, стр. 645.

2) Ibid., стр. 671—675.

свою правую руку, чѣмъ выступить съ предложеніемъ о пріостановкѣ его, если бы онъ не былъ вполнѣ убѣжденъ въ безусловной необходимости сдѣлать это ради того, чтобы обезпечить всѣ неоцѣнимыя блага, какими пользуются англичане. Съ другой стороны, генералъ-солиситоръ замѣтилъ, что Habeas Corpus Актъ былъ пріостанавливаемъ нѣсколько разъ со времени революціи на сроки не менѣе $3^{хъ}$ и $6^{ти}$ мѣсяцевъ, а одинъ разъ — на 12 мѣсяцевъ; въ настоящее время правительство настолько умѣренно въ своихъ желаніяхъ, что оно предлагаетъ пріостановку лишь на д в а м ѣ с я ц а, по истеченіи которыхъ парламентъ, по всей вѣроятности, будетъ еще продолжать засѣдать. Напомнивъ, что во время дебатовъ по поводу послѣдней пріостановки главное возраженіе было направлено противъ продолжительности ея и возможности злоупотребленія ею во время промежутковъ между парламентскими сессіями, ораторъ сказалъ, что эти аргументы не имѣютъ значенія въ виду настоящаго предложенія.

Не смотря на умѣренность предложенія, противъ него рѣшительно выступилъ Гренвилль, говорившій о томъ, какъ «опасно отдавать свободу на произволъ возбужденной дурной администраціи при каждой воображаемой необходимости», что онъ не видитъ основанія къ тревогѣ кромѣ лишь слуховъ, а также что «Франція намѣрена только напугать, а не нападать». «Должно-ли простое подозрѣніе министерства, — восклицалъ онъ, — быть аргументомъ въ пользу пріостановки палладіума нашей свободы хотя бы на одинъ день?» Предложеніе это вносится только для того, чтобы поддержать кредитъ той видимо неосновательной части королевскаго посланія, въ которой говорится объ участіи недовольныхъ. — На это канцлеръ казначейства, Генри Пельгамъ, отвѣтилъ, что опасенія правительства основываются не на слухахъ, а на положительныхъ извѣстіяхъ съ разныхъ сторонъ о томъ, что Франція намѣревается напасть на Англію; правительство откладывало (нѣкоторымъ

можетъ показаться, что даже черезчуръ долго) предложеніе этой мѣры до тѣхъ поръ, пока она явилась безусловно необходимою; краткій срокъ предлагаемой пріостановки свидѣтельствуетъ о томъ, что этимъ вовсе не имѣется въ виду вызвать въ народѣ подозрительность; съ другой стороны, правительству было бы непростительно — избѣгая кратковременнаго недовольства, откладывать необходимую мѣру до тѣхъ поръ, пока «опасность не начнетъ окружать насъ со всѣхъ сторонъ». Въ тотъ же день билль былъ прочтенъ въ первый и во второй разъ. На слѣдующій день, 29 февраля, лордъ Барингтонъ предложилъ комитетское обсужденіе билля отложить на недѣлю, когда можетъ выясниться, оправдывается-ли эта чрезвычайная мѣра обстоятельствами времени и положеніемъ дѣлъ. Предложеніе это было однако отвергнуто большинствомъ 181 голоса противъ 83, и билль принятъ. Со стороны палаты лордовъ билль не встрѣтилъ оппозиціи и, по всей вѣроятности, уже 1 марта получилъ королевское утвержденіе, при чемъ срокомъ его дѣйствія назначено было 29 апрѣля 1744 г.[1]).

При всей краткости двухмѣсячнаго срока пріостановки, въ виду значительной опасности, угрожавшей странѣ, срокъ этотъ оказался однако достаточнымъ, и къ продленію пріостановки не пришлось прибѣгать: опасность миновала скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, такъ какъ буря, причинившая флотиліи не малый ущербъ, заставила ее вернуться, при чемъ француз-

---

1) Полнаго содержанія этого акта (17 Geo. II. cap. 6) мы опять-таки не находимъ въ Statutes at Large (томъ 6, стр. 523), но имѣемъ тамъ указаніе на конечный срокъ пріостановки, а также текстъ вступленія къ акту въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Whereas this Nation is threatened with an Invasion by a French Power, in concert with disaffected Persons at Home, to the Subversion of the Protestant Religion, and the Laws and Liberties of this Kingdom; For the better Preservation of his Majesty's Sacred Person, and for securing the Peace of the Kingdom in this Time of imminent Danger, Be it enacted, etc.

ское правительство рѣшило отказаться отъ продолженія экспедиціи.

Однако уже въ слѣдующемъ году Англіи пришлось вынести борьбу съ новою попыткою Якобитовъ, явившеюся вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднею попыткою возвратить англійскій престолъ Стюартамъ. Героемъ ея былъ Карлъ-Эдуардъ, получившій въ исторіи прозваніе «юнаго претендента» (Young Pretender), въ отличіе отъ своего отца, «стараго претендента» (Old Pretender). Огорченный неудачею экспедиціи 1744 г., пылкій и рѣшительный Карлъ-Эдуардъ задумалъ воспользоваться тѣмъ, что значительная часть англійскихъ войскъ была отвлечена войною на континентѣ. Не смущаясь отказомъ французскаго правительства въ поддержкѣ военною силою, онъ рѣшилъ одинъ съ нѣсколькими спутниками отправиться въ Шотландію и поднять возстаніе съ помощью преданнаго Стюартамъ населенія. Успѣхъ этого смѣлаго предпріятія оказался весьма значительнымъ. Высадившись въ Шотландіи 25 іюля 1745 г., Карлъ-Эдуардъ энергично принялся за организацію возстанія и съумѣлъ собрать вокругъ себя значительный отрядъ, съ которымъ 19 августа началъ движеніе. Слабый отпоръ, встрѣченный имъ отъ незначительныхъ по числу военныхъ силъ англійскаго правительства, обезпечилъ мятежникамъ рядъ блестящихъ успѣховъ. Овладѣвъ Шотландіей, они двинулись вглубь Англіи и въ началѣ декабря достигли Дерби, отстоящаго отъ Лондона на разстояніи 120 миль. Между тѣмъ правительство за это время успѣло доставить съ континента значительный отрядъ для подавленія возстанія. Превосходство силъ этого отряда побудило предводителей мятежныхъ войскъ отказаться отъ мысли идти на Лондонъ и начать отступленіе отъ Дерби въ Шотландію, не смотря на рѣшимость самого Карла-Эдуарда продолжать движеніе. Во время отступленія мятежники были настигнуты англійскими войсками и потерпѣли рѣшительное пораженіе въ апр. 1746 г. Мятежъ былъ подавленъ, а участники его

подвергнуты жестокимъ карамъ. «Юный претендентъ» едва могъ спастись, и то лишь благодаря чисто романическому участію къ его судьбѣ Флоры Макдональдъ, каторая помогла ему бѣжать, переодѣвъ его въ костюмъ своей служанки. Слѣдуетъ замѣтить, что появленіе мятежниковъ въ Дерби вызвало въ Лондонѣ настоящую панику и что, если бы они не смутились и продолжали свое движеніе къ столицѣ, то, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, имъ пожалуй удалось бы овладѣть ею и провозгласить реставрацію Стюартовъ, которую поддержала бы Франція.

Борьба съ мятежемъ велась главнымъ образомъ военными мѣрами, но вмѣстѣ съ тѣмъ признано было нужнымъ прибѣгнуть и къ пріостановкѣ Habeas Corpus Акта въ обычныхъ цѣляхъ лишенія свободы лицъ, признававшихся почему-либо опасными. Однако эта мѣра могла быть предпринята только черезъ два мѣсяца послѣ начала возстанія, такъ какъ парламентъ въ это время не засѣдалъ: сессія его закончилась 20 іюня, т. е. еще до появленія претендента въ Шотландіи, а слѣдующая сессія открылась лишь 17 октября 1745 г. Тронная рѣчь была всецѣло посвящена сообщенію о возстаніи и заявленіяхъ о необходимости энергическихъ мѣръ къ подавленію его [1]). Впрочемъ свѣдѣній о вотированіи пріостановки въ данныхъ объ этой сессіи не имѣется, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что актъ о ней былъ изданъ. Конечнымъ срокомъ дѣйствія его было назначено 19 апрѣля 1746 г. [2]); время же изданія его слѣдуетъ

1) Parliamentary History, т. XIII, стр. 1310 и сл.

2) Указаніе это имѣется въ очеркѣ содержанія акта (19 Geo. II, с. 1), помѣщенномъ въ Statutes at Large (т. 6, стр. 642). Изъ этого очерка видно, что кромѣ обычныхъ въ каждомъ актѣ о пріостановкѣ постановленій (о задержаніи подозрѣваемыхъ лицъ, о пріостановкѣ шотландскаго акта 1701 г. и о привилегіи членовъ парламента) въ немъ имѣются также постановленія о задержаніи лошадей (ср. выше, стр. 175—176). Приведенная цѣликомъ вступительная мотивировка акта гласитъ: „Whereas ta wicked and unnatural Rebellion is begun, and now carrying on, in that Part of this Kingdom, called Scotland, by divers of his Majesty's

вѣроятно, пріурочить къ двадцатымъ числамъ октября, такъ что общій срокъ этой пріостановки можно опредѣлить шестью мѣсяцами.

Впослѣдствіи пріостановка эта была дважды продлена на новые сроки — сначала съ 20 апрѣля по 20 ноября 1746 г. (т. е. на семь мѣсяцевъ), затѣмъ съ 20 ноября по 20 февраля 1746 г. (т. е. на три мѣсяца)[1]).

Актами 1745—1746 г. заканчивается длинная серія пріостановокъ Habeas Corpus акта, вызванныхъ борьбою съ Якобитами. Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію второй группы пріостановокъ, необходимо отмѣтить актъ о пріостановкѣ Habeas Corpus Акта, изданный въ 1777 году. Онъ однако стоитъ совершенно особнякомъ въ исторіи изучаемаго института и не подлежитъ подробному разсмотрѣнію въ настоящей работѣ въ виду того, что задачи ея ограничиваются изученіемъ пріостановокъ, вызывавшихся потребностями внутренней жизни собственно Англіи. Между тѣмъ дѣйствіе акта 1777 г. даже вовсе не распространялось на Англію: онъ былъ изданъ по поводу войны съ американскими колоніями и имѣлъ въ виду задержаніе «лицъ, обвиняемыхъ или подозрѣваемыхъ въ преступленіяхъ государственной измѣны, совершенныхъ въ какой-либо изъ королевскихъ колоній или плантацій въ Америкѣ или въ открытомъ морѣ, или же въ пиратствѣ»[2]). Для того, чтобы не было ника-

Subjects, encouraged by his Enemies Abroad, in order to set a Popish Pretender upon the Throne, to the utter Destruction of the Protestant Religion, and the Laws and Liberties of this free Constitution," и. т. д.

1) 19 Geo. II, c. 17. An Act for continuing an Act и. т. д. — 20 Geo. II, c. 1. An Act for further continuing an Act made in the last session of Parliament, intituled и. т. д. — Statutes at Large, т. 7, стр. 1.

2) 17 Geo. III, c. 9. — An Act to impower his Majesty to secure and detain Persons charged with, or suspected of the crime of High Treason, committed in any of his Majesty's Colonies or Plantations in America, or on the High Sea, or the Crime of Piracy. — Statutes at Large, т. 13, стр. 18.

кихъ сомнѣній относительно района дѣйствія этого акта, при обсужденіи его въ палатѣ общинъ, по требованію оппозиціи, въ него включена была спеціальная статья о томъ, что постановленія этого акта не распространяются на какія-либо преступленія, совершенныя въ предѣлахъ королевства[1]). Актъ этотъ былъ изданъ въ концѣ февраля 1777 года, при чемъ срокомъ дѣйствія его назначено было 1 Января 1778 г. Впослѣдствіи однако въ теченіе пяти лѣтъ подъ-рядъ были издаваемы акты о продленіи пріостановки на новые сроки, каждый разъ на одинъ годъ съ 1 января по 1 января, такъ что окончательное прекращеніе дѣйствія его наступило лишь 1 января 1783 г.[2]).

II. Пріостановки, вызванныя борьбою съ демократіей (1794—1818 г.).

Въ теченіе второй половины XVIII^го^ столѣтія внутреннее развитіе Англіи характеризуется рядомъ общественныхъ движеній, главною задачею которыхъ были политическія реформы и прежде всего коренное измѣненіе системы парламентскаго представительства. Эта система, сложившаяся въ половинѣ XVII в. и съ тѣхъ поръ не подвергавшаяся измѣненіямъ, находилась

1) Provided also, and it is hereby declared, That nothing herein contained is intended, or shall be construed to extend to the Case of any other Prisoner or Prisoners than such as shall have been out of the Realm at the Time or Times of the Offence or Offences wherewith he or they shall be charged, or of which he or they shall be suspected (ст. IV) Ср. Parliamentary History, т. XIX, стр. 24—27, 28, 49—50.

2) 18 Geo. III, cap. 1 (продленіе до 1 января 1779 г.); 19 Geo. III, c. 1 (до 1 января 1780 г.); 20 Geo. III, c. 5 (до 1 января 1781 г.); 21 Geo. III. c. 2 (до 1 января 1782 г.), и 22 Geo. III, c. 1 (до 1 янв. 1783 г.). — Statutes at Large, т. 13, стр. 173, 309 и 502; т. 14, стр. 2 и 151.

въ полномъ несоотвѣтствіи съ новыми условіями жизни, возникшими подъ вліяніемъ успѣховъ матеріальной и духовной культуры. Съ распространеніемъ образованія въ обществѣ и развитіемъ промышленности въ ея разнообразныхъ развѣтвленіяхъ, въ странѣ быстро возрасталъ и въ своей численности, и въ своемъ соціальномъ значеніи тотъ классъ населенія, который, благодаря устарѣлой представительной системѣ, не находилъ достаточнаго обезпеченія своихъ интересовъ въ парламентѣ. Появленіе и быстрый ростъ новыхъ центровъ промышленной и общественной жизни, въ связи съ упадкомъ прежде значительныхъ центровъ до степени ничтожныхъ мѣстечекъ, вызывало такую аномалію, что крупные промышленные города, какъ Бирмингамъ, Ливерпуль, Манчестеръ и др., не были вовсе представлены, тогда какъ маленькія мѣстечки съ десятками избирателей посылали въ палату общинъ по нѣсколько представителей. Фактически большинство въ парламентѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическая власть въ странѣ сосредоточивались въ рукахъ высшихъ слоевъ населенія, и политическій строй въ Англіи представлялъ собою олигархію, — форму, все менѣе и менѣе отвѣчавшую потребностямъ общества, по мѣрѣ того, какъ въ немъ множились ряды людей, сознающихъ свое естественное право на активное участіе въ дѣлахъ страны и не желающихъ оставаться равнодушными зрителями совершающагося вокругъ нихъ.

Потребность въ реформѣ парламентскаго представительства стала выражаться съ особою энергіею начиная съ 60-хъ гг. прошлаго столѣтія. Въ средѣ самой палаты общинъ находились лица, признававшія реформу необходимою и выступавшія съ предложеніями въ пользу нея (напр. Вильямъ Питтъ въ 1782 и 1784 гг.). Но эти предложенія встрѣчали рѣшительное противодѣйствіе со стороны палаты, приводившее сторонниковъ реформы къ убѣжденію, что въ рѣшеніи вопроса о ней нельзя разсчитывать на парламентъ, большинство ко-

тораго слишкомъ заинтересовано въ сохраненіи существующей системы представительства, и что всѣ надежды на реформу слѣдуетъ возложить на иниціативу самого общества, его энергію и самодѣятельность. На почвѣ этого убѣжденія и сложились тѣ общественныя движенія, о которыхъ упомянуто выше и которыя въ концѣ концевъ привели къ желаемому результату. Онъ однако былъ достигнутъ лишь въ теченіе настоящаго столѣтія реформою 1832 г., дополненною позднѣйшими реформами 1867 и 1885 гг., увѣнчавшими политическое торжество демократіи.

Достиженіе этого результата потребовало продолжительныхъ усилій, большой выдержки и энергіи. Борьба за реформу сопровождалась значительными осложненіями, которыми особенно богаты послѣднее десятилѣтіе прошлаго и первыя два нынѣшняго столѣтія. Вотъ къ этому-то времени и относятся тѣ случаи пріостановки гарантіи Habeas Corpus, разсмотрѣніе которыхъ составляетъ предметъ дальнѣйшаго изложенія. Для уясненія существа и деталей изучаемой мѣры эти пріостановки имѣютъ тѣмъ большій интересъ, что по отношенію къ нимъ мы располагаемъ обильнымъ матеріаломъ, заключающимся въ соотвѣтственныхъ томахъ Parliamentary History и Parliamentary Debates. Сборники эти даютъ о нихъ свѣдѣнія гораздо болѣе подробныя сравнительно съ пріостановками первой группы, полнѣе раскрывая различныя стороны этой чрезвычайной мѣры.

Пріостановки конца XVIII ст. являются однимъ изъ многочисленныхъ проявленій той реакціи, которая установилась въ Англіи въ значительной степени подъ вліяніемъ событій французской революціи. Эта послѣдняя не мало содѣйствовала оживленію надеждъ англійскихъ реформистовъ и активныхъ усилій ихъ къ осуществленію своихъ плановъ. Главными орудіями сторонниковъ парламентской реформы явились политическія ассоціаціи,

изъ которыхъ особенное значеніе пріобрѣли London Corresponding Society (общество, основанное въ концѣ 1791 г. съ цѣлью борьбы за равномѣрное представительство народа въ парламентѣ, при совмѣстномъ дѣйствіи съ обществами, возникшими въ другихъ мѣстностяхъ Англіи) и Society for Constitutional Information (образованное въ 1780 г. съ цѣлью распространенія въ народѣ, съ помощью книгъ, брошюръ и пр., идей парламентской реформы, всеобщаго голосованія, закрытой подачи голосовъ и т. под.). Въ 1792 г. основано было еще одно общество — Society of the Friends of the People, ставившее своею задачею также поддержку требованій парламентской реформы и имѣвшее въ своемъ составѣ нѣсколькихъ видныхъ членовъ парламента. Изъ этихъ трехъ обществъ особенную энергію проявили первыя два, при чемъ они, зорко слѣдя за ходомъ революціонныхъ событій во Франціи и увлекаясь ими, нерѣдко прибѣгали къ крайностямъ и рѣзкостямъ въ формулировкѣ своихъ стремленій, а иногда даже выходили изъ рамокъ своихъ непосредственныхъ задачъ (вотируя, напр., сочувственный адресъ парижскому клубу Якобинцевъ или посылая депутацію въ Конвентъ). Къ тому же, подражая въ нѣкоторыхъ внѣшностяхъ французскимъ революціонерамъ, они навлекли на себя подозрѣніе въ желаніи вызвать и въ Англіи революціонное движеніе, подобное французскому. Подъ вліяніемъ всего этого въ правящихъ сферахъ первоначально безразличное отношеніе къ событіямъ во Франціи стало мало-по-малу смѣняться тревожнымъ настроеніемъ; возникло опасеніе за спокойствіе внутренней жизни Англіи — опасеніе, возраставшее по мѣрѣ усиленія крайностей французской революціи. Уже въ маѣ 1792 г. правительство нашло нужнымъ издать прокламацію о болѣе энергическомъ преслѣдованіи авторовъ и издателей «вредныхъ и мятежныхъ писаній»; въ декабрѣ 1792 г. новая прокламація заявляла, что людьми злонамѣренными возбужденъ въ странѣ «столь опасный духъ смуты», что признано

нужнымъ созвать милицію; затѣмъ въ началѣ 1793 г. изданы были два репрессивныхъ акта, изъ которыхъ одинъ (Alien Act) надѣлялъ администрацію обширными дискреціонными полномочіями по отношенію къ иностранцамъ, находящимся въ Англіи, а другой (Traitorous Correspondence Act) воспрещалъ какія-либо сношенія съ Франціей безъ особаго дозволенія, подъ угрозою, въ извѣстныхъ случаяхъ, обвиненія въ государственной измѣнѣ. Возбужденъ былъ рядъ судебныхъ процессовъ, содѣйствовавшихъ развитію въ обществѣ паническаго страха. Опираясь на него, Питтъ нашелъ нужнымъ усилить репрессивныя мѣры по отношенію къ реформистской агитаціи. Ближайшій поводъ къ этому дало значительное оживленіе этого движенія, въ 1793 и 1794 гг., выразившееся между прочимъ въ рѣшеніи, къ которому пришли главные дѣятели двухъ вышеназванныхъ обществъ, — рѣшеніи созвать многолюдный съѣздъ или конвентъ (Convention) сторонниковъ парламентской реформы для болѣе выразительнаго заявленія своихъ требованій. Неудивительно, что это рѣшеніе еще болѣе укрѣпило опасеніе въ томъ, что англійскіе реформисты готовы прибѣгнуть къ мѣрамъ аналогичнымъ съ тѣми, какія испробованы были во Франціи. Находя, что предположенный къ созванію съѣздъ имѣетъ въ виду съиграть ту же терроризирующую роль, какую игралъ Якобинскій клубъ во Франціи, Питтъ призналъ необходимымъ принять энергическія мѣры къ предупрежденію грозящей бѣды. Нѣкоторые наиболѣе активные дѣятели двухъ обществъ были арестованы и подвергнуты заключенію по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Въ ихъ числѣ были — Томасъ Гарди, по профессіи сапожникъ, секретарь London Corresponding Sosiety, Джонъ Горнъ-Тукъ, писатель, и Джонъ Тельвалль, воспитатель сыновей лорда Стенгопа и довольно популярный лекторъ. При заарестованіи ихъ были захвачены различные документы и переписка обществъ.

Вотъ эти-то обстоятельства и послужили основаніемъ къ возбужденію въ парламентѣ вопроса о необходимости пріостановки основной гарантіи личной свободы.

12 мая 1794 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Генри Дондасъ сообщилъ палатѣ общинъ королевское посланіе слѣдующаго содержанія: «Его величество, получивъ свѣдѣнія о томъ, что мятежные происки, которые нѣсколько времени тому назадъ обнаружились въ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ обществъ въ Лондонѣ, совмѣстно съ обществами въ различныхъ мѣстностяхъ страны, приняли въ послѣднее время болѣе активный и вызывающій характеръ и открыто направляются къ созванію такъ называемаго общаго народнаго конвента (pretended general convention of the people), въ пренебреженіе и вопреки парламентскому авторитету и на началахъ, подрывающихъ существующіе законы и конституцію и стремящихся къ водворенію той системы анархіи и смуты, которая роковымъ образомъ восторжествовала во Франціи, — сдѣлалъ распоряженіе о заарестованіи книгъ и бумагъ указанныхъ обществъ въ Лондонѣ, которыя вслѣдствіе этого и были захвачены; въ виду же того, что эти книги и бумаги, какъ оказалось, заключаютъ въ себѣ данныя величайшаго значенія для государственныхъ интересовъ, его величество сдѣлалъ распоряженіе о представленіи ихъ палатѣ общинъ; его величество предлагаетъ палатѣ разсмотрѣть ихъ и принять по этому поводу такія мѣры, какія могутъ представиться необходимыми для дѣйствительнаго предупрежденія дальнѣйшаго развитія этихъ опасныхъ замысловъ и для сохраненія за подданными его величества тѣхъ благодѣяній, которыя получаютъ они отъ конституціи, благополучно существующей въ этихъ королевствахъ. G. R.»[1]).

Выслушавъ это посланіе, палата постановила подвергнуть его разсмотрѣнію въ ближайшемъ засѣданіи.

---

1) Parliamentary History, т. XXXI, стр. 471.

По предложенію Питта, рѣшено было: 1) поднести королю обычный адресъ съ выраженіемъ благодарности за сообщеніе и готовности подвергнуть его серьезному разсмотрѣнію, и 2) представленные документы передать на разсмотрѣніе особой коммиссіи, при чемъ эта коммиссія должна быть тайной (secret committee). Мотивомъ къ этому Питтъ выставилъ соображеніе о томъ, что «документы касаются происшествій чрезвычайнаго, грознаго и преступнаго характера и заключаютъ въ себѣ данныя, затрогивающія большое количество лицъ, въ виду чего нужно, чтобы разсмотрѣніе ихъ производилось сколь возможно тайно для того, чтобы преждевременное разглашеніе ихъ не помогло обходу тѣхъ мѣръ, которыя могутъ быть въ ближайшемъ будущемъ приняты палатою» [1]).

15 мая палата избрала коммиссію изъ 21 члена, а на слѣдующій день Питтъ уже представилъ ей докладъ коммиссіи, въ которомъ признавалось доказаннымъ существованіе «измѣнническаго заговора съ цѣлью ниспроверженія законовъ и конституціи и водворенія той системы анархіи и смуты, которая роковымъ образомъ восторжествовала во Франціи [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія нашла, что «дѣйствія (обществъ) съ каждымъ днемъ все болѣе угрожаютъ внутреннему спокойствію и безопасности королевства и настоятельнѣйшимъ образомъ требуютъ немедленнаго и неусыпнаго вниманія парламента» [3]).

Основываясь на данныхъ и заключеніяхъ доклада, Питтъ въ томъ же засѣданіи палаты общинъ (16 мая) внесъ билль о пріостановкѣ Habeas Corpus Акта, въ обычной формулировкѣ. Билль встрѣтилъ энергическія возраженія со стороны членовъ оппозиціи, но послѣдняя оказалась слишкомъ малочисленною, такъ что билль въ теченіе двухъ дней прошелъ всѣ стадіи и принятъ былъ

1) Ibid., стр. 472.
2) Ibid. стр. 496.
3) Ibid. стр. 475.

весьма значительнымъ большинствомъ. Столь же быстро пріостановка Habeas Corpus Акта была принята и верхнею палатою [1]).

Парламентскія пренія по поводу этой пріостановки отличались большимъ оживленіемъ и представляютъ собою интересный матеріалъ для уясненія доводовъ pro и contra надѣленія исполнительной власти исключительными полномочіями. Мы сгруппируемъ важнѣйшіе аргументы ораторовъ обѣихъ палатъ парламента какъ въ пользу, такъ и противъ пріостановки Habeas Corpus Акта [2]).

Наиболѣе существенные доводы въ пользу пріостановки приведены были Питтомъ. Въ пространной рѣчи [3]) онъ прежде всего указалъ на общее заключеніе, къ которому пришла коммиссія, — что созданъ планъ, стоящій нынѣ на пути къ своему осуществленію, планъ созванія «народнаго конвента», которому имѣется въ виду придать характеръ общаго представительства націи, при чемъ конвентъ этотъ, замѣнивъ представительство палаты, присвоитъ себѣ всю законодательную власть въ странѣ. Если такіе замыслы дѣйствительно имѣются и находятся на пути къ своему осуществленію, слѣдуетъ, не теряя ни минуты времени, вооружить исполнительную власть тѣми дополнительными средствами, которыя могутъ быть достаточны для предупрежденія дальнѣйшаго развитія и исполненія такого плана. Документы, представленные палатѣ, касаются главнымъ образомъ дѣйствій двухъ обществъ — London Corresponding Society и Society for Constitutional

1) Въ пользу разрѣшенія внести билль въ палатѣ общинъ высказалось 201 противъ 39 голосовъ; первое чтеніе вотировано 197 противъ 33, второе чтеніе — 172 противъ 22, а окончательное принятіе вотировано 146 противъ 28. Въ палатѣ лордовъ третье чтеніе билля вотировано, 22 мая, 92 голосами противъ 7.

2) Пренія въ палатѣ общинъ — Ibid., стр. 497—573; пренія въ палатѣ лордовъ — стр. 574—605.

3) Ibid., стр. 497—505.

Information, а также ихъ сношеній съ различными другими обществами въ Англіи и Франціи. Парламентская реформа, къ которой они будто-бы стремятся, является лишь предлогомъ, прикрывающимъ ихъ истинныя намѣренія. Мысль о созваніи конвента возникла уже два года тому назадъ, что̀ ясно видно изъ переписки этихъ обществъ, и только приведеніе ея въ исполненіе отложено до благопріятнаго момента. Этотъ общій планъ возстанія, какъ видно изъ документовъ, говорилъ Питтъ, «покоится на современной доктринѣ правъ человѣка, — этой чудовищной доктринѣ, на почвѣ которой людей слабыхъ и невѣжественныхъ, наиболѣе подверженныхъ вліянію такихъ безплодныхъ абстрактныхъ положеній, стараются вовлечь въ дѣйствія, клонящіяся къ ниспроверженію правительства, закона, собственности, безопасности, религіи, порядка и всего, что̀ есть драгоцѣннаго въ этой странѣ, подобно тому какъ люди, дѣйствующіе на основѣ тѣхъ же идей, уже ниспровергли и разрушили все во Франціи, нарушивъ спокойствіе и грозя безопасности, если не самому существованію, всѣхъ націй Европы». — Далѣе Питтъ указалъ, что названныя общества вели сношенія съ Якобинскимъ клубомъ въ Парижѣ и посылали своихъ делегатовъ въ «Національный Конвентъ», который принялъ ихъ, что даже послѣ открытія военныхъ дѣйствій Франціей противъ Англіи эти общества продолжали тотъ же образъ дѣйствій, выражали по прежнему сочувствіе дѣлу якобинцевъ, усвоили себѣ ихъ прозвища, формы выраженій и дѣлопроизводства и вообще старались распространять у себя дома тѣ же принципы и сѣмена разрушенія. Во многихъ мануфактурныхъ городахъ общества устроили свои центры для привлеченія къ своимъ замысламъ живущихъ въ этихъ городахъ людей, которые, благодаря своему невѣжеству, склонны подпасть вліянію разрушительныхъ доктринъ, обманчивыхъ обѣщаній и увлечься въ потокъ возмущенія. Указавъ на то, что общества эти дѣйствовали подъ маскою преданности государству

и стремленій къ реформѣ, Питтъ воскликнулъ: «къ счастью для этой страны и всего міра, они преждевременно сочли наступившимъ желательный для нихъ моментъ и сбросили съ себя маску какъ разъ тогда, когда большая часть народа единодушно соединилась съ правительствомъ въ бдительной заботѣ о его защитѣ и въ рѣшимости противодѣйствовать ихъ усиліямъ». Упомянувъ о мѣрахъ, принятыхъ къ организаціи конвента, и указавъ на данныя, свидѣтельствующія о стремленіяхъ обществъ обезпечить себя оружіемъ, Питтъ заключилъ признаніемъ, что «такого грознаго заговора никогда раньше не было». Предложеніе свое о пріостановкѣ Habeas Corpus Акта онъ выразилъ въ слѣдующей формѣ. «Обыкновенно въ эпоху опасности прибѣгали къ временной пріостановкѣ законовъ о Habeas Corpus: какъ, съ одной стороны, эти законы созданы для сохраненія конституціи, такъ съ другой — они не могли бы существовать, еслибы конституція исчезла. Временное пожертвованіе этимъ закономъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ столь же необходимо для охраненія конституціи, какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ необходимо примѣненіе его принципа. Онъ былъ пріостанавливаемъ въ то время, когда ревниво охранялись конституція и свобода страны; пріостановка его особенно необходима теперь, когда дѣлаются попытки распространить въ странѣ принципы и пріемы, угрожающіе конституціи, для охраненіи которой созданъ этотъ законъ, и вызвать гораздо болѣе печальные результаты, для устраненія которыхъ въ концѣ концевъ пришлось бы прибѣгнуть къ мѣрамъ, болѣе ужаснымъ, чѣмъ та, которую онъ предлагаетъ теперь. Таково мнѣніе не его одного, а и всѣхъ тѣхъ членовъ коммиссіи, которые разслѣдовали это дѣло. Въ виду этого, онъ предлагаетъ — чтобы дано было позволеніе внести билль, уполномочивающій его величество забирать и задерживать тѣхъ лицъ, которыхъ его величество заподозритъ въ злоумышленіяхъ противъ его особы и правительства».

Не менѣе тревожную картину угрожающаго мятежа нарисовалъ передъ палатою лордовъ лордъ Гренвилль. Говорятъ, замѣтилъ онъ, что общества стремятся къ достиженію парламентской реформы законными способами. Но окажется-ли кто-либо такимъ простакомъ, чтобы повѣрить искренности этихъ заявленій? Не ясно-ли, напротивъ, что планъ ихъ состоитъ въ томъ, чтобы вызвать со стороны народа полнѣйшее пренебреженіе къ парламенту. По убѣжденію оратора, дѣятели эти виновны не болѣе, не менѣе, какъ въ намѣреніи водворить въ Англіи французскую анархію; это замыслы не только преступные, но и предательскіе. Ихъ цѣль — не парламентская реформа, а гибель монархіи, гибель палаты лордовъ и гибель палаты общинъ; ниспроверженіе закона, порядка, классовъ, собственности[1]).

Наиболѣе энергическими противниками пріостановки выступили Фоксъ, Шериданъ, Грей, Ламбтонъ и Кортней — въ палатѣ общинъ, графъ Стенгопъ, графъ Лодердэль и маркизъ Ленсдаунъ — въ палатѣ лордовъ. Въ ихъ возраженіяхъ прежде всего отмѣчено было, что факты, на которыхъ основывается предложеніе правительства, давно всѣмъ извѣстны. Фоксъ заявилъ, что, не смотря на нездоровье, онъ счелъ своимъ долгомъ явиться въ палату, узнавъ, что будетъ представленъ докладъ тайной коммиссіи. Въ этомъ докладѣ онъ ожидалъ услышать что-нибудь новое, что-нибудь такое, что̀ могло бы привлечь вниманіе палаты. «Онъ слушалъ докладъ съ большимъ вниманіемъ, но долженъ сознаться, что никогда въ жизни онъ не былъ пораженъ такъ, какъ теперь, видя, что лица, составившія докладъ, люди столь талантливые и почтенные, признали нужнымъ рекомендовать столь внезапную, столь жестокую и столь тревожную мѣру, при чемъ предложеніе это опирается на факты уже давно извѣстные»[2]).

---

1) Ibid., стр. 579.
2) Ibid., стр. 506.

«Все, что составляетъ содержаніе доклада, – говорилъ въ другой палатѣ графъ Лодердэль, — было извѣстно странѣ въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, и если эти дѣйствія имѣютъ такой тревожный характеръ, какой имъ приписывается теперь, то министры сами виновны, допустивъ ихъ совершиться. Каковы матеріалы, приводимые въ доказательство этого мрачнаго и скрытаго заговора? Мятежныя статьи, появлявшіяся однако въ любой газетѣ, и предательскія сочиненія, открыто распространявшіяся всюду въ послѣдніе четырнадцать мѣсяцевъ. Ясно, что министры давно знали о тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя они теперь считаютъ столь опасными, и разжигали заговоры до тѣхъ поръ, пока въ ихъ интересахъ было выставить ихъ впередъ для поддержанія системы тревоги и террора, чтобы отвлечь вниманіе страны отъ бѣдствій и неудачъ, вызванныхъ дурною администраціей ихъ»[1]). Джекиллъ, въ палатѣ общинъ, замѣтивъ, что все изложенное въ докладѣ давно уже напечатано и опубликовано, сказалъ, что составители его «руководствовались болѣе идеею тревоги и паники, чѣмъ какою-либо другою. Среди нихъ, дѣйствительно, нѣкоторые и раньше были алармистами, но повидимому даже тѣ, которые не были встревожены, теперь заразились той кампаніей, въ какой они находились; когда же палата посмотритъ на мышъ, которую родила эта гора, не найдется среди нея, онъ увѣренъ, ни одного человѣка, который не сказалъ бы вмѣстѣ съ нимъ, что министръ предложилъ одну изъ самыхъ жестокихъ, пагубныхъ и отважныхъ мѣръ, на основаніяхъ самыхъ жалкихъ, пустыхъ и смѣшныхъ, о какихъ когда-либо было слышно»[2]).

Новымъ въ докладѣ оппоненты признавали лишь указаніе на то, что принимаются мѣры къ обезпеченію участниковъ движенія оружіемъ. Но никакихъ положительныхъ доказательствъ въ докладѣ не приведено,

1) Ibid., стр. 590.

2) Ibid., стр. 514.

и это указаніе является голословнымъ. Однако если бы даже это было вѣрно, то, по мнѣнію Шеридана, «развѣ нѣтъ законовъ, при помощи которыхъ виновныя въ этомъ лица могли бы быть подвергнуты заслуженному наказанію»[1])? А графъ Стенгопъ по этому вопросу сдѣлалъ ссылку на авторитетъ Блэкстона, который говоритъ, что подданные свободнаго государства имѣютъ право держать у себя оружіе для самозащиты, а также привелъ мнѣніе судьи лорда Гауксбюри (по вопросу о снабженіи оружіемъ народа), который сказалъ, что никогда не было такого случая, чтобы вооруженный народъ воспользовался своего силою для собственной своей гибели[2]).

Министръ внутреннихъ дѣлъ Дондасъ, аргументируя въ пользу пріостановки и указывая на прецеденты 1715 и 1745 гг., между прочимъ сказалъ, что онъ скорѣе готовъ воевать съ чужеземнымъ врагомъ или съ открытымъ возстаніемъ, чѣмъ «бороться съ тайнымъ ядомъ домашнихъ возмутителей (incendiaries)». На это Шериданъ отвѣтилъ, что заговоръ, о которомъ идетъ рѣчь, представляется совершенно необычайнымъ, ибо это — заговоръ, который ведется на глазахъ у всѣхъ, «заговоръ открытый и болтливый. Заговорщики сообщаются въ садахъ и въ общественныхъ домахъ, они возвѣщаютъ заблаговременно о своихъ планахъ и даже преувеличиваютъ ихъ. Всѣ документы, касающіеся ихъ страшнаго заговора, были опубликованы за долго до доклада тайной коммиссіи»[3]).

Созваніе конвента — такова главная опасность, противъ которой направляется предлагаемая мѣра. Неудивительно поэтому, что на этотъ пунктъ ораторы оппозиціи обратили особенное вниманіе, стараясь выяснить, что нѣтъ ничего противозаконнаго и преступнаго въ созваніи общаго собранія делегатовъ различныхъ

1) Ibid., стр. 515.
2) Ibid., стр. 585.
3) Ibid., стр. 543.

обществъ, хотя бы это собраніе и имѣло названіе «конвента» (general convention). Примѣры такихъ конвентовъ или съѣздовъ были и раньше, напр. въ 1780 г., когда делегаты имѣли нѣсколько митинговъ въ Лондонѣ и Вестминстерѣ[1]), и др. На этомъ вопросѣ особенно подробно остановился Фоксъ. «Можетъ быть самое слово конвентъ является пугаломъ, которымъ имѣется въ виду устрашить воображенія; онъ этого не знаетъ, но считаетъ умѣстнымъ вникнуть въ существо этого предмета и не пугаться словъ. Конвентъ, полагаетъ онъ, есть не что иное, какъ народное собраніе (a meeting of the people); и если этотъ митингъ созывается для обсужденія какого-либо предмета, имѣющаго общій интересъ, законнымъ и мирнымъ образомъ, то конечно въ этомъ митингѣ нѣтъ ничего такого, что могло бы вызвать или оправдать мѣру, подобную предлагаемой. Конвенту, который имѣетъ въ виду держать въ страхѣ законодательное собраніе и добиться осуществленія всеобщей подачи голосовъ или другой какой-нибудь дикой и несбыточной идеи (wild and impracticable theory), онъ, ораторъ, конечно не дастъ своего одобренія. Но если бы собрался конвентъ либо отдѣльныхъ лицъ, либо делегатовъ отъ городовъ и округовъ съ цѣлью постараться, посредствомъ петицій и адресовъ къ тремъ элементамъ законодательной власти, положить конецъ нынѣшней крайне разорительной и ненужной войнѣ, то онъ конечно не постыдился бы и не устрашился бы — по крайней мѣрѣ пока этотъ билль не обратится въ законъ — присутствовать на такомъ конвентѣ и даже сдѣлаться членомъ его. Но есть-ли основаніе опасаться чего-нибудь даже отъ того конвента, которымъ угрожаютъ и котораго будто-бы не могутъ предупредить законы страны. Если устроители предполагаемаго конвента имѣютъ въ виду устрашить правительство въ то время, когда оно располагаетъ небы-

1) Ibid., стр. 507.

валою силою, то онъ прямо скажетъ, что они годны лишь къ тому, чтобы попасть въ домъ сумасшедшихъ и только туда. Власти въ любой части королевства располагаютъ столь полною возможностью примѣнять законы, что если бы на этомъ конвентѣ кто-либо совершилъ незаконное дѣйствіе, то онъ столь же вѣрно могъ бы быть отправленъ въ тюрьму и судимъ за совершенное имъ преступленіе, какъ если бы не было никакого конвента»[1]).

По единодушному убѣжденію оппозиціи, опасенія правительства передъ этимъ «заговоромъ» — опасенія, которыя оно старается внушить и другимъ, крайне преувеличены. Графъ Стенгопъ ядовито замѣтилъ, что этотъ страхъ можетъ быть лучше всего сравненъ съ тѣмъ страхомъ, который испыталъ Донъ Кихотъ передъ вѣтряной мельницей[2]). По словамъ Ламбтона, заявившаго, что въ общемъ онъ не одобряетъ дѣйствій названныхъ обществъ, «среди нихъ несомнѣнно есть отдѣльныя лица, которыя можетъ быть и питаютъ самые пагубные замыслы, но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы стоило опасаться ихъ? Развѣ исполнительная власть такъ слаба, что она не въ силахъ противодѣйствовать имъ безъ надѣленія ея новою и чрезвычайною властью? Не извѣстно-ли, что наоборотъ даже помимо тѣхъ обширныхъ полномочій, которыя теперешнее министерство такъ усердно сосредоточивало въ своихъ рукахъ, вліяніе короны достаточно велико, чтобы справиться со всѣми ординарными или даже экстраординарными случаями, въ которыхъ могло бы потребоваться ея вмѣшательство? Вся Англія подъ оружіемъ и готова сломить любой бунтъ, какой только можетъ возникнуть. Можетъ-ли, при такихъ средствахъ охраны, существовать такая сильная опасность, которая бы оправдывала настоящую экстраординарную и неконституціонную мѣру?» Въ рѣчи своей Ламбтонъ, между прочимъ, сказалъ, что онъ шелъ въ палату предрасположенный поддержать пра-

1) Ibid., стр. 553—554.
2) Ibid., стр. 585.

вительственное предложеніе въ ожиданіи, что будутъ выставлены новыя и убѣдительныя доказательства заговора. «Каково же было его разочарованіе, когда онъ увидѣлъ, что въ оправданіе такой суровой мѣры приводится лишь то, что всѣмъ уже давно извѣстно»[1]).

Въ своихъ возраженіяхъ противъ пріостановки ораторы удѣлили значительное вниманіе доказательству того, что настоящее движеніе является лишь естественнымъ продолженіемъ того движенія въ пользу парламентской реформы, которое началось давно и которое имѣло въ числѣ своихъ сторонниковъ теперешняго иниціатора билля, Вильяма Питта, а также Борка и герцога Ричмондскаго. Шериданъ доказывалъ, что именно «эти лица являются авторами настоящаго броженія въ пользу парламентской реформы», и въ подкрѣпленіе этого цитировалъ параллельно отрывки изъ представленныхъ документовъ, названныхъ мятежными, и изъ писемъ Борка къ его бристольскимъ избирателямъ, писемъ герцога Ричмондскаго и др. «Съ ихъ стороны, замѣтилъ онъ, неблагородно сначала внѣдрить принципы, а затѣмъ поступать жестоко съ ихъ прозелитами»[2]). — Тѣмъ фактомъ, что Питтъ, авторъ парламентскаго предложенія въ пользу реформы въ 1782 г., теперь выступаетъ съ крутыми мѣрами противъ активныхъ сторонниковъ ея, особенно воспользовался Грей, внесшій въ свои рѣчи рядъ крайне рѣзкихъ замѣчаній объ отступничествѣ Питта. «Какъ поступилъ теперешній министръ послѣ того, какъ въ 1782 г. его мнимая искренность въ пользу парламентской реформы была сражена въ этой палатѣ предложеніемъ перейти къ очереднымъ дѣламъ? Онъ покинулъ ее навсегда. Вильямъ Питтъ, реформистъ въ то время, сталъ Вильямомъ Питтомъ — преслѣдователемъ реформистовъ теперь. Онъ, который тогда признавалъ нужнымъ зажигать народныя страсти и возбуждать пренебреженіе къ палатѣ общинъ, теперь не допускаетъ,

1) Ibid., стр. 528.

2) Ibid., стр. 545, ср. 583—585, 591.

чтобы народъ судилъ самъ о своихъ правахъ и наиболѣе дорогихъ интересахъ, а съ горячностью отступника преслѣдуетъ своего собственнаго сотрудника въ вопросѣ парламентской реформы. Не далѣе, какъ сегодня онъ допрашивалъ Джона Горнъ-Тука, какъ преступника, виновнаго однако лишь въ томъ, что онъ остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ. Этотъ самый Вильямъ Питтъ, который когда-то поучалъ публику, что ничего порядочнаго нельзя ожидать отъ палаты общинъ и что народъ самъ долженъ дѣлать все для себя, теперь настаиваетъ на томъ, что народъ ничего не долженъ дѣлать для себя, а долженъ безотчетно предоставить палатѣ общинъ даже право своей личной свободы. Каковъ естественный выводъ изъ всего этого? Тотъ, что этому знаменитому реформисту нужно было добиться довѣрія народа только для того, чтобы затѣмъ измѣнить его интересамъ и принести въ жертву его права. Каковы тѣ дѣйствія, на которыя раздаются такія жалобы въ докладѣ тайной коммиссіи? Они состоятъ ни болѣе, ни менѣе, какъ въ томъ, что группа людей выразила рѣшимость преслѣдовать, законными способами, задачу парламентской реформы. Онъ, ораторъ, не знаетъ объ этихъ обществахъ ничего, кромѣ данныхъ доклада; онъ не состоитъ членомъ ни одного изъ нихъ; онъ даже не одобряетъ нѣкоторыхъ изъ ихъ плановъ; но теперь не время, по случаю кое-какихъ различій во взглядахъ на спекулятивные вопросы, покинуть эти общества и предоставить ярости ихъ врага — апостата. Нѣкоторые изъ ихъ плановъ, можетъ быть, и отличаются неблагоразуміемъ; среди нихъ, можетъ быть, и есть люди, питающіе злоумышленія; но если и возникло какое зло отъ доктрины обращенія къ народу вмѣсто обращенія къ парламенту, то главнымъ виновникомъ этого зла былъ канцлеръ казначейства (Питтъ). Какова цѣль этихъ людей? «Ихъ показная цѣль, сказалъ министръ, — парламентская реформа, но ихъ дѣйствительная цѣль — ниспроверженіе государственнаго строя этого королевства.» Чѣмъ же

доказывается это? «Резолюціями самихъ этихъ лицъ, — говорилъ министръ, — такъ какъ онѣ говорятъ не объ обращеніи къ парламенту, а объ обращеніи къ народу для осуществленія парламентской реформы.» Если это преступно, воскликнулъ Грей, то я — одинъ изъ величайшихъ преступниковъ. Я говорю, что отъ палаты общинъ я не надѣюсь получить парламентскую реформу, что я не надѣюсь получить парламентскую реформу иначе, какъ отъ самого народа, что эта палата никогда не реформируетъ себя, ни уничтожитъ подкупности, которою она поддерживается, какими либо иными средствами, кромѣ требованій народа, могущихъ повліять на благоразуміе палаты. А это народъ можетъ сдѣлать лишь при посредствѣ собраній (by meeting in bodies). Такъ говорилъ и самъ министръ въ 1782 г.; каковы собственно теперешніе его взгляды, я не знаю, ибо кто же можетъ знать взгляды апостата? Таковы были въ то время и взгляды герцога Ричмондскаго, при чемъ онъ выступилъ даже съ планомъ, рекомендующимъ какъ разъ то самое, что̀ теперь рекомендуютъ эти общества, — всеобщую подачу голосовъ и ежегодные парламенты. Что же такое, значитъ, сдѣлали эти общества бо̀льшаго, чѣмъ канцлеръ казначейства и герцогъ Ричмондскій? И что же такое раскрыло разсмотрѣніе того прекраснаго бархатнаго портфеля, который министръ представилъ палатѣ съ такою торжественностью? Ничего кромѣ того, что̀ каждый знаетъ уже двѣнадцать лѣтъ и что̀ эти общества признали нужнымъ перепечатать и опубликовать въ 1794 г. И вотъ ради этого пріостанавливается Habeas Corpus Актъ, и личная свобода каждаго отдается въ руки министра» [1]).

Однимъ изъ важнѣйшихъ аргументовъ Питта и другихъ ораторовъ [2]) въ пользу пріостановки являлось

1) Ibid., стр. 532—533.

2) Военный министръ Виндамъ выразился слѣдующимъ образомъ: „обсужденію палаты подлежитъ въ настоящее время простой вопросъ о томъ, что̀ она предпочитаетъ — подвергнуть страну неудобствамъ,

тревожное опасеніе, что если возникшее движеніе не будетъ остановлено крутыми мѣрами, то въ Англіи водворится таже анархія, которая «роковымъ образомъ восторжествовала во Франціи». Ораторы оппозиціи энергически протестовали противъ такого уподобленія. «Развѣ между англійскою конституціей и старымъ правленіемъ во Франціи есть какая-нибудь параллель, — говорилъ Фоксъ, — чтобы мы могли опасаться тѣхъ же послѣдствій отъ якобинскихъ доктринъ, какія пришлось испытать этому деспотическому правленію? Во Франціи не было Habeas Corpus Акта; во Франціи народная свобода не пользовалась признаніемъ и уваженіемъ; и якобинскія доктрины восторжествовали во Франціи конечно не потому, что она пользовалась мягкимъ управленіемъ на основѣ равенства и законности. Напротивъ, можно предположить, что если бы Франція имѣла свой Habeas Corpus Актъ и не пріостанавливала его, если бы въ ней уважались права и свобода народа, то якобинскія доктрины никакъ не восторжествовали бы надъ установленной властью . . . Деспотизмъ Людовика XVI не съумѣлъ спасти Францію отъ якобинскихъ доктринъ. Неужели же намъ нужно пойти дальше этого деспотизма для того, чтобы обезпечить свою безопасность лучше, чѣмъ Франція?»

По словамъ Фокса, англійская конституція имѣетъ «слишкомъ многихъ поклонниковъ, слишкомъ многихъ заступниковъ для того, чтобы опасаться такихъ жалкихъ попытокъ сокрушить ее» [2]). Но онъ готовъ даже допустить, что проектируемое собраніе состоится и что на немъ будутъ проводиться приписываемые организаторамъ его взгляды. «Однако и въ такомъ случаѣ онъ

могущимъ возникнуть вслѣдствіе пріостановки Habeas Corpus Акта, или же опасности и несчастью 'дать торжество французскимъ принципамъ и пріемамъ, чего вполнѣ можно ожидать отъ этихъ обществъ, если оставить ихъ дѣйствовать безнаказанно?" Ibid., стр. 549.

1) Ibid., стр. 556—557.

2) Ibid., стр. 508—509.

скажетъ, что мѣра, проектируемая теперь, составляетъ гораздо бо̀льшее бѣдствіе для народа, чѣмъ то, противъ чего она предлагается. Сознаётъ ли палата все значеніе этой мѣры? Вѣдь она означаетъ не что иное, какъ то, что исполнительнымъ органамъ дается абсолютная власть надъ личной свободой всѣхъ и каждаго изъ подданныхъ королевства. Могутъ конечно сказать, что министры не будутъ злоупотреблять этою властью. Съ своей стороны онъ, ораторъ, долженъ сознаться, что это соображеніе нимало не утѣшаетъ его: всякій, кто такъ горячо, какъ онъ, ненавидитъ настоящую войну, можетъ оказаться и окажется во власти министровъ. Сравнивая два бѣдствія -- жить подъ такимъ правительствомъ, или быть подъ угрозою возстанія, онъ признается, что зло, которое они имѣютъ въ виду устранить, не такъ велико, какъ то, которое они причинятъ своею мѣрою̀. Намъ, вѣдь, предстоитъ отказаться отъ лучшей части нашей конституціи, и тому, на что̀ каждый имѣетъ право и что́ дѣлаютъ теперь всѣ, высказывающіе на благо общества свои искренніе взгляды по дѣламъ управленія, будетъ сразу положенъ конецъ. При такихъ условіяхъ не въ правѣли онъ дѣйствительно сказать, что наступаетъ конецъ англійской конституціи (that there was an end of the constitution of England)» [1]).

Другіе ораторы оппозиціи также старались представить въ самыхъ мрачныхъ краскахъ значеніе и послѣдствія предлагаемой пріостановки. Графъ Стенгопъ сказалъ, что «этотъ билль онъ считаетъ не болѣе не менѣе, какъ стремленіемъ воздвигнуть своего рода бастилію (for erecting a bastile) въ этой странѣ и ввести lettres de cachet, при помощи которыхъ всякій можетъ быть подвергнутъ заключенію на какой угодно срокъ, по произволу министровъ, безъ доказательствъ, безъ мотивовъ, даже безъ суда и, въ концѣ концевъ, безъ какой-либо возможности получить удовлетвореніе за

1) Ibid., стр. 509.

такое заключеніе»[1]). Когда билль прошелъ верхнюю палату, Стенгопъ представилъ слѣдующій краткій протестъ: «Несогласенъ, потому что мнѣ ненавистна идея установленія въ этой странѣ опасной и противной конституціи системы lettres de cachet. Стенгопъ»[2]).

---

1) Ibid., стр. 582.

2) Ibid., стр. 603. Кромѣ этого протеста представленъ былъ и другой, подписанный четырьмя лордами — Альбемарль, Бедфордъ, Лодердэль и Дерби. Хотя въ немъ изложены многіе доводы, указанные уже нами, мы однако считаемъ нелишнимъ привести полный текстъ этого протеста, въ виду его интереса для общей характеристики парламентскаго производства по поводу пріостановокъ Habeas Corpus Акта. Вотъ онъ: „Несогласны, во-первыхъ, потому что намъ не представлено никакихъ доказательствъ того, что это королевство находится въ настоящее время въ такихъ обстоятельствахъ угрожающей опасности и настоятельной нужды, которыя одни, по нашему мнѣнію, могли бы оправдать хотя бы и временную отмѣну священнаго основнаго закона, составляющаго единственную охрану личной свободы и безопасности нашихъ согражданъ. Въ настоящее время нѣтъ на лицо ни одного изъ тѣхъ обстоятельствъ, — ни иностраннаго нашествія, ни домашняго возстанія, ни опаснаго заговора, — которыя побуждали нашихъ предковъ отдавать свою свободу подъ рискованную опеку деспотической власти. Вмѣсто такой несомнѣнной государственной опасности, которая заставляетъ умолкнуть всякія разсужденія и которая сильнѣе всякихъ законовъ, намъ предлагаютъ облечь министровъ его величества произвольною властью на основѣ данныхъ о проступкахъ отдѣльныхъ лицъ и обществъ, значеніе и числ которыхъ не представляются намъ такими, чтобы они могли оправдать мѣру подобную настоящей, особенно въ виду того, что обычныя законныя мѣры были бы достаточны для того, чтобы сдержать настоящее возбужденіе. Однимъ изъ худшихъ послѣдствій образа дѣйствій этихъ обществъ является то, что они послужили поводомъ для возбужденія искуственной паники и предлогомъ для уже принятыхъ мѣръ, по нашему мнѣнію, очень рискованныхъ и вредныхъ. Они продолжали тотъ же образъ дѣйствій, при чемъ однако они не нан сли этимъ никакого вреда, силы ихъ не возрасли и въ ихъ пріемахъ и планахъ не обнаружено никакихъ перемѣнъ. Мы не можемъ поэтому, не измѣняя возложенному на насъ довѣрію, согласиться отдать свободу нашихъ согражданъ на произволъ служителей короны на томъ лишь основаніи, что указываются дѣйствія, давно извѣстныя всему королевству. Во-вторыхъ, потому что даже если бы было доказано, что нѣкоторыя лица дѣйствительно питаютъ тѣ отчаянные замыслы, которые приписываются имъ, то, по нашему мнѣнію, и это не могло бы послужить оправданіемъ настоящей мѣры.

Всѣдъ за Фоксомъ и Шериданъ высказалъ свои опасенія по поводу возможности злоупотребленія исключительными полномочіями. «Видя, какія пустыя соображенія приводились въ пользу этой рѣшительной

Со времени революціи до полнаго подавленія притязаній династіи Стюартовъ одно существованіе ревностной, сильной и неутомимой партіи Якобитовъ еще не составляло, — безъ явныхъ актовъ возстанія или дѣйствительнаго заговора, — для нашихъ предковъ достаточнаго основанія для отдачи личной свободы всего королевства на произволъ министровъ. Несчастно же и ненадежно наше положеніе, если изъ-за горсти мечтателей и возмутителей (типы, возможные во всякомъ вѣкѣ, и личины, которыя могутъ принять на себя агенты любого правительства) наши вольности ставятся подъ легальный интердиктъ и министры облекаются произвольной властью надъ личностями всѣхъ свободныхъ людей королевства. Въ 3хъ, если бы опасность дѣйствительно была столь несомнѣнна и неминуема, какъ то утверждаютъ, то и тогда ее можно было бы предотвратить мѣрами гораздо менѣе ненавистными, чѣмъ лишеніе гражданъ тѣхъ правъ личной безопасности, которыя ставятъ Британскую конституцію выше всякихъ другихъ свободныхъ государствъ, древнихъ и новыхъ, и замѣна на нѣкоторое время управленія по закону управленіемъ по произволу. Таково напр. вполнѣ естественное и сравнительно гораздо болѣе умѣренное средство — законодательство объ освобожденіи подъ обезпеченіе въ случаѣ какихъ-либо преступковъ, касающихся государства, поставить на нѣкоторое время въ то же положеніе, въ какомъ стоитъ освобожденіе подъ обезпеченіе въ случаяхъ государственной измѣны. Въ 4хъ, потому что этотъ билль представляется намъ въ еще болѣе печальномъ и тревожномъ видѣ, въ связи съ заявленіями, сдѣланными высокопоставленными лицами (considerable persons) во время прохожденія билля. Даже эта самая крайняя мѣра, къ которой когда-либо прибѣгали наши предки подъ давленіемъ величайшей опасности, является лишь прелюдіей къ системѣ мѣръ (если возможно) еще болѣе рѣшительныхъ и произвольныхъ. Эти угрозы, слишкомъ ярко иллюстрируемыя нѣкоторыми прошлыми мѣрами, суровость которыхъ по нашему мнѣнію столь-же неполитична и гнусна, вызываютъ въ насъ самое печальное опасеніе, что имѣется въ виду прогрессивнымъ рядомъ захватовъ упразднить всѣ права англичанъ и уничтожить всѣ свободные принципы Британской конституціи. Въ 5хъ, потому что быстрота, съ которою этотъ билль проведенъ черезъ палату, неприлична сама по себѣ и прямо противорѣчитъ двумъ Standing Orders этой палаты, 28 іюня 1715 г. и 28 апрѣля 1699 г., которыя обезпечиваютъ за этой палатой преимущества зрѣлаго обсужденія, а за подданнымъ — неоцѣнимую привилегію представлять петиціи противъ мѣръ, которыя, подобно настоящей, подрываютъ его основныя права. (Подписи) Albemarle, Bedford, Lauderdale, Derby.“ Ibid., стр. 603—605.

и опасной мѣры, онъ въ правѣ предполагать, что если министрамъ будетъ предоставлено право задерживать подозрительныхъ лицъ, то они точно также будутъ склонны дѣйствовать по подозрѣніямъ столь-же пустымъ. Если имъ дана будетъ эта власть, возможны обманы, и многіе могутъ быть заключены лишь на томъ основаніи, что они враждебно относятся къ мѣрамъ администраціи; никто изъ членовъ этой палаты, ни кто-либо другой не можетъ быть спокоенъ, если они будутъ склонны представить его въ ложномъ свѣтѣ или причинить ему непріятность» [1]). По словамъ Грея, эта мѣра «избавляетъ министровъ вполнѣ отъ всякой отвѣтственности. Изъ двухъ золъ было бы меньшимъ — предоставить имъ дѣйствовать секретно такъ, какъ имъ хочется, ибо въ такомъ случаѣ, если бы они дѣйствовали, нарушая законъ, то имъ по крайней мѣрѣ пришлось бы находиться подъ страхомъ преслѣдованія ихъ, между тѣмъ какъ принятіемъ билля имъ предоставлена будетъ возможность дѣйствовать безъ всякой отвѣтственности» [2]).

Замѣчанія ораторовъ оппозиціи, представлявшихъ послѣдствія пріостановки въ особенно мрачныхъ краскахъ и угрожавшихъ чуть-ли не полнымъ упраздненіемъ конституціи, страдали конечно значительнымъ преувеличеніемъ. Этимъ, разумѣется, не могли не воспользоваться сторонники билля для того, чтобы наоборотъ — по возможности умалить послѣдствія пріостановки. Въ этомъ отношеніи любопытно отмѣтить слѣдующія заявленія Питта. Сказавъ, что онъ не можетъ оставить безъ отвѣта старанія (Фокса) увѣрить, что конституціи грозитъ чуть-ли не полное упраздненіе, первый министръ просилъ обратить вниманіе на то, что это — «лишь временная мѣра, пріурочиваемая къ настоящему злу, — мѣра, которая останется въ силѣ немногимъ болѣе полугода». «Она облекаетъ испол-

1) Ibid., стр. 516.
2) Ibid., стр. 531.

нительное правительство временною дискреціонною властью подвергать подозрительныхъ лицъ заключенію на это ограниченное время, не подвергая ихъ суду; при этомъ всѣ права народа и всѣ привилегіи парламента остаются ненарушимыми, а министры будутъ въ теченіе всего этого времени подлежать той же отвѣтственности, которой подлежатъ они и во всякомъ другомъ положеніи, при чемъ они точно такъ же будутъ отвѣчать за всякое злоупотребленіе этою властью, если они злоупотреблятъ ею, какъ они отвѣчали за злоупотребленіе всякою другою дискреціонною властью, которая предоставлялась имъ»[1]). Ораторъ другой палаты, лордъ Турлоу, говоря о послѣдствіяхъ пріостановки, выразился слѣдующимъ образомъ: «повидимому существуетъ весьма ошибочное представленіе о значеніи этого билля, который на самомъ дѣлѣ не даетъ исполнительному правительству по отношенію къ аресту и задержанію подозрительныхъ лицъ никакой новой власти, какой бы они не имѣли раньше, кромѣ именно того, что эти лица могутъ въ теченіе извѣстнаго времени быть содержимы въ заключеніи, безъ преданія ихъ суду. Почему собственно этотъ билль принято называть «a Suspension of the Habeas Corpus Act», онъ, ораторъ, не можетъ сказать, хотя его и называли такъ почти каждый разъ, когда вносился подобный билль; между тѣмъ если бы этотъ билль и прошелъ завтра, Habeas Corpus Актъ все-таки остался бы въ полной силѣ, и магистраты должны принять это во вниманіе и дѣйствовать съ соотвѣтственной осторожностью»[2]).

Таковы важнѣйшіе доводы pro и contra, высказанные во время обсужденія пріостановки 1794 года ея сторонниками и противниками. Число послѣднихъ оказалось слишкомъ незначительнымъ, и билль о пріостановкѣ быстро прошелъ установленныя стадіи обсужденія, а 23 мая получилъ королевское утвержденіе. Срокомъ

1) Ibid., стр. 564.
2) Ibid., стр. 587—588.

дѣйствія акта[1]) назначено было 1 февраля 1795 г., такъ что общая продолжительность этой пріостановки составляла восемь мѣсяцевъ и одну недѣлю. При закрытіи сессіи (11 іюля 1794 г.) парламенту была выражена отъ короля благодарность за вотированіе исключительныхъ полномочій и заявлено, что имъ дано будетъ «энергическое и благоразумное примѣненіе». «Милорды и джентльмены!» — гласила между прочимъ тронная рѣчь: — «считаю особеннымъ долгомъ своимъ выразить вамъ признательность за ваше усердіе въ разслѣдованіи замысловъ противъ правительства и конституціи этихъ королевствъ, и благодарить васъ за довѣріе ко мнѣ, проявленное вами по этому поводу. Мое вниманіе будетъ обращено главнымъ образомъ на энергическое и благоразумное примѣненіе дополнительныхъ полномочій, предоставленныхъ мнѣ для защиты и охраны моего народа; вполнѣ полагаясь на лояльность и патріотизмъ большей части моихъ подданныхъ, я не сомнѣваюсь въ скоромъ и дѣйствительномъ подавленіи всякихъ попытокъ нарушить общественное спокойствіе и въ сокрушеніи злоумышленій»[2]).

---

1) Содержаніе этого акта (34 Geo. III. стр. 54) не представляетъ какихъ-либо особенностей и по существу своему весьма близко подходитъ къ тексту перваго акта о пріостановкѣ (см. выше, стр. 166 до 168). Онъ состоитъ изъ трехъ статей. Въ первой, послѣ краткаго вступленія объ образованіи заговора съ цѣлью ниспроверженія существующихъ законовъ и конституціи и для водворенія той системы анархіи и смуты, которая столь роковымъ образомъ восторжествовала во Франціи", излагается основное положеніе о задержаніи лицъ, обвиняемыхъ или подозрѣваемыхъ въ государственной измѣнѣ и измѣнническихъ происках; во второй говорится о пріостановкѣ шотландскаго закона 1701 года, а также о возобновленіи съ 1 февраля 1795 г. дѣйствія всѣхъ законовъ и статутовъ о личной свободѣ; третья статья заключаетъ въ себѣ постановленіе о привилегіи членовъ парламента во время сессіи. Statutes at Large, т. 16, стр. 544. Полный текстъ акта, см. ниже, въ „Приложеніяхъ".

2) Ibid., стр. 958.

Въ октябрѣ 1794 г. начался рядъ судебныхъ преслѣдованій противъ наиболѣе видныхъ дѣятелей того «заговора», который послужилъ основаніемъ къ пріостановкѣ Habeas Corpus Акта. Упомянутые выше Гарди, Горнъ-Тукъ, Тельвалль и девять другихъ лицъ, принадлежавшихъ къ составу London Corresponding Society и Society for Constitutional Information, были преданы суду по обвиненію ихъ въ государственной измѣнѣ. Они обвинялись въ заговорѣ съ цѣлью нарушить общественное спокойствіе, возбудить возстаніе, низложить и умертвить короля, произвести измѣненія въ законодательствѣ и управленіи страны, а для осуществленія этихъ измѣнническихъ замысловъ — созвать народный конвентъ и запастись оружіемъ для сопротивленія королевской власти [1]). Правительство приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы представить передъ присяжными возможно болѣе полныя доказательства виновности подсудимыхъ. Положеніе послѣднихъ было тѣмъ болѣе невыгоднымъ, что вотированіе парламентомъ акта о пріостановкѣ гарантій личной свободы, опиравшееся на признаніе основательности указанныхъ обвинительныхъ пунктовъ, какъ бы предрѣшало участь подсудимыхъ, бывшихъ главными дѣятелями по организаціи грознаго заговора. Обвинительная власть въ изобиліи приводила передъ судомъ данныя, представлявшіяся ей убѣдительными доказательствами государственной измѣны. Но присяжные не нашли возможнымъ признать это тяжкое преступленіе въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя представляли собою лишь рѣзкія проявленія вполнѣ законныхъ стремленій къ реформѣ и которыя могли быть признаны измѣною только при черезчуръ распространительномъ толкованіи понятія государственной измѣны. Защитникъ подсудимыхъ, Эрскинъ, съ полною убѣдительностью доказалъ величайшую опасность такого толкованія и помогъ при-

1) T. E. May: The Constitutional History of England, 6th Ediditon (L.1878), т. II, стр. 306—307.

сяжнымъ разобраться въ массѣ аргументовъ, выдвинутыхъ ложною тревогою, и отнестись къ оцѣнкѣ ихъ съ подобающимъ суду спокойствіемъ и безпристрастіемъ. Одинъ за другимъ слѣдовали оправдательные вердикты Томаса Гарди, Горнъ-Тука и Тельвалля; а отъ обвиненія другихъ правительство предпочло само отказаться, отпустивъ ихъ на свободу[1]).

Такой результатъ возбужденныхъ правительствомъ преслѣдованій не могъ не быть истолкованнымъ въ смыслѣ неосновательности тѣхъ мотивовъ, которые вызвали пріостановку Habeas Corpus Акта. Онъ былъ какъ бы торжествомъ оппозиціи, члены которой и рѣшили выступить съ требованіемъ немедленной отмѣны акта о пріостановкѣ. Это требованіе заявлено было Шериданомъ въ первый же день ближайшей парламентской сессіи, 30 декабря 1794 г. «Со стороны министровъ, — сказалъ онъ, — не можетъ быть сдѣлано возраженіе противъ этого, развѣ если они удостовѣрятъ, что и въ настоящій моментъ существуетъ та-же настоятельная необходимость, на которой они основывали пріостановку. Если ему скажутъ, что срокъ дѣйствія этого акта наступитъ въ очень скоромъ времени (1 февр.), или что его не намѣрены возобновлять, то онъ отвѣтитъ, что онъ не допуститъ того, чтобы такой актъ умеръ естественною смертью (to die a natural death), что онъ не будетъ ждать ни мѣсяца, ни недѣли, ни одного дня, ни единаго момента, чтобы пригласить палату дѣйствовать въ качествѣ независимыхъ, честныхъ и свободныхъ представителей общества, и будетъ защищать нарушенныя министрами права народа[2]).

Формальное предложеніе объ отмѣнѣ пріостановки Шериданъ внесъ 5 января 1795 г. По этому поводу въ палатѣ произошли весьма оживленныя пренія[3]), центральнымъ вопросомъ которыхъ былъ вопросъ о томъ,

(1 May, ibid., стр. 307—310.
2) Parliamentary History, т. XXXI, стр. 995.
3) Ibid, стр. 1062—1130.

насколько оправдательные приговоры по дѣламъ Гарди и др. могутъ быть признаны доказательствомъ отсутствія заговора.

Заявленія Шеридана и другихъ членовъ оппозиціи о томъ, что эти приговоры служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ отсутствія заговора, вызвали многочисленныя возраженія, сущность которыхъ сводится къ слѣдующему. Оправдательные приговоры, по словамъ генералъ-солиситора [1]), имѣютъ своимъ послѣдствіемъ лишь то, что лица оправданныя не могутъ быть судимы еще разъ по обвиненію въ томъ же преступленіи. Производство по этимъ дѣламъ (генералъ-солиситоръ являлся вмѣстѣ съ генералъ-атторнеемъ главнымъ руководителемъ обвиненія по нимъ) еще болѣе убѣдило его въ существованіи заговора; «если бы присяжные, — замѣтилъ онъ, — столь же хорошо знали факты, какъ онъ, то они поступили бы совершенно иначе» [2]).

По словамъ Питта, присяжные вовсе и не отрицали существованія заговора: они отвергли лишь наличность обвиненія въ томъ видѣ, въ какомъ оно было формулировано въ обвинительномъ актѣ; но они не отвергли той части обвиненія, которая составляла основаніе для пріостановки Habeas Corpus Акта, а именно, что эти лица принимали участіе въ заговорѣ, если не съ цѣлью государственной измѣны, то съ цѣлью преступленія, по своей нравственной винѣ столь же большаго, а для правъ и привилегій парламента и спокойствія страны столь же опаснаго, какъ государственная измѣна или иное какое-либо подобное преступленіе» [3]).

По словамъ другихъ ораторовъ, оправдательный вердиктъ вовсе не доказываетъ невиновности оправ-

1) Ibid., стр. 997.

2) На это Фоксъ весьма мѣтко отвѣтилъ, что „присяжные имѣли удовольствіе слышать рѣчь его, но она не убѣдила ихъ“ и что „хотя генералъ-солиситоръ и лучше освѣдомленъ“, онъ однако не могъ передать другимъ это „superior knowledge“. Ibid., стр. 998—999.

3) Ibid., стр. 1002.

данныхъ лицъ, такъ какъ основаніемъ къ оправданію могутъ являться лишь какія-нибудь формальныя условія. Какъ выразился Виндгамъ, «оправданныя лица раздѣляютъ свое торжество со многими преступниками, которые, будучи безусловно виновными, освобождаются вслѣдствіе какого-нибудь промаха въ порядкѣ преслѣдованія, вслѣдствіе какой-нибудь ошибки въ обвинительномъ актѣ, или какого-нибудь другаго изъ тѣхъ разнообразныхъ формальныхъ условій, подъ предлогомъ которыхъ виновные иногда ускользаютъ изъ рукъ правосудія» [1]).

Шериданъ и сторонники его предложенія высказали противъ этихъ доводовъ очень вѣскія соображенія. По словамъ Шеридана, къ оправданнымъ въ этихъ процессахъ лицамъ никакъ нельзя примѣнить предположенія, что основаніемъ къ этому послужили «какіе-нибудь недостатки техническаго характера.» «Если существуетъ случай, въ которомъ вердиктъ присяжныхъ дѣйствительно и вполнѣ устанавливаетъ невинность обвиняемаго, то это именно при обвиненіи въ государственной измѣнѣ. Было-ли, при производствѣ недавнихъ процессовъ, упущено по недостатку времени или вниманія что-нибудь такое, что могло быть выдвинуто противъ обвиняемыхъ? Всевозможныя старанія были приложены къ тому, чтобы привести этихъ лицъ къ обвиненію, если бы они дѣйствительно были виновны. Нѣкоторые изъ нихъ были арестованы еще въ маѣ: шесть мѣсяцевъ, предшествовавшихъ ихъ суду, были употреблены на собираніе и систематизацію доказательствъ. Двѣнадцать выдающихся профессіональныхъ юристовъ были привлечены для поддержки обвиненія, при чемъ на это израсходовано свыше 8,000 ф. Бороться противъ такихъ средствъ могли только талантъ и краснорѣчіе его ученаго друга (Эрскина), который своимъ образомъ дѣйствій по этому поводу заслужилъ величайшую честь. Но, можетъ

1) Ibid., стр. 1077.

быть, лица, участвовавшія со стороны обвиненія, замѣтятъ, что они не выставили достаточнаго числа свидѣтелей? Насколько такое объясненіе было бы основательно, видно уже изъ того факта, что число свидѣтелей, вызывавшихся по дѣлу Джойса, которое даже и не разбиралось вовсе, въ общемъ доходило до 207. Что касается самаго порядка производства этихъ процессовъ, то слѣдуетъ замѣтить, что труда не жалѣли. Первая рѣчь заняла девять часовъ. Если бы онъ, ораторъ, былъ присяжнымъ, то уже одного того обстоятельства, что генералъ-атторней посвятилъ девять часовъ раскрытію явной государственной измѣны, было бы достаточно, чтобы онъ не повѣрилъ этому . . . .» [1]).

Съ особенною обстоятельностью вопроса объ истинномъ смыслѣ оправдательныхъ приговоровъ коснулся Эрскинъ, сдѣлавшій въ своей содержательной рѣчи анализъ процессовъ, въ которыхъ ему пришлось играть столь дѣятельную роль. «Присяжные своими приговорами, — сказалъ онъ, — не только путемъ вѣроятныхъ выводовъ, но почти прямо (almost directly and technically) отвергли существованіе заговора, на которомъ основывалась пріостановка Habeas Corpus» [2]). Это особенно рельефно выразилось въ процессѣ Гарди, съ котораго, какъ главнаго дѣятеля «заговора», правительство рѣшило начать преслѣдованія. Обвинительная власть поставила по отношенію къ этому процессу три главные вопроса: — существуетъ-ли измѣнническій заговоръ, положенный въ основу обвиненія; участвовалъ-ли въ немъ Гарди; каковы юридическія послѣдствія установленія этихъ двухъ обстоятельствъ. Гарди принималъ такое дѣятельное участіе въ движеніи, что разъ только оно дѣйствительно представляетъ собою заговоръ, онъ безъ сомнѣнія долженъ быть признанъ виновнымъ. «Онъ, — говорилъ Эрскинъ, — былъ секретаремъ наиболѣе дѣятельнаго и смѣлаго общества;

1) Ibid., стр. 1064—1065.
2) Ibid., стр. 1090.

въ дѣйствительности онъ былъ его основателемъ; онъ создалъ его организацію; онъ былъ первымъ иниціаторомъ конвента въ Шотландіи; онъ былъ также первымъ иниціаторомъ устройства втораго конвента, заговоръ съ цѣлью созванія котораго и составляетъ предметъ обвиненія. Во всемъ, что бы ни было сдѣлано, онъ былъ участникомъ; все онъ зналъ; все, что бы ни имѣлось въ виду, было ему извѣстно. Если былъ заговоръ, онъ безспорно былъ заговорщикомъ»[1]). И тѣмъ не менѣе присяжные отвѣтили по отношенію къ нему — «Нѣтъ, невиновенъ,» — и поступили такъ именно потому, что они отвергли самое существованіе заговора. Это оправданіе имѣло рѣшающее значеніе и для другихъ обвиняемыхъ (одиннадцати), при чемъ нѣкоторые изъ нихъ были прямо освобождены безъ суда. Въ виду этого Эрскинъ признавалъ, что нѣтъ никакого основанія сохранять пріостановку, такъ какъ исчезла причина, ее вызвавшая.

Въ томъ же смыслѣ говорилъ и Фоксъ, обратившій вниманіе на то, что въ результатѣ оправдательныхъ вердиктовъ «теперь нѣтъ ни одного лица, которое находилось бы подъ преслѣдованіемъ по обвиненію въ заговорѣ»[2]) и что слѣдовательно та цѣль, которая побудила правительство обратиться къ пріостановкѣ, теперь не имѣетъ мѣста.

Какъ Шериданъ, такъ и Фоксъ не отрицали, что судебное преслѣдованіе обнаружило признаки волненія (instances of sedition) и оскорбленій путемъ печати, но для подавленія и преслѣдованія ихъ нѣтъ надобности въ пріостановкѣ Habeas Corpus Акта, тѣмъ болѣе что на нихъ даже и не распространяется дѣйствіе ея, ибо оно ограничено лишь государственной измѣной[3]).

Не смотря на всѣ эти аргументы, на сторонѣ правительства оказалось значительное большинство.

1) Ibid., стр. 1093—1094.
2) Ibid., стр. 1118.
3) Ibid., стр. 1065, 1067, 1126.

Предложеніе Шеридана было отвергнуто 185 голосами противъ 41, при чемъ въ концѣ преній Питтъ нашелъ нужнымъ заявить, что вѣроятно окажется необходимымъ прибѣгнуть къ продленію пріостановки на новый срокъ[1]).

И дѣйствительно, черезъ десять дней послѣ этого, 15 января 1795 г., генералъ-атторней внесъ въ палату общинъ билль о продленіи пріостановки на новый срокъ[2]). Пренія, которыми сопровождалось обсужденіе этого билля[3]), не отличаются особенною новизною соображеній pro и contra, сравнительно съ тѣми доводами, которые были высказаны при обсужденіи предложенія Шеридана объ отмѣнѣ пріостановки. Представители правительства и ихъ сторонники сосредоточили свои доводы на томъ, что оправдательные вердикты по возбужденнымъ преслѣдованіямъ нимало не доказываютъ отсутствія «заговора». Въ подтвержденіе его существованія приводились однако все тѣ же прежніе факты: задуманный конвентъ, сношенія англійскихъ обществъ съ якобинскимъ клубомъ и національнымъ конвентомъ и. т. д. Не останавливаясь на передачѣ этихъ доводовъ, сходныхъ съ указанными выше, мы отмѣтимъ лишь слѣдующія замѣчанія Питта объ истинной цѣли продленія пріостановки. По его словамъ, пріостановка Habeas Corpus Акта въ данномъ случаѣ не представляетъ собою «ни отклоненія отъ политики нашихъ предковъ, ни отступленія отъ принциповъ конституціи, а является конституціоннымъ средствомъ, часто примѣнявшимся въ случаяхъ соотвѣтственной опасности и, къ счастью, всегда съ самыми лучшими послѣдствіями. Развѣ тотъ заговоръ, который столь часто и столь талантливо изображался, представляетъ собою случай, къ которому пріостановка менѣе примѣнима, чѣмъ любой изъ тѣхъ случаевъ, въ какихъ она примѣнялась прежде?

---

1) Ibid., стр. 1130.

2) Ibid., стр. 1144.

3) Ibid., стр. 1144—1194 и 1280—1292.

Неужели этотъ случай, когда самые пагубные взгляды распространяются всевозможными способами, когда употребляются самыя необыкновенныя усилія для того, чтобы пустить въ ходъ машину, ужасные результаты которой роковымъ образомъ были испытаны въ другой странѣ, — требуетъ менѣе энергическихъ предупредительныхъ средствъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ опасность, хотя и бо̀льшая, не была такъ дѣйствительна. Настоящая задача билля состоитъ въ предупрежденіи совершенія преступленій, которыя, если ихъ не предупредить, было бы слишкомъ поздно карать .... Обстоятельства времени требуютъ, чтобы министрамъ была предоставлена дискреціонная власть, и нѣтъ основанія опасаться, что ею будутъ злоупотреблять болѣе, чѣмъ это бывало въ прежнихъ случаяхъ» [1]).

Члены оппозиціи, наоборотъ, горячо доказывали, что нѣтъ никакихъ основаній къ продленію пріостановки, и выражали негодованіе передъ требованіемъ правительства послѣ столь убѣдительной неудачи преслѣдованія «заговорщиковъ». «Палатѣ, — говорилъ Франсисъ, — предлагается продлить пріостановку Habeas Corpus Акта съ такою легкостью и такимъ равнодушіемъ, какъ если бы произвольная власть арестовать любаго человѣка, на неопредѣленное время и безъ производства надъ нимъ суда, должна быть предоставляема министромъ, когда бы они ни пожелали этого, и продолжаема до тѣхъ поръ, пока это будетъ казаться имъ нужнымъ. Они не выступаютъ передъ нами, какъ бы то слѣдовало, съ новымъ случаемъ заговора и измѣны, въ подкрѣпленіе чего приводились бы новыя, свѣжія доказательства, установленныя докладомъ передъ палатою. Нѣтъ, они довольствуются простымъ утвержденіемъ, что это такъ и приглашаютъ насъ доказать противное, если мы можемъ; т. е. бремя доказательства они переносятъ съ утвержденія на отрицаніе и заключаютъ, что палата

1) Ibid., стр. 1187—1188.

готова вѣрить, что все ими утверждаемое — правда, если мы не можемъ привести доказательствъ того, что это — ложь. Эти господа увѣряютъ, что измѣна и заговоръ прошлаго года остаются in statu quo и въ полной силѣ. Но если это дѣйствительно такъ, имъ бы слѣдовало доказать это сообщеніемъ свѣжихъ доводовъ, которые были бы регулярно разсмотрѣны новой коммиссіей и ею доложены палатѣ»[1]). «Если — говорилъ Эрксинъ, — измѣна существуетъ въ такой сильной степени, что ею оправдывается дальнѣйшая пріостановка, то почему же генералъ-атторней не возбуждаетъ дальнѣйшихъ преслѣдованій? Отвѣтъ на это состоитъ въ томъ, что генералъ-атторней послѣ трехъ вердиктовъ трехъ различныхъ составовъ присяжныхъ вполнѣ основательно счелъ своимъ долгомъ не идти дальше; но конечно, если бы онъ видѣлъ болѣе опасныхъ преступниковъ, чѣмъ оправданные присяжными, то это должно было бы побудить его продолжить свои преслѣдованія»[2]). Въ верхней палатѣ маркизъ Ленсдаунъ говорилъ, что «онъ не вѣритъ существованію какого либо заговора противъ короля и его правительства. Онъ не претендуетъ на то, что онъ знаетъ по этому предмету столь же много, какъ министры; но онъ считаетъ несомнѣнымъ, что если они, при всей своей власти и стараніяхъ, при всемъ желаніи обвинить и при всемъ содѣйствіи, какое они имѣли отъ высоко-авторитетныхъ спеціалистовъ, не могли добиться обвинительнаго приговора ни въ одномъ случаѣ, то единственнымъ основаніемъ здѣсь можетъ быть признано то, что послѣ самаго тщательнаго и безпристрастнаго изслѣдованія, какое когда либо занимало время и вниманіе судей и присяжныхъ, не оказалось достаточныхъ доводовъ въ пользу предположенія о томъ, что заговоръ существуетъ»[3]).

---

1) Ibid., стр. 1166.

2) Ibid., стр. 1178.

3) Ibid., стр. 1289.

Маркизъ Ленсдаунъ обратилъ также вниманіе на замѣчанія нѣкоторыхъ ораторовъ о томъ, что вердиктъ присяжныхъ не можетъ подорвать заключеній, къ какимъ пришли парламентскія коммиссіи. По этому поводу онъ заявилъ, что готовъ отдать должное усердію коммиссій, но что если ему придется сдѣлать «выборъ между значеніемъ вердикта присяжныхъ и значеніемъ доклада любой парламентской коммиссіи, то онъ безъ малѣйшихъ колебаній скажетъ, что вердиктъ присяжныхъ, простыхъ, честныхъ и безпристрастныхъ людей, дѣйствующихъ подъ присягою, долженъ пересилить пятьдесятъ докладовъ коммиссій обѣихъ палатъ, пятьдесятъ резолюцій или пятьдесятъ любыхъ парламентскихъ производствъ»[1]).

Во время преній по вопросу о продленіи пріостановки, а также и по предложенію Шеридана было высказано нѣсколько замѣчаній объ ограниченномъ характерѣ этой мѣры, которую несправедливо отождествлять чуть ли не съ полной отмѣной конституціонныхъ гарантій. Въ виду ближайшаго значенія ихъ для цѣлей нашей работы, приводимъ эти замѣчанія. Такъ, Адэръ, одинъ изъ коронныхъ юристовъ, начиная свою рѣчь противъ предложенія Шеридана, сказалъ, что онъ прежде всего «хочетъ предостеречь палату отъ того ошибочнаго представленія, которое сложилось вслѣдствіе обычнаго изображенія настоящаго акта и другихъ подобныхъ актовъ. Они называются пріостановками Habeas Corpus Акта; но это названіе нисколько не примѣнимо къ нимъ въ томъ значеніи, въ какомъ оно обыкновенно употребляется; въ дѣйствительности пріостановлена только одна статья этого превосходнаго акта, статья о преступленіи государственной измѣны; все остальное содержаніе этого драгоцѣннаго акта остается неприкосновеннымъ и въ столь же полномъ распоряженіи народа, какъ если бы вовсе не было акта,

1) Ibid., стр. 1288.

изданнаго въ прошлую сессію. Этотъ актъ пріостановилъ лишь ту статью, которая предоставляетъ лицамъ, обвиняемымъ въ государственной измѣнѣ, право быть судимыми въ теченіе ограниченнаго и точно опредѣленнаго времени. Если бы министры пользовались властью, предоставляемою имъ этимъ актомъ, противозаконно и безпричинно, то онъ, какъ юристъ, безъ затрудненія скажетъ, что лица, съ которыми было бы поступлено такимъ образомъ, имѣли бы право иска о неправильномъ заключеніи. Всякій, кто злоупотребилъ бы такою властью, подлежитъ отвѣтственности по законамъ Англіи. Средства, предусматриваемыя этими законами, ни въ чемъ не ограничиваются настоящимъ актомъ. Между тѣмъ весьма усердно распускается представленіе о томъ, что биллемъ о пріостановкѣ Habeas Corpus Акта права и вольности англичанъ отданы въ руки министровъ. Ради чего такія ложныя представленія дѣлаются, лучше всего извѣстно конечно тѣмъ, кто ихъ дѣлаетъ»[1]) .... По тому же вопросу лордъ-канцлеръ, лордъ Лафборо, во время преній въ палатѣ лордовъ сказалъ, «что билль неправильно называется пріостановкою Habeas Corpus Акта, такъ какъ въ дѣйствительности онъ вовсе не то; онъ не даетъ министрамъ такихъ тревожныхъ полномочій, какъ о томъ говорилось, и не сокращаетъ или ограничиваетъ свободу личности ни въ малѣйшей степени, кромѣ только одного случая — тамъ, гдѣ подозрѣваются измѣнническіе происки .... Нѣкоторые лорды обвиняли министровъ въ желаніи удержать въ своихъ рукахъ ту исключительную власть, которую будто бы этотъ билль далъ имъ. Билль не даетъ министрамъ никакой такой исключительной власти, какая приписывается ему, а налагаетъ на нихъ самую тяжкую обязанность и возлагаетъ такую отвѣтственность, избѣжать которой всякій благоразумный человѣкъ долженъ очень сильно желать. Единственная задача

1) Ibid., стр. 1098.

билля состоитъ въ томъ, чтобы дать министрамъ возможность держать въ заключеніи лицъ, задержанныхъ по подозрѣнію въ измѣнническихъ происках, до тѣхъ поръ, пока пройдетъ достаточно времени для подготовленія доказательствъ, которыя въ такихъ случаяхъ отличаются особенною сложностью; если бы этотъ билль не прошелъ, такія лица могли бы потребовать производства суда надъ ними прежде, чѣмъ правительство могло бы оказаться готовымъ со всѣми своими доказательствами въ подтвержденіе обвиненія. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ министры остаются столь же отвѣтственными, какъ и прежде. Они не получаютъ вслѣдствіе принятія билля большей власти, чѣмъ любое должностное лицо; они отвѣтственны передъ парламентомъ за надлежащее пользованіе этою властью; они отвѣтственны и передъ отдѣльными лицами по закону страны» [1]).

5го февраля 1795 г. билль о продленіи пріостановки получилъ королевское утвержденіе. Срокомъ дѣйствія этого акта правительство предлагало назначить «послѣдній день настоящей сессіи», но это предложеніе встрѣтило возраженія при обсужденіи билля въ верхней палатѣ, при чемъ, согласно поправкѣ, внесенной графомъ Лодердэлемъ, срокомъ продленія пріостановки назначено было 1 іюля 1795 г. [2]). Поправка эта была

1) Ibid., стр. 1290. Эти доводы относительно ограниченнаго характера пріостановки гарантій личной свободы оппозиція признавала мало убѣдительными. Такъ, по мнѣнію Ламбтона, старанія увѣрить парламентъ въ томъ, что пріостановкѣ подлежитъ не весь Habeas Corpus Актъ, а только часть его, есть „самая ужасная каверза, съ какою когда-либо выступали передъ серьезнымъ собраніемъ". „Быть можетъ, говорилъ онъ, это и не полная пріостановка; однако она оказывается пріостановкою обычныхъ гарантій свободы до такой степени, что министръ можетъ подвергнуть заключенію, кого захочетъ, гдѣ и когда ему будетъ угодно, не давая такому лицу никакихъ свѣдѣній о томъ, въ какомъ преступленіи оно обвиняется, или о томъ, кто его обвинитель". Ibid., стр. 1146.

2) Текстъ этого акта (35 Geo. III, cap. 3) тождественъ съ предшествующимъ; прибавлена только одна статья, гласящая о томъ, что

мотивирована тѣмъ соображеніемъ, что Habeas Corpus Актъ можетъ быть пріостанавливаемъ лишь на извѣстный срокъ, который и долженъ быть опредѣленъ съ полною точностью. Между тѣмъ указаніе на «послѣдній день сессіи» не даетъ этого точнаго опредѣленія; это могло бы составить опасный прецедентъ, такъ какъ, по замѣчанію Лодердэля, «какіе-либо коварные министры могутъ воспользоваться этими словами и, давъ королю совѣтъ не пророгировать парламента, продолжить пріостановку этого неоцѣнимаго закона въ теченіе всего семилѣтняго періода парламентскихъ полномочій»[1]).

1-го іюля 1795 г. окончился срокъ дѣйствія акта о продленіи пріостановки, и правительство не нашло нужнымъ прибѣгать къ парламенту за новыми исключительными полномочіями по отношенію къ ограниченіямъ личной свободы. Въ теченіе безъ малаго трехъ лѣтъ Habeas Corpus Актъ не подвергался пріостановкѣ[2]). Въ эти годы главными орудіями борьбы съ демократическимъ движеніемъ явились другія исключительныя мѣры, въ особенности же — актъ, ограничивавшій свободу митинговъ и всякаго рода общественныхъ собраній до степени почти полнаго упраздненія права

актъ этотъ можетъ быть измѣненъ или отмѣненъ въ теченіе той же сессіи. — Statutes at Large, т. 16, стр. 2.

1) Ibid., стр. 1280.

2) Въ исторической литературѣ сложилось невѣрное представленіе о томъ, что Habeas Corpus Актъ не дѣйствовалъ въ теченіе слишкомъ семилѣтняго періода къ-ряду, отъ 23 мая 1794 года до конца 1801 года. Въ эту ошибку впалъ даже такой авторитетный и въ общемъ весьма обстоятельный историкъ, какъ Томасъ Эрскинъ Мей. Въ своей Constitutional History of England (томъ III, стр. 15) онъ говоритъ, что пріостановка Habeas Corpus Акта прекратилась въ концѣ 1801 года „послѣ непрерывнаго дѣйствія въ теченіе восьми лѣтъ.“ На самомъ же дѣлѣ Habeas Corpus Актъ былъ въ полной силѣ въ промежуткахъ между 1 іюля 1795 и 21 апрѣля 1798 года и между половиною марта и 17 апрѣля 1801 года.

обсужденія, и актъ, распространявшій понятіе государственной измѣны до чрезвычайно широкихъ размѣровъ, такъ что подъ него могли быть подводимы самыя разнообразныя проявленія оппозиціи. Оба эти акта были изданы въ концѣ 1795 года подъ впечатлѣніемъ новаго движенія въ пользу парламентской реформы, оживившагося съ прекращеніемъ дѣйствія акта о пріостановкѣ гарантій личной свободы и осложнившагося дерзкими выходками уличной толпы противъ короля при открытіи имъ сессіи парламента[1]). Первый изъ названныхъ актовъ изданъ былъ на три года; второй долженъ былъ оставаться въ силѣ въ теченіе всей жизни короля и до конца первой сессіи послѣ его смерти[2]). Со вступленіемъ этихъ актовъ въ силу, политическая жизнь въ Англіи замерла; суровое примѣненіе ихъ дѣлало не-

1) За два дня до истеченія срока пріостановки стараніями членовъ London Corresponding Society былъ организованъ (29 іюня) большой митингъ, на открытомъ воздухѣ, „съ цѣлью обсужденія наилучшихъ способовъ добиться всеобщаго голосованія и ежегодныхъ парламентовъ.“ На митингѣ были вотированы воззваніе къ народу, въ которомъ населеніе приглашалось „соединенными усиліями и всякими законными и конституціонными способами постараться обезпечить за великобританскимъ народомъ его естественныя и несомнѣнныя права — всеобщее голосованіе и ежегодные парламенты,“ и адресъ королю, въ которомъ его просили „оказать благовременное вниманіе возгласамъ страждущаго народа и проявить ту власть, которую вѣряетъ королю конституція, дать народу свободное и равное представительство, которое только одно можетъ предупредить для британской націи будущія и удалить настоящія бѣдствія.“ Въ октябрѣ тѣмъ же обществомъ былъ созванъ новый грандіозный митингъ, на которомъ также принято было воззваніе къ народу, объявлявшее, что единственная цѣль движенія заключается въ парламентской реформѣ, и вотированъ новый адресъ королю, повторявшій тѣ же ходатайства. Движеніе на строго законной почвѣ обѣщало принять широкіе размѣры, но оно встрѣтило задержку въ указанныхъ мѣрахъ, къ вотированію которыхъ дала поводъ дерзкая выходка противъ короля: на пути къ зданію парламента король былъ встрѣченъ большими толпами народа, изъ среды которыхъ сначала раздались демонстративные крики: „долой Питта! Не надо войны! Миръ! . . .“ а затѣмъ кто-то камнемъ выбилъ окно въ каретѣ короля. — H. Jephson, The Platform (London 1892), т. I, стр. 241 и сл.

2) May, op. cit., т. II, стр. 316 и сл.

мыслимымъ какое-либо внѣшнее проявленіе общественныхъ стремленій оппозиціоннаго характера, а при такихъ условіяхъ не было и надобности прибѣгать къ возобновленію пріостановки Habeas Corpus Акта.

Сознаніе необходимости снова прибѣгнуть къ этой мѣрѣ явилось подъ вліяніемъ совершенно новыхъ обстоятельствъ, и главнымъ образомъ опасеній за послѣдствія подготовлявшагося въ 1798 года вторженія Франціи въ Ирландію. 20-го апрѣля этого года парламенту было представлено королевское посланіе, извѣщавшее о томъ, что въ портахъ Франціи, Фландріи и Голландіи ведутся дѣятельныя приготовленія къ вторженію въ англійскія владѣнія и что «въ этихъ замыслахъ непріятель встрѣчаетъ поддержку со стороны находящихся съ нимъ въ сношеніяхъ предательскихъ и недовольныхъ лицъ и обществъ Великобританіи и Ирландіи.» Упомянувъ объ общихъ мѣрахъ военной обороны, посланіе вмѣстѣ съ тѣмъ признало необходимымъ пригласить парламентъ приступить «къ немедленному соображенію тѣхъ дальнѣйшихъ мѣропріятій, которыя могутъ помочь его величеству разрушить коварныя махинаціи злоумышленниковъ внутри этихъ королевствъ и предотвратить замыслы непріятеля какъ извнѣ, такъ и внутри» [1]).

Важнѣйшимъ изъ этихъ мѣропріятій и явилась пріостановка Habeas Corpus Акта, предложенная правительствомъ и быстро прошедшая установленныя стадіи обсужденія въ обѣихъ палатахъ. Принятію ея въ палатѣ общинъ предшествовали непродолжительныя пренія, изъ которыхъ выяснилось, что главнымъ мотивомъ пріостановки правительство считаетъ не внутреннія безурядицы, а опасность, грозящую извнѣ. По словамъ Питта, въ теченіе всего періода войны Франціи съ Англіей никогда еще Франція не дѣлала столь рѣшительныхъ приготовленій къ вторженію въ англійскія владѣнія.

---

1) Parliamentary History, т. XXXIII, стр. 1422.

Опасность этого вторженія прежде умѣрялась необходимостью для Франціи вести упорную борьбу съ могущественною коалиціею — борьбу, заставлявшую ее сосредоточивать на континентѣ всѣ свои военныя силы. Теперь же французское правительство, свободное отъ этой необходимости, имѣетъ возможность направить свои войска противъ Англіи. Эта опасность угрожающаго вторженія осложняется существованіемъ въ Англіи и Ирландіи[1]) «сильно развитаго недовольства», которымъ внѣшніе враги и пользуются въ своихъ видахъ. Оппозиція въ лицѣ Шеридана ограничилась указаніемъ на слабость второй части аргументаціи въ пользу пріостановки, признавъ недостаточнымъ для нея основаніемъ простое утвержденіе, не подкрѣпленное надлежащими данными, о томъ, что многія лица будто-бы находятся въ сношеніяхъ съ Франціей. Въ 1794 г. правительство по крайней мѣрѣ представило парламенту рядъ данныхъ, которыя оно признавало, хотя и ошибочно, доказательствами существованія заговора; во всякомъ случаѣ законодательное собраніе дѣйствовало на основаніи извѣстныхъ данныхъ; теперь же не приводится никакихъ доказательствъ, а изъ ранѣе сдѣланныхъ Питтомъ заявленій видно, что въ странѣ господствуетъ общій духъ лойяльности, указывающій скорѣе на ненужность предлагаемой мѣры[2]).

Срокомъ дѣйствія акта о пріостановкѣ, утвержденнаго королемъ 21 апрѣля, назначено было 1 февраля 1799 г., такъ что продолжительность ея составляла девять мѣсяцевъ и десять дней[3]). Однако путемъ по-

1) Въ Ирландіи въ маѣ 1798 г. вспыхнуло открытое возстаніе, подавленіе котораго потребовало немалыхъ усилій.

2) Ibid., стр. 1429—1433. Въ палатѣ общинъ билль о пріостановкѣ былъ принятъ большинствомъ 183 противъ 5 голосовъ.

3) 38 Geo. III, cap. 36. Мотивировка его выражена слѣдующимъ образомъ: „Whereas his Majesty's Enemies are making Preparations with considerable and increasing Activity for the Invasion of his Majesty's Dominions: And whereas these Designs are encouraged by the

слѣдовательнаго изданія четырехъ актовъ о продленіи пріостановки эта исключительная мѣра продолжала дѣйствовать непрерывно вплоть до половины марта 1801 года, а именно: въ январѣ 1799 г. дѣйствіе акта о пріостановкѣ продлено съ 1 февраля до 21 мая 1799 г. (т. е. на три мѣсяца и три недѣли), въ маѣ этого года — съ 21 мая 1799 г. до 1 марта 1800 г. (т. е. на девять мѣсяцевъ и десять дней), затѣмъ — съ 1 марта 1800 г. до 1 февраля 1801 г. (т. е. на одиннадцать мѣсяцевъ) и, наконецъ, съ 1 февраля до половины марта 1801 г. (т. е. на полтора мѣсяца)[1]).

Изъ преній, сопровождавшихъ обсужденіе этихъ актовъ, обнаруживается, что пріостановка гарантій личной свободы признавалась необходимою не въ качествѣ мѣры, облегчавшей репрессію, а въ качествѣ мѣры предупредительнаго характера. Такъ, въ докладѣ коммиссіи палаты общинъ, разсматривавшей вопросъ о продленіи пріостановки съ 21 мая 1799 г. по 1 марта 1800 г., между прочимъ сказано: «коммиссія съ удовольствіемъ усматриваетъ, что, согласно старинной практикѣ и истиннымъ началамъ конституціи, правительству его величества ввѣрялись отъ времени до времени, по мѣрѣ надобности, особыя полномочія; при этомъ коммиссія въ особенности считаетъ своимъ долгомъ замѣтить, что право арестовывать и подвергать заключенію подозрительныхъ лицъ (средство, къ которому посто-

---

traitorous Practices of wicked and disaffected Persons within this Realm": Therefore, for the better Preservation etc., какъ въ 34 Geo. III, c. 54. Различіе состоитъ лишь въ одной дополнительной статьѣ, гласящей о томъ, что лица, по отношенію къ которымъ уже составлены обвинительные акты по обвиненію въ государственной измѣнѣ, могутъ быть подвергнуты суду по этимъ актамъ, „какъ если бы настоящій актъ и не былъ принятъ". Эта статья повторяется и въ позднѣйшихъ актахъ о пріостановкѣ. — Statutes at Large, т. 17, стр. 733.

1) 39 Geo. III, cap. 15 (изданъ 9 января 1799 г.), 39 Geo. III, cap. 44 (20 мая 1799 г.), 39 & 40 Geo. III, cap. 20 (28 февр. 1800 г.) и 41 Geo. III, cap. 32 (31 декабря 1800 г.). Statutes at Large, т. 18, стр. 61, 110—112, 288 и 591.

янно обращались наши предки во всѣхъ случаяхъ временной и чрезвычайной опасности) оказалось особенно дѣйствительнымъ при настоящихъ новыхъ и безпримѣрныхъ обстоятельствахъ: оно въ значительной степени пресѣкло и предупреждало сношенія съ непріятелемъ и отъ времени до времени сдерживало развитіе возмущенія и измѣны дома»[1]). При обсужденіи слѣдующаго акта о продленіи въ защиту его указывалось, что хотя «государство находится въ бо̀льшей безопасности, чѣмъ годъ или два тому назадъ», однако въ странѣ несомнѣнно еще существуютъ лица, готовыя нарушить спокойствіе ея. Успокоеніе ея въ значительной степени достигнуто именно благодаря пріостановкѣ, вслѣдствіе чего ее слѣдуетъ продлить на дальнѣйшій срокъ[2]).

Еще рельефнѣе предупредительное значеніе пріостановки было подчеркнуто, при обсужденіи продленія съ 1 февраля 1801 г., въ замѣчаніяхъ Питта на рѣчь Шеридана, въ которой по адресу министровъ брошенъ былъ упрекъ въ злоупотребленіи предоставленной имъ властью. «Билль о пріостановкѣ Habeas Corpus Акта, — говорилъ Шериданъ, — предоставилъ министрамъ только право арестовывать и держать подъ стражею лицъ, противъ которыхъ подъ присягою возводится обвиненіе въ мятежныхъ проискахъ; но они самымъ дерзкимъ образомъ вышли изъ предѣловъ своей власти и посадили въ тюрьму гражданъ свободнаго государства не на основаніи донесеній подъ присягою, а по собственному своему подозрѣнію. Оправданіемъ такого рас-

1) Parliamentary History, т. XXXIV, стр. 613—614.

2) На эти замѣчанія оппозиціею было указано, что въ такомъ случаѣ никогда не наступитъ моментъ, когда пріостановка не будетъ нужна: въ теченіе всего времени, пока страна находится въ спокойствіи, могутъ повторяться тѣже аргументы; если же возникнетъ недовольство, начнутъ увѣрять, что конституція въ опасности и что, слѣдовательно, необходимо предоставить правительству исключительныя полномочія. — Ibid., 1472, 1486.

ширенія власти всегда служилъ для министровъ опасный характеръ времени и критическое положеніе страны. Много краснорѣчія было расточено на избитыя темы о якобинскихъ принципахъ и скрытой измѣнѣ; но, несмотря на всѣ эти навѣты, онъ, ораторъ, утверждаетъ, что по всей странѣ нельзя усмотрѣть ни единаго симптома мятежнаго духа, чтобы оправдать такое нарушеніе конституціи. Министры постоянно пѣли одну и туже пѣсню и клеветали на національное настроеніе, обвиняя народъ въ невѣрности правительству; и однако же въ теченіе всего года, съ помощью массы шпіоновъ, которыхъ они держатъ на жалованьѣ, при тѣхъ исключительныхъ средствахъ, которыми они располагаютъ для производства преслѣдованій, они могли возбудить обвиненіе въ невѣрности и недоброжелательствѣ только противъ трехъ или четырехъ лицъ. Этимъ обстоятельствомъ министры, конечно, не преминутъ воспользоваться для того, чтобы похвалиться мягкостью и осторожностью въ пользованіи ввѣренной имъ властью; но это скорѣе доказываетъ то, что они распространяли химерическую тревогу и что въ странѣ не было никакого мятежнаго духа, духа якобинизма или измѣны.» »Когда министры, — продолжалъ Шериданъ, — заявляли передъ палатою, что опасные принципы якобинизма, одно время столь сильно, по ихъ утвержденію, угрожавшіе спокойствію имперіи, теперь въ значительной степени исчезли, онъ, ораторъ, былъ радъ присоединиться къ нимъ въ этомъ; онъ не сталъ бы даже спорить съ ними, еслибы эту счастливую перемѣну они вздумали приписывать всецѣло разумности ихъ принудительныхъ мѣръ. Но, уступая имъ въ этомъ пунктѣ, онъ конечно имѣлъ право ожидать, что разъ уже не существуетъ болѣе причины, должны прекратиться и ея послѣдствія. Актъ о воспрещеніи мятежныхъ митинговъ прекратилъ свое дѣйствіе. Не есть ли это явное доказательство того, что министры убѣдились въ почти полномъ исчезновеніи мятежнаго духа? И однако же въ то самое время, когда они сами

признаютъ этотъ фактъ, они снова предлагаютъ возобновить мѣру, въ десять разъ болѣе ненавистную и неконституціонную»[1]).

Въ отвѣтѣ на эту рѣчь первый министръ нашелъ нужнымъ сдѣлать подробныя указанія, почему собственно правительство считаетъ полезнымъ продлить пріостановку. Упомянувъ объ утвержденіи Шеридана, что мятежный духъ въ странѣ изчезъ, Питтъ сказалъ: «безъ сомнѣнія, онъ слабѣе, чѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ; по крайней мѣрѣ онъ меньше выказываетъ себя. Но можетъ-ли кто-нибудь серьезно думать, что при настоящихъ затрудненіяхъ не дѣлаются попытки снова пустить въ ходъ эти принципы. Могу, насколько мнѣ извѣстно, сказать, что такія попытки дѣлаются, и я увѣренъ, любой изъ членовъ палаты подтвердитъ это, если пожелаетъ. Зная, какъ это мы знаемъ, особенное свойство якобинизма не по изображенію его враговъ, а по хвастливымъ увѣреніемъ его друзей, мы сознаемъ, что задача его состоитъ въ томъ, чтобы, пользуясь каждымъ поводомъ недовольства, дѣйствовать на предразсудки, страсти и ошибки. Намъ извѣстно, что эти попытки безпрестанно дѣлались въ теченіе восьми лѣтъ; можемъ-ли мы предположить, чтобы теперь впервые они оставили свои старанія воспользоваться тѣми поводами возбужденія, какіе доставляетъ имъ нынѣшнее тяжелое время?» «Всякій разъ, какъ мы предлагаемъ мѣру, подобную настоящей, они (члены оппозиціи) говорятъ, что мы клевещемъ на англійскій народъ, и спрашиваютъ насъ, дѣйствительно-ли мы находимъ, что народныя массы недоброжелательны? Конечно нѣтъ, отвѣчу я на это; но если меня спросятъ, необходимы-ли мѣры предосторожности, я скажу — да. Если бы народныя массы были нелойяльны, то парламентскія мѣры оказались бы, пожалуй, недѣйствительными; но эти мѣры необходимы, когда большинство народа остается доброжелательнымъ;

1) Parliamentary History, т. XXXV, стр. 721—722.

когда нѣкоторыя лица ставятъ себѣ единственною задачею совратить народъ, то безрезультатность этихъ стараній, мнѣ кажется, вполнѣ можетъ быть приписана тѣмъ рѣшительнымъ, но умѣреннымъ средствамъ, которыя были приняты.» «Я надѣюсь, — заключилъ Питтъ, — что парламентъ согласится съ тѣмъ, что продленіе этой мѣры необходимо для того, чтобы предупредить необходимость въ болѣе суровыхъ мѣрахъ. Когда опасность выливается въ какую-нибудь особенную форму, какъ напр. когда потребовался билль о народныхъ митингахъ, тогда принимаемыя мѣры должны быть приноровлены къ потребностямъ случая. Но пріостановка есть общая предупредительная мѣра, которая не разъ спасала страну отъ гражданской войны и дѣлала ненужными болѣе суровыя мѣропріятія. Вотъ, слѣдовательно, наиболѣе надежный путь, какой мы можемъ принять, пока мы не убѣдимся, что опасность вполнѣ миновала; а то обстоятельство, что она уменьшилась, вовсе не есть мотивъ къ отмѣнѣ этой мѣры, а напротивъ — сильнѣйшее основаніе къ тому, чтобы мы продлили ее» [1]).

Значительный интересъ въ разсматриваемыхъ дебатахъ представляютъ также нѣкоторыя данныя и соображенія о самомъ примѣненіи полномочій, ввѣренныхъ правительству актами о пріостановкѣ. При обсужденіи въ декабрѣ 1798 г. билля о продленіи, Кортней между прочимъ сказалъ: «въ теченіе послѣдняго года было арестовано не менѣе 70 или 80 лицъ. Развѣ не было времени для того, чтобы произвести судъ надъ ними?

---

1) Ibid., стр. 725—726. Лордъ Голландъ иронически замѣтилъ, что благія результаты первоначальной пріостановки вовсе не есть аргументъ для ея продленія, разъ то зло, противъ котораго она была направлена, не существуетъ болѣе. Вѣдь это, говорилъ онъ, равносильно тому, какъ если бы врачъ сказалъ своему паціенту: „вы были серьезно больны; я далъ вамъ сильнаго лекарства, чтобы вылечить васъ; оно подѣйствовало хорошо; вы излечены; поэтому вы теперь должны принять двойную дозу того же лекарства.“ Ibid., стр. 749.

Обвиненіе этихъ лицъ судомъ было бы, по моему мнѣнію, лучшимъ доводомъ въ пользу продленія пріостановки Habeas Corpus Акта. Однако два судебныхъ термина протекли безъ того, чтобы сдѣлана была попытка предать суду кого-либо изъ лицъ, подвергнутыхъ заключенію въ силу исключительныхъ полномочій, данныхъ исполнительной власти. Какое основаніе можетъ быть приведено къ дальнѣйшему продленію этихъ полномочій? Развѣ произошло возстаніе въ какой-либо части страны?[1]) Наоборотъ, я думаю, что со времени революціи нельзя указать періода, когда лойяльность населенія выражалась бы въ большей степени, чѣмъ теперь. Нельзя утверждать также, чтобы мы сколько-нибудь опасались вторженія. Непріятельскій флотъ разбитъ, и мы имѣемъ подъ оружіемъ не менѣе 200—300 тысячъ человѣкъ. При такихъ обстоятельствахъ зачѣмъ продлять пріостановку акта, на которомъ покоится свобода личности? Есть, — продолжалъ Кортней, — и другое основаніе, по которому я думаю, что пріостановка должна прекратиться. Съ лицами, заключенными въ силу этого акта, который теперь предлагаютъ продлить, обращаются въ высшей степени жестоко.» Слыша много сообщеній о положеніи заключенныхъ, ораторъ рѣшилъ лично посѣтить тюрьму, въ которой они содержались. Осмотръ обнаружилъ, что разсказы, доходившіе до него, были нѣсколько преувеличены, но во всякомъ случаѣ «положеніе заключенныхъ оказалось крайне печальнымъ, и пріемы обращенія съ ними — безпримѣрны по суровости и жестокости. Ихъ держатъ въ нетопленныхъ помѣщеніяхъ; имъ не даютъ свѣта; ихъ лишаютъ какого-либо общенія; имъ разрѣшаютъ

1) Ораторъ разумѣлъ здѣсь собственно Англію и Шотландію, на которыя только и распространялось дѣйствіе акта о пріостановкѣ, вотированнаго лондонскимъ парламентомъ. Ирландія, въ которой въ 1798 г. произошло возстаніе, имѣла, какъ извѣстно, до уніи 1800 года свой особый парламентъ въ Дублинѣ, въ компетенцію котораго входило и вотированіе пріостановки Habeas Corpus Акта для Ирландіи.

подышать свѣжимъ воздухомъ внѣ камеръ около часу; имъ не предоставляютъ никакихъ удобствъ, никакихъ невинныхъ развлеченій; имъ не дозволяютъ никакихъ сношеній другъ съ другомъ ... Порядки эти, — замѣтилъ Кортней, — показались мнѣ такими необычными, что я не безъ смущенія обратился къ нѣсколькимъ выдающимся юристамъ по профессіи съ вопросомъ, извѣстны-ли имъ такіе порядки. Они единодушно отвѣтили, что никогда не слышали о такой суровости, что описанное мною обращеніе они считаютъ безпримѣрнымъ и что они не могли даже представить себѣ, чтобы возможно было въ этой странѣ такое обращеніе съ кѣмъ-либо»[1]).

Эти заявленія были подтверждены и другими ораторами. Такъ, по словамъ Тирнея, «съ подвергнутыми заключенію обращаются не какъ съ лицами, только подозрѣваемыми въ преступленіи, а такъ, какъ если бы они уже были приговорены къ наказанію за какое-нибудь тяжкое преступленіе»[2]). Тоже подтвердилъ и Франсисъ Бердеттъ[3]).

Послѣдній изъ упомянутыхъ актовъ о продленіи пріостановки, изданный 31 декабря 1800 года, распространялъ дѣйствіе исключительныхъ мѣръ съ 1 февраля 1801 г. до истеченія шести недѣль послѣ начала слѣдующей сессіи парламента. Сессія эта была открыта 2 февраля,

---

1) Parliamentary History, т. XXXIV, стр. 112—114. „Едва-ли есть надобность, — прибавилъ Кортней, — заявлять палатѣ, что тюрьма, о которой я говорю — та самая, которую обыкновенно называютъ „Бастиліей“ (возгласы: слушайте, слушайте!). Это возбуждаетъ сомнѣнія? Могу увѣрить, что она дѣйствительно извѣстна подъ этимъ названіемъ. Когда я нанималъ извощика на Oxford-street, чтобы поѣхать въ эту тюрьму, я велѣлъ ему везти себя въ Бастилію. „Хорошо, сэръ“, отвѣтилъ онъ. Желая удостовѣриться, дѣйствительно-ли онъ понялъ, куда меня везти, я спросилъ: „стало быть, вы знаете ее?“ „О, да, я знаю, — всѣмъ извѣстна Бастилія въ Cold-Bath Fields.“

2) Ibid., стр. 117.

3) Ibid., стр. 120.

такъ что срокъ пріостановки оканчивался въ половинѣ марта 1801 года. Между тѣмъ въ первыхъ числахъ февраля Питтъ, вслѣдствіе разногласія съ королемъ по вопросу объ эмансипаціи католиковъ въ Ирландіи, вынужденъ былъ подать въ отставку, и первымъ министромъ сталъ Аддингтонъ, занимавшій до того времени постъ спикера палаты общинъ.

Перемѣна министерства, казалось, предвѣщала и перемѣну политики по отношенію къ исключительнымъ мѣрамъ: наступалъ срокъ дѣйствія акта о продленіи пріостановки, а правительство, вопреки принятой практикѣ, не внесло билля о новомъ продленіи чрезвычайныхъ полномочій. Однако по прошествіи двухъ недѣль съ того времени, какъ дѣйствіе Habeas Corpus Акта возстановлено было въ полной силѣ, кабинетъ Аддингтона снова потребовалъ у парламента его пріостановки, которая и была вотирована 17 апрѣля 1801 г.

Эту пріостановку, хотя она и была проведена новымъ министерствомъ, слѣдуетъ поставить въ непосредственную связь съ предшествующими пріостановками въ правленіе Питта. Какъ поводъ, такъ и аргументы въ пользу нея вполнѣ аналогичны съ предъидущими.

Сущность ихъ изложена въ докладѣ коммиссіи палаты общинъ, образованной для разсмотрѣнія различныхъ документовъ, представленныхъ Аддингтономъ (1 апрѣля) — «относительно положенія Ирландіи и дѣйствій нѣкоторыхъ недоброжелательныхъ личностей въ обѣихъ частяхъ Соединеннаго Королевства». Въ этомъ докладѣ коммиссія нашла возможнымъ установить, что «опасный и измѣнническій заговоръ съ цѣлью ниспроверженія конституціи и правительства, который въ 1798 г., при содѣйствіи чужеземнаго врага, вызвалъ страшное и кровопролитное возстаніе въ Ирландіи, никогда не былъ оставленъ». Происки недоброжелательныхъ людей были сдерживаемы «бдительностью правительства и дѣйствіемъ изданныхъ законовъ», но ихъ идеи и намѣренія остались тѣ же, при чемъ они особенно въ послѣднее время

старались воспользоваться «бѣдствіями, причиненными высокими цѣнами на жизненные припасы» для того, чтобы осуществить свои планы. Докладъ отмѣчаетъ далѣе, что они пріободрились въ надеждѣ на чужеземную помощь (вторженіе Франціи въ Великобританію или Ирландію) и «вслѣдствіе прекращенія дѣйствія упомянутыхъ законовъ, которые, какъ видно изъ одинаковыхъ свидѣтельствъ изъ разныхъ частей королевства, они признаютъ главнымъ препятствіемъ въ своей дѣятельности». Въ теченіе послѣднихъ недѣль ихъ агитація сильно оживилась какъ въ столицѣ, такъ и въ другихъ частяхъ страны. «Ближайшая задача недоброжелательныхъ лицъ состоитъ въ томъ, чтобы постараться, путемъ внезапнаго взрыва, воспользоваться тѣмъ промежуткомъ времени, который протечетъ, пока эти законы не будутъ возобновлены». Имѣется въ виду «созывать многочисленные митинги въ разныхъ частяхъ страны, въ одинъ и тотъ же день и часъ, такъ что они, если не будутъ предупреждены, могутъ представить очень сильную опасность общественному спокойствію»; «среди лицъ, наиболѣе усердно подстрекающихъ къ такого рода дѣйствіямъ, находятся нѣкоторые изъ тѣхъ, которые были задержаны во время пріостановки Habeas Corpus Акта и которые недавно были освобождены изъ заключенія». Въ виду всего этого коммиссія полагала, что «не слѣдовало бы терять время для возобновленія тѣхъ мѣръ предосторожности, которыя были приняты раньше мудростью законодателей, въ особенности акта о пріостановкѣ дѣйствія постановленій Habeas Corpus Акта и акта о предупрежденіи мятежныхъ митинговъ — мѣръ, которыя, пока оставались въ силѣ, сопровождались самыми благими результатами по охраненію общественнаго спокойствія и которыя, какъ вполнѣ надѣется коммиссія, окажутъ и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ тоже благотворное дѣйствіе»[1]).

1) Parliamentary History, т. XXXV, стр. 1275—1277.

При обсужденіи билля о пріостановкѣ доводы сторонниковъ представляли развитіе изложенныхъ заключеній коммиссіи. Что же касается возраженій со стороны оппозиціи, то важнѣйшія изъ нихъ нашли себѣ выразителя въ лицѣ Грея, заявившаго, что «средства, рекомендуемыя для защиты конституціи, представляютъ собою грубѣйшее нарушеніе ея. Онъ не отрицаетъ того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть цѣлесообразнымъ предоставленіе исполнительнымъ органамъ бо́льшей власти, чѣмъ они располагаютъ по закону. Вопросъ состоитъ лишь въ томъ, находится-ли страна въ настоящее время въ такомъ положеніи? Коммиссія утверждаетъ, что существуетъ опасный заговоръ; но для доказательства этого палатѣ дѣлаютъ ссылку на прежніе заговоры, изъ которыхъ настоящій будто бы возникъ. Если такъ, то нужно обратиться за два года назадъ. Обращаясь къ докладу коммиссіи 1799 г., ораторъ находитъ, что заговоръ, какъ онъ изображенъ въ немъ, представляется въ самомъ дѣлѣ опаснымъ. Но какова въ дѣйствительности исторія этого заговора? Было-ли хоть одно лицо предано суду? Была-ли сдѣлана хоть одна попытка — путемъ юридическихъ доказательствъ подвергнуть кого-либо обвиненію и наказанію за участіе въ этомъ заговорѣ? Задержано было не болѣе двадцати или тридцати лицъ. Кто-же были эти задержанные? Были-ли это люди сколько-нибудь значительные? Напротивъ, кромѣ двухъ лицъ это были все люди изъ самыхъ низшихъ слоевъ. Каковъ же долженъ быть тотъ заговоръ, который опирается на усилія какихъ-нибудь двадцати лицъ, при чемъ и эти лица были освобождены безъ суда, лишь только прекратилось дѣйствіе акта о пріостановкѣ. Поэтому когда говорятъ, что это лишь продолженіе того же заговора, онъ не можетъ согласиться, чтобы этимъ была доказана основательность поводовъ къ ограниченію свободы[1]).»

1) Ibid., стр. 1286—1287.

Доводы эти, при томъ большинствѣ, которымъ правительство располагало въ палатѣ общинъ, не могли получить рѣшающаго значенія, и билль о пріостановкѣ былъ принятъ. Дѣйствіе его должно было прекратиться черезъ шесть недѣль послѣ начала слѣдующей сессіи парламента. Срокъ этотъ наступилъ въ концѣ декабря 1801 года, и вопросъ о дальнѣйшей пріостановкѣ Habeas Corpus Акта на этотъ разъ не былъ возбужденъ.

Въ отношеніи къ содержанію актовъ, изданныхъ въ періодъ 1798—1801 гг., слѣдуетъ замѣтить, что въ существеннѣйшихъ постановленіяхъ повторяется прежняя обычная формулировка полномочій, даваемыхъ администраціи. Но кромѣ нихъ, начиная съ акта 20 мая 1799 г. и во всѣхъ позднѣйшихъ, находимъ рядъ новыхъ постановленій, ранѣе не встрѣчавшихся въ актахъ о пріостановкѣ. Этими постановленіями высшей администраціи предоставляется право лицъ, заключенныхъ въ извѣстной тюрьмѣ, перемѣщать въ какую-нибудь другую тюрьму королевства, когда это будетъ признано нужнымъ, вмѣстѣ съ правомъ издавать всякіе потребные для того приказы.

Задачею этихъ постановленій было — расширить обычныя полномочія, предоставляемыя актомъ о пріостановкѣ и сдѣлать эти полномочія болѣе дѣйствительными. Мотивируя въ апрѣлѣ 1799 года свое предложеніе о продленіи пріостановки, Питтъ между прочимъ сказалъ, что цѣль его состоитъ «не только въ томъ, чтобы продлить данное его величеству полномочіе арестовывать и подвергать заключенію лицъ, противъ которыхъ возводится обвиненіе въ измѣнѣ и мятежѣ, но и въ томъ, чтобы придать этому полномочію бо̀льшую дѣйствительность, согласовавъ его съ особыми обстоятельствами, возникшими теперь и могущими случиться впредь. Я разумѣю, — прибавилъ Питтъ, — что намъ слѣдуетъ предоставить его величеству право перемѣщать изъ столицы въ любую часть королевства (transferring

from the metropolis to any part of the kingdom) лицъ, подвергнутыхъ заключенію за измѣнническіе и мятежные происки. Какъ въ этой странѣ, такъ и въ сосѣднемъ королевствѣ (Ирландіи) характеристическою чертою заговорщиковъ является то, что они и во время заключенія продолжаютъ вести заговоръ. Въ мѣстѣ своего заключенія они усердно занимаются подготовленіемъ матеріаловъ бунта и вообще принимаютъ мѣры къ распространенію мятежнаго духа[1]).»

Съ точки зрѣнія уясненія предѣловъ обычныхъ полномочій, даваемыхъ администраціи пріостановкою Habeas Corpus Акта, помянутыя постановленія имѣютъ выдающійся интересъ, и потому нелишнимъ будетъ отмѣтить ихъ подробно. Они изложены въ статьѣ VI акта 20 мая 1799[2]) г., значительная часть которой посвящена изложенію основаній, вызывающихъ необходимость особыхъ полномочій по этому предмету. Упомянувъ о томъ, что въ силу изданныхъ актовъ подвергнуты заключенію различныя лица по обвиненію въ государственной измѣнѣ и по подозрѣнію въ государственной измѣнѣ и измѣнническихъ происках, на основаніи приказовъ одного изъ министровъ (from one of his Majesty's principal Secretaries of State), указанная статья гласитъ, что «можетъ оказаться весьма важнымъ», чтобы эти лица или тѣ, которыя будутъ впредь подвергнуты заключенію, «содержались подъ стражею совершенно отдѣльно одно отъ другаго, чтобы предупредить всякое сообщеніе между ними и съ другими лицами, кромѣ лишь такого сообщенія, какое его величество признаетъ возможнымъ дозволить и подъ такими ограниченіями, какія будутъ признаны умѣстными. Между тѣмъ опытъ показалъ, что весьма затруднительно дер-

1) Parliamentary History, т. XXXIV, стр. 985.

2) 39 Geo. III. c. 44. Statutes at Large, т. 18, стр. 110—112.

жать такихъ лицъ въ сказанной выше отдѣльности и предупреждать помянутое сообщеніе между ними, не посылая такихъ лицъ въ различныя мѣста заключенія. Однако могутъ возникнуть сомнѣнія по предмету о томъ, какъ далеко распространяются права министровъ его величества мѣнять мѣста заключенія лицъ, задержанныхъ такимъ образомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлесообразно установить, чтобы эти права не примѣнялись такъ, чтобы лишить заключенныхъ такимъ образомъ лицъ какого-либо права быть судимыми или освобожденными, какое могло бы принадлежать имъ, если бы мѣста ихъ заключенія не были перемѣняемы». Въ этихъ видахъ и «для устраненія всякихъ сомнѣній и затрудненій по этому предмету», постановляется, что высшей администраціи въ лицѣ одного изъ министровъ принадлежитъ законное право, въ случаѣ признанія имъ необходимости, распорядиться о томъ, чтобы лицо, заключенное въ какой-либо тюрьмѣ по обвиненію или подозрѣнію въ государственной измѣнѣ или измѣнническихъ происках, прежде или послѣ составленія обвинительнаго акта, было перевезено въ какую-либо другую тюрьму и содержалось бы тамъ до освобожденія законнымъ порядкомъ. Постановляется это однако подъ условіемъ (provided always nevertheless), чтобы никто изъ тѣхъ, которые будутъ перевезены въ силу такого приказа, не былъ при посредствѣ такого перемѣщенія лишаемъ тѣхъ правъ на преданіе суду или освобожденіе, какія могли бы по закону принадлежать такому лицу, если бы оно не было перемѣщено.

Слѣдующая пріостановка Habeas Corpus Акта имѣла мѣсто въ 1817 г. и была вызвана новою вспышкою общественнаго движенія, которое проникнуто демократическимъ характеромъ въ еще бо̀льшей мѣрѣ, чѣмъ предшествующія. Движеніе это возникло главнымъ образомъ подъ вліяніемъ экономическихъ причинъ и

лишь въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи получило окраску политическаго кризиса.

Сраженіе при Ватерлоо положило конецъ продолжительной войнѣ, но давно желанный миръ не принесъ съ собою тѣхъ благъ, которыя съ нетерпѣніемъ ожидались отъ него въ народныхъ массахъ, искавшихъ въ войнѣ объясненія многихъ бѣдствій своихъ, и прежде всего — чрезвычайной дороговизны жизни. Первые годы мира, наоборотъ, ознаменовались сильнымъ земледѣльческимъ и промышленнымъ кризисомъ. Установившіяся въ періодъ войны высокія цѣны на продукты сельскаго хозяйства побудили землевладѣльцевъ расширить площадь обработываемыхъ земель, при чемъ распашкѣ были подвергнуты въ большомъ количествѣ земли низкаго качества. Затраты, произведенныя на это, могли возмѣщаться лишь при наличности высокихъ цѣнъ на хлѣбъ. Когда же съ наступленіемъ мирнаго времени цѣны упали, то въ результатѣ этого многія фермы опустѣли. Неурожай 1816 года еще болѣе ухудшилъ положеніе земледѣлія, которому не могло оказать значительной помощи новое повышеніе цѣнъ на его продукты, такъ какъ хлѣбныхъ запасовъ для продажи было мало.

Между тѣмъ это повышеніе цѣнъ на хлѣбъ легло новымъ тяжелымъ бременемъ на рабочихъ въ области обработывающей промышленности, уже переживавшей кризисъ вслѣдствіе другихъ причинъ. Дѣло въ томъ, что съ окончаніемъ наполеоновскихъ войнъ въ континентальныхъ государствахъ началось промышленное оживленіе, подъ вліяніемъ котораго сильно сократился спросъ на товары англійскаго производства, получавшіе прежде, не смотря на такъ называемую континентальную систему, широкій сбытъ въ періодъ промышленнаго застоя, вызваннаго на континентѣ постояннымъ опасеніемъ военныхъ осложненій. Англійскимъ мануфактуристамъ пришлось сокращать производство, вслѣдствіе чего увеличивался контингентъ безработныхъ, и безъ того зна-

чительный, благодаря тому, что съ прекращеніемъ войны къ числу ищущихъ работы прибавились многіе десятки и даже сотни тысячъ прежнихъ солдатъ и матросовъ. Естественное при такихъ условіяхъ пониженіе уровня заработной платы, въ связи съ высокими цѣнами на жизненные припасы, дѣлало еще болѣе неудовлетворительнымъ положеніе рабочихъ классовъ, въ средѣ которыхъ, къ тому же, еще не завершился процессъ приспособленія къ новымъ условіямъ мануфактурной промышленности, возникшимъ въ результатѣ все большаго развитія машинъ.

Указанныя явленія породили въ народныхъ массахъ сильную нужду вмѣстѣ съ ея обычнымъ спутникомъ — недовольствомъ, которое мѣстами и по временамъ выражалось въ открытыхъ безпорядкахъ, систематическихъ поджогахъ, нападеніяхъ на промышленныя заведенія, разгромѣ машинъ и другихъ насиліяхъ. «Внутренняя исторія 1816 года, — говоритъ одинъ изъ историковъ той эпохи, — представляетъ собою, въ сущности, длинный рядъ соціальныхъ волненій» [1]).

По убѣжденію многихъ, однимъ изъ главныхъ источниковъ соціальныхъ невзгодъ, обрушившихся на народъ, были неудовлетворительныя политическія условія, при которыхъ власть въ странѣ находилась исключительно въ рукахъ высшихъ слоевъ населенія, пренебрегавшихъ нуждами народа. Поэтому выхода изъ тяжелаго положенія слѣдовало искать прежде всего въ политической реформѣ, которая должна дать массѣ народа права представительства въ парламентѣ и этимъ обезпечить за нимъ возможность озаботиться самому улучшеніемъ своего положенія. На этой почвѣ въ странѣ снова возгорѣлось движеніе въ пользу парламентской реформы,

---

1) Spencer Walpole: History of England from the Conclusion of the Great War in 1815; New and revised Edition (Lon. 1890), т. I, стр. 347. См. также стр. 326 и сл. — S. R. Gardiner: Student's History of England (Lon. 1892), стр. 875—879.

выразившееся между прочимъ въ многочисленныхъ митингахъ и въ представленіи парламенту, въ 1816 г., множества петицій о реформѣ, подъ которыми въ общемъ было не менѣе полумилліона подписей.

Первоначально правительство въ борьбѣ съ безпорядками, сопровождавшими это движеніе, ограничивалось примѣненіемъ обычныхъ средствъ, предоставляемыхъ общими законами и успѣшно достигало ихъ подавленія; но безпорядки, имѣвшіе мѣсто въ Лондонѣ въ ноябрѣ и декабрѣ 1816 г. и извѣстные подъ именемъ Spa-Fields Riots, признаны были имъ за достаточный поводъ возбудить вопросъ о необходимости обратиться къ чрезвычайнымъ мѣрамъ.

Тронная рѣчь принца-регента (король Георгъ III съ 1810 г. былъ боленъ неизлечимымъ умопомѣшательствомъ), при открытіи парламента, 28 янв. 1817 г., заключаетъ въ себѣ указанія на «мятежный духъ», обнаружившійся въ послѣднее время. Упомянувъ о бѣдствіяхъ, являющихся результатомъ столь необычайно продолжительной войны, тронная рѣчь говоритъ: «при разсмотрѣніи нашего внутренняго положенія вы, я не сомнѣваюсь, проникнетесь справедливымъ негодованіемъ передъ сдѣланными попытками воспользоваться бѣдствіями страны въ цѣляхъ возбужденія духа мятежа и насилія. Я слишкомъ убѣжденъ въ вѣрности и здравомыслiи большинства подданныхъ его величества, чтобы считать, что они могутъ быть совращены тѣми способами, которыми ихъ стараются обольстить; но я рѣшилъ не пренебрегать никакими предосторожностями для сохраненія общественнаго спокойствія и противодѣйствія замысламъ недоброжелательныхъ людей. И я вполнѣ полагаюсь на вашу сердечную поддержку и содѣйствіе въ защитѣ той системы управленія, изъ которой мы извлекли неоцѣнимыя блага, которая дала намъ возможность заключить, съ безпримѣрной славой, борьбу, отъ которой зависѣли лучшіе интересы человѣчества, — системы, которая до сихъ поръ признается какъ нами, такъ и другими націями, наи-

болѣе совершенной изъ всѣхъ системъ, выпадавшихъ на долю какого-либо народа [1])».

Открытіе сессіи ознаменовалось печальнымъ эпизодомъ, который какъ бы оттѣнилъ значеніе приведеннаго заявленія. Когда принцъ-регентъ возвращался изъ парламента и проѣзжалъ черезъ паркъ, кто-то выбилъ окно его кареты, по однимъ показаніямъ — камнемъ, по другимъ — двумя пулями изъ духоваго ружья, которыя повидимому были направлены въ принца [2]).

Это покушеніе еще болѣе укрѣпило министровъ въ рѣшимости принять нѣкоторыя исключительныя мѣры безопасности. Но прежде, чѣмъ выступить передъ парламентомъ съ проектомъ этихъ мѣръ, правительство нашло нужнымъ представить ему различные документы, свидѣтельствующіе о существованіи опаснаго движенія въ странѣ.

3 февраля обѣимъ палатамъ парламента сообщено было слѣдующее посланіе принца-регента касательно «нѣкоторыхъ опасныхъ сообществъ»: — «Его королевское высочество принцъ-регентъ, дѣйствуя отъ имени и въ интересахъ его величества, приказалъ представить палатѣ документы, заключающіе въ себѣ свѣдѣнія касательно нѣкоторыхъ дѣйствій, митинговъ и сообществъ въ столицѣ и различныхъ частяхъ королевства, очевидно разсчитанныхъ на то, чтобы подвергнуть опасности общественное спокойствіе, парализовать преданность подданныхъ его величества къ его личности и правительству и вызвать ненависть ко всей системѣ нашихъ законовъ и конституціи. Его королевское высочество рекомендуетъ палатѣ подвергнуть эти документы немедленно серьезному разсмотрѣнію».

---

1) The Parliamentary Debates from the year 1803 to the present time, published under the superintendence of T. C. Hansard, vol. XXXV, стр. 3—4.

2) Ibid., заявленіе лорда Сидмаута въ палатѣ лордовъ.

На слѣдующій день лордъ Сидмаутъ[1]) — въ палатѣ лордовъ, и лордъ Кэстльри (министръ иностранныхъ дѣлъ) въ палатѣ общинъ предложили образовать секретныя коммиссіи для тщательнаго разсмотрѣнія представленныхъ документовъ. При этомъ оба оратора нашли нужнымъ поставить на видъ, что сообщеніе этихъ документовъ не находится ни въ малѣйшей связи съ недавнимъ покушеніемъ противъ принца-регента и что, если бы оно и не было совершено, то министры, имѣя эти свѣдѣнія, всетаки признали бы необходимымъ представить ихъ парламенту[2]). Не смотря однако на это заявленіе, нельзя не признать, что покушеніе служило для иниціаторовъ и сторонниковъ исключительныхъ мѣръ важнымъ доводомъ въ ихъ аргументаціи, какъ это видно изъ послѣдующихъ преній и изъ того, что оно вызвало даже спеціальную мѣру, направленную къ лучшей защитѣ личности принца-регента.

5 февраля въ обѣихъ палатахъ были образованы секретныя коммиссіи. Коммиссія палаты лордовъ представила свой докладъ 18 февраля[3]), коммиссія палаты общинъ — 19 февраля[4]). Въ виду того, что эти доклады послужили основаніемъ для предложенія ряда исключительныхъ мѣръ и въ томъ числѣ пріостановки Habeas Corpus Акта, необходимо подробнѣе остановиться на нихъ.

Докладъ коммиссіи верхней палаты касается прежде всего документовъ относительно Лондона. Разсмотрѣніе ихъ не оставило въ коммиссіи ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что «въ столицѣ образовался измѣнническій заговоръ (a traitorous conspiracy) съ цѣлью

1) Прежде — Аддингтонъ, бывшій премьеромъ въ 1801 г. и возведенный въ 1805 г. въ званіе пэра съ титуломъ лорда Сидмаута; въ 1817 г. онъ занималъ постъ министра внутренныхъ дѣлъ, а во главѣ кабинета стоялъ графъ Ливерпуль.

2) Ibid., c. 193, 209.

3) Ibid., c. 411—419.

4) Ibid., c. 438—447.

ниспроверженія, при посредствѣ общаго возстанія, установленнаго правительства, законовъ и конституціи этого королевства, и производства общаго грабежа и раздѣла собственности (effecting a general plunder and division of property)». Прошлою осенью лица, участвующія въ заговорѣ, имѣли неоднократно совѣщанія между собою; проектированы были различныя мѣры весьма опаснаго свойства и сдѣланы нѣкоторыя приготовленія для ихъ осуществленія. Но на позднѣйшемъ совѣщаніи принятъ былъ другой планъ, состоящій въ томъ, чтобы «собрать значительное число людей съ цѣлью увидѣть, какая сила можетъ быть поднята». Лучшимъ средствомъ для этого признано было устройство публичнаго митинга, мѣстомъ котораго избраны были Spa-Fields — «мѣсто, удобное для входа въ городъ и нападенія на важнѣйшіе пункты въ Сити.» Чтобы привлечь къ участію въ этомъ митингѣ возможно большее число представителей «бѣднѣйшихъ классовъ» и «особенно тѣхъ, въ которыхъ подъ вліяніемъ тяжелаго времени легко можетъ быть возбуждено недовольство», въ газетахъ напечатаны были объявленія и усердно распространялись афишы, приглашающія «бѣдствующихъ мануфактуристовъ, матросовъ и ремесленниковъ и др.» собраться въ указанномъ мѣстѣ 15 ноября. И дѣйствительно, въ назначенное время въ этомъ мѣстѣ собралось большое количество народа; говорились «самыя зажигательныя рѣчи, имѣвшія цѣлью возбудить присутствующихъ къ насилію, и митингъ дѣйствительно сопровождался нѣкоторыми актами грабежа и бунта». На этомъ митингѣ вотирована была петиція на имя принца-регента, и предложено было отсрочить митингъ въ Palace Yard до перваго дня послѣ собранія парламента, но затѣмъ рѣшено было собрать другой митингъ въ Spa-Fields 2 декабря. Этотъ день и былъ повидимому назначенъ для осуществленія гнусныхъ замысловъ заговорщиковъ. Съ этой цѣлью проектированы были различные планы. Въ

ряду ихъ предполагалось «общее насильственное освобожденіе всѣхъ лицъ, заключенныхъ въ различныхъ тюрьмахъ столицы; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ цѣлью облегчить выполненіе плана, къ заключеннымъ обращено было воззваніе, увѣрявшее ихъ въ томъ, что при новомъ правительствѣ имъ будетъ возвращена свобода, возвѣщавшее предполагаемое на этотъ день нападеніе на всѣ тюрьмы, увѣдомлявшее заключенныхъ, что для нихъ будетъ заготовлено оружіе, и приглашавшее ихъ содѣйствовать успѣху предпріятія самыми насильственными и кровавыми мѣрами». «Предположено было также поджечь различныя казармы и для осуществленія этого сдѣланы были приготовленія. Послѣ предварительныхъ совѣщаній рѣшено было также произвести нападеніе на Тоуеръ, Банкъ и другіе важные пункты. Заготовленъ былъ нѣкоторый запасъ пикъ и другаго оружія и назначены предводители, между которыми были распредѣлены пункты нападенія». Въ промежуткѣ между двумя митингами наиболѣе дѣятельные агитаторы занимались привлеченіемъ къ участію въ бунтѣ населенія различныхъ мѣстностей города, обращаясь для этого къ существующимъ клубамъ и обществамъ и заводя какъ бы случайныя бесѣды въ трактирахъ. Одною изъ главныхъ цѣлей этой пропаганды было привлеченіе солдатъ на сторону мятежа Главные участники заговора дѣйствительно собрались 2 декабря въ Spa-Fields, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ явились съ спрятаннымъ оружіемъ и заранѣе приготовленными снарядами; они запаслись также трехцвѣтными флагами и знаменемъ съ надписью: «храбрые солдаты — наши братья; обращайтесь съ ними добро», а также трехцвѣтными кокардами, очевидно принятыми въ качествѣ знака (a signal) революціи. Послѣ многихъ зажигательныхъ рѣчей однимъ изъ ораторовъ сдѣлано было прямое приглашеніе немедленно приступить къ настоящему возмущенію. Очевидно, что «акты грабежа, учиненные съ цѣлью обезпеченія

оружіемъ и послѣдовавшіи затѣмъ другія мѣры открытаго возстанія были не случайны, а наоборотъ заранѣе обдуманы, какъ части общаго плана возмущенія и революціи». Есть сильное основаніе думать, что выполненіе этихъ замысловъ съ нетерпѣніемъ ожидалось нѣкоторыми изъ ассоціацій въ отдаленныхъ частяхъ страны. Повидимому заговорщики питали полнѣйшую увѣренность въ успѣхѣ своихъ плановъ и, какъ позднѣе высказывали нѣкоторые изъ нихъ, считали, что неудача ихъ можетъ послѣдовать лишь отъ какихъ-нибудь случайныхъ и неожиданныхъ обстоятельствъ. Даже и послѣ неудачи эти планы, повидимому, не оставлены.

Далѣе докладъ высказываетъ убѣжденіе коммиссіи въ томъ, что такого же рода замыслы широко распространены и во многихъ другихъ частяхъ Великобританіи, особенно въ нѣкоторыхъ изъ болѣе многолюдныхъ и мануфактурныхъ округовъ: На митингѣ 2 декабря та часть собранія, которая не принимала участія въ актахъ грабежа и возмущенія, рѣшила отсрочить митингъ до 10 февраля (послѣ собранія парламента); въ этотъ же день предположено было созвать митинги и въ другихъ частяхъ страны. Въ разныхъ мѣстностяхъ Англіи и Шотландіи лица, сочувствующія революціоннымъ замысламъ, постоянно ждали примѣра отъ столицы. Свѣдѣнія объ исходѣ митинга 2 декабря ожидались съ большимъ нетерпѣніемъ; и какъ первое извѣстіе о началѣ безпорядковъ подняло духъ недовольныхъ, такъ скорое подавленіе ихъ вызвало сильное разочарованіе. Если бы они сопровождались хотя бы частичнымъ успѣхомъ, то это обстоятельство, какъ есть сильное основаніе думать, могло бы послужить сигналомъ къ болѣе общему возстанію въ другихъ частяхъ королевства. Съ тѣхъ поръ среди вожаковъ недовольныхъ преобладаетъ повидимому убѣжденіе, что надобно выждать, пока «во всемъ королевствѣ будетъ создана, по ихъ мнѣнію, болѣе полная организація, готовая къ дѣйствію.»

Задача этой организаціи, какъ усматриваетъ коммиссія изъ документовъ, состоитъ въ томъ, чтобы «при посредствѣ обществъ или клубовъ, существующихъ или имѣющихъ быть организованными во всѣхъ частяхъ Великобританіи, подъ предлогомъ парламентской реформы, заразить умы всѣхъ классовъ общества и особенно тѣхъ, положеніе которыхъ дѣлаетъ особенно воспріимчивыми къ этимъ впечатлѣніямъ, духомъ недоброжелательства и недовольства, неповиновенія и презрѣнія ко всякимъ законамъ, религіи и нравственности, и возбудить ихъ къ грабежу и раздѣлу всей собственности, какъ главной цѣли ихъ усилій, и возстановленію ихъ естественныхъ правъ; никакія старанія не упускаются изъ вида для того, чтобы приготовить ихъ взяться за оружіе при первомъ знакѣ объ осуществленіи этихъ замысловъ.»

Въ виду этого коммиссія обращаетъ особенное вниманіе на организацію и задачи этихъ обществъ или клубовъ. Многія изъ нихъ носятъ названіе „Hampden Clubs“ [1]) и выставляютъ своею задачею парламентскую реформу. Не отрицая, что члены многихъ изъ этихъ обществъ дѣйствительно не идутъ далѣе этой задачи, коммиссія высказываетъ однако убѣжденіе, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ, и особенно въ средѣ промышленныхъ и земледѣльческихъ классовъ, общества эти служатъ лишь орудіемъ распространенія доктринъ и замысловъ, весьма опасныхъ для общественнаго спокойствія и порядка.

Другія общества носятъ названіе „Union Clubs“ и преслѣдуютъ ту же задачу парламентской реформы,

---

1) Названіе, принятое въ честь знаменитаго Гампдена, отказавшагося въ 1635 г. уплатить корабельную подать, произвольно установленную Карломъ I. Лондонскій „Hampden Club“ былъ основанъ въ 1811 г. девонширскимъ землевладѣльцемъ Норзморъ (Northmore) съ цѣлью достиженія парламентской реформы и свободы выборовъ. Въ составъ „Hampden Clubs“ входили герцогъ Норфолькъ, лордъ Байронъ, лордъ Оксфордъ, Дьюкенъ, Годжесъ и многіе другіе крупные землевладѣльцы. Spencer Walpole: History of England, т. I, стр. 353 прим.

но разумѣютъ подъ нею всеобщее голосованіе и ежегодные парламенты: — «проекты, которые очевидно влекутъ за собою не какую-либо частичную перемѣну, а полное ниспроверженіе британской конституціи.» Существуетъ центральное „London Union Society“ и его филіалы, „branch Unions“, находящіеся съ нимъ въ сношеніяхъ и въ подчиненной связи[1]).

Существуютъ также общества подъ названіемъ „Spenceaп Philanthropists“ (членами одного изъ этихъ обществъ обсуждались и подготавливались «планы конспираторовъ въ Лондонѣ»). Принципы этихъ послѣднихъ ассоціацій быстро распространяются среди другихъ обществъ. Лица, раздѣляющія эти принципы, обыкновенно считаютъ парламентскую реформу недостойною ихъ вниманія. Вотъ какъ изложены ихъ задачи въ одной афишѣ: «члены прихода имѣютъ совмѣстное участіе въ собственности на землю (a parochial partnership in land) на основѣ того принципа, что землевладѣльцы не собственники, а лишь управители общества (but the stewards of the public); что земля есть народное достояніе (people's farm); что земельная монополія противна духу христіанства и пагубна для независимости человѣчества»[2]).

---

1) „London Union“ былъ основанъ въ 1812 г. По словамъ Вальполя, и эти общества, подобно „Hampden Clubs“, представляли собою „очень безобидныя организаціи.“ Ibid.

2) Названіе „Spenceaп Clubs“ и „Spenceaп Philanthropists“ эти общества приняли въ честь Томаса Спенса (Thomas Spence), по профессіи учителя, а затѣмъ книгопродавца. Въ 1775 году юный Спенсъ (род. въ 1750 г.) прочелъ въ собраніи Philosophical Society, въ Ньюкестлѣ, лекцію, которая, по словамъ Гайндмана, представляетъ собою „опредѣленное практическое и вполнѣ англійское предложеніе о націонализаціи земли путемъ принудительной и безъ вознагражденія экспропріаціи землевладѣльцевъ.“ Полагая вмѣстѣ съ тѣмъ, что націонализація земли можетъ имѣть благотворное значеніе лишь при наличности широкой демократической системы политическихъ учрежденій, онъ въ программу предлагавшихся имъ реформъ включалъ также даровое обученіе, надѣленіе избирательными правами всѣхъ совершеннолѣтнихъ, закрытую

Общества, подъ этими различными названіями, столь многочисленны и столь разнообразны, что оказалось затруднительнымъ получить полное обозрѣніе ихъ всѣхъ или обнять ихъ въ одномъ общемъ описаніи.

Провинціальныя общества находятся главнымъ образомъ въ слѣдующихъ мѣстностяхъ и ихъ сосѣдствѣ — Лейчестерѣ, Лафборо, Ноттингэмѣ, Мансфильдѣ, Дерби, Честерфильдѣ, Шеффильдѣ, Блэкбертѣ, Манчестерѣ, Бирмингэмѣ и Норвичѣ, а также въ Глазговѣ и его сосѣдствѣ; въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ они распространены почти въ каждомъ селеніи.

Кромѣ всевозможныхъ способовъ обольщенія иногда прибѣгаютъ къ системѣ запугиванія и угрозъ по отношенію къ лицамъ, отказывающимся примкнуть къ движенію. Оно ведется въ большой тайнѣ, при чемъ руководящіе имъ комитеты избѣгаютъ какихъ либо письменныхъ сношеній, а сносятся между собою при посредствѣ делегатовъ и посланцевъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отдѣльными членами этихъ обществъ были сдѣланы запасы оружія въ значительномъ количествѣ, — очевидно съ цѣлью прибѣгнуть къ насилію. Устроены также подписки, которыя, не смотря на малый размѣръ платы, въ совокупности могутъ составить не маловажный фондъ.

Обычныя собранія этихъ обществъ посвящаются выслушиванію «рѣчей, направленныхъ къ разрушенію общественнаго порядка, рекомендующихъ общее уравне-

---

подачу голосовъ и другія мѣры, которыя могутъ обезпечить за всѣми разумное участіе въ общественномъ управленіи. За лекцію свою Спенсъ былъ исключенъ изъ состава „философскаго общества“ и вскорѣ затѣмъ переселился въ Лондонъ, гдѣ занимался книжною торговлею, а также изданіемъ своихъ работъ и газеты „Pigs' Meat“, въ которыхъ излагалъ свои взгляды преимущественно по земельному вопросу. Спенсъ умеръ въ 1814 году. Въ 1882 г. Гайндманъ перепечаталъ лекцію Спенса въ брошюрѣ подъ названіемъ — The Nationalization of the Land in 1775 and 1882, being a Lecture delivered at Newcastle-on-Tyne by Thomas Spence, 1775; reprinted and edited, with Notes and Introduction, by H. M. Hyndman, (London 1882). См. стр 4 и 5. Ср. также Walpole, ibid.

ніе собственности и въ тоже время стремящихся къ извращенію нравственности слушателей и уничтоженію всякаго уваженія къ религіи. Землевладѣлецъ, — продолжаетъ докладъ, — изображается въ нихъ чудовищемъ, котораго нужно травить (a monster which must be hunted down), а капиталистъ — еще худшимъ зломъ; оба они — хищныя созданія, берущія съ народа пятнадцать пенсовъ съ каждаго хлѣба въ четыре фунта. По ихъ словамъ, парламентская реформа — не болѣе какъ полумѣра, замѣняющая только однихъ грабителей другими; нужно взяться за землю, ибо только это можетъ помочь имъ». Другое занятіе на митингахъ — слушаніе публикацій, наполненныхъ такими же возмутительными доктринами. Нерѣдко и особенно въ Лондонѣ митинги заканчиваются «богохульными и бунтовскими пѣснями и пародіями на богослуженіе.»

Какъ на одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ распространенія этихъ опасныхъ замысловъ, коммиссія обращаетъ вниманіе палаты на необыкновенно и небывало — дѣятельное распространеніе по дешевымъ цѣнамъ или даже безплатно «публикацій самаго возмутительнаго и зажигательнаго свойства, отличающихся ирреліпіозностью и богохульствомъ и стремящихся не только къ ниспроверженію существующей формы правленія и общественнаго строя, но и къ тому, чтобы подкопаться подъ самые принципы, которые служатъ единственною опорою всякаго правленія и общества».

Недавнее покушеніе противъ принца-регента коммиссія считаетъ дополнительнымъ печальнымъ свидѣтельствомъ дѣйствительной опасности этихъ стремленій.

Въ заключеніе докладъ обращаетъ вниманіе на то, въ какой сильной степени руководители движенія пользуются публичными митингами для распространенія своихъ идей. Частое созваніе ихъ и притомъ въ одно и тоже время въ различныхъ мѣстахъ страны считается лучшимъ способомъ осуществленія замысловъ людей недоброжелательныхъ; а это конечно въ значительной степени затрудняетъ

дѣйствія властей въ пресѣченіи безпорядковъ, разсѣеваетъ вниманіе правительства и заставляетъ дробить военную силу, которая можетъ быть вызвана для помощи гражданской власти въ огражденіе общественнаго спокойствія. «Такое положеніе вещей не можетъ быть долѣе терпимо безъ риска самыхъ ужасныхъ бѣдствій; и хотя коммиссія не имѣетъ въ виду антиципировать рѣшеніе парламента касательно особенныхъ мѣръ, потребныхъ въ настоящемъ случаѣ, она однако считаетъ своимъ долгомъ выразить рѣшительное убѣжденіе, что необходимы дальнѣйшія мѣры для охраненія общественнаго спокойствія и для защиты интересовъ, глубоко затрогивающихъ благополучіе всѣхъ классовъ общества».

Таково содержаніе доклада коммиссіи верхней палаты. Что касается доклада коммиссіи палаты общинъ, то онъ во всѣхъ своихъ существенныхъ частяхъ представляетъ большое сходство съ изложеннымъ. Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приведены кое-какія детальныя указанія. Такъ, напр., коммиссія нижней палаты говоритъ о «несомнѣнныхъ свѣдѣніяхъ ея о томъ, что одному лицу заказано значительное количество наконечниковъ пикъ (pike-heads) и что 250 штукъ уже приготовлены имъ, переданы и оплачены»[1]); съ другой стороны, по свѣдѣніямъ коммиссіи, «увѣренность людей недоброжелательныхъ такова, что они число своихъ участниковъ опредѣляютъ въ нѣсколько сотъ тысячъ и что ихъ общества ежедневно увеличиваются»[2]). Въ концѣ доклада сказано: «дѣлая общій обзоръ, коммиссія съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что, не смотря на тревожное развитіе системы недовольства и тайныхъ обществъ, успѣхи его ограничиваются главными мануфактурными округами, гдѣ сильнѣе нужда и гдѣ легче навербовать большое число недовольныхъ; но и во многихъ этихъ округахъ лишенія переносятся съ примѣрнымъ терпѣніемъ и самоотвер-

1) Hansard's Parliamentary Debates, т. XXXV, стр. 442.

2) Ibid., стр. 445.

женностью, такъ что попытки людей недоброжелательныхъ были неудачны; что очень немногіе или почти никто изъ высшихъ и даже среднихъ классовъ и едва ли кто-либо изъ земледѣльческаго населенія вовлечены въ болѣе насильственные изъ этихъ замысловъ. Большое снисхожденіе должно быть сдѣлано по отношенію къ тѣмъ, которые подъ давленіемъ крайней нужды внимали самоувѣреннымъ демагогамъ въ ожиданіи немедленной помощи себѣ. Надо надѣяться, что многіе изъ тѣхъ, которые до извѣстной степени вовлечены въ замыслы недоброжелательныхъ, но въ которыхъ богохульственной и жалкой софистикѣ не удалось извратить сознаніе нравственнаго и религіознаго долга, сами уклонились бы отъ участія, прежде чѣмъ эти замыслы привели бы къ дѣйствительному возмущенію. Но, не смотря на всѣ эти соображенія, коммиссія не можетъ не обратить вниманія какъ на активность и ловкость вожаковъ этого заговора, такъ и на число тѣхъ, кого имъ уже удалось вовлечь въ него; на клятвенныя обѣщанія, которыми многіе изъ нихъ связаны между собою; на задуманныя и подготовляемыя мѣры къ насильственному достиженію ихъ цѣлей; на самый характеръ этихъ цѣлей, состоящихъ не только въ ниспроверженіи всѣхъ политическихъ учрежденій королевства, но и въ подрывѣ правъ и принциповъ собственности, неизбѣжно влекущемъ за собою общее смятеніе, грабежъ и кровопролитіе; на все это комитетъ не можетъ не обратить самаго серьезнаго вниманія палаты въ виду тѣхъ опасностей, которыя существуютъ и которыя не могли быть предупреждены при существующихъ законахъ, не смотря на крайнюю бдительность правительства»[1]).

Разсмотрѣнные доклады послужили для правительства основаніемъ къ предложенію четырехъ исключительныхъ мѣръ, получившихъ въ исторіи названіе „Four

1) Ibid., стр. 446—447.

Acts“ (четыре акта): — примѣненіе акта 1795 г. объ охранѣ личности короля къ принцу-регенту, какъ лицу, выполняющему функціи короля; мѣры относительно мятежныхъ митинговъ и обществъ; мѣры о болѣе дѣйствительномъ преслѣдованіи за совращеніе солдатъ и матросовъ, наконецъ, пріостановку Habeas Corpus Акта. Для насъ важна лишь послѣдняя мѣра въ связи съ тѣми подробностями, которыя сопровождали ея принятіе парламентомъ[1]).

Доводы въ пользу пріостановки отличались преувеличенно-тревожнымъ характеромъ. Пользуясь данными, изложенными въ докладахъ парламентскихъ коммиссій, иниціаторы и сторонники пріостановки Habeas Corpus Акта старались представить въ возможно болѣе мрачныхъ краскахъ опасность «заговора», предрекая гибель конституціи и общественнаго порядка, если не будутъ приняты рекомендуемыя правительствомъ исключительныя мѣры. Лордъ Сидмаутъ, изложивъ передъ палатою лордовъ доводы въ пользу указанныхъ выше мѣръ относительно охраны личности принца-регента, обществъ, клубовъ и митинговъ, заявилъ, что «парламентъ не исполнилъ бы своего долга передъ страною, если бы ограничился этимъ.» «Во многихъ частяхъ страны, — продолжалъ онъ, — до сихъ поръ совершаются весьма опасныя дѣйствія, которыя однако не могли бы сдѣлаться извѣстными министрамъ иначе, какъ

1) 21 февраля лордъ Сидмаутъ внесъ билль о пріостановкѣ въ палату лордовъ; 24 февраля происходили пренія по второму чтенію, которое было вотировано большинствомъ 150 голосовъ противъ 35; въ томъ же засѣданіи билль принятъ и въ третьемъ чтеніи. 26 февраля лордъ Кэстльри внесъ билль въ палату общинъ; обсужденіе его въ ней продолжалось три дня — 26, 27 и 28 февраля; второе чтеніе вотировано 273 голосами противъ 98, третье — 265 противъ 103. Окончательное принятіе билля парламентомъ послѣдовало 3 марта, когда верхняя палата приняла поправки къ биллю, вотированныя палатою общинъ, а 4 марта билль получилъ королевское утвержденіе. — См. Ibid., стр. 491—492 и 551—588 (пренія въ палатѣ лордовъ), стр. 708—759, 766—776 и 795—825 (пренія въ палатѣ общинъ).

черезъ посредство лицъ, которыхъ нельзя представить передъ судомъ (who could not be brought into a court of justice). Вслѣдствіе этого необходимы еще болѣе дѣйствительныя мѣры, такъ какъ билли о регулированіи клубовъ или предупрежденіи мятежныхъ митинговъ не коснутся самыхъ страшныхъ и вопіющихъ золъ, на которыя намъ приходится жаловаться. Онъ (ораторъ) искренно сожалѣетъ быть орудіемъ предложенія такой мѣры, необходимость которой всегда, и особенно въ періоды мира, представлялась глубоко прискорбной . . . Вопросъ состоитъ однако въ томъ, что̀ болѣе опасно — предоставить министрамъ дополнительныя полномочія для общей защиты, или отказать въ нихъ и такимъ образомъ рисковать всѣмъ тѣмъ, что̀ дорого и священно? Онъ требуетъ пріостановки Habeas Corpus Акта изъ сочувствія къ интересамъ мирныхъ и лояльныхъ жителей страны; онъ требуетъ его ради защиты обѣихъ палатъ парламента, ради охраны вольностей и для обезпеченія благодѣяній конституціи. Онъ проситъ, чтобы это полномочіе дано было безъ замедленія, такъ какъ, если въ другихъ мѣрахъ палата и можетъ помедлить, здѣсь промедленіе будетъ гибелью. Принятіе этой мѣры будетъ разумною предосторожностью, а отказъ въ ней — отчаяннымъ безумiемъ. Пріостановить Habeas Corpus Актъ въ настоящее время значитъ помѣшать совершенію самыхъ ужасныхъ преступленій и связать руки святотатственныхъ покусителей на священное зданіе конституціи»[1]).

Какъ на лишній аргументъ въ пользу пріостановки, указывалось на то, что лица, принимающія участіе въ движеніи, сдѣлались хитрѣе, ловче и осторожнѣе сравнительно съ прежними заговорщиками. «Въ 1794 году, — говорилъ премьеръ, графъ Ливерпуль, — опасность была велика; но опасность настоящаго момента отличается особенно зловредными свойствами. Никогда

1) Ibid., стр. 557 - 558.

не было видно болѣе рѣшительнаго и явнаго намѣренія подорвать всѣ основы нравственности и религіи и большей настойчивости въ осуществленіи этого намѣренія. Конспираторы настоящаго времени воспользовались уроками отъ конспираторовъ прежняго времени и стали дѣйствовать съ большею осторожностью и хитростью въ осуществленіи своихъ гнусныхъ замысловъ. Онъ готовъ пойди дальше и, на основаніи вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній, заявить, что въ нѣкоторыхъ частяхъ страны осторожность конспираторовъ такъ велика, что хотя существованіе заговора несомнѣнно, однако доказательства его, какія можно добыть, таковы, что они недостаточны для преданія суду лицъ виновныхъ. Вотъ съ какою осторожностью и съ какимъ лукавствомъ они работаютъ надъ осуществленіемъ своихъ плановъ»[1]). Съ другой стороны, лордъ Сидмаутъ, говоря объ упрекахъ нѣкоторыхъ лордовъ по поводу того, что правительство не возбудило преслѣдованій противъ авторовъ и издателей опасныхъ публикацій, сказалъ: «правительство не забыло о своемъ долгѣ по отношенію къ этимъ публикаціямъ. Какъ только онѣ сдѣлались извѣстны министрамъ, онѣ были переданы коронным юристамъ. Эти послѣдніе признали, что публикаціи составлены такъ ловко — авторы очевидно воспользовались уроками прошлаго опыта, — что къ обвиненію представлялись гораздо бо̀льшія трудности, чѣмъ въ прежнее время. Министры однако категорически предписали имъ возбуждать преслѣдованіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обвиненіе возможно, надѣясь на лойяльность и честность британскаго суда присяжныхъ»[2]).

Что касается доводовъ оппозиціи, то она не отрицала опаснаго характера движенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ находила, во $1^{хъ}$), что опасность преувеличивается правительствомъ, и во $2^{хъ}$), что она можетъ быть пара-

1) Ibid., стр. 573.

2) Ibid., стр. 554.

лизована обыкновенными законами, а также и тѣми другими мѣрами, которыя предлагаетъ министерство; прибѣгать же къ пріостановкѣ Habeas Corpus Акта нѣтъ достаточныхъ основаній.

Сильное преувеличеніе опасности движенія болѣе всего обнаружилось представленіемъ двухъ петицій — отъ Томаса Клэри (Thomas Cleary), секретаря London Union Society, и Генри Гёнта (Henry Hunt), принимавшаго дѣятельное участіе въ митингахъ Spa-Fields[1]). Обѣ эти петиціи доказывали, что въ докладахъ парламентскихъ коммиссій помѣщены были частью совершенно невѣрныя свѣдѣнія, частью же сильно преувеличенные выводы. Такъ, Клэри заявлялъ, что London Union Society, которое, по словамъ доклада коммиссіи верхней палаты, принимало дѣятельное участіе въ организаціи заговора, на самомъ дѣлѣ не имѣло никакихъ сношеній съ другими обществами, не собиралось уже въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ и, въ сущности, въ настоящее время вовсе прекратило свое существованіе. Въ другой петиціи Генри Гёнтъ показывалъ, что инкриминируемые митинги вовсе не имѣли въ виду той цѣли, которая имъ приписывается, и не отличались мятежнымъ характеромъ; что на первомъ митингѣ была вотирована петиція, представленная затѣмъ принцу-регенту; что на второмъ митингѣ огромнымъ большинствомъ вотирована была резолюція, осуждающая какія-либо мятежныя и насильственныя дѣйствія, а затѣмъ принята петиція, представленная палатѣ общинъ; что же касается упоминаемыхъ въ докладѣ наконечниковъ для пикъ (pike-heads), то, по словамъ Гёнта, поводъ къ этому дали острія (some spikes), употребляемыя для рыбной ловли; что передъ митингомъ 2 декабря авторъ петиціи имѣлъ разговоръ съ лордомъ Сидмаутомъ, который не высказывалъ ни малѣйшаго неодобренія этому митингу и

1) Ibid., стр. 473—477; 546—551.

говорилъ только, что присутствіе на немъ Гёнта можетъ предупредить возможные безпорядки.

Ораторы оппозиціи находили, что нѣтъ основанія прибѣгать къ такой крайней мѣрѣ, какъ пріостановка основной гарантіи личной свободы. Она вполнѣ умѣстна тогда, когда спокойствіе государства находится дѣйствительно въ опасности. «Но хотя этотъ принципъ вѣренъ, говорилъ маркизъ Веллеслей, — однако не при всякомъ указаніи на общественные безпорядки и даже не при всякомъ взрывѣ измѣнническихъ тенденцій, хотя бы эта измѣна и была распространена широко, отъ парламента можно требовать измѣненія существующихъ законовъ страны, или пріостанавливать хотя бы на одинъ моментъ великіе устои конституціи. Должно быть ясное и опредѣленное основаніе, подкрѣпляемое убѣдительными и несомнѣнными доказательствами, для того, чтобы парламентъ могъ сдѣлать то, что при обыкновенныхъ обстоятельствахъ было бы прямымъ покушеніемъ на общественную свободу. Онъ пойдетъ дальше и скажетъ, что если министры не въ состояніи несомнѣннымъ образомъ доказать, что измѣна не можетъ быть подавлена обычными законными мѣрами, то они не имѣютъ права требовать исключительныхъ полномочій [1])». «Нѣтъ сомнѣнія, что существуетъ большое недовольство; очевидно обнаруживаются мятежные происки; но онъ не убѣжденъ въ томъ, чтобы они существовали въ такой формѣ, которая оправдывала бы пріостановку Habeas Corpus Акта; а разъ онъ не убѣжденъ въ этомъ (хотя онъ и готовъ высказаться за всѣ другія предложенныя мѣры), то онъ не можетъ пойти такъ далеко, чтобы отдать личную свободу гражданъ на произволъ министровъ, подъ предлогомъ охраненія общественной безопасности [2])». «Еще недостаточно сказать, — говорилъ въ нижней палатѣ лордъ Мильтонъ, — что злонамѣренные люди

1) Ibid., стр. 559.

2) Ibid., стр. 567.

въ своемъ праздномъ воображеніи замышляютъ ниспроверженіе правительства, ибо когда же было время, въ которое не было бы нѣкоторыхъ людей, безумныхъ до такой степени, чтобы быть готовыми сокрушить весь установленный строй? Слѣдуетъ доказать, что опасность, угрожающая конституціи, дѣйствительно такова, что она не можетъ быть устранена какими-либо иными средствами кромѣ пріостановки самой конституціи» [1]).

Нѣкоторые ораторы оппозиціи сочли нужнымъ подробно остановиться на разсмотрѣніи самаго характера «заговора» и доказывали, что онъ вовсе не такъ страшенъ, чтобы оправдать такую крайнюю мѣру, какъ пріостановка Habeas Corpus Акта. Такъ, графъ Грей, заявивъ, что онъ ничуть не намѣренъ умалять возможную опасность (не имѣя вовсе интереса къ этому, такъ какъ въ случаѣ успѣха заговора онъ также долженъ былъ бы явиться его жертвою), сказалъ: «прежде всего онъ думаетъ, что заговоръ, который подобно настоящему не имѣетъ рѣшительно никакихъ шансовъ на успѣхъ, не долженъ служить основаніемъ къ пріостановкѣ Habeas Corpus. Какова сущность и каковъ характеръ этого заговора? Главные дѣятели его извѣстны, — ибо докладъ положительно устанавливаетъ, что это — лица, пытавшіяся произвести возстаніе 2 декабря. Каковы же эти люди? Являются-ли они лицами, имѣющими большое значеніе и связи въ странѣ, участіе которыхъ придавало бы опасный характеръ попыткѣ? Нѣтъ. Это — жалкіе бездѣльники (miserable wretches), дошедшіе до крайней бѣдности и нищеты, которымъ вѣроятно пришлось бы просить пособія на большой дорогѣ, если бы у нихъ не было надежды на то, что недовольство, широко разлитое въ странѣ, можетъ побудить многихъ послѣдовать за ними въ ихъ дикихъ планахъ. Какова ихъ цѣль? Произвести возстаніе, собравши вокругъ себя многихъ лицъ

1) Ibid., c. 730—731.

подъ предлогомъ стремленія къ парламентской реформѣ, безъ предварительнаго плана, и полагаясь всецѣло на случай въ дѣлѣ возбужденія мятежа. Этимъ и ограничивается значеніе этого заговора, къ осуществленію котораго сдѣлана попытка. Толпа народа собралась въ Spa-Fields; къ ней были обращены зажигательныя рѣчи; у нея былъ запасъ боевыхъ снарядовъ, состоявшихъ въ 20—30 пуляхъ и фунтѣ пороха, спрятаннаго въ старомъ чулкѣ. За нею послѣдовало не болѣе 200—300 лицъ, которыя бросились грабить нѣсколько оружейныхъ лавокъ, при чемъ одинъ господинъ получилъ рану, отъ которой, надо надѣяться, онъ вскорѣ оправится. Эти излишества, несомнѣнно, должны быть подавлены и наказаны, но, чтобы сдѣлать это, развѣ необходимо пріостанавливать Habeas Corpus? Эти страшные бунтовщики разбѣжались при одномъ упоминаніи о драгунахъ» [1]).

Герцогъ Суссексъ также не видѣлъ основанія считать заговоръ столь опаснымъ, какъ это стараются изобразить. «Онъ присутствовалъ при допросѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Мэншонъ-Гаузѣ передъ лордомъ-мэромъ; онъ не можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы существовалъ какой-либо заговоръ, и это убѣжденіе его упрочилось особенно послѣ того, какъ онъ узналъ о размѣрѣ подписки, организованной передъ знаменитымъ 2 декабря. Эта подписка, — повѣрятъ-ли этому лорды? — дала не болѣе не менѣе, какъ страшную сумму въ десять фунтовъ стерлинговъ! Прежде всего за фуру, нанятую для этого памятнаго случая, заплаченъ былъ 1 фун. ст., а затѣмъ еще 2 фун. ст., да еще, какъ кажется, остается доплатить за ея наемъ 10 шил. Что же касается аммуниціи, которой была нагружена эта фура, то изъ чего она состояла? Изъ стараго чулка и 50 пуль, изъ которыхъ къ тому же ни одна не могла пригодиться. Въ фурѣ находилась также страшная пушка (a tremen-

1) Ibid., стр. 578—579.

dous cannister), заключающая въ себѣ не менѣе одного фунта пороха! Если этимъ и ограничиваются всѣ доказательства этого заговора, то неужели лорды признаютъ нужнымъ пойти дальше предѣловъ существующихъ законовъ?» [1]).

Ироническую картину грознаго заговора нарисовалъ въ палатѣ общинъ Беннетъ въ своихъ возраженіяхъ противъ билля. Онъ цитировалъ слѣдующее мѣсто изъ доклада коммиссіи: «составленъ былъ планъ — ночью броситься внезапно на солдатъ и, пользуясь тѣмъ ужасомъ, который произойдетъ вслѣдствіе этого, поджечь городъ въ разныхъ мѣстахъ и овладѣть казармами, Тоуеромъ и Банкомъ». Приведя эту цитату, Беннетъ продолжалъ: «какъ могъ быть осуществленъ этотъ грозный планъ? Можно-ли было надѣяться на успѣхъ? Могла-ли возникнуть малѣйшая опасность отъ такого дикаго и безумнаго плана? Могли-ли они считать возможнымъ преодолѣть цѣлый гарнизонъ, не вызвавъ тревоги, и это въ такомъ случаѣ, когда даже одинъ часовой не могъ бы быть застигнутъ врасплохъ? Гарнизоны имѣются въ разныхъ частяхъ города, въ Паркѣ и другихъ мѣстахъ; неужели всѣ они сразу могутъ быть застигнуты врасплохъ? . . . Изъ Спа-Фельдсъ мятежники должны были пойти взорвать мосты, безъ саперовъ; овладѣть банкомъ, который защищается особою стражей; далѣе — овладѣть Тоуеромъ, который защищается артилеріей и солдатами; они должны были преодолѣть всѣ эти препятствія и овладѣть городомъ. Развѣ это не нелѣпость, подрывающая весь докладъ? Далѣе слѣдуетъ исторія съ пиками; отъ приготовленія этихъ смертоносныхъ орудій ожидалась великая опасность. Ораторъ однако твердо убѣжденъ, что разсказъ объ этихъ пикахъ, изложенный въ петиціи Гента, совершенно вѣренъ, а именно, что они были сфабрикованы не для нападенія на лондонскихъ гражданъ и не въ цѣляхъ мятежа, а для рыболовныхъ цѣлей...

1) Ibid. стр. 582—583.

Далѣе слѣдуетъ эта грозная подписка, предназначенная для организаціи и подкрѣпленія этого опаснаго заговора; надо признать, что въ финансахъ возмущенія сдѣланъ маленькій прогрессъ сравнительно съ 1794 г. Тогда подписка для осуществленія измѣнническихъ замысловъ дала 9 фун. 16 шил.; теперь она дала уже 10 фун., т. е. на 4 шил. больше. Позоръ, позоръ для тѣхъ, кто можетъ выступать съ такими нелѣпостями передъ парламентомъ и, основываясь на ихъ важности, требовать отъ него ограниченія свободы»[1]).

Среди доводовъ оппозиціи любопытно отмѣтить соображеніе о томъ, что въ заговорѣ участвуютъ лишь представители низшихъ классовъ населенія и что поэтому нѣтъ основанія опасаться его. «Въ чемъ же состоитъ опасность? — восклицалъ графъ Грей. Развѣ не ясно доказано, что каковы бы ни были проектируемые замыслы, они ограничиваются лишь низшими классами. Никто изъ высшихъ, и едва-ли кто-нибудь изъ среднихъ слоевъ, не замѣшаны въ нихъ. Что же, стало быть, можетъ быть достигнуто?»[2]) Съ другой стороны, сэръ Самюэль Ромильи въ нижней палатѣ говорилъ, что «при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ пріостановка Habeas Corpus Акта можетъ быть разумной и необходимой мѣрой; эти обстоятельства были на лицо, когда въ прежнихъ случаяхъ въ заговорѣ съ внѣшнимъ врагомъ оказывались лица значительныя и вліятельныя, арестъ которыхъ парализовалъ измѣнническіе замыслы всѣхъ ихъ соучастниковъ. Такъ-ли это въ настоящемъ случаѣ? Могутъ-ли министры указать хотя бы одного значительнаго и вліятельнаго человѣка среди недоброжелательныхъ людей настоящаго времени? Могутъ-ли они указать хотя бы одного изъ среднихъ слоевъ въ ряду невѣжественныхъ бездѣльниковъ, противъ которыхъ министры намѣрены выступить»?[3]).

---

1) Ibid., стр. 711—713.
2) Ibid., стр. 580—581.
3) Ibid., 737.

Замѣчанія сэра С. Ромильи вызвали однако слѣдующій отвѣтъ со стороны генералъ-солиситора: «заговоры, подобные настоящему, ничуть не менѣе опасны отъ того, что они ведутся только низшими классами. Масса низшихъ классовъ, предоставленныхъ самимъ себѣ, часто болѣе опасна и болѣе ужасна, чѣмъ если бы она находилась подъ контролемъ и руководствомъ кого-либо изъ высшихъ слоевъ. Притомъ же, какъ бы ни были ничтожны, слабы и невѣжественны эти заговорщики, онъ смѣетъ увѣрить палату, что они проявили въ своихъ замыслахъ столько ловкости, упорства и обдуманности, что это могло бы сдѣлать честь и болѣе разумнымъ головамъ, если бы все это было направлено къ лучшей цѣли»[1]).

Въ аргументаціи противниковъ пріостановки значительное мѣсто заняли указанія на то, что она не оправдывается прецедентами, что никогда къ этой мѣрѣ не прибѣгали иначе, какъ въ случаяхъ крайней необходимости и притомъ обыкновенно при наличности большой опасности извнѣ. Изъ множества замѣчаній по поводу прецедентовъ наибольшій интересъ представляетъ слѣдующее мѣсто въ рѣчи лорда Джона Росселля, въ палатѣ общинъ: «во всѣхъ этихъ случаяхъ нашими законодателями руководилъ, повидимому, одинъ принципъ. Онъ состоитъ въ томъ, что когда нѣкоторыя лица внутри страны злоумышляютъ совмѣстно съ непріятелемъ извнѣ, успѣхъ ихъ махинацій можетъ быть предупрежденъ только посредствомъ задержанія этихъ лицъ до тѣхъ поръ, пока не минуетъ опасность вторженія. Такъ, когда передъ первою пріостановкою этого акта король Вильгельмъ сообщилъ парламенту, что Іаковъ отплылъ съ французскимъ флотомъ въ Ирландію, оставленіе на свободѣ многихъ приверженцевъ его, въ ожиданіи, пока будутъ собраны юридическія доказательства ихъ вины, имѣло бы своимъ результатомъ то, что они могли бы присоединиться къ Іакову или произвести возстаніе въ его интересахъ. Также и въ

1) Ibid., стр. 740.

тѣхъ различныхъ случаяхъ, когда Habeas Corpus Актъ былъ пріостанавливаемъ во время послѣдней войны, во вступленіяхъ къ биллю всегда указывалось на господствующую во Франціи систему анархіи. Очевидно, что извѣстное опасеніе передъ чужеземной помощью, извѣстный страхъ передъ вторженіемъ извнѣ, или наличность претендента на престолъ, поддерживаемаго бунтомъ, всегда было существеннымъ условіемъ для того, чтобы сдѣлать эту мѣру необходимою. Да иначе къ чему и служилъ бы Habeas Corpus Актъ? Истинная задача его состоитъ въ томъ, чтобы дать защиту личности во всѣхъ обычныхъ случаяхъ государственной измѣны и бунта (to protect the subject in all common cases of treason and sedition); если же этотъ законъ является лишь праздничнымъ украшеніемъ (holiday parade), если онъ долженъ быть примѣняемъ только тогда, когда небо ясно, и если всякіе росказни о заговорѣ и недовольствѣ могутъ служить достаточнымъ основаніемъ къ его пріостановкѣ, въ такомъ случаѣ англичанинъ, говорящій иностранцамъ, что его конституція и законы лучше сосѣднихъ, — хвастливый лжецъ»[1]).

Въ рѣчахъ оппозиціи необходимо подчеркнуть также выраженіе убѣжденія въ томъ, что истинный источникъ недовольства, приводящаго къ общественному движенію, лежитъ въ нежеланіи правительства и парламента пойти на встрѣчу требованіямъ реформъ, и что настоящій мотивъ политики исключительныхъ мѣръ лежитъ въ стремленіи заглушить и подавить эти требованія реформъ. Когда палатѣ лордовъ было еще только сообщено посланіе принца-регента о мятежныхъ происках, графъ Гросвеноръ заявилъ о своемъ твердомъ убѣжденіи, что «каково бы ни было недовольство, оно вызвано тѣмъ, что министры неоднократно высказывались противъ всякаго рода реформъ и упорно противились дѣйст-

1) Ibid., стр. 743—744.

вительному сокращенію расходовъ»[1]). Лордъ Джонъ Росселль, упомянувъ въ концѣ своей рѣчи о парламентской реформѣ и замѣтивъ, что большинство навѣрное выскажется противъ нея, прибавилъ: «какъ ни горячо желаю я реформы, я еще больше желаю того, чтобы палата сохранила за собою уваженіе народа. Поэтому я умоляю ее не давать повода сторонникамъ реформы говорить: — «когда мы просимъ объ устраненіи невзгодъ, вы рѣшительно отказываете во всякомъ нововведеніи; когда же корона требуетъ защиты, вы охотно санкціонируете новый кодексъ; для насъ вы не хотите сдѣлать впередъ ни одного дюйма, для министровъ вы дѣлаете цѣлую милю; когда мы просимъ о нашихъ правахъ, вы не хотите коснуться ни іоты конституціи; но когда лица, стоящія у власти, требуютъ расширенія ихъ полномочій, вы вонзаете вашъ ножъ въ самое сердце конституціи[2])». Еще болѣе рѣшительно по этому поводу высказался сэръ Франсисъ Бёрдеттъ. «Въ разныхъ частяхъ страны существуютъ общества и клубы. Онъ (ораторъ) знаетъ это и надѣется, что они всегда будутъ существовать. Отъ этихъ обществъ палатѣ были представляемы петиціи о реформѣ, и вотъ именно подача этихъ петицій и составляетъ то преступленіе, которое желаютъ наказать; но закона для этого нѣтъ и потому министры просятъ теперь палату разрѣшить имъ карать помимо закона. Вотъ и весь секретъ этого несчастнаго заговора и тревожнаго доклада, представленнаго палатѣ. Тревога поднята съ цѣлью отвлечь вниманіе палаты отъ подобающаго разсмотрѣнія народныхъ требованій. . . . Если

1) Ibid., стр. 193. Историкъ Гринъ, говоря объ этой эпохѣ, между прочимъ замѣтилъ, что „дѣйствительная опасность, грозящая общественному порядку, состоитъ лишь въ слѣпомъ противодѣйствіи всякимъ политическимъ перемѣнамъ, благодаря которому разумные и умѣренные проекты реформъ смѣшиваются съ революціонными замыслами“. J. R. Green: Short History of the English People (Lond. 1882), стр. 813.

2) Ibid., стр. 746.

однако благородный лордъ (Кэстльри) полагаетъ возможнымъ этимъ путемъ помѣшать народу просить о реформѣ, то онъ жестоко ошибается. Благородный лордъ можетъ налагать штрафы и подвергать тюремнымъ заключеніямъ, онъ можетъ воздвигнуть висѣлицу въ Palace-Yard или даже въ корридорѣ палаты общинъ, но онъ физически не можетъ зажать уста народу[1])». . . .

Въ заключеніе этого очерка парламентскихъ преній по вопросу о пріостановкѣ Habeas Corpus Акта необходимо отмѣтить, что за время обсужденія билля парламенту изъ различныхъ мѣстностей представлены были петиціи съ ходатайствомъ о томъ, чтобы парламентъ отвергъ этотъ билль. Для примѣра укажемъ содержаніе петиціи отъ жителей Вестминстера, представленной палатѣ общинъ 25 февраля Франсисомъ Бёрдеттомъ[2]). Упомянувъ о томъ, что они привыкли считать Habeas Corpus Актъ одною изъ главныхъ опоръ народной свободы, петиціонеры говорятъ, что они съ сожалѣніемъ и къ удивленію своему узнали о внесеніи въ парламентъ билля, пріостанавливающаго дѣйствіе этого важнаго акта и, слѣдовательно, предоставляющаго всѣхъ и каждаго изъ жителей королевства на произволъ коронныхъ министровъ. Великая Хартія, говорятъ далѣе петиціонеры, объявляетъ, что въ правосудіи никому не должно быть ни отказовъ, ни замедленій; между тѣмъ, если Habeas Corpus Актъ будетъ пріостановленъ и министрамъ будетъ предоставлено право лишать свободы кого имъ угодно, безъ обязательства подвергать задержанныхъ скорому суду, то въ правосудіи будутъ и замедленія, и отказы. Практика прежнихъ подобныхъ случаевъ показываетъ, что многія лица задерживались безъ того, чтобы противъ нихъ возбуждалось обвиненіе въ какомъ-либо опредѣленномъ преступленіи, что никто изъ этихъ лицъ не былъ подвергаемъ суду и что,

1) Ibid., стр. 748—749.
2) Ibid., стр. 648.

пробывъ въ заключеніи въ теченіе трехъ лѣтъ, они были освобождаемы изъ тюрьмы безъ вознагражденія за понесенную ими обиду и даже безъ какихъ-либо средствъ получить возмездіе. Столь обширная власть, по убѣжденію петиціонеровъ, не должна быть ввѣряема какому-либо министру иначе, какъ въ виду крайней необходимости и на основаніи явныхъ доказательствъ крайней опасности. Прежде къ пріостановкѣ Habeas Corpus Акта прибѣгали въ тѣхъ случаяхъ, когда страна была вовлечена въ войну или когда того требовали интересы охраненія законнаго престолонаслѣдія или необходимость предупредить ниспроверженіе конституціи съ помощью чужеземныхъ враговъ. Въ настоящее же время нѣтъ ни одного изъ этихъ основаній, при чемъ петиціонерамъ неизвѣстно и о совершеніи какихъ-либо актовъ насилія, которые не могли бы быть подавлены существующими законами. Въ виду всего этого они ходатайствуютъ объ отклоненіи парламентомъ министерскаго билля объ ограниченіи свободы.

Такого же рода петиціи были представлены отъ жителей Ноттингема, отъ лондонскаго городскаго совѣта, жителей База, отъ лондонскихъ гильдій, отъ жителей Ливерпуля, Саутворка и Честера[1]). При этомъ многими ораторами было заявлено, что если бы министерство не торопилось такъ съ проведеніемъ билля, то количество петицій и подписей подъ ними было бы гораздо болѣе значительнымъ, — такъ велико среди населенія страны нежеланіе видѣть пріостановку Habeas Corpus Акта.

Актъ о пріостановкѣ[2]) получилъ королевское утвержденіе 4 марта 1817 г., при чемъ срокомъ дѣйст-

1) Ibid., стр. 698, 699, 766, 783, 789, 829 и 853.

2) По содержанію своему этотъ актъ (57 Geo. III, cap. 3) вполнѣ сходенъ съ предшествующими, при чемъ въ него вошли и тѣ дополнительныя полномочія относительно перемѣщенія заключенныхъ изъ одной тюрьмы въ другую, которыя стали вводиться съ акта 20 мая 1799 (ср.

вія его назначено было 1 іюля того же года, такъ что продолжительность его опредѣлена была четырьмя мѣсяцами. Между тѣмъ уже въ концѣ марта сдѣлалось извѣстнымъ намѣреніе правительства предложить билль о продленіи пріостановки на новый срокъ. А именно, 25 марта графъ Гросвеноръ (при обсужденіи въ палатѣ лордовъ билля о мятежныхъ митингахъ) между прочимъ замѣтилъ, что ходитъ объ этомъ слухъ, возникшій изъ словъ лица, занимающаго высокое политическое положеніе[1]). 15 мая, на вопросъ Понсомби, въ палатѣ общинъ, о томъ, дѣйствительно-ли министры намѣрены потребовать у парламента продленія исключительныхъ полномочій, лордъ Кэстльри заявилъ, что послѣ перерыва парламентской сессіи, около 1 іюня, палатѣ будетъ сдѣлано сообщеніе о внутреннемъ положеніи страны, послѣ чего предложено будетъ снова образовать коммиссію для обсужденія необходимыхъ мѣръ. Къ этому онъ прибавилъ, что при настоящемъ положеніи страны министры считаютъ необходимымъ предложить парламенту продленіе пріостановки Habeas Corpus Акта[2]).

выше, стр. 249 и сл.). Изданіе акта мотивируется тѣмъ, что „образованъ измѣнническій заговоръ съ цѣлью ниспроверженія, при посредствѣ общаго возстанія, установленнаго правительства, законовъ и конституціи королевства и что въ столицѣ, а равно и во многихъ другихъ частяхъ страны совершаются злоумышленія и происки измѣнническаго и въ высшей степени опаснаго характера“. Далѣе слѣдуетъ восемь статей. Въ 1-й излагаются обычныя полномочія о лишеніи свободы до 1 іюля 1817 г.; во 2-й говорится о пріостановкѣ шотландскаго закона 1701 г.; въ 3-й о возстановленіи съ 1 іюля дѣйствія всѣхъ законовъ о личной свободѣ; въ 4-й о парламентской привилегіи; въ 5-й о лицахъ, по отношенію къ которымъ уже составлены обвинительные акты (см. выше, стр. 239 прим.); въ 6-й о полномочіяхъ по перемѣщенію заключенныхъ; въ 7-й о продолжительности дѣйствія акта, и въ 8-й о томъ, что актъ можетъ быть измѣненъ или отмѣненъ въ теченіе той же сессіи (см. выше, стр. 234—235 прим.). — Statutes at Large, т. 25, стр. 2—3.

1) Parliamentary Debates, т. XXXV, стр. 1248.

2) Idem, т. XXXVI, стр. 577.

Дѣйствительно 3 іюня 1817 г. обѣимъ палатамъ парламента было сообщено посланіе принца-регента[1]). Въ немъ сказано, что принцъ «приказалъ представить палатѣ документы, заключающіе въ себѣ свѣдѣнія относительно продолженія тѣхъ дѣйствій, митинговъ и сообществъ въ разныхъ частяхъ королевства, на которые его королевское высочество въ началѣ настоящей сессіи парламента уже обратилъ вниманіе палаты и которые продолжаются до сихъ поръ въ такой формѣ и въ такихъ размѣрахъ, которые разсчитаны на нарушеніе общественнаго спокойствія и грозятъ безопасности установленной конституціи этихъ королевствъ. Его королевское высочество предлагаетъ палатѣ подвергнуть эти документы немедленно серьезному разсмотрѣнію».

Вслѣдъ затѣмъ въ обѣихъ палатахъ образованы были тайныя коммиссіи для разсмотрѣнія новыхъ документовъ (въ палатѣ лордовъ — въ самый день представленія посланія, 3 іюня, — что̀ вызвало протестъ со стороны членовъ оппозиціи, находившихъ необходимымъ въ такихъ важныхъ случаяхъ строго соблюдать обычный порядокъ откладывать рѣшеніе по предмету дѣлаемыхъ палатѣ сообщеній; въ палатѣ общинъ — 5 іюня.) По предложенію представителей министерства, рѣшено было возобновить прежній составъ коммиссій. Этому рѣшенію предшествовали довольно оживленныя пренія, во время которыхъ ораторы оппозиціи доказывали необходимость разсмотрѣніе новыхъ документовъ поручить новому составу членовъ, въ виду того, что прежніе члены не могутъ обладать нужнымъ и желательнымъ безпристрастіемъ въ оцѣнкѣ значенія новыхъ документовъ; указано было также и на то, что прежнія коммиссіи, какъ это обнаружилось, недостаточно строго провѣряли данныя своихъ докладовъ[2]).

1) Ibid., стр. 859 и 884.

2) Ibid., стр. 859—869; 897—906. Нѣкоторые ораторы коснулись и самаго существа вопроса о пріостановкѣ. Такъ, въ палатѣ общинъ

Коммиссія палаты лордовъ представила свой докладъ 12 іюня, коммиссія палаты общинъ — 20 іюня[1]).

Обѣ коммиссіи признали, что опасное движеніе, вызвавшее пріостановку Habeas Corpus Акта, не прекратилось. «Документы эти, — говоритъ докладъ коммиссіи верхней палаты, — даютъ лишь черезчуръ обильныя доказательства того, что измѣнническій заговоръ съ цѣлью ниспроверженія нашего установленнаго правительства и конституціи и разрушенія существующаго общественнаго строя, продолжаетъ развиваться.» По словамъ другаго доклада, новые документы вполнѣ «доказываютъ продолженіе тѣхъ же махинацій и замысловъ, выразившихся въ новыхъ актахъ насилія и мятежа.»

Главнымъ средоточіемъ движенія являются центральныя и сѣверныя графства, особенно мануфактурные округа ихъ, въ которыхъ тяжелыя матеріальныя условія рабочихъ классовъ давали благопріятную почву для развитія недовольства. Наибольшее вниманіе оба доклада посвящаютъ событіямъ, имѣвшимъ мѣсто въ Манчестерѣ. 3 марта въ этомъ городѣ созванъ былъ митингъ съ цѣлью вотированія петиціи противъ пріостановки Habeas Corpus Акта (митингъ запоздалъ, такъ какъ билль о пріостановкѣ въ этотъ день былъ уже окончательно принятъ парламентомъ. На этомъ митингѣ, на которомъ присутствовало нѣсколько тысячъ человѣкъ, рѣшено было созвать новый митингъ 10 марта, съ тѣмъ, чтобы вотировать петицію на имя принца-регента и отправиться съ нею въ Лондонъ, для чего будутъ избраны по 10 человѣкъ изъ каждыхъ 20 лицъ, присутствующихъ

Баргэмъ замѣтилъ: „Мы ужь слишкомъ пріучили наши уши къ слову „пріостановка“. Въ достаточной-ли степени принимаемъ мы во вниманіе, что когда Habeas Corpus Актъ пріостановленъ, нѣтъ различія между нашимъ правленіемъ и правленіемъ самаго деспотическаго государя? Принадлежащее въ такихъ случаяхъ министру право подвергать заключенію столь же велико и столь же опасно, какъ и lettres de cachet, такъ давно и такъ справедливо порицаемые. Ibid., стр. 903.

1) Ibid., стр. 949—956 и 1088—1098.

на митингѣ. Въ промежуткѣ между 3 и 10 марта происходили частные митинги, на которыхъ развивались подробности предположенной манифестаціи[1]). Оба доклада считаютъ нужнымъ указать особенно на одного оратора, который открыто заявлялъ себя республиканцемъ. Организаторы движенія увѣряли, что во многихъ другихъ мѣстахъ идутъ подобныя же приготовленія и что на пути къ Лондону къ манифестантамъ присоединятся другіе, такъ что общее число ихъ дойдетъ до 100.000 чел.

10 марта дѣйствительно состоялся проектированный митингъ, въ которомъ участвовало отъ 10.000 до 12.000 чел. Не смотря на то, что многіе вожаки были арестованы, а митингъ — разсѣянъ военною силою, значительное число его участниковъ направились въ Лондонъ; большинство ихъ однако были остановлены на пути. «Энергія магистратовъ, проявившаяся въ разсѣяніи митинга и остановкѣ движенія (вышеуказанныхъ лицъ въ Лондонъ), предупредила выполненіе замысла, который вѣроятно не могъ бы не нарушить спокойствіе графствъ, черезъ которыя должно было пройти столь многочисленное сборище, и который, въ случаѣ если бы онъ осуществился вполнѣ, долженъ былъ бы привести къ послѣдствіямъ, весьма опаснымъ для общественнаго спокойствія» (докладъ коммиссіи верхней палаты).

Принятыя мѣры однако не обезкуражили участниковъ заговора, которые продолжали устраивать частныя сборища делегатовъ изъ разныхъ мѣстностей близъ Манчестера, Дербишира и Іоркшира. Производились сношенія и съ другими мѣстностями. Участники движенія занялись подготовкою «общаго возстанія», которое должно было начаться въ Манчестерѣ 30 марта. Имѣлось

1) Собиравшимся на митингъ рекомендовано было запастись провизіей на дорогу, а также шерстяными одѣялами (blanquets), чтобы во время пути спать на землѣ. Вслѣдствіе этого и самый митингъ 10 марта получилъ названіе „Blanquet-Meeting“, а участники его — „Blanqueteers“.

въ виду собраться въ возможно большемъ числѣ, ночью, и отдѣльными партіями напасть на казармы, полицейское управленіе, тюрьму и жилища магистратовъ и констеблей. Предположено было также поджечь нѣкоторыя мануфактуры въ городѣ, сдѣлать Манчестеръ «второю Москвою» (сравненіе, вызванное еще свѣжимъ тогда впечатлѣніемъ пожара Москвы въ 1812 г.): это, по заявленію одного изъ участниковъ заговора, должно было еще болѣе увеличить существующую нужду и привлечь къ движенію новыхъ недовольныхъ изъ среды рабочихъ, которые останутся безъ работы. Сигналъ къ началу возстанія долженъ былъ быть поданъ одною или нѣсколькими ракетами; полагали, что для первыхъ дѣйствій достаточно будетъ 2000—3000 чел., а утромъ число возставшихъ дойдетъ до 50,000 чел. Ожидали, что одновременно съ этимъ вспыхнетъ возстаніе и въ различныхъ частяхъ графствъ Ланкастерскаго, Іоркскаго, Варвикскаго, Лейсестерскаго, Ноттингемскаго, Честерскаго и Стаффордскаго. Сдѣланы были нѣкоторыя приготовленія къ тому, чтобы запастись боевыми припасами для оружія, которое имѣлось въ виду захватить. «Выполненіе этого плана, — говоритъ докладъ нижней палаты, — было парализовано бдительностью магистратовъ, которые, узнавъ о томъ, что̀ готовится, сдѣлали сообщеніе министру внутреннихъ дѣлъ, который издалъ приказы объ арестѣ, на основаніи которыхъ и были 28 марта арестованы зачинщики, собравшіеся на Ardwick-bridge».

Но и послѣ этого въ средѣ участниковъ заговора продолжались дѣятельныя совѣщанія объ организаціи возмущенія, «цѣлью котораго было — собравъ значительныя силы, двинуться на Лондонъ, ниспровергнуть существующее провительство и установить республику». «Коммисія (нижней палаты) усматриваетъ, что среди делегатовъ преобладала полная увѣренность въ окончательномъ достиженіи ихъ цѣли; что послѣдовательные аресты многихъ главныхъ вожаковъ, хотя и вызывали нѣкоторое разочарованіе, не искоренили мятежнаго духа

или надежды на успѣхъ, при чемъ выражалось крайнее нетерпѣніе въ виду отсрочекъ назначенія дня для общаго возстанія». Наконецъ, оно было назначено на 9 іюня; день этотъ признанъ былъ болѣе благопріятнымъ для ночнаго возстанія, такъ какъ въ это время луна будетъ на ущербѣ. Извѣстія объ этомъ срокѣ распространялись такъ усердно, что онъ сдѣлался почти общеизвѣстнымъ. Осуществленію плана опять помѣшала бдительность администраціи; въ концѣ мая и началѣ іюня произведены были новые аресты. Не смотря однако на это, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣланы были попытки произвести возстаніе, которыя были впрочемъ тотчасъ же подавлены.

Таковы въ общихъ чертахъ факты, выдвинутые докладами парламентскихъ коммиссій. Основываясь на нихъ, онѣ заключаютъ, что опасность, вызвавшая принятіе исключительныхъ мѣръ, еще не устранена вполнѣ. «Характеръ опасности, — говоритъ докладъ коммиссіи нижней палаты, — остается тѣмъ же, какъ онъ изображенъ въ первомъ докладѣ. Она возникаетъ изъ непрестанныхъ усилій лицъ, принадлежащихъ къ низшимъ слоямъ населенія или немного выше ихъ, которыя, обладая нѣкоторыми «popular talents», возбуждаютъ и разжигаютъ дѣйствительную нужду многочисленнаго рабочаго населенія, пробуждая въ нихъ надежды на немедленное избавленіе ихъ отъ всѣхъ бѣдствій путемъ парламентской реформы и подготавливая въ нихъ (въ отчаяніи передъ достиженіемъ этой цѣли) рѣшимость попытаться силою ниспровергнуть установленную конституцію». Коммиссіи находятъ, что успѣшное подавленіе попытокъ возстанія слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ тѣмъ чрезвычайнымъ полномочіямъ, которыми парламентъ надѣлилъ исполнительное правительство. Въ виду этого коммиссіи, хотя и увѣрены въ лойяльности и спокойномъ настроеніи массы подданныхъ, считаютъ нужнымъ выразить свое убѣжденіе въ томъ, что для охраненія общественнаго спокойствія еще нельзя полагаться на обычныя законныя средства.

12 іюня палатѣ лордовъ былъ представленъ докладъ коммиссіи ея, а на слѣдующій день лордъ Сидмаутъ уже внесъ билль о продленіи пріостановки; 16 іюня билль принятъ во второмъ чтеніи, большинствомъ 190 противъ 50 голосовъ, а 19 іюня — въ третьемъ чтеніи большинствомъ 141 голоса противъ 37 [1]). Палатѣ общинъ билль былъ представленъ 23 іюня, при чемъ послѣ продолжительныхъ преній голосованіе по первому чтенію дало въ пользу билля большинство 276 голосовъ противъ 111; 27 іюня состоялось третье чтеніе, большинствомъ 195 противъ 65 [2]). Пренія, сопровождавшія обсужденіе билля, въ обѣихъ палатахъ отличались большимъ оживленіемъ особенно со стороны ораторовъ, говорившихъ противъ продленія пріостановки.

Съ доводами въ пользу нея выступили, какъ и въ прошлый разъ, лордъ Сидмаутъ въ верхней палатѣ и лордъ Кэстльри въ нижней. Въ рѣчахъ своихъ они широко пользовались данными и аргументами докладовъ парламентскихъ коммиссій, охотно цитируя наиболѣе существенныя мѣста ихъ. Главнымъ доводомъ въ пользу продленія пріостановки служило то соображеніе, что наличность исключительныхъ мѣръ помогла погасить всѣ возникавшія попытки возстанія; между тѣмъ броженіе среди населенія многихъ мѣстностей продолжается, опасность новыхъ попытокъ возстанія не миновала, и потому интересы охраненія общественнаго спокойствія настоятельно требуютъ продленія исключительныхъ полномочій по производству арестовъ. Особенное вниманіе лордъ Сидмаутъ обратилъ на полученныя правительствомъ изъ разныхъ мѣстностей заявленія, что даже тамъ, гдѣ актъ не былъ примѣняемъ, существованіе исключительныхъ мѣръ, вызывая спасительный страхъ,

---

1) Пренія въ палатѣ лордовъ — Ibid., стр. 959; 975—1016; 1045—1063.

2) Пренія въ палатѣ общинъ — Ibid., стр. 1109—1144; 1145—1155; 1198—1204; 1208—1254.

сильно содѣйствовало охраненію спокойствія и предупрежденію безпорядковъ[1]).

Однимъ изъ наиболѣе рѣшительныхъ противниковъ продленія пріостановки Habeas Corpus Акта выступилъ лордъ Эрскинъ, произнесшій вслѣдъ за лордомъ Сидмаутомъ весьма содержательную рѣчь, главною темою которой было доказательство того, что пріостановка не есть средство увраченія существующаго недовольства; это послѣднее имѣетъ свои причины, уразумѣніе которыхъ и даетъ вѣрный отвѣтъ на вопросъ о средствахъ устраненія существующихъ золъ. По мнѣнію лорда Эрскина, слѣдуетъ признать «большую аналогію между болѣзнями человѣческаго тѣла и государственными безпорядками (disorders of the state) въ вопросѣ о средствахъ противъ тѣхъ и другихъ. Отличительная черта разумнаго и искуснаго врача состоитъ въ томъ, что онъ основательно всматривается въ причины болѣзненныхъ симптомовъ, прежде чѣмъ заняться удаленіемъ ихъ, потому что малѣйшая ошибка въ этомъ отношеніи непремѣнно грозитъ увеличеніемъ ихъ. Каковы же причины того безпокойнаго состоянія страны, которое служитъ предметомъ какъ перваго, такъ и втораго, нынѣ предложеннаго палатѣ доклада? Причины эти ясны; онѣ кроются во всеобщихъ и безпримѣрныхъ бѣдствіяхъ всѣхъ классовъ населенія, возникшихъ вслѣдствіе разорительныхъ продолжительныхъ требованій правительства, неизбѣжныхъ въ военное время, отъ послѣдовавшаго поэтому застоя торговли и промышленности, лишившаго милліоны населенія работы, необходимой для ихъ существованія, при чемъ эти бѣдствія не могли не дѣйствовать пагубно и на земледѣліе, сдѣлавъ владѣніе землею скорѣе бременемъ, чѣмъ источникомъ существованія. Всѣ эти бѣдствія, и сами по себѣ достаточныя для того, чтобы вызвать возбужденіе и недовольство, возрастаютъ и усугубляются

1) Ibid., стр. 980.

огромностью всепожирающаго государственнаго бюджета, закрывающаго возможность обновленія. Далѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на то направленіе, какое неизбѣжно получаетъ общественная мысль подъ вліяніемъ такихъ бѣдствій; народъ въ свою очередь, желая удаленія ихъ, также изслѣдуетъ причины бѣдствій и приписываетъ ихъ тому, что онъ не пользуется тѣмъ участіемъ въ государственномъ управленіи, на которое онъ имѣетъ право по духу конституціи. Онъ, можетъ быть, и ошибается въ этомъ разсужденіи, но несправедливо клеймить его, называя его враждебнымъ по отношенію къ правительству и стремящимся къ его низверженію въ то время, когда наиболѣе славные государственные дѣятели все чаще и чаще заявляютъ въ парламентѣ, что реформа въ системѣ представительства — единственное средство къ упроченію нашей неоцѣнимой конституціи. Только она и была задачею всѣхъ и каждаго изъ многочисленныхъ митинговъ, которые такъ напугали министровъ и противъ которыхъ они приняли такія рѣшительныя и опасныя мѣры. Ихъ задачею было не что иное, какъ именно парламентская реформа»[1]). Вслѣдствіе этого лучшее средство къ устраненію безпорядковъ состоитъ, по убѣжденію Эрскина, во внимательномъ отношеніи къ народнымъ нуждамъ и въ удовлетвореніи ихъ законныхъ желаній; равнодушіе же къ нимъ является главною причиною броженія среди народа. — Этотъ взглядъ былъ высказанъ и другими ораторами оппозиціи, находившими, что парламентская реформа могла бы быть самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ тому, чтобы остановить народное возбужденіе[2]).

Въ рѣчи лорда Эрскина необходимо отмѣтить еще нѣкоторыя замѣчанія о самомъ существѣ пріостановки Habeas Corpus Акта и тѣхъ предѣлахъ, за которые правительство не въ правѣ переходить въ пользованіи

1) Ibid., стр. 981—982.

2) Ibid., стр. 990; 1239—1240.

ею. Онъ съ негодованіемъ указалъ на преобладающее въ послѣднее время мнѣніе о томъ, что при дѣйствіи акта о пріостановкѣ можно подвергать аресту не при наличности какого-нибудь положительнаго обвиненія, а по смутному подозрѣнію недоброжелательства, и въ тѣхъ случаяхъ, когда вовсе не имѣется въ виду судебное преслѣдованіе подозрѣваемаго. Между тѣмъ правильное примѣненіе пріостановки должно имѣть мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ надъ арестованными лицами можетъ представить извѣстную опасность; «такіе же случаи, — прибавилъ лордъ Эрскинъ, — встрѣчаются очень рѣдко, развѣ только когда существуетъ широко раскинувшійся заговоръ или открытое возмущеніе, которые только и могутъ оправдать такого рода мѣру, способную въ такихъ случаяхъ встрѣтить поддержку всѣхъ разумныхъ и честныхъ людей [1])».

Какъ лордъ Эрскинъ, такъ и другіе ораторы оппозиціи нимало не отрицали необходимости бороться съ безпорядками, подобными случившимся, но доказывали, что они могутъ быть успѣшно подавлены обычными законными средствами. Если же при наличности этихъ средствъ, при существованіи многочисленной арміи, при спокойномъ состояніи массы населенія, министръ не можетъ обезпечить общественное спокойствіе, то, по словамъ Макдональда (въ палатѣ общинъ), такой министръ долженъ быть смѣщенъ, но ужь никакъ не надѣляемъ диктаторскими полномочіями [2]).

Со стороны оппозиціи большое вниманіе было удѣлено нападкамъ на правительство за широкое пользованіе шпіонствомъ. Ближайшій поводъ къ этому данъ былъ самыми докладами парламентскихъ коммиссій. Въ докладѣ коммиссіи верхней палаты было между прочимъ сказано: «Эти свѣдѣнія во многихъ своихъ

1) Ibid., стр. 984.

2) Ibid., стр. 1235.

частяхъ опираются на показанія и сообщенія лицъ, которыя либо сами были болѣе или менѣе причастны этимъ преступнымъ дѣйствіямъ, либо принимали въ нихъ кажущееся участіе, но лишь съ цѣлью получить свѣдѣнія о нихъ и сообщить ихъ магистратамъ или министру. Свидѣтельство лицъ обѣихъ категорій, — продолжаетъ докладъ, — не можетъ не быть до извѣстной степени сомнительнымъ; и коммиссія имѣла основаніе усмотрѣть, что рѣчи и образъ дѣйствій нѣкоторыхъ лицъ послѣдней категоріи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, имѣли своимъ послѣдствіемъ ободреніе тѣхъ самыхъ плановъ, которые они должны были только обнаруживать» [1]). Буквально въ такихъ же выраженіяхъ указано на это и въ докладѣ другой коммиссіи [2]).

Такимъ образомъ сами оффиціальные акты давали почву для возбужденія по адресу правительства упрека въ томъ, что его же собственные агенты не мало содѣйствовали возбужденію тѣхъ безпорядковъ и волненій, противъ которыхъ правительство признавало необходимымъ принятіе исключительныхъ мѣръ. Этимъ обстоятельствомъ не преминули воспользоваться противники исключительныхъ мѣръ, старавшіеся подчеркнуть въ своихъ рѣчахъ опасность такихъ полномочій въ рукахъ лицъ, не пренебрегающихъ обращаться къ шпіонству ради того, чтобы представить состояніе общества въ возможно болѣе тревожномъ видѣ. По словамъ Мильтона (въ палатѣ общинъ), ему «извѣстно, что безпорядки въ Дербиширѣ и Іоркширѣ были вызваны въ значительной степени дѣйствіями посланцевъ правительства.» «Онъ не хочетъ утверждать, что правительственные агенты и были настоящими виновниками изображеннаго въ докладѣ заговора или что общее возстаніе не имѣлось въ виду ранѣе, чѣмъ они были посланы въ безпокойные округа. Но онъ однако счи-

1) Ibid., стр. 950.

2) Ibid., стр. 1096.

таетъ возможнымъ высказать свое убѣжденіе, что если бы не эти эмиссары, замыселъ могъ бы и не быть приведенъ въ осуществленіе»[1]). Особенно много говорилось о происках нѣкоего Оливера. Посланный правительствомъ въ возбужденные округа, чтобы на мѣстѣ изучить настроеніе и замыслы населенія, онъ выдавалъ себя за горячаго приверженца парламентской реформы, возбуждалъ къ принятію участія въ безпорядкахъ, говорилъ, что онъ, въ качествѣ делегата отъ лондонской группы сторонниковъ реформы, можетъ увѣрить, что народное движеніе встрѣтитъ поддержку со стороны многихъ десятковъ тысячъ населенія, и. т. д.[2]). Указавъ на это, сэръ Франсисъ Бёрдеттъ воскликнулъ: «можно-ли утверждать, что лицо, дѣлавшее такія сообщенія, не производило зла? Могъ-ли такой образъ дѣйствій его не имѣть своимъ необходимымъ послѣдствіемъ возбужденіе несчастныхъ, съ которыми онъ входилъ въ сношенія, къ актамъ возмущенія и непокорности, вслѣдствіе увѣреній его въ томъ, что они навѣрное избавятся отъ своихъ бѣдствій при помощи революціи, которую они несомнѣнно могутъ произвести, лишь только будетъ данъ сигналъ къ поднятію непреоборимой силы, готовой послѣдовать за ними? Могло-ли что-либо въ большей мѣрѣ содѣйствовать возбужденію преступныхъ надеждъ и отчаянныхъ плановъ»[3])?

Представители правительства не отвергали, что оно пользовалось услугами шпіоновъ; премьеръ, графъ Ливерпуль, прямо заявилъ 16 іюня, что Оливеръ «оказалъ правительству весьма существенныя услуги, въ теченіе послѣднихъ трехъ-четырехъ мѣсяцевъ»[4]). Но они настаивали на томъ, что правительство ничуть не поощряло

1) Ibid., стр. 1083—1084.

2) Ibid., стр. 1016 и сл., 1115—1116, 1210—1212.

3) Ibid., 1116.

4) Ibid., стр. 1007.

дѣйствій шпіоновъ, возбуждавшихъ населеніе, а напротивъ предписывало имъ воздерживаться отъ этого [1]).

Въ преніяхъ указано было также и на то, что пріостановка Habeas Corpus Акта является мѣрою общаго и повсемѣстнаго характера; между тѣмъ, даже по признанію самого правительства и парламентскихъ коммиссій, революціонное движеніе ограничивается лишь нѣсколькими графствами [2]). Въ виду этого была предложена поправка къ биллю — объ ограниченіи площади примѣненія пріостановки графствами Ланкастеръ, Дерби, Лейчестеръ, Ноттингэмъ и Іоркъ, а также городами Бирмингэмомъ и Стокпортомъ [3]). Но эта поправка была отвергнута на основаніи того соображенія, что если бы примѣненіе пріостановки было ограничено нѣкоторыми округами, то «зло распространилось бы по другимъ округамъ и опасность сдѣлалась бы общею для всей страны за исключеніемъ лишь тѣхъ мѣстъ, гдѣ было бы допущено примѣненіе акта» [4]).

Бо̀льшій успѣхъ имѣла другая поправка. По предложенію правительства, срокомъ дѣйствія пріостановки предполагалось назначить «шесть недѣль по собраніи парламента». Оппозиція выступила противъ такой неопредѣленности, указывая на то, что время созванія парламента зависитъ отъ исполнительной власти и можетъ быть произвольно отодвинуто ею на значительный періодъ. Въ виду крайней нежелательности такой неопредѣленности, было предложено указать опредѣленную дату, а именно 1 или 25 декабря. Правительство согласилось на указаніе опредѣленнаго срока, но потребовало назначить его на 1 марта 1818 г.,

---

1) Вопросъ о шпіонствѣ, какъ одномъ изъ средствъ пользованія исключительными полномочіями, явился предметомъ особаго вниманія во время преній объ амнистіи въ 1818 г. См. слѣдующую главу.

2) Ibid., стр. 1145—1146.

3) Ibid., стр. 1201.

4) Ibid., стр. 1215.

что и было вотировано[1]). Такимъ образомъ дѣйствіе исключительныхъ полномочій было продлено на восемь мѣсяцевъ[2]).

Въ тронной рѣчи, которою была закрыта (12 іюля) парламентская сессія, принцъ-регентъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ благодарилъ парламентъ за вотированіе исключительныхъ мѣръ: «я вполнѣ признателенъ за то довѣріе, которое вы проявили ко мнѣ, предоставивъ мнѣ исключительныя полномочія; вызвавшая ихъ необходимость составляетъ для меня предметъ глубокаго сожалѣнія; и вы можете положиться на меня въ томъ, что я дамъ имъ умѣренное, хотя и дѣйствительное примѣненіе въ интересахъ защиты и безопасности вѣрныхъ подданныхъ его величества[3])».

Пріостановка 1817—1818 г. явилась послѣднею въ исторіи Англіи. Любопытно при этомъ то обстоятельство, что конецъ ей положенъ былъ не наступленіемъ срока дѣйствія акта о пріостановкѣ, а спеціальнымъ актомъ парламента, отмѣнившимъ ее до наступленія срока и изданнымъ, къ тому же, по предложенію самого правительства.

Въ тронной рѣчи, которою 27 января 1818 г. открыта была парламентская сессія, принцъ-регентъ указалъ на то, что въ теченіе минувшаго года въ разныхъ отрасляхъ промышленности произошли весьма значительныя улучшенія, а это «не могло не отнять у лицъ недоброжелательныхъ главнаго средства, которымъ они пользовались для того, чтобы сѣять духъ недовольства, къ несчастію приводившій къ актамъ мятежа и измѣны; и его королевское высочество питаетъ твердую надежду

---

1) Ibid., стр. 1254, 1202. Ср. выше, стр. 234—235.

2) Текстъ этого акта о продленіи пріостановки (57 Geo. III, cap. 55) вполнѣ сходенъ съ текстомъ предъидущаго акта. Statutes at Large, т. 18, стр. 99—100.

3) Parliamentary Debates т. XXXVI, стр. 1449.

на то, что мирное и спокойное состояніе, нынѣ водворившееся въ странѣ, будетъ охранено отъ всякихъ на него покушеній какъ бдительностью магистратуры, такъ и лойяльностью и разсудительностью народа [1])».

Въ виду такихъ заявленій тронной рѣчи, лордъ Голландъ въ тотъ же день сообщилъ въ палатѣ лордовъ о своемъ намѣреніи предложить немедленно билль объ отмѣнѣ пріостановки Habeas Corpus Акта до наступленія срока (1го марта), при чемъ рекомендовалъ примѣнить сокращенный порядокъ проведенія этого билля. Ораторъ заявилъ при этомъ, что онъ готовъ воздержаться отъ внесенія этого билля, если само правительство намѣрено предложить его. По этому поводу глава министерства, графъ Ливерпуль, сказалъ, что дѣйствительно правительство намѣрено внести такой билль и предложить провести его сокращеннымъ порядкомъ [2]).

Въ палатѣ общинъ въ тотъ же день лордъ Альторпъ также заявилъ о намѣреніи своемъ внести билль объ отмѣнѣ пріостановки, при чемъ лордъ Кэстльри замѣтилъ, что это уже входитъ въ планъ правительства и что соотвѣтственный билль будетъ внесенъ въ ту палату, гдѣ первоначально вотирована была самая пріостановка [3]).

28 января лордъ Сидмаутъ дѣйствительно внесъ этотъ билль въ палату лордовъ, которая въ тотъ же день приняла его [4]), а 29 января билль этотъ вотированъ нижнею палатою, также въ одинъ день пройдя всѣ стадіи [5]).

Предложеніе правительства объ отмѣнѣ пріостановки до срока не могло, конечно, вызвать возраженій, вслѣдствіе чего пренія по этому предмету были весьма непродолжительны и касались не самаго существа билля,

1) Ibid., т. XXXVII, стр. 2—3.
2) Ibid., стр. 4—5.
3) Ibid., стр. 18—19.
4) Ibid., стр. 56—65.
5) Ibid., стр. 91—104.

а лишь нѣкоторыхъ побочныхъ обстоятельствъ. Въ палатѣ лордовъ отъ лица оппозиціи говорилъ лордъ Голландъ, находившій, что недостаточно ограничиться одною отмѣною пріостановки, а необходимо вслѣдъ за этимъ произвести тщательное разслѣдованіе «основаній, по которымъ была принята пріостановка», и обстоятельствъ ея практическаго примѣненія. Мотивомъ къ такому разслѣдованію служитъ, по мнѣнію лорда Голланда, очевидная неосновательность поводовъ къ пріостановкѣ важнѣйшей гарантіи личной свободы. Противъ этого однако были высказаны рѣшительныя возраженія, главнымъ образомъ лордомъ Сидмаутомъ, который старался доказать, что именно пріостановка Habeas Corpus Акта въ сильной степени помогла умиротворенію страны [1]).

---

1) Вопросъ этотъ, какъ увидимъ ниже, явился предметомъ оживленныхъ преній при проведеніи билля объ амнистіи. Замѣтимъ здѣсь, что безпристрастный и спокойный судъ исторіи установилъ справедливость упрековъ политикѣ кабинета Ливерпуля-Сидмаута по отношенію къ пріостановкѣ Habeas Corpus Акта въ 1817—1818 г. Во время обсужденія этой мѣры сторонники ея опирались на прецедентъ 1794 года и свою аргументацію старались подкрѣпить авторитетомъ Питта (см. выше, стр. 267). Однако, по словамъ Вальполя, это усердіе ихъ только компрометируетъ память великаго министра. „Слава Питта, — говоритъ онъ, — гораздо болѣе пострадала отъ рабской подражательности его послѣдователей, чѣмъ отъ нападокъ всѣхъ его оппонентовъ. Онъ, такимъ путемъ, сдѣлался косвенно отвѣтственнымъ не только за акты своего собственнаго управленія, но и за политику своихъ преемниковъ. Никогда ни одному министру не было сдѣлано большей несправедливости. Питту, въ концѣ его управленія, пришлось вести отчаянную борьбу съ якобинизмомъ. Война съ Франціей въ 1793 г. была войною противъ якобинизма, и государственные люди, признавшіе такую войну необходимою, были логически приведены къ необходимости бороться съ врагомъ, который одновременно шелъ противъ нихъ и въ Соединенномъ Королевствѣ. Но съ битвою при Ватерлоо исчезло послѣднее оправданіе репрессивнаго законодательства. То исключительное положеніе вещей, которое создала революція, миновало; худо-ли, хорошо-ли это было, но легитимизмъ былъ реставрированъ, и усталый континентъ погрузился въ угрюмое спокойствіе. Революція перестала быть опасностью, потому что революція повсюду была подавлена, и возстановленіе порядка вполнѣ устраняло оправданіе про-

Изъ преній въ палатѣ общинъ отмѣтимъ замѣчанія по вопросу о дополненіи билля особымъ постановленіемъ относительно тѣхъ лицъ, которыя были арестованы во время дѣйствія пріостановки и затѣмъ были выпущены на свободу подъ извѣстными обязательствами (recognizances)[1]). Лордъ Фолькстонъ и лица, поддерживавшія возбужденный имъ вопросъ, находили, что въ билль слѣдуетъ включить спеціальную статью, которая объявляла бы эти обязательства утратившими силу. Это требованіе вызвало однако возраженіе со стороны генералъ-атторнея, который указывалъ на невозможность уничтожить такія обязательства, ибо могутъ оказаться среди освобожденныхъ такія лица, которыя еще не были преданы суду только вслѣдствіе того, что не были собраны нужныя для того доказательства. Члены оппозиціи упорно настаивали на томъ, что «recognizances», взятыя съ лицъ, арестованныхъ во время дѣйствія пріостановки, должны исчезнуть съ момента прекращенія ея. Въ результатѣ довольно продолжитель-

---

извольнаго управленія. Единственно лишь крайняя необходимость могла бы оправдывать законодательство 1817 г., и хотя общество переживало въ то время кризисъ, однако кризисъ этотъ едва-ли давалъ право на суровое законодательство этого года“ .... Далѣе Вальполь говоритъ, что болѣе или менѣе насильственный характеръ движеніе, имѣвшее единственною своею задачею парламентскую реформу, получило именно подъ вліяніемъ тѣхъ крайнихъ мѣръ, которыя правительство приняло для подавленія агитаціи. Преувеличенность опасеній правительства ярко сказалась, между прочимъ, въ результатахъ судебнаго преслѣдованія нѣсколькихъ лицъ, участвовавшихъ въ митингахъ Spa-Fields. Они были преданы суду по обвиненію не въ совершеніи безпорядковъ, въ чемъ они дѣйствительно были виновны, а въ государственной измѣнѣ, и благодаря этому присяжнымъ пришлось совершенно оправдать ихъ. Такимъ образомъ серьезные безпорядки, заслуживавшіе суроваго наказанія, — говоритъ Вальполь, — остались безнаказанными, и только потому, что правительство безразсудно удостоило организаторовъ ихъ чести быть предметомъ обвиненія въ государственной измѣнѣ. Spencer Walpole, History of England, т. I, стр. 358—360, 364. Ср. также May, Constitutional History, т. III, стр. 16—17; т. II, стр. 345.

1) Объ этихъ обязательствахъ см. выше, стр. 104.

ныхъ преній лордъ Фолькстонъ выразилъ готовность взять назадъ свою поправку, если генералъ-атторней дастъ обѣщаніе считать недѣйствительными всѣ такія обязательства, что̀ и было имъ исполнено послѣ того, какъ генералъ-атторней обѣщалъ уничтожить «recognizances».

Билль объ отмѣнѣ акта о пріостановкѣ получилъ королевское утвержденіе 31 января 1818 года[1]), такъ что дѣйствіе ея прекратилось за мѣсяцъ до назначеннаго срока. Съ тѣхъ поръ не было ни одного случая примѣненія этой мѣры по отношенію собственно къ Англіи или точнѣе — Великобританіи, не смотря на то, что въ жизни страны бывали и послѣ того періоды внутреннихъ броженій, принимавшихъ подчасъ характеръ и размѣры гораздо болѣе сложные, чѣмъ многія изъ разсмотрѣнныхъ волненій, дававшихъ поводъ къ пріостановкѣ дѣйствія основной гарантіи личной свободы.

Въ заключеніе обзора отдѣльныхъ случаевъ пріостановки Habeas Corpus Акта приводимъ общій перечень ихъ съ указаніемъ сроковъ и продолжительности дѣйствія ея, а также наименованіемъ отдѣльныхъ актовъ[2]):

---

1) Актъ объ отмѣнѣ пріостановки (58 Geo. III, cap. 1) состоитъ изъ одной статьи, предваренной вступленіемъ, въ которомъ дѣлается указаніе на предшествующій актъ о продленіи пріостановки и возвѣщается, что „признано болѣе ненужнымъ для общественной безопасности, чтобы названный актъ и его постановленія сохраняли впредь свою силу". Statutes at Large, т. 25, стр. 377.

2) Въ этотъ перечень входятъ акты о пріостановкѣ, касающіеся собственно Англіи и (съ 1707 г.) Шотландіи; въ него не включены акты о пріостановкѣ (1777—1783 гг.), вызванные борьбою съ американскими колоніями (см. выше, стр. 197). Акты о продленіи пріостановки не имѣютъ въ перечнѣ особой нумераціи.

1. Съ 6 марта 1688 по 17 апрѣля 1689 г. [1 Will. & Mar., s. 1, c. 2]. — Шесть недѣль.
2. Съ 25 апрѣля по 25 мая 1689 г. [1 Will. & Mar., cap. 7]. — Одинъ мѣсяцъ.
   Съ 25 мая по 23 октября 1689 г. [1 Will. & Mar., cap. 19]. — Пять мѣсяцевъ.
3. Съ 20 февраля 1695 по 1 сентября 1696 г. [7 & 8 Will. III, cap. 11]. — Шесть мѣсяцевъ и десять дней.
4. Съ 10 марта 1707 по 23 октября 1708 г. [6 Anne, cap. 67]. — Семь мѣсяцевъ и двѣ недѣли.
5. Съ конца іюля 1715 по конецъ января 1715 г. [1 Geo. I, cap. 8]. — Шесть мѣсяцевъ.
   Съ конца января 1715 по іюль 1716 г. [1 Geo. I, cap. 30]. — Шесть мѣсяцевъ.
6. Съ 17 октября 1722 по 24 октября 1723 [9 Geo. I, cap 1]. — Одинъ годъ и семь дней.
7. Съ 1 марта 1743 по 29 апрѣля 1744 г. [17 Geo. II, cap. 6]. — Около двухъ мѣсяцевъ.
8. Съ 20 октября 1745 по 19 апрѣля 1746 г. [19 Geo. II, cap. 1]. — Шесть мѣсяцевъ.
   Съ 20 апрѣля по 20 ноября 1746 г. [19 Geo. II, cap. 17]. — Семь мѣсяцевъ.
   Съ 20 ноября по 20 февраля 1746 г. [20 Geo. II, cap. 1]. — Три мѣсяца.
9. Съ 23 мая 1794 по 1 февраля 1795 г. [34 Geo. III, cap. 54]. — Восемь мѣсяцевъ и одна недѣля.
   Съ 1 февраля по 1 іюля 1795 г. [35 Geo. III, cap. 3]. — Пять мѣсяцевъ.
10. Съ 21 апрѣля 1798 по 1 февраля 1799 г. [38 Geo. III, cap. 36]. — Девять мѣсяцевъ и десять дней.
    Съ 1 февраля по 21 мая 1799 г. [39 Geo. III, cap. 15]. — Три мѣсяца и три недѣли.
    Съ 21 мая 1799 по 1 марта 1800 г. [39 Geo. III, cap. 44]. — Девять мѣсяцевъ и десять дней.
    Съ 1 марта 1800 по 1 февраля 1801 г. [39 & 40 Geo. III, cap. 20]. — Одиннадцать мѣсяцевъ.
    Съ 1 февраля до половины марта 1801 г. [41 Geo. III, cap. 32]. — Полтора мѣсяца.
11. Съ 18 апрѣля до половины декабря 1801 г. [41 Geo. III, cap. 26]. — Около восьми мѣсяцевъ.
12. Съ 4 марта по 1 іюля 1817 г. [57 Geo. III, cap. 3]. — Около четырехъ мѣсяцевъ.
    Съ 1 іюля 1817 по 1 марта 1818 г. [57 Geo. III, cap. 55]. — Восемь мѣсяцевъ.
    (фактически — по 1 февраля 1818 г.) (фактически — семь мѣсяцевъ).

Глава IV.

Акты объ амнистіи.

Данныя, разсмотрѣнныя въ предшествующей главѣ, не исчерпываютъ того матеріала, который необходимо имѣть въ виду для уясненія значенія пріостановки Habeas Corpus Акта и особенно для правильнаго представленія о существѣ и границахъ тѣхъ полномочій, которыми актъ о пріостановкѣ надѣляетъ администрацію. Для этихъ цѣлей должны быть приняты во вниманіе еще такъ называемые «акты объ амнистіи» (Acts of Indemnity), изданіемъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ сопровождались пріостановки основной гарантіи личной свободы.

Какъ указано выше [1]), полномочія, даваемыя пріостановкою, при всей ихъ исключительности, не открываютъ администраціи полной свободы дѣйствія; она остается ограниченной рамками законности, обычныя требованія которой сохраняютъ свою силу. И при наличности временной пріостановки основной гарантіи свободы произвольные аресты и иныя злоупотребленія являются дѣйствіями противозаконными, такъ что лица, совершающія ихъ, подлежатъ отвѣтственности за нихъ по искамъ и обвиненіямъ, которые могутъ быть предъявлены противъ нихъ пострадавшими, лишь только они получаютъ къ тому возможность съ прекращеніемъ чрезвычайнаго положенія. Освобожденіе отъ этой отвѣтственности и

1) См. стр. 171, 221, 232—234.

составляетъ главную задачу актовъ объ амнистіи, или точнѣе — о ненаказуемости тѣхъ неправильныхъ и противозаконныхъ дѣйствій, которыя могли быть совершены при осуществленіи на практикѣ полномочій, даваемыхъ актомъ о пріостановкѣ.

Уже изъ этого общаго указанія смысла актовъ объ амнистіи видно, какое существенное значеніе имѣютъ они для института пріостановки. Если же принять во вниманіе, что вотированію парламентомъ билля объ амнистіи предшествуетъ обсужденіе основаній къ этому, въ связи съ разсмотрѣніемъ данныхъ о самомъ примѣненіи исключительныхъ полномочій, и что въ зависимости отъ обнаружившихся при этомъ явленій стоитъ какъ самое принятіе билля, такъ и формулировка его, — то станетъ вполнѣ яснымъ, насколько важно изученіе такихъ актовъ, какъ средство выдвинуть различныя дополнительныя черты для болѣе полнаго освѣщенія института пріостановки Habeas Corpus Акта.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что изданіе акта объ амнистіи не есть непремѣнное послѣдствіе пріостановки, неизбѣжный результатъ, ей сопутствующій. Изданіемъ такихъ актовъ сопровождались далеко не всѣ случаи пріостановки. Общее число актовъ объ амнистіи, сопровождавшихъ пріостановку Habeas Corpus Акта, достигаетъ шести, а именно: акты 1689, 1715, два акта 1746, актъ 1801 и актъ 1818 гг. [1]). Пріостановки 1695—1696, 1707—1708, 1722—1723, 1743—1744 и отчасти 1746 гг. амнистіею не сопровождались.

---

1) Acts of Indemnity — краткое обозначеніе существа этихъ актовъ, носящихъ въ сборникѣ статутовъ иныя и, большею частью, различныя названія. Вотъ ихъ перечень:

a) 1 Will. & Mar. Ses. 2, cap. 8 (1689). — An Act for preventing vexatious Suits against such as acted in order to the bringing in their Majestyes or for their Service (актъ для предупрежденія притѣснительныхъ исковъ противъ тѣхъ, которые дѣйствовали съ цѣлью возведенія на престолъ ихъ величествъ или ради ихъ пользы). — Statutes of the Realm, т. VI, стр. 153—154.

Съ другой стороны, разсмотрѣніе самыхъ текстовъ обнаруживаетъ, что только въ одномъ изъ актовъ объ амнистіи (1801 г.) имѣется нѣкоторое указаніе на то, что онъ является какъ-бы слѣдствіемъ изданія исключительныхъ мѣръ: во вступленіи къ нему сдѣланъ перечень актовъ о пріостановкѣ, изданныхъ съ 1794

---

b) 1 Geo. I, cap. 39 (1715). — An Act to indemnify such persons who have acted in Defence of his Majesty's Person and Government, and for the Preservation of the Publick Peace of this Kingdom, in and about the Time of the late unnatural Rebellion, from vexatious Suits and Prosecutions (актъ съ цѣлью обезпечить отъ притѣснительныхъ исковъ и преслѣдованій тѣхъ лицъ, которыя дѣйствовали въ защиту особы и правительства его величества, а также въ видахъ охраненія общественнаго спокойствія королевства въ эпоху минувшаго возстанія). — Statutes at Large, т. 5, стр. 78—79.

c) 19 Geo. II, cap. 20 (1746). — An Act to indemnify such Persons as have acted in Defence of his Majesty's Person and Government, and for the Preservation of the Publick Peace of this Kingdom during the Time of the present unnatural Rebellion, and Sheriffs and others, who have suffered Escapes occasioned thereby, from vexatious Suits and Prosecutions — (этотъ актъ покрывалъ незаконныя дѣйствія, совершенныя до 30 апрѣля 1746 г.). — Statutes at Large, т. 6, стр. 666.

d) 19 Geo. II, cap. 39 (1746). Статья 18-я этого акта, касающагося различныхъ предметовъ, заключаетъ въ себѣ постановленіе объ амнистированіи дѣйствій, совершенныхъ между 30 апрѣля и 25 іюля 1746 г. — Ibid., стр. 708.

e) 41 Geo. III, cap. 66 (24 іюня 1801). — An Act for indemnifying such Persons as, since the first Day of February one thousand seven hundred and ninety-three, have acted in the apprehending, imprisoning, or detaining in Custody, in Great Britain, of Persons suspected of High Treason or Treasonable Practices (актъ, освобождающій отъ отвѣтственности тѣхъ лицъ, которыя съ 1 февраля 1793 г. участвовали въ арестованіи, заключеніи въ тюрьмы или задержаніи подъ стражею, въ Великобританіи, лицъ, подозрѣваемыхъ въ государственной измѣнѣ или измѣнническихъ происках). — Idem, т. 19, стр. 119—120.

f) 58 Geo. Ш cap. 6 (17 марта 1818). An Act for indemnifying Persons who, since 26 January 1817, have acted in apprehending, imprisoning, or detaining in Custody Persons suspected of High Treason or Treasonable Practices, and in the Suppression of Tumultuous and Unlawful Assemblies (то-же и, сверхъ того, въ пресѣченіи мятежныхъ и незаконныхъ сборищъ). — Idem, т. 25, стр. 379—381.

по 1801 г.; въ остальныхъ же нѣтъ никакихъ указаній на то, что амнистируются дѣйствія, совершенныя въ силу исключительныхъ полномочій, ввѣренныхъ администраціи. Отсутствіе непремѣнной связи между пріостановкою и амнистіей выступаетъ также и изъ того обстоятельства, что въ нѣкоторыхъ актахъ даваемая амнистія покрываетъ дѣйствія, совершенныя внѣ тѣхъ предѣловъ времени, которыми опредѣляется продолжительность пріостановки. Такъ, первый актъ (1689) обнимаетъ дѣйствія, совершенныя и за время, предшествовавшее возведенію на престолъ Вильгельма и Маріи; амнистія, даваемая актомъ 1801 г., покрываетъ неправильныя дѣйствія по производству арестовъ, начиная съ 1 февраля 1793 г., т.е. слишкомъ за годъ до вотированія пріостановки 1794 года; наконецъ, послѣдній актъ 1818 г. амнистируетъ неправильныя дѣйствія съ 26 января 1817 г., тогда какъ актъ о пріостановкѣ изданъ 4 марта 1817 г.

Что касается самаго содержанія актовъ объ амнистіи, то въ существеннѣйшихъ чертахъ они представляютъ значительное сходство между собою и состоятъ изъ двухъ главныхъ частей — мотивировки и резолютивной части. Для примѣра сдѣлаемъ очеркъ содержанія акта 1689 года и постараемся передать его въ выраженіяхъ, возможно болѣе точно передающихъ подлинникъ [1]).

Въ эпоху «славнаго предпріятія его величества съ цѣлью освобожденія королевства отъ папизма и произвола», содѣйствовавшіе этому различные лорды — джентльмены и другіе добрые люди, преданные своей странѣ, дѣйствовали въ качествѣ лордовъ-лейтенантовъ, мировыхъ судей или другихъ должностныхъ лицъ гражданскихъ и военныхъ, при чемъ они, хотя и не въ достаточной степени уполномоченные къ тому, подвергали аресту и заключенію подъ стражу различныхъ

1) Англійскій текстъ этого акта приведенъ ниже, въ „Приложеніяхъ“, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ напечатанъ въ сборникѣ Statutes of the Realm.

преступныхъ и подозрительныхъ лицъ, забирали (и пользовались ими) лошадей, оружіе и другія вещи, входили въ дома и владѣнія различныхъ лицъ и ставили постоемъ солдатъ. При этихъ дѣйствіяхъ неизбѣжными являлись извѣстное насиліе и несоблюденіе формальностей, что̀ не могло бы быть оправдано въ мирное время и въ эпоху общей безопасности. И послѣ благополучнаго восшествія ихъ величествъ на престолъ совершены были, — вслѣдствіе войнъ и смутъ, причиненныхъ врагами ихъ и королевства, — различныя подобныя дѣйствія, необходимыя и дозволительныя въ виду требованій общественныхъ интересовъ. Всѣ такія дѣйствія должны бы быть оправданы, а лица, ихъ совершившія — освобождены отъ отвѣтственности. Между тѣмъ нѣкоторые, зложелательно относящіеся къ правительству, безопасности и благоденствію королевства, начали и ведутъ или грозятся начать и вести иски и преслѣдованія противъ вѣрныхъ подданныхъ ихъ величествъ за вышесказанныя ихъ дѣйствія. Вотъ съ цѣлью предотвратить тѣ огорченія и обвиненія, которымъ они могутъ подвергнуться благодаря такимъ притѣснительнымъ преслѣдованіямъ, постановляется, что всякаго рода иски, тяжбы и преслѣдованія, направленные противъ лицъ, которыя совѣтомъ, приказомъ или дѣйствіемъ служили ихъ величествамъ и бозопасности правительства, прекращаются и становятся ничтожными; въ случаѣ же возбужденія такихъ исковъ отвѣтчики могутъ въ опроверженіе ихъ ссылаться на настоящій актъ, при чемъ, сверхъ признанія исковъ ничтожными, въ пользу отвѣтчиковъ причитаются ихъ издержки въ двойномъ размѣрѣ.

Послѣдующіе акты, будучи въ существенномъ сходны съ разсмотрѣннымъ, заключаютъ однако въ себѣ нѣкоторыя второстепенныя отличія, особенно въ мотивировкѣ амнистіи. Правда, въ актахъ 1715 и 1746 гг., подобно акту 1689 г., главнымъ и единственнымъ мотивомъ сложенія отвѣтственности за дѣйствія, не вполнѣ

согласныя съ закономъ, также объявляется необходимость такихъ дѣйствій въ общественныхъ интересахъ; въ нихъ мы замѣчаемъ лишь иную формулировку его [1]). Но въ актахъ 1801 и 1818 гг. мы, во-первыхъ, не видимъ столь категорическаго указанія на отступленіе отъ законныхъ формъ, и во-вторыхъ, находимъ, что рядомъ съ упоминаніемъ о необходимости обезпеченія внутренняго спокойствія, какъ общаго оправданія совершенныхъ дѣйствій, въ качествѣ главнаго мотива къ амнистіи выдвигается новое соображеніе, а именно: въ случаѣ, если бы дѣйствія лицъ, участвовавшихъ въ производствѣ арестовъ и задержаніи подъ стражею, были подвергнуты сомнѣнію, то они не могли бы оправдать или защитить свои дѣйствія, не разоблачивъ тѣхъ путей, какими измѣнническіе замыслы были раскрыты; между тѣмъ ради предупрежденія въ будущемъ подобныхъ происковъ [въ актѣ 1818 г. сверхъ того прибавлено — для безопасности и защиты тѣхъ лицъ, донесеніемъ которыхъ сказанные замыслы были обнаружены] необходимо, что бы эти пути остались тайными и неразоблаченными [2]).

---

1) Въ актахъ 1715 и 1746 гг. говорится, что различные лорды-лейтенанты, ихъ замѣстители, мировые судьи, мэры, бальифы корпорацій, констебли и другія должностныя лица, дѣйствуя „in order to preserve our present happy Establyshment, and the Peace of the Kingdom, and to suppress and put an End to the said Rebellion, apprehended and put into Custody, and imprisoned several Criminals, and several Persons who they suspected might disturb the publick Peace, or foment or promote Riots, Tumults, Rebellions, or evil Designs against the Government; and also seized and used several Horses, Arms and other Things; and also pressed divers Horses, Carts, and Carriages, for the service of the Publick; and did, for the Purposes aforesnid, enter into the Houses and Possessions of divers Persons, and did divers Acts, which could not be justified by the strict Forms of Law, and yet were necessary, and so much for the service of the Publick, that they ought to be justified by Act of Parliament, and the Persons by whom they were transacted ought to be indemnified и. т. д.

2) Въ актахъ 1801 и 1818 гг., послѣ указанія на то, что въ интересахъ охраненія общественнаго спокойствія оказалось необходимымъ

Въ послѣднихъ двухъ актахъ, кромѣ того, находимъ нѣсколько различное опредѣленіе круга дѣйствій, которыя покрываются амнистіей. Въ актѣ 1801 г. ими являются дѣйствія по производству арестовъ, заключенію и содержанію подъ стражею разныхъ лицъ, подозрѣвавшихся въ государственной измѣнѣ и измѣнническихъ происках; въ актѣ же 1818 г. сверхъ того названы еще слѣдующія дѣйствія — отобраніе бумагъ у такихъ лицъ (to seize the Papers of divers of such Persons), разсѣяніе шумныхъ, безпорядочныхъ и противозаконныхъ сборищъ (to disperse Persons tumultuously, unlawfully and in a disorderly manner assembled together[1]), производство

принимать мѣры по производству арестовъ и задержанію подъ стражею (а въ актѣ 1818 г. — и нѣкоторыя другія мѣры) различныхъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ государственной измѣнѣ и измѣнническихъ происках, сказано: „And whereas in case the Acts and Proceedings of the several Persons employed or concerned in such apprehending, imprisoning and detaining in Custody [въ актѣ 1818 г. кромѣ того — and dispersing and seizing and searching as aforesaid] should be called in question, it would be [въ актѣ 1818 г. — it may be] impossible for them to justify or defend the same without an open Disclosure of the Means [въ актѣ 1818 г. — Disclosure of the Information given, and the Means] by which the said traitorous Designs [въ актѣ 1818 г. — and unlawful Purposes] were discovered; and it is necessary, for the future Prevention of similar Practices, that these Means of Information should remain secret and undisclosed, be it therefore enacted, и. т. д. (идутъ постановленія о недѣйствительности всякаго рода исковъ и преслѣдованій противъ участвовавшихъ въ сказанныхъ мѣрахъ); въ актѣ 1818 г. послѣдняя часть изложена въ другихъ выраженіяхъ: „and it is necessary for the safety and Protection of the Persons by whose Information and Means the same have been discovered, and for the future Prevention of similar Practices, that such Information and Means should remain secret and undisclosed; And whereas some of the said Acts done may not have been strictly justifiable in Law, but being done for the Preservation of the Public Peace and Safety, it is fit that the Persons doing the same should be saved harmless in respect thereof, be it enacted и. т. д.

1) Здѣсь имѣются въ виду мѣры, принятыя къ пресѣченію движенія толпы въ Лондонъ съ цѣлью подачи петиціи принцу-регенту (см. выше, стр. 282 и сл.): шумныя сборища, какъ сказано въ актѣ 1818 г., были предпринимаемы „under Pretence or for the Purpose of proceeding to London

домовыхъ обысковъ у различныхъ лицъ съ цѣлью розысканія у нихъ оружія (to search the Houses of divers Persons for Arms, and other offensive Weapons concealed or suspected to be concealed therein). Болѣе подробнымъ перечнемъ, въ послѣднемъ случаѣ, имѣлось въ виду лишь точнѣе опредѣлить сферу амнистируемыхъ дѣйствій; придавать же ему другое значеніе, въ смыслѣ какихъ-либо дополненій по существу, нѣтъ основанія, такъ какъ умолчаніе въ актѣ 1801 г. о дѣйствіяхъ по производству обысковъ или выемокъ, разумѣется, нельзя толковать въ томъ смыслѣ, что эти дѣйствія, часто тѣсно связанныя съ производствомъ ареста, не покрывались амнистіей.

Обзоръ содержанія актовъ объ амнистіи представляется однако недостаточнымъ для полнаго уясненія значенія этого института. Многія стороны его получаютъ дополнительное освѣщеніе въ подробностяхъ парламентскаго обсужденія этихъ актовъ; въ этихъ подробностяхъ къ тому же мы имѣемъ цѣнный матеріалъ для иллюстраціи практическаго примѣненія полномочій, даваемыхъ пріостановкою Habeas Corpus Акта. Вотъ почему для задачъ настоящей работы важно вникнуть въ тѣ условія, при которыхъ происходило вотированіе парламентомъ актовъ, покрывавшихъ безотвѣтственностью дѣйствія, совершенныя въ эпоху пріостановки. Къ сожалѣнію, свѣдѣній о парламентскомъ обсужденіи актовъ, изданныхъ въ XVII и XVIII вв., въ Parliamentary History нѣтъ, и только о вотированіи амнистіи, сопровождавшей пріостановки 1794—1795 и 1798—1801 г. и особенно 1817—1818 гг., мы находимъ достаточно обильный матеріалъ, которымъ и постараемся воспользоваться въ частяхъ, имѣющихъ ближайшее значеніе для уясненія института пріостановки.

---

in such Numbers as greatly to disturb and endanger the public Peace and Tranquillity, and to cause Terror and Intimidation in the Minds of His Majesty's loyal and peaceable Subjects".

Билль объ амнистіи 1801 г. внесенъ былъ въ палату общинъ еще за долго до истеченія срока дѣйствія послѣдней пріостановки, а именно 27 мая 1801 г. Представленію его предшествовало разсмотрѣніе парламентскою коммиссіей данныхъ о практическомъ примѣненіи исключительныхъ полномочій. Въ результатѣ этого разсмотрѣнія явился докладъ коммиссіи, въ которомъ особаго вниманія заслуживаютъ соображенія о необходимости изданія билля объ амнистіи, высказанныя въ концѣ доклада и имѣющія, по убѣжденію коммиссіи, «весьма важное значеніе, въ виду дѣйствительности мѣръ, принятыхъ для противодѣйствія опаснымъ и ужаснымъ планамъ».

«Значительная часть донесеній, — продолжаетъ докладъ, — которыя дали возможность правительству отъ времени до времени обнаруживать эти планы и принимать противъ нихъ мѣры, носятъ такой характеръ, что они не могутъ быть оглашены безъ крайняго неудобства или опасности. Весьма вѣроятно, что такимъ разоблаченіемъ была бы принесена въ жертву безопасность лицъ, которыя, опираясь на довѣріе къ правительству, съ большимъ рискомъ для себя содѣйствовали, своими секретными сообщеніями, устраненію общественной опасности. Въ результатѣ этого многіе изъ секретныхъ источниковъ достовѣрныхъ свѣдѣній, оказавшихся полезными въ критическіе моменты, на будущее время сдѣлались бы закрыты, и то значеніе, какое имѣетъ въ виду законодательная власть, прибѣгая къ пріостановкѣ Habeas Corpus Акта, было бы въ сильной степени, если не вполнѣ, парализовано; вмѣстѣ съ тѣмъ нашимъ чужеземнымъ и внутреннимъ врагамъ были бы открыты такіе источники свѣдѣній, которые въ интересахъ общества очень важно тщательно скрывать. Особенная осторожность, принятая нынѣшними заговорщиками, посредствомъ которой они стараются всѣ свѣдѣнія о своихъ планахъ, дѣйствіяхъ и даже о мѣстахъ своихъ собраній держать въ тайнѣ и ограничивать ихъ лишь немногими избранными, по возможности избѣгая

всякихъ письменныхъ слѣдовъ своей дѣятельности, представляетъ въ настоящее время лишній мотивъ къ охраненію источниковъ свѣдѣній. Очевидно, слѣдовательно, что величайшіе неудобства и вредъ могутъ возникнуть отъ какихъ-либо дѣйствій, которыя привели бы правительство къ непремѣнной необходимости огласить тѣ донесенія и доказательства, на основаніи которыхъ оно во многихъ случаяхъ должно дѣйствовать при проявленіи ввѣренныхъ ему полномочій по производству арестовъ и задержанію лицъ, подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ и измѣнническихъ происках. — Съ другой стороны, коммиссія сознаетъ, что безъ обнаруженія такихъ доказательствъ правительству было бы невозможно представить и объяснить истинныя основанія его образа дѣйствій, чтобы оправдаться противъ обвиненій, какъ бы ни были они неосновательны, въ какомъ-либо неправильномъ примѣненіи этихъ полномочій. Совершенно вѣрно, — и коммиссіи пріятно отмѣтить это, — что донесенія, на основаніи которыхъ правительство дѣйствовало, подтверждались столь многими побочными и согласными между собою положительными свѣдѣніями, а также и послѣдующими фактами, что не остается сомнѣнія въ ихъ достовѣрности. Но тогда, какъ эти обстоятельства вполнѣ показываютъ всю цѣну и значеніе донесеній, такимъ образомъ добытыхъ, и ту пользу, какая изъ нихъ была извлечена для общественной безопасности, они представляютъ еще лишнее соображеніе къ тому, чтобы не оглашать данныхъ столь деликатнаго и опаснаго свойства. Въ то же время коммиссія считаетъ правильнымъ обратить вниманіе палаты на сравнительно малое число задержанныхъ лицъ и на благополучный результатъ, сохраненіе спокойствія страны, достигнутый не смотря на упорныя стремленія нарушить его при столь критическихъ обстоятельствахъ. Это соображеніе уже само по себѣ позволяетъ предположить, что эти полномочія въ общемъ были примѣняемы осторожно и умѣренно, хотя въ тоже время и

разсудительно; но коммиссія проситъ принять во вниманіе, что такое убѣжденіе ея основывается не на этой общей презумпціи; она сочла своимъ непремѣннымъ долгомъ тщательно и подробно разсмотрѣть основанія, по которымъ различныя лица, содержавшіяся подъ стражею, были задержаны и подвергнуты заключенію; въ результатѣ она должна заявить свое обдуманное убѣжденіе въ томъ, что приказы о задержаніи издавались не иначе, какъ на основаніи такого подозрѣнія, которое по меньшей мѣрѣ оправдывало привлеченіе къ допросу; что, согласно съ результатомъ такого допроса и дальнѣйшаго разслѣдованія, лица задержанныя были или совершенно освобождаемы, или отпускаемы на свободу подъ обезпеченіе, или окончательно подвергаемы заключенію; что такія рѣшенія основывались либо на ясныхъ и положительныхъ обвиненіяхъ, подкрѣпляемыхъ присягою, либо на достовѣрныхъ документахъ, либо на столь солидныхъ поводахъ подозрѣнія, которыя вполнѣ оправдывали мѣру; и, наконецъ, что правительство не могло бы пренебречь примѣненіемъ своихъ полномочій ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ, не возбудивъ противъ себя обвиненія въ преступномъ и опасномъ небреженіи и невниманіи къ интересамъ общественнаго спокойствія и безопасности».

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній коммиссія «не можетъ не повергнуть на благоусмотрѣніе палаты вопросъ объ умѣстности изданія такого акта объ амнистіи, который защищалъ бы всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ указанныхъ дѣйствіяхъ, отъ послѣдствій какихъ-либо судебныхъ процессовъ, не подвергая этихъ лицъ необходимости либо пострадать за образъ дѣйствій, самъ по себѣ заслуживающій одобренія, либо огласить въ свою защиту такія данныя, которыя они — изъ соображеній гуманности, добросовѣстности и политики — должны считать своимъ долгомъ скрывать»[1]).

1) Parliamentary History, т. XXXV, стр. 1321—1323. Докладъ этотъ представленъ былъ палатѣ общинъ 15 мая 1801 г.

Согласно съ этимъ заключеніемъ коммиссіи, генералъ-атторней (27 мая 1801 г.) внесъ въ палату общинъ билль, который, послѣ довольно продолжительныхъ преній въ обѣихъ палатахъ парламента, былъ принятъ и 24 іюня утвержденъ королемъ[1]).

Не входя въ особыя подробности, укажемъ лишь наиболѣе существенные доводы, высказанные какъ въ пользу амнистіи, такъ и противъ нея. Главнымъ аргументомъ за билль послужили соображенія, изложенныя въ докладѣ коммиссіи. Развивая ихъ, ораторы сообщили однако и нѣкоторыя новыя указанія, дополняющія мотивы амнистіи и проливающія свѣтъ на различныя стороны пріостановки. «Билль этотъ, — говорилъ Питтъ, — имѣетъ въ виду не укрыть отъ наказанія лицъ, нарушившихъ законъ, а защитить отъ наказанія лицъ, которыя дѣйствовали согласно съ закономъ и которыя, если бы они явились въ качествѣ обвиняемыхъ, не могли бы защищаться, не разоблачая тайнъ, которыхъ они не могутъ разоблачить безъ величайшей опасности для жизни отдѣльныхъ лицъ и для государства. Что при примѣненіи такой широкой власти могутъ случиться нѣкоторыя неправильности (some irregularities), онъ готовъ допустить, хотя ему и неизвѣстно, что бы онѣ въ дѣйствительности имѣли мѣсто»[2]). Генералъ-атторней говорилъ, что «билль слѣдуетъ принять, не какъ проявленіе милости къ бывшимъ министрамъ[3]), а какъ актъ положительной справедливости по отношенію къ нимъ и актъ безусловной необходимости для будущей безопасности страны. Если бы даже министры изъ гордости и не пожелали этой амни-

---

1) Ibid., стр. 1507—1541. При комитетскомъ обсужденіи билля въ палатѣ общинъ за него было подано 172 голоса, противъ — 38. Въ палатѣ лордовъ второе чтеніе вотировано большинствомъ 54 голосовъ противъ 17.

2) Ibid., стр. 1509.

3) Обсужденіе билля объ амнистіи происходило уже послѣ того, какъ министерство Питта уступило мѣсто министерству Аддингтона.

стіи, то она, по его мнѣнію, должна быть навязана имъ насильно; внося этотъ билль, онъ думалъ не о нихъ, а о будущей безопасности страны. . . . Принципъ билля состоитъ въ томъ, что государству слѣдуетъ амнистировать тѣхъ лицъ, которыхъ оно лишаетъ юридическихъ средствъ защиты. Является вопросъ, справедливо-ли лишать этихъ лицъ законныхъ средствъ оправданія, которыми они располагаютъ? Несомнѣнно — да, такъ какъ эти лица не могли бы вести защиту, необходимую для ихъ оправданія, безъ того, чтобы не разоблачить обстоятельствъ, оглашеніе которыхъ было бы въ высшей степени вредно для общественныхъ интересовъ». При этомъ онъ прибавилъ, что «билль никого не освобождаетъ отъ отвѣтственности за какой-либо актъ жестокости или несправедливости (act of cruelty or oppression), если таковой совершенъ»[1]). Съ другой стороны, лордъ Гобартъ, въ верхней палатѣ, также указавъ на невозможность разоблачить свѣдѣнія о тѣхъ средствахъ, которыми были обнаруживаемы измѣнническіе замыслы, прибавилъ: «образъ дѣйствій бывшихъ министровъ въ отношеніи къ производству арестовъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ измѣнническомъ заговорѣ, можно по истинѣ сказать, спасъ страну; и такъ какъ имъ не можетъ быть приписанъ какой-либо превратный или корыстный мотивъ, то палата обязана, согласно съ требованіями справедливости и политики, дать имъ амнистію за то, что они имѣли твердость совершить крайне тягостный актъ гражданскаго долга, оказавшійся столь благодѣтельнымъ для государства[2]).

Изъ ораторовъ оппозиціи наиболѣе вѣскія соображенія противъ амнистіи представилъ Грей, обратившій особенное вниманіе на тѣ дѣйствительные мотивы, которые вызываютъ необходимость этой мѣры, идущей наперекоръ основнымъ принципамъ отвѣтственности за нарушеніе закона.

1) Ibid., стр. 1523—1524.
2) Ibid., стр. 1534—1535.

Въ чемъ состоитъ принципъ этого билля, говорилъ Грей: «не въ томъ-ли, что бывшіе министры виновны въ тяжкихъ преступленіяхъ противъ закона и конституціи страны и что ихъ слѣдуетъ освободить отъ отвѣтственности за эти преступленія и обезпечить противъ того удовлетворенія, которое законъ предоставляетъ тѣмъ, кого они угнетали? По его мнѣнію, билль этотъ слѣдовало бы назвать биллемъ, покровительствующимъ и поощряющимъ тайныхъ обвинителей. Онъ готовъ утверждать, что это первый въ исторіи англійской конституціи случай, когда такимъ людямъ предлагаютъ открытое покровительство и поощреніе». «Эта мѣра, — продолжалъ Грей, — представляетъ собою прямое нарушеніе принциповъ конституціи, по скольку они касаются отправленія правосудія. Благодаря чему отправленіе правосудія въ этой странѣ составляетъ предметъ такого удивленія? Благодаря тому, что оно отправляется foribus apertis; тому, что обвиняемый можетъ стать лицомъ къ лицу съ обвинителемъ; тому, что обвиняемый до суда ознакомляется съ взводимыми противъ него обвиненіями и съ тѣми лицами, которыя взводятъ ихъ. Но не таковъ принципъ этого билля, ибо его главная задача — освободить отъ отвѣтственности тѣхъ, которые дѣйствовали прямо противоположно этому принципу. Очевидно, что гораздо лучше дать сотнѣ виновныхъ избѣжать правосудія, чѣмъ надѣлить исполнительную власть правомъ карать всѣхъ, кого ей будетъ желательно покарать, невинныхъ или виновныхъ, давъ ей возможность заключать ихъ на неопредѣленное время и не обязывая предавать ихъ суду? . . . . Говорили, что билль этотъ — актъ справедливости и что для палаты это — долгъ передъ бывшими министрами; но въ чемъ состоитъ долгъ ея передъ тѣми несчастными людьми, которые претерпѣли величайшія страданія и непріятности во время трехлѣтняго, а въ одномъ случаѣ даже шестилѣтняго заключенія, — это совершенно упускается изъ вида» . . .

«Билли объ амнистіи, по словамъ Грея, можно давать лишь тѣмъ, которымъ приходится дѣйствовать внезапно, въ интересахъ общественной безопасности, такими способами, которыхъ законъ не оправдываетъ; но никогда не тѣмъ, которые поступали такъ послѣ самаго зрѣлаго размышленія и вполнѣ обдуманно, какъ это и было въ настоящемъ случаѣ .... Билль этотъ кладетъ конецъ всякой отвѣтственности министровъ; они въ послѣднее время много говорили объ этой отвѣтственности, и онъ желалъ бы, что бы палата была болѣе склонна подвергать ихъ отвѣтственности, чѣмъ освобождать ихъ отъ нея» [1]).

Ограничиваясь приведенными указаніями относительно амнистіи 1801 г., обратимся къ обзору тѣхъ матеріаловъ, какіе даетъ парламентское обсужденіе амнистіи 1818 года.

---

31 января 1818 г., какъ мы уже видѣли, изданъ былъ, по иниціативѣ самого правительства, актъ о досрочномъ прекращеніи пріостановки Habeas Corpus Акта[2]). Послѣ этого главною заботою министерства было — провести билль объ амнистіи, который освобождалъ бы администрацію и тѣхъ, кѣмъ пользовалась она при примѣненіи своихъ исключительныхъ полномочій, отъ отвѣтственности за неправильныя дѣйствія.

Проведеніе этого билля ознаменовалось весьма энергическимъ сопротивленіемъ оппозиціи. Зная, что на сторонѣ правительственнаго требованія окажется сильное большинство въ обѣихъ палатахъ парламента, члены оппозиціи, конечно, не могли надѣяться на отказъ въ амнистіи; тѣмъ не менѣе они употребили всѣ старанія къ тому, чтобы какъ можно полнѣе и ярче выставить неправильность и незаконность дѣйствій правительства, злоупотребившаго своими обширными полномочіями, и показать, что необходимость пріостановки

---

1) Ibid., стр. 1516—1517.

2) См. выше, стр. 297.

не оправдалась дальнѣйшими событіями. Обсужденіе билля объ амнистіи во всѣхъ его стадіяхъ отличалось весьма продолжительными преніями, которыя заключаютъ въ себѣ обильный матеріалъ для освѣщенія различныхъ сторонъ изучаемаго института.

Постараемся резюмировать этотъ матеріалъ, прослѣдивъ послѣдовательный ходъ обсужденія вопроса объ амнистіи.

2 февраля — палатѣ лордовъ и 3 февраля — палатѣ общинъ представлены были различные документы о «внутреннемъ состояніи страны»[1]). Лорды Сидмаутъ и Кэстльри, представляя ихъ, предложили передать ихъ на обсужденіе особыхъ секретныхъ коммиссій, которыя и были образованы: палатою лордовъ 5 февр. (изъ 11 лицъ) и палатою общинъ — 6 февр. (изъ 21 лица)[2]).

Предложеніе объ образованіи этихъ коммиссій вызвало въ обѣихъ палатахъ и особенно въ нижней — оживленныя пренія[3]). Прежде всего ораторы оппозиціи нашли нужнымъ указать на странность того обстоятельства, что представленіе документовъ не сопровождалось, какъ это обыкновенно бываетъ, королевскимъ посланіемъ, изъ котораго было бы видно, съ какою цѣлью эти документы представляются парламенту. При такихъ условіяхъ не трудно, по ихъ мнѣнію, догадаться, что правительство имѣетъ въ виду не что иное, какъ билль объ амнистіи. Представители правительства въ палатѣ лордовъ не сочли возможнымъ подтвердить основательность этого предположенія и ограничились лишь указаніемъ на то, что и въ прежнихъ случаяхъ при образованіи коммиссій имъ не предлагались какія-либо опредѣленныя мѣры; коммиссіямъ самимъ предоставлялось рекомендовать, на основаніи разсмотрѣнныхъ документовъ, какія мѣры нужно принять. Лордъ Кэстльри въ палатѣ общинъ былъ болѣе откровененъ и прямо

1) Parliamentary Debates, vol. XXXVII, стр. 119 и 133.
2) Ibid., стр. 156 и 200.
3) Ibid., стр. 123—128, 155—158; 162—191, 200—205.

заявилъ, что правительство дѣйствительно имѣетъ въ виду билль объ амнистіи, но не какъ непремѣнный результатъ работъ коммиссіи. Въ виду такой постановки вопроса въ палатѣ общинъ пренія объ образованіи коммиссіи почти всецѣло свелись къ спору о желательности амнистіи, а также о томъ, нужна-ли была пріостановка Habeas Corpus Акта и. т. п. (высказанныя здѣсь аргументы мы разсмотримъ въ связи съ данными объ обсужденіи самаго билля объ амнистіи). — Кромѣ того высказано было не мало соображеній по поводу того, что въ составъ коммиссіи войдутъ лица пристрастныя и угодныя министерству; между прочимъ Брумъ нашелъ нужнымъ указать на особенное неудобство включенія въ составъ коммиссіи лорда Кэстльри (какъ члена кабинета и, слѣдовательно, лица заинтересованнаго), но это замѣчаніе не имѣло послѣдствій.

Докладъ коммиссіи верхней палаты былъ представленъ 23 февраля[1]); докладъ коммиссіи нижней палаты — 27 февраля[2]). Мы разсмотримъ ихъ совмѣстно, въ виду того, что различія между ними касаются лишь формы и нѣкоторыхъ подробностей; въ существенномъ же содержаніе ихъ тождественно.

Доклады распадаются на двѣ части: въ первой указываются фактическія данныя о положеніи страны со времени составленія послѣднихъ докладовъ; во второй — приводятся данныя о мѣрахъ правительства за время дѣйствія пріостановки Habeas Corpus Акта. По отношенію къ даннымъ первой категоріи докладамъ пришлось ограничиться сообщеніемъ о безпорядкахъ, имѣвшихъ мѣсто въ Дербиширѣ 9-го іюня (когда, по даннымъ предшествующихъ докладовъ[3]), бунтовщики имѣли въ виду произвести общее возстаніе — «general rising»). Вотъ какъ описаны эти безпорядки въ докладѣ коммиссіи верхней палаты. «Въ ночь 9-го іюня въ Дербиширѣ

1) Ibid., стр. 568—574.
2) Ibid., стр. 679—690.
3) См. выше, стр. 285.

имѣло мѣсто возстаніе подъ предводительствомъ лица, явившагося для этой цѣли изъ Ноттингэма и получившаго прозвище «The Nottingham Captain». Инсургенты не были страшны по своему числу, но они были воодушевлены звѣрскимъ духомъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ было огнестрѣльное оружіе, у другихъ — пики, заблаговременно приготовленныя для этой цѣли. Во время движенія своего къ Ноттингэму они награбили въ нѣкоторыхъ домахъ оружія, при чемъ въ одномъ случаѣ ими было произведено убійство. Они принудили нѣкоторыхъ лицъ присоединиться къ нимъ и старались заставить другихъ подъ угрозою насилія и особенно подъ терроромъ совершеннаго убійства. Они намѣревались достигнуть Ноттингэма рано утромъ 10 іюня и застать войска врасплохъ въ казармахъ, надѣясь, что такимъ образомъ они сдѣлаются хозяевами города и что къ нимъ присоединится здѣсь значительное число людей, а также та партія, которая, какъ они ожидали, соберется въ Ноттингэмскомъ лѣсу и которая, какъ далѣе указано, дѣйствительно собралась въ этомъ мѣстѣ. Склонность къ грабежу, сопротивленіе, ими встрѣченное, и другія обстоятельства замедлили ихъ шествіе, такъ что къ мѣсту назначенія они прибыли уже поздно утромъ; въ виду же замѣченнаго возбужденія, была заранѣе подготовлена военная сила для противодѣйствія имъ. Заявленія, съ которыми выступили многіе участники этого предпріятія и особенно его вожаки, не оставляютъ мѣста для сомнѣній въ томъ, что цѣлью ихъ было ниспроверженіе установленнаго правительства и законовъ (the overthrow of the established government and laws), — какъ ни безумны эти цѣли, если принять во вниманіе недостаточность средствъ, которыми они располагали. Однако во время шествія многіе изъ нихъ были встревожены тѣми звѣрскими планами, въ которые они были вовлечены и которые уже однажды привели къ жестокому убійству; они увидѣли также, что ихъ союзники не явились на поддержку къ нимъ, какъ они того ожидали; въ деревняхъ,

черезъ которыя они проходили, было выражено рѣшительное несочувствіе ихъ цѣли и планамъ; и вслѣдствіе всего этого многіе побросали свои пики и удалились еще прежде, чѣмъ появилось войско, а при первомъ же появленіи его разбѣжались и остальные; вожаки тщетно старались ободрить ихъ; многіе были захвачены, не мало было взято и оружія. Это возстаніе, при всей своей маловажности, заслуживаетъ однако серьезнаго вниманія, такъ какъ оно находится въ очевидной связи съ замыслами, изображенными въ двухъ предшествующихъ докладахъ, и представляетъ собою часть общаго возстанія, предположеннаго на 9 или 10 іюня».

Въ слѣдующемъ іюлѣ большое жюри въ Дерби постановило предать суду, по обвиненію въ государственной измѣнѣ, 46 изъ лицъ, участвовавшихъ въ описанномъ возстаніи. Судъ надъ нѣкоторыми изъ этихъ лицъ (задержанными) состоялся въ октябрѣ. Четверо изъ главныхъ виновниковъ были приговорены къ смертной казни, которая и совершена была надъ тремя, четвертому же она была замѣнена ссылкой. Обвиненіе этихъ четырехъ побудило 19 изъ остальныхъ обвиняемыхъ сознаться въ своей винѣ въ надеждѣ, что они такимъ образомъ избѣгнутъ смертной казни, которая дѣйствительно была замѣнена для нихъ другими наказаніями. «Противъ всѣхъ другихъ обвиняемыхъ, бывшихъ подъ стражею, коронные юристы отказались поддерживать обвиненіе[1]), и они вслѣдствіе этого были оправданы. Остальные[2]) изъ лицъ, включенныхъ въ обвинительный актъ, уклонились отъ правосудія и до сихъ поръ еще не задержаны».

Докладъ коммиссіи верхней палаты (вообще заключающій въ себѣ болѣе детальныя свѣдѣнія, чѣмъ докладъ другой коммиссіи) указываетъ далѣе, что возстаніе въ Дербиширѣ — не единственное событіе за разсматри-

1) Такихъ лицъ, какъ видно изъ доклада коммисіи нижней палаты, было 12 — „большею частію молодые люди, родственники нѣкоторыхъ изъ обвиненныхъ“.

2) Ихъ было всего 11.

ваемое время, что «Ноттингэмъ былъ лишь главною квартирою (head quarters), куда должна была прежде всего направиться часть инсургентовъ и что они ожидали присоединенія къ нимъ здѣсь мятежниковъ изъ другихъ мѣстностей». «Въ ту же ночь, — продолжаетъ докладъ, — въ которую дербиширскіе инсургенты начали свои дѣйствія, городъ Ноттингэмъ находился въ состояніи значительнаго возбужденія. Изъ данныхъ, обнаруженныхъ на судѣ въ Дерби, оказывается, что во время шествія дербиширскихъ инсургентовъ къ Ноттингэму одинъ изъ ихъ предводителей, впослѣдствіи обвиненный въ государственной измѣнѣ, былъ посланъ верхомъ на лошади впередъ для полученія свѣдѣній. По его возвращеніи къ главной массѣ дербиширскихъ инсургентовъ признано было, что настроеніе Ноттингэма — благопріятно для ихъ замысловъ. Дѣйствительное же состояніе Ноттингэма и его окрестностей обнаруживается изъ данныхъ, представленныхъ на судѣ въ Дерби. Въ ночь 9го іюня нѣкоторыя лица, въ количествѣ будто бы около одной сотни, собрались на ипподромъ въ Ноттингэмскомъ Лѣсу, куда, согласно плану, рано утромъ 10 іюня должны были прибыть дербиширскіе инсургенты, и ожидали соединиться съ ними. Указанный отрядъ видѣли въ 12 часовъ ночи; собравшіеся выстроились въ два ряда, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ были вооружены пиками и кольями. Они оставались на ипподромѣ до 2 часовъ утра и послѣ этого разсѣялись. Нѣкоторые признаки смятенія въ городѣ Ноттингэмѣ, вечеромъ 9 іюня, побудили магистратовъ послать за военной силой въ казармы; порядокъ быстро былъ возстановленъ, войска возвратились въ свои казармы и не вызывались снова до утра 10 іюня, когда они были призваны разсѣять дербиширскихъ инсургентовъ, направлявшихся къ городу».

«Въ связи съ этими безпорядками въ Дербиширѣ и Ноттингэмширѣ готовность произвести ихъ проявилась также въ части Вестъ-Райдингъ (West-Riding) Іоркшира.

6 іюня въ такъ назыв. Tornhill Lees, близъ Гуддерсфёльда, собрался митингъ делегатовъ, на которомъ рѣшено было назначить время для общаго возстанія. Лица, собравшіяся на этотъ митингъ, были застигнуты врасплохъ магистратами, при содѣйствіи военной силы, и нѣкоторые изъ нихъ были схвачены. Эти аресты разстроили планы людей недоброжелательныхъ, и большая часть округовъ въ этой части Іоркшира, въ которой предположено было произвести общее возстаніе, остались спокойными. Но въ окрестностяхъ Гуддерсфельда, вечеромъ 8 іюня, собралась значительная толпа людей, при чемъ нѣкоторые — съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, другіе — съ косами, надѣтыми на колья; они произвели различныя безчинства, грабили оружіе въ домахъ и выстрѣлили въ главнаго констэбля Гуддерсфельда, а также въ члена Yeomanry Cavalry, который явился изъ города съ цѣлью узнать объ ихъ цѣляхъ». Противъ этихъ лицъ возбуждено было преслѣдованіе на ассизахъ въ Іоркѣ, въ іюлѣ, но «на судѣ не было представлено доказательствъ, достаточныхъ для обвиненія ихъ».

Оба доклада утверждаютъ далѣе, что, не смотря на все происходившее, даже въ періоды наибольшаго возбужденія народныя массы оставались въ полномъ спокойствіи. По словамъ доклада нижней палаты, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что число участниковъ заговора было сильно преувеличено вожаками его, съ очевидною цѣлью придать большее значеніе своему предпріятію и пріободрить своихъ сторонниковъ. «Невозможно однако установить размѣры, до какихъ любое возстаніе, не остановленное въ началѣ, можетъ дойти въ своемъ развитіи, когда населеніе испытываетъ недостатокъ заработка и находится въ возбужденномъ состояніи». «На магистратахъ и правительствѣ лежалъ такимъ образомъ долгъ не только подготовить средства дѣйствительнаго сопротивленія открытой силѣ, но и — тамъ, гдѣ возможно — устранить опасность въ самомъ ея началѣ путемъ задержанія вожаковъ и подстрекателей заговора».

Во второй части докладовъ приведены интересныя данныя и соображенія о мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ по отношенію къ аресту и задержанію разныхъ лицъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ докладъ коммиссіи верхней палаты. «По отношенію къ тѣмъ лицамъ, противъ которыхъ различными большими жюри были утверждены обвинительные акты, и тѣмъ, которыя были подвергнуты суду или скрылись отъ провосудія, коммиссія нашла излишнимъ приводить какія-либо данныя. Государственнымъ секретаремъ были изданы приказы противъ 10 лицъ, которыя не были задержаны. 44 лица были арестованы по приказамъ государственнаго секретаря, по подозрѣнію въ государственной измѣнѣ, при чемъ они не были преданы суду; изъ нихъ 7 были освобождены послѣ допроса безъ какого-либо дальнѣйшаго приказа о задержаніи. По отношенію къ 37 лицамъ государственнымъ секретаремъ были изданы приказы о дальнѣйшемъ задержаніи вслѣдствіе подозрѣнія въ государственной измѣнѣ; но одинъ изъ нихъ былъ вскорѣ послѣ того освобожденъ, другой — отпущенъ по случаю болѣзни, третій — умеръ въ тюрьмѣ. Основанія, по которымъ были изданы эти приказы, были разсмотрѣны коммиссіею въ отдѣльности, при чемъ коммиссія усмотрѣла, что всѣ эти аресты и задержанія вполнѣ оправдывались различными обстоятельствами, при которыхъ они имѣли мѣсто, и ни въ одномъ случаѣ приказъ о задержаніи не былъ изданъ иначе, какъ вслѣдствіе донесенія подъ присягою (information upon oath). Коммиссія усматриваетъ далѣе, что всѣ тѣ лица, которыя были такимъ образомъ арестованы и подвергнуты задержанію и которыя не были судимы (were not prosecuted), были въ разное время освобождаемы[1]) по мѣрѣ

1) Въ докладѣ другой коммиссіи указано, когда именно произведены были эти освобожденія. Изъ 37 лицъ, подвергнутыхъ задержанію, 1 было освобождено 4 іюля, 1—31 іюля по болѣзни, 10—12-го ноября, 14—3-го декабря, 1—22-го декабря, 6—29-го декабря и 3—20-го января; одинъ умеръ въ тюрьмѣ.

того, какъ то допускало состояніе страны и обстоятельства, сопровождавшія различные имѣвшіе мѣсто судебные процессы. Коммиссія принимаетъ во вниманіе, что въ теченіе нѣкотораго періода считалось возможнымъ предать суду значительную долю лицъ, такимъ образомъ арестованныхъ и задержанныхъ; но эти ожиданія отъ времени до времени приходилось оставлять. Въ общемъ коммиссія находитъ, что правительство, въ примѣненіи полномочій, ввѣренныхъ ему двумя упомянутыми актами, дѣйствовало съ должною осторожностью и умѣренностью; при этомъ коммиссія усматриваетъ, что магистраты своею дѣятельностью и энергіей существенно содѣйствовали охраненію общественнаго спокойствія въ разныхъ безпокойныхъ округахъ».

Такой же характеръ носятъ и заключенія коммиссіи палаты общинъ. «Коммиссія безъ колебаній заявляетъ, что власть, ввѣренная правительству его величества, примѣнялась умѣренно и разсудительно и что, по мнѣнію коммиссіи, правительство не исполнило бы своего долга, какъ хранителя мира и спокойствія королевства, если бы оно не воспользовалось въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это было, полномочіями, ввѣренными ему законодательнымъ собраніемъ.» И далѣе: «въ общемъ трудныя обязанности, возложенныя на исполнительное правительство, какъ полагаетъ коммиссія, выполнены были съ умѣренностью и снисходительностью, насколько то было совмѣстимо съ высшею задачею охраненія общей безопасности.»

Приведенныя заключенія парламентскихъ коммиссій послужили для правительства основаніемъ къ предложенію билля объ амнистіи, который покрывалъ безотвѣтственностью — «принимавшихъ участіе въ арестованіи, заключеніи въ тюрьму и содержаніи подъ стражею лицъ, подозрѣвавшихся въ государственной измѣнѣ или измѣнническихъ происках, а также въ подавленіи мятежныхъ и противозаконныхъ сборищъ». Билль этотъ, какъ и предшествовавшіе ему билли о пріостановкѣ

Habeas Corpus Акта, внесенъ былъ сначала въ палату лордовъ, а именно 25 февраля 1818 г.

Обсужденіе его сопровождалось продолжительными и весьма оживленными преніями въ обѣихъ палатахъ парламента. Въ палатѣ лордовъ ему посвящено было четыре засѣданія[1]), въ палатѣ общинъ — пять засѣданій[2]).

Но вопросъ объ амнистіи явился предметомъ обсужденія и въ длинномъ рядѣ засѣданій обѣихъ палатъ, не посвященныхъ собственно обсужденію билля объ амнистіи. Поводомъ къ этому послужили, съ одной стороны, многочисленныя петиціи разныхъ лицъ, съ жалобами на дѣйствія администраціи въ эпоху пріостановки Habeas Corpus Акта и основанныя на этихъ петиціяхъ два предложенія[3]) произвести соотвѣтственное разслѣдованіе; съ другой стороны — два предложенія (внесенныя въ палату общинъ) о разслѣдованіи образа дѣйствій различныхъ шпіоновъ и доносчиковъ, дѣйствовавшихъ во время пріостановки[4]).

Парламентскія пренія, сопровождавшія всѣ эти стадіи обсужденія вопроса объ амнистіи, въ совокупности своей даютъ богатый и интересный матеріалъ для освѣщенія различныхъ сторонъ этой мѣры.

---

1) Ibid., стр. 606—610; 617—670; 713—735; 788—815. Второе чтеніе вотировано было большинствомъ 100 голосовъ противъ 33; въ третьемъ чтеніи билль принятъ 93 голосами противъ 27.

2) Ibid., стр. 881—930; 953—961; 965—1043; 1058—1060; 1080 до 1100. Первое чтеніе въ палатѣ общинъ вотировано большинствомъ 190 противъ 64 голосовъ; второе — 89 противъ 24, третье — 82 противъ 23 голосовъ.

3) См. виже.

4) Членъ палаты Фазакерлей 11 февраля предложилъ поручить коммиссіи, образованной по предложенію правительства, разслѣдовать, какія мѣры приняты по отношенію къ шпіонамъ, о которыхъ упоминаетъ докладъ 20 іюня 1817 (см. выше, стр. 289—290); предложеніе это было отвергнуто большинствомъ 111 голосовъ противъ 52 (Ibid., стр. 338—395). Аналогичное предложеніе сдѣлано было 5 марта Филлипсомъ и также отвергнуто 162 голосами противъ 69 (Ibid., стр. 820—862).

При обозрѣніи этого матеріала прежде всего необходимо остановиться на разсмотрѣніи петицій, представленныхъ парламенту, съ жалобами на незаконное арестованіе и дурное обращеніе съ заключенными. Такія петиціи поступили отъ двадцати девяти изъ 37 лицъ, подвергнутыхъ задержанію по подозрѣнію въ государственной измѣнѣ, но затѣмъ отпущенныхъ на свободу безъ всякаго суда надъ ними (большая часть этихъ петицій представлены были нижней палатѣ, нѣкоторыя — обѣимъ палатамъ). Кромѣ того палатѣ общинъ представлены были двѣ петиціи отъ лондонскаго городскаго совѣта съ выраженіемъ протеста противъ незаконныхъ и произвольныхъ дѣйствій правительства и съ требованіемъ отказа въ актѣ объ амнистіи. Это послѣднее ходатайство было выражено и во многихъ петиціяхъ упомянутыхъ лицъ.

Многочисленность петицій дѣлаетъ невозможнымъ подробное разсмотрѣніе ихъ всѣхъ; да это представлялось бы даже излишнимъ вслѣдствіе значительнаго сходства между ними. Поэтому достаточно будетъ привести лишь нѣкоторыя изъ нихъ, при чемъ, въ виду несомнѣннаго интереса ихъ, какъ документовъ, проливающихъ свѣтъ на практику изучаемаго института, мы приведемъ ихъ цѣликомъ, въ возможно точной передачѣ.

Вотъ, напр., петиція Самюеля Гэйнса, изъ Ноттингэма, представленная палатѣ общинъ лордомъ Фолькстономъ 6 февр. 1818 г.[1]). «Рано утромъ въ четвергъ, 13 іюня 1817 г., петиціонеръ, безъ всякой вины съ его стороны, былъ взятъ съ одра болѣзни, закованъ въ ручныя кандалы и конвоированъ въ тюрьму, гдѣ и подвергнутъ заключенію въ сырой и мрачной камерѣ; каково же должно было быть удивленіе петиціонера, заключеннаго въ это ужасное логовище и въ больномъ видѣ, между тѣмъ какъ онъ сознавалъ, что никогда

1) Ibid., стр. 197–200.

никому не сдѣлалъ зла; въ слѣдующую субботу ему было сообщено, что ему предстоитъ отправиться въ Лондонъ; петиціонеръ вѣжливо спросилъ, когда и для чего, но не получилъ отвѣта; въ субботу же послѣ полудня къ тюрьмѣ подъѣхала повозка, петиціонеръ былъ выведенъ изъ своей камеры, закованъ ручными и ножными кандалами вмѣстѣ съ нѣкіимъ Франсисомъ Уордомъ и отправленъ въ Лондонъ, въ управленіе лорда Сидмаута, гдѣ лордъ обратился къ нему со слѣдующими приблизительно словами: «вы, Самюель Гэйнсъ, достав-«лены сюда по обвиненію, подъ присягою, въ государст-«венной измѣнѣ; отсюда вы будете отправлены въ «заключеніе и останетесь тамъ до тѣхъ поръ, пока не «будете освобождены законнымъ порядкомъ; вы свое-«временно будете извѣщены о судѣ надъ вами и вамъ «будутъ сообщены имена свидѣтелей противъ васъ и т. д.; «если вы имѣете что либо сказать, мы выслушаемъ васъ»; петиціонеръ заявилъ, что ему нечего сказать, такъ какъ онъ ничего не знаетъ ни о чьихъ дѣлахъ, кромѣ своихъ собственныхъ; тогда лордъ снова сѣлъ, а петиціонеръ удалился съ радостнымъ ощущеніемъ, такъ какъ онъ сильно, хотя, какъ оказалось, тщетно, надѣялся на то, что скоро онъ предстанетъ передъ какимъ-либо судомъ, гдѣ ему можно было бы доказать свою невинность столь же ясную, какъ полуденное солнце; но въ слѣдующій понедѣльникъ м-ръ Аткинсъ, смотритель тюрьмы Cold-Bath-Fields, увѣдомилъ петиціонера, что онъ будетъ отправленъ въ Lincoln-Castle; когда петиціонеръ съ двумя другими государственными преступниками (state prisoners) былъ доставленъ въ Линкольнъ-кэстль, имъ было приказано раздѣться, и привратникъ тщательно обыскалъ ихъ, при чемъ отобралъ часы у петиціонера, хотя и не безъ протеста его передъ такимъ произвольнымъ дѣйствіемъ; вмѣстѣ со своими двумя несчастными сотоварищами петиціонеръ былъ заключенъ въ мрачную и тѣсную комнату; онъ и два его товарища дали привратнику нѣсколько денегъ для покупки хлѣба и сыра

и немного пива; когда же петиціонеръ со своими двумя товарищами, получивъ хлѣба, сыру и пива, начали ѣсть, вошелъ смотритель тюрьмы и объявилъ, что петиціонеръ и его товарищи должны быть тотчасъ же разъединены; петиціонеръ просилъ смотрителя разрѣшить ему и несчастнымъ товарищамъ остаться вмѣстѣ полчаса, пока они будутъ кушать; но нѣтъ, хлѣбъ, сыръ и пиво были раздѣлены на три части, къ удивленію петиціонера и его двухъ несчастныхъ товарищей, при чемъ они тотчасъ же были размѣщены въ трехъ мрачныхъ камерахъ, чтобы, казалось, уже никогда не быть вмѣстѣ; что̀ испыталъ петиціонеръ при видѣ такого безжалостнаго обращенія, палата можетъ себѣ представить лучше, чѣмъ онъ въ состояніи описать; наступила ночь, и петиціонеръ былъ отведенъ для спанья изъ своего мрачнаго обиталища въ другую камеру; послѣ грустной и безсонной ночи петиціонеръ на слѣдующее утро былъ снова отведенъ въ свое дневное логовище; благодаря дурному состоянію здоровья, петиціонеръ вскорѣ же началъ чувствовать пагубныя послѣдствія одиночнаго заключенія и въ пять-шесть недѣль обратился почти въ скелетъ; и вотъ тогда-то онъ началъ особенно сознавать свое бѣдственное положеніе и понялъ, что обѣщаніе лорда Сидмаута о судѣ было просто обманомъ; въ томъ мрачномъ обиталищѣ, гдѣ петиціонеру приходилось проводить дневные часы въ полномъ уединеніи, не было ничего, кромѣ деревяннаго чурбана для сидѣнья; слабость петиціонера усилилась до того, что онъ не могъ сидѣть, и нѣсколько разъ онъ просилъ дать ему стулъ, но все было напрасно; петиціонеру такимъ образомъ приходилось ставить свой чурбанъ въ уголъ каземата и стараться упереться въ обѣ стѣны; петиціонеръ проситъ палату обратить серьезное вниманіе на это обстоятельство; пусть члены ея мысленно бросятъ взглядъ на мрачное обиталище петиціонера въ Линкольнъ-кэстлѣ, на бѣднаго заброшеннаго и безпомощнаго ближняго, раздумывающаго о своихъ несчастіяхъ въ горестномъ уединеніи; о, тяжкое

воспоминаніе! Находясь въ такомъ отчаянномъ положеніи и со-дня на-день ожидая своей смерти, петиціонеръ написалъ лорду Сидмауту письмо, прося разрѣшить женѣ его придти повидаться съ нимъ передъ смертью, при чемъ въ тоже время торжественно заявилъ лорду Сидмауту о своей невинности, говоря, что низкое обвиненіе, взводимое противъ него, никогда не будетъ подтверждено, ни на землѣ, ни на небѣ; черезъ нѣсколько дней послѣ того петиціонеръ былъ освобожденъ, и когда онъ явился домой, то его появленіе, словно привидѣніе, поразило его семью и друзей, такъ какъ они всѣ думали, что онъ уже покоится въ могилѣ; петицію эту петиціонеръ представляетъ палатѣ на ея разсмотрѣніе и проситъ принять во вниманіе, — долженъ-ли онъ примириться съ такимъ обиднымъ, грубымъ и ничѣмъ не вызваннымъ оскорбленіемъ его личности, выразившимся въ томъ, что онъ былъ схваченъ съ постели во мракѣ ночи и отправленъ въ тюрьму изъ своего уютнаго дома и разлученъ съ женою и шестью безпомощными и беззащитными дѣтьми, въ этой нашей достохвальной странѣ свободы и христіанства; петиціонеръ почтительнѣйше свидѣтельствуетъ передъ палатою, что онъ съ сожалѣніемъ взираетъ на образъ дѣйствій своихъ притѣснителей, — людей, претендующихъ быть вѣрными послѣдователями Того, Кто въ тяжкихъ страданіяхъ умеръ на крестѣ на горѣ Голгофѣ; но каковы бы ни были ихъ притязанія считаться христіанами, можетъ-ли быть у нихъ христіанское чувство, если они спокойно и сознательно подвергли своего ближняго одиночному заключенію, оставляя его здѣсь со-дня на-день и съ-недѣли на-недѣлю, при дурномъ состояніи здоровья и лишивъ его драгоцѣннаго блага общенія и радостей дружбы; при всѣхъ этихъ притѣсненіяхъ петиціонеръ долженъ сознаться, что онъ нѣсколько утѣшаетъ себя сознаніемъ своей невинности, надѣясь, что придетъ время, когда онъ будетъ въ состояніи представить свое дѣло палатѣ на ея гуманное и серьез-

ное разсмотрѣніе; петиціонеръ не домогается наказанія своихъ притѣснителей, хотя онъ обиженъ и доведенъ ими до бѣдственнаго состоянія, но взываетъ къ гуманности и защитѣ палаты, чтобы она сняла съ него обиду столь жестокаго и несправедливаго преслѣдованія; если же среди членовъ палаты нѣкоторые усомнятся въ вѣрности этой петиціи, въ такомъ случаѣ петиціонеръ убѣдительнѣйше ходатайствуетъ о томъ, чтобы онъ былъ выслушанъ палатою, при чемъ онъ готовъ доказать всякое утвержденіе, заключающееся въ этой петиціи.»

Или вотъ еще петиція типографщика Вилльяма Огдена, изъ Манчестера, представленная палатѣ общинъ Беннетомъ[1]): «Петиціонеръ — старикъ, 74 лѣтъ, поддерживающій своимъ трудомъ многочисленную семью; во время его отсутствія жена его просила пособія у надзирателей (за бѣдными) въ Манчестерѣ, но ей было грубо отказано въ какомъ-либо пособіи, на томъ основаніи, что онъ, петиціонеръ — сторонникъ парламентской реформы; и это не смотря то, что онъ въ теченіе тридцати шести лѣтъ платилъ въ Манчестерѣ налогъ въ пользу бѣдныхъ и отъ своихъ двухъ женъ имѣетъ семнадцать дѣтей; онъ былъ задержанъ въ силу приказа лорда Сидмаута, въ воскресенье, 9 марта 1817 года, утромъ, еще бывши въ постелѣ, наканунѣ митинга 10 марта; домъ его былъ перерытъ, вещи его и въ томъ числѣ всѣ его бумаги забраны, и хотя при этомъ ничего, кромѣ вполнѣ законнаго, не было найдено, однако онъ былъ отправленъ въ тюрьму въ заключеніе, при чемъ ему не давали никакой пищи отъ утра воскресенья до трехъ часовъ пополудни во вторникъ, когда, вслѣдствіе его жалобы полковнику Сильвестеръ, магистрату, ему было приказано дать пирожокъ въ три пенса, чѣмъ и ограничивалась пища, данная ему въ этой тюрьмѣ; онъ заявилъ также упомянутому магистрату, что обувь его истоптана и не пригодна; на это магистратъ

1) Ibid., стр. 412—414.

сказалъ: «Нэдинъ, дайте ему пару»; однако на это приказаніе полицейскій сыщикъ возразилъ — «зачѣмъ же вы не послали за другою парою», на что петиціонеръ замѣтилъ — «у меня не всегда двѣ пары, и я не зналъ о предстоящемъ путешествіи»; Нэдинъ возразилъ на это — «теперь ужъ слишкомъ поздно», и не исполнилъ приказанія полковника; затѣмъ петиціонеръ былъ закованъ ручными кандалами, вѣсомъ не менѣе тридцати фунтовъ, при чемъ съ нимъ крайне грубо обращались какъ констэбль, такъ и его помощникъ, Нэдинъ, котораго петиціонеръ имѣетъ полное основаніе считать доносчикомъ противъ себя, такъ какъ за шесть недѣль передъ тѣмъ Нэдинъ лично объявилъ петиціонеру, что онъ будетъ арестованъ, если не перестанетъ посѣщать публичные митинги; сознавая полную законность и правильность своихъ дѣйствій, петиціонеръ пренебрегъ этою грубою угрозою; но еще прежде, чѣмъ состоялся митингъ 10 марта, онъ былъ арестованъ сказаннымъ Нэдиномъ и слѣдовательно не могъ присутствовать на митингѣ; на просьбу поставить его лицомъ къ лицу съ доносчикомъ противъ него свирѣпый Нэдинъ отвѣтилъ петиціонеру съ негодованіемъ и тотчасъ удалился; тяжелыя цѣпи, въ которыя петиціонеръ былъ закованъ, надорвали его животъ, вслѣдствіе чего обнаружилась грыжа, около 8 часовъ вечера, когда онъ ложился спать, при чемъ невозможно было дозваться смотрителя тюрьмы; въ такомъ положеніи петиціонеръ оставался въ теченіе болѣе шестнадцати часовъ, испытывая мучительную боль; когда утромъ появился привратникъ, послано было за двумя врачами, которые, употребивъ необходимыя по ихъ мнѣнію мѣры, нашли, что помочь можетъ только ножъ, при чемъ, въ виду возраста петиціонера, выразили опасеніе, что онъ умретъ отъ тяжкой операціи; испытанныя имъ страданія были тѣмъ тяжелѣе, что онъ настаивалъ на томъ, чтобы обратились къ этому средству; врачи неохотно приступили къ операціи, которая

продолжалась одинъ часъ и сорокъ минутъ; благодаря Бога и искусству врачей, петиціонеръ, сверхъ ожиданія ихъ, перенесъ операцію, но сильно ослабѣлъ и опасается, что онъ уже не въ силахъ будетъ продолжать свое занятіе типографщика; м-ръ Диксонъ, врачъ, и его товарищъ совершили операцію въ Horsemonger-gaol и могутъ удостовѣрить вѣрность этого сообщенія; рана въ паху имѣла болѣе 7 дюймовъ въ длинну, и м-ръ Диксонъ держалъ въ своихъ рукахъ кишки изъ живота петиціонера, какъ связку сосисокъ; м-ръ Уолтерсъ, управитель, также находился тамъ и можетъ удостовѣрить факты, здѣсь сообщаемые; такимъ образомъ старикъ былъ оторванъ отъ своей семьи и разоренъ, благодаря низкому манчестерскому муниципалитету, члены котораго одни только и были настоящими бунтовщиками, и въ ихъ числѣ одно духовное лицо, м-ръ Этельстонъ; ибо петиціонеръ именемъ Бога всемогущаго, вездѣсущаго и всевѣдущаго заявляетъ, что онъ не сдѣлалъ ничего дурнаго, хотя ему пришлось выстрадать все это и пробыть около девяти мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи, благодаря происканъ людей недостойныхъ, позорящихъ самый источникъ, создавшій ихъ; вслѣдствіе этого петиціонеръ почтительно надѣется, что палата не приметъ акта объ амнистіи, который сдѣлалъ бы невозможнымъ для него отысканіе того возмездія, какого заслуживаетъ его дѣло, и того вознагражденія, на которое онъ по справедливости имѣетъ право».

Приведемъ еще одну петицію Роберта Свиндельса (изъ Макльсфилда, въ графствѣ Честеръ), представленную сэромъ С. Ромильи 13 Марта 1818 г.[1]) «10 марта 1817 г. въ двѣнадцать часовъ ночи, когда онъ самъ, его жена и маленькій ребенокъ удалились на покой, явилось нѣсколько человѣкъ, которые съ угрозами, сильно стуча въ дверь, требовали впустить ихъ; пе-

1) Ibid., стр. 1069—1072.

тиціонеръ всталъ и открылъ окно, чтобы спросить, кто тамъ; отвѣтъ былъ — «констэбли»; онъ сказалъ имъ, чтобы они ушли, что они не имѣютъ права безпокоить его такимъ образомъ; тогда они обратились къ нему съ различными угрозами и ругательствами и воскликнули: — «если вы не отворите двери, мы выломаемъ ее; мы разломаемъ дверь на куски, если вы не отворите ея и не посвѣтите намъ»; жена петиціонера, будучи сильно испугана и находясь въ послѣднемъ періодѣ беременности, упросила его открыть дверь, что онъ и сдѣлалъ, доставъ огня; въ дверь ворвались нѣсколько человѣкъ, а именно м-ръ Самюель Вудъ, альдерманъ, м-ръ Джозефъ Туннаклиффъ, фабрикантъ шелка, Джемсъ Поуэлль, клеркъ банкира, и нѣкоторые другіе, дѣйствуя, какъ полагалъ петиціонеръ, по приказанію магистратовъ, — съ поднятыми вверхъ палками, какъ будто они намѣревались тутъ же положить его на мѣстѣ; петиціонеръ спросилъ относительно ихъ полномочій къ появленію въ такомъ видѣ въ его домѣ; держа свои палки надъ его головою, они воскликнули — «вотъ наши полномочія; а гдѣ же тѣ люди, которые находятся въ вашемъ домѣ?» «какіе люди?» — спросилъ петиціонеръ; «да тѣ люди, которые находятся въ вашемъ домѣ»; на это петиціонеръ замѣтилъ, что въ его домѣ нѣтъ никого кромѣ его самого, его жены и ребенка; тогда м-ръ С. Вудъ и другіе, взявъ свѣчу, обыскали домъ, но не нашли никого; м-ръ С. Вудъ снова повторилъ: «въ вашемъ домѣ находятся нѣкоторые люди»; петиціонеръ же сказалъ имъ, что никого нѣтъ; тогда они принялись перерывать весь домъ и потребовали ключи отъ сундуковъ и ящиковъ; петиціонеръ сказалъ, что онъ не знаетъ, гдѣ они; тогда они, размахивая палками надъ его головою, стали грозить, что разломаютъ сундукъ на мелкія части, если онъ не дастъ имъ ключей; жена петиціонера, вставшая съ ребенкомъ съ постели, опасаясь послѣдствій ихъ угрозъ, указала имъ, гдѣ находятся ключи; они достали ихъ и открыли сундукъ и ящикъ; одинъ изъ нихъ за-

явилъ сначала, что они возьмутъ ящикъ съ собою; но когда все содержимое было перерыто, то ящикъ былъ оставленъ; все это сопровождалось большимъ ущербомъ платью и другимъ вещамъ, которыя были развернуты и разбросаны по дому; они потребовали другой свѣчи, но петиціонеръ не хотѣлъ исполнить этого требованія; тогда они снова пригрозили ему палками, и онъ далъ имъ свѣчу; зажегши ее, они поднялись на верхъ, стащили съ кровати постельныя принадлежности на полъ, перевернули кровать, прошли въ буфетъ, вытащили оттуда большую часть вещей и разбросали ихъ по полу; они открыли также рабочій мѣшокъ жены, и ея шитье, которое она готовила для ожидаемаго ребенка, было также разбросано по полу; произведя такое разграбленіе по всему дому, они взяли съ собою связку печатныхъ бумагъ и памфлетовъ и ушли, сказавъ, что въ недалекомъ будущемъ они снова посѣтятъ его, чего однако они не сдѣлали, хотя и не возвратили тѣхъ его вещей, которыя взяли съ собою. Но этимъ дѣло не кончилось, такъ какъ на слѣдующій день, 11 марта, жена его объявила ему и многимъ другимъ, что испугъ и холодъ убили ее, и это она продолжала говорить до дня своей смерти; въ теченіе нѣсколькихъ недѣль она была больна, и 26 апрѣля разрѣшилась отъ бремени; не будучи однако въ силахъ перенести все это, она скончалась 28-го числа, не смотря на всю ту помощь, какую онъ былъ въ состояніи дать, оставивъ такимъ образомъ петиціонера, новорожденнаго ребенка и другаго ребенка, 1 года 8 мѣсяцевъ, оплакивать ея потерю; петиціонеръ обратился къ м-ру С. Вудъ, въ его домѣ, чтобы узнать, на какомъ основаніи съ нимъ обошлись такимъ образомъ, но не получилъ отъ него удовлетворительнаго отвѣта; тревоги петиціонера этимъ не кончились, такъ какъ 17 мая ему было вручено предписаніе отъ суда королевской скамьи, подъ страхомъ штрафа въ 100 фун. ст., явиться для отвѣта по тѣмъ обвиненіямъ, которыя будутъ предъявлены ему; 31 мая ему былъ сдѣланъ

другой вызовъ въ судъ при тѣхъ же условіяхъ; между тѣмъ его маленькій ребенокъ, лишенный матери, умеръ; вызванный клеркомъ атторнея, петиціонеръ заявилъ ему, что у него нѣтъ средствъ достаточныхъ для того, чтобы совершить предстоящую поѣздку (въ Лондонъ); петиціонеръ сказалъ при этомъ, что онъ охотно поѣхалъ бы, если бы можно было достать средства на поѣздку; клеркъ посовѣтовалъ ему просить друзей; онъ такъ и сдѣлалъ, но безуспѣшно; тогда петиціонеръ явился къ мэру просить совѣта, но мэръ сказалъ, что ничего не знаетъ по этому дѣлу и не можетъ дать ему никакого совѣта; петиціонеръ заявилъ, что если онъ виновенъ въ какихъ-либо проступкахъ, то онъ готовъ отвѣчать на обвиненіе, на что однако мэръ замѣтилъ — «я ничего о васъ не знаю, я рѣшительно ничего не знаю о васъ»; въ воскресенье, 22 іюня, около 7 часовъ вечера, м-ръ Фростъ, констэбль, явился къ петиціонеру и сказалъ, что онъ имѣетъ приказъ противъ него, отвелъ его въ арестную комнату при полиціи и продержалъ его тамъ до 27 іюня; во время этого заключенія ему не давали никакихъ припасовъ; отсюда его отправили въ Честеръ-Кэстль, гдѣ онъ питался лишь хлѣбомъ съ водою, не имѣя средствъ получить что-нибудь другое — такъ измѣнилось его положеніе въ теченіе нѣсколькихъ недѣль; жена скончалась, ребенокъ умеръ за неимѣніемъ матери, другой ребенокъ оставленъ на попеченіе приходскаго чиновника, самъ онъ — заключенъ въ тюрьму въ Честеръ-Кэстль въ теченіе свыше пяти недѣль; затѣмъ онъ былъ освобожденъ безъ суда, не имѣя никакихъ средствъ, чтобы совершить переѣздъ въ 40 миль домой; случайно онъ встрѣтилъ въ Честерѣ того самаго извощика, который везъ его туда; петиціонеръ сообщилъ ему, что онъ освобожденъ и не имѣетъ средствъ вернуться домой; извощикъ сказалъ, что онъ привезъ его сюда и отвезетъ его назадъ, все равно, — за плату или безъ платы; онъ однако впослѣдствіи заплатилъ ему; петиціонеръ готовъ под-

твердить, въ случаѣ необходимости, всѣ изложенныя обстоятельства; онъ обращается къ палатѣ съ вопросомъ, того-ли онъ заслуживаетъ, пробывъ свыше одиннадцати лѣтъ на службѣ его величества, изъ которыхъ болѣе трехъ лѣтъ онъ находился на королевскомъ кораблѣ «Ville de Paris», болѣе трехъ лѣтъ на королевскомъ суднѣ «Insolent», болѣе четырехъ съ половиною лѣтъ на кораблѣ «Hussard» и возвратился изъ Остъ-Индіи съ графомъ Минто, ослабленный тягостями войны и суровостью климата; петиціонеръ проситъ палату дать ему или заставить дать такое удовлетвореніе, какое она признаетъ справедливымъ».

Таковы три петиціи, взятыя нами на-удачу изъ множества представленныхъ парламенту жалобъ. Во всѣхъ нихъ мы встрѣчаемъ два главныхъ предмета недовольства — неправильность самаго ареста по неосновательному подозрѣнію въ государственной измѣнѣ и суровость мѣръ заключенія. Неправильность ареста выступаетъ уже изъ того факта, что всѣ эти лица были затѣмъ освобождены, и притомъ безъ суда, за отсутствіемъ какихъ-либо доказательствъ той вины, въ какой они были заподозрѣны. Въ большинствѣ петицій указываются также и тѣ бѣдственныя послѣдствія, какія являлись въ результатѣ болѣе или менѣе продолжительнаго заключенія, разстроивавшаго нормальную жизнь и занятія арестованныхъ; а почти всѣ они принадлежали къ классу людей, своимъ личнымъ трудомъ заработывавшихъ свой хлѣбъ: это были большею частію ткачи, мелкіе торговцы, ремесленники и т. под.

Въ дополненіе данныхъ, приводимыхъ въ петиціяхъ самихъ пострадавшихъ, необходимо остановиться на заявленіяхъ, выраженныхъ въ петиціяхъ Лондонскаго городскаго совѣта. Заявленія эти любопытны, какъ матеріалъ для освѣщенія практическаго значенія пріостановки Habeas Corpus Акта, — и матеріалъ тѣмъ болѣе цѣнный, что эти заявленія нѣтъ основанія заподозрѣвать въ пристрастіи, отъ котораго не могутъ быть

вполнѣ свободны заявленія людей, непосредственно пострадавшихъ. Въ петиціяхъ Лондонскаго городскаго совѣта нельзя не видѣть характернаго проявленія голоса общественнаго мнѣнія, взглядовъ и убѣжденій значительной и вліятельной части современнаго общества, и притомъ тѣхъ слоевъ, которымъ были чужды какіе-либо революціонные замыслы и покушенія противъ государственнаго порядка и института собственности.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ составлена петиція Лондонскаго городскаго совѣта (Petition from the lord mayor, aldermen, and commons of the City of London, in Common Council assembled), представленная палатѣ общинъ 23 февраля 1818 г.[1]). «Петиціонеры, почитая священныя начала свободы, на которыхъ покоится британская конституція, съ глубочайшимъ интересомъ слѣдили за тѣми частыми и опасными новшествами, которыя, подъ неосновательными предлогами и тревогами, совершались въ послѣдніе годы, и именно въ видѣ пріостановки Habeas Corpus Акта и другихъ ограниченій свободы личности, въ теченіе послѣдней сессіи парламента; петиціонеры напоминаютъ палатѣ, что Habeas Corpus Актъ былъ принятъ въ эпоху, болѣе всѣхъ другихъ памятную заговорами и тревогами, что онъ не создалъ какого-либо новаго права, а имѣлъ лишь въ виду лучшую защиту личной свободы вслѣдствіе частыхъ произвольныхъ и противозаконныхъ арестовъ и тюремныхъ заключеній, по обвиненіямъ въ бунтѣ и измѣнѣ, продажными (corrupt) и тираническими министрами тѣхъ дней; они представляютъ палатѣ, что если эту великую охрану личной безопасности нужно пріостанавливать всякій разъ, какъ народъ переживаетъ тяжелое время и когда дурное управленіе министровъ побуждаетъ его повергать свои жалобы передъ парламентомъ или къ подножію престола, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать ихъ и уврачевать, то это достохвальное право становится мертвою буквою, вся

1) Ibid., стр. 578–581.

его сила пропадаетъ, и пусть лучше оно сразу будетъ исключено изъ книги Статутовъ, чѣмъ терпѣть его лишь, какъ печальное и обидное восмоминаніе о томъ, чѣмъ англичане пользовались прежде». Упомянувъ затѣмъ о петиціи городскаго совѣта, поданной въ прошлую сессію, противъ акта о пріостановкѣ, петиціонеры указываютъ далѣе на злоупотребленія и излишнюю суровость при самомъ примѣненіи исключительныхъ полномочій, данныхъ правительству. «Со времени принятія указаннаго акта петиціонеры съ негодованіемъ и ужасомъ смотрѣли на ту мстительную жестокость, съ какою министры примѣняли предоставленныя имъ полномочія; многія лица были отторгнуты отъ своихъ женъ и семей, увезены въ отдаленныя тюрьмы, гдѣ были подвергнуты заточенію, въ тяжелыхъ кандалахъ, въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, а впослѣдствіи были освобождены, не будучи преданы суду и даже не зная, каковы были обвиненія противъ нихъ, хотя они неоднократно просили предать ихъ суду законныхъ трибуналовъ страны; петиціонеры не могутъ достаточно сильно выразить свое отвращеніе передъ пользованіемъ людьми безчестными и отъявленными негодяями въ качествѣ шпіоновъ и доносчиковъ, наемныхъ агентовъ правительства, которые, какъ оказывается, разъѣзжали по странѣ, при чемъ всюду, гдѣ только бѣдствія и нищета порождали недовольство и возбужденность, эти безчеловѣчные негодяи низкими происками и ложью старались склонить простыхъ и довѣрчивыхъ людей къ актамъ насилія и измѣны, при чемъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имѣли мѣсто обвинительные приговоры, петиціонеры удѣждены, на основаніи обнаруженныхъ данныхъ, что несчастные и довѣрчивые люди явились жертвами этихъ подлыхъ агентовъ». Далѣе петиція указываетъ, что въ то время, какъ совершались всѣ эти «акты суровости и давленія», — народъ переживалъ тяжкія невзгоды, и число петицій съ жалобами возросло до неслыханныхъ прежде размѣровъ, но эти жалобы не подвергались разслѣдованію; «петиціонеры убѣждены,

что неосновательная тревога, поднятая министрами, имѣла единственною своею цѣлью — заглушить эти жалобы и покрыть злоупотребленія». Указавъ на то, что палата общинъ издавна считалась «великимъ орудіемъ разслѣдованія всевозможныхъ притѣсненій и несправедливостей со стороны министровъ» и что она уже давно не выполняла этой своей функціи, петиціонеры выражаютъ надежду, что по крайней мѣрѣ теперь «палата, послѣ безпримѣрныхъ затрудненій и лишеній, испытанныхъ народомъ и усугубленныхъ произвольными мѣрами министровъ, предприметъ наконецъ серьезное и строгое разслѣдованіе многочисленныхъ притѣсненій и несправедливостей со стороны королевскихъ министровъ». Не питая довѣрія къ докладамъ, которые могутъ сдѣлать засѣдающія теперь секретныя коммиссіи, составленныя большею частью изъ «placemen» и самихъ министровъ, петиціонеры просятъ палату «предпринять немедленно безпристрастное и строгое разслѣдованіе образа дѣйствій министровъ за время послѣдней пріостановки Habeas Corpus Акта, а также и о томъ, чтобы всѣ дѣйствія по этому разслѣдованію поручены были коммиссіи, въ которую входили бы только тѣ члены палаты, которые не занимаютъ никакихъ коронныхъ должностей и не получаютъ отъ короны пенсій; они просятъ далѣе, чтобы палата не обращала пресловутую отвѣтственность министровъ въ пустой звукъ принятіемъ билля объ амнистіи и не отнимала этимъ у жертвъ притѣсненія и преслѣдованія возможности аппеллировать къ законамъ страны».

Подобное же ходатайство о производствѣ разслѣдованія дѣйствій правительства и объ отклоненіи билля объ амнистіи лондонскій городской совѣтъ выразилъ и въ другой петиціи, представленной 27 февраля 1818[1]).

Петиціи съ жалобами на неправильныя дѣйствія правительства при арестахъ и заключеніи дали поводъ къ

1) Ibid., стр. 672—674.

возбужденію въ обѣихъ палатахъ вопроса о необходимости произвести тщательное разслѣдованіе жалобъ. Въ палатѣ общинъ лордъ Фолькстонъ предложилъ (17 февр.) образовать особую коммиссію для разслѣдованія основательности заявленій петицій, но, послѣ продолжительныхъ преній, предложеніе это было отвергнуто 167 голосами противъ 58[1]). Отвергнуто было, даже безъ голосованія, и предложеніе графа Карнарвона, въ палатѣ лордовъ (19 февр.) передать петиціи на разсмотрѣніе уже ранѣе образованной коммиссіи[2]). Какъ на мотивъ къ отклоненію предложенія лорда Фолькстона, указывалось на преувеличенность жалобъ и на очевидную неосновательность нѣкоторыхъ петицій, а также на сомнительныя нравственныя качества нѣкоторыхъ изъ петиціонеровъ[3]). Главнымъ же мотивомъ противъ такого разслѣдованія Кэстльри выставилъ соображенія справедливости по отношенію къ тѣмъ лицамъ, имена которыхъ министры обязаны сохранить въ тайнѣ: «ибо, — сказалъ онъ, — въ результатѣ такого разслѣдованія министрамъ пришлось бы или преклониться передъ всѣми взводимыми противъ нихъ обвиненіями, или же тѣхъ лицъ, которыя дѣлали имъ сообщенія въ увѣренности полной тайны, отдать въ жертву мстительнымъ нападкамъ тѣхъ, кого они изобличали»[4]).

Оба указанныя предложенія внесены были еще до представленія парламенту билля объ амнистіи, но они находились въ такой съ нимъ связи, что при обсужденіи ихъ неизбѣжно должны были быть затронуты раз-

---

1) Ibid., стр. 460—500.

2) Ibid., стр. 519—545.

3) На это однако Бёрдеттъ замѣтилъ, что палатѣ нѣтъ дѣла до того, дурной или хорошій человѣкъ Уордъ (одинъ изъ петиціонеровъ), а важно одно, — правильно-ли онъ былъ подвергнутъ аресту и законно-ли поступали съ нимъ во время заключенія. — Съ другой стороны, если даже изъ одиннадцати петицій три неосновательны, то почему же остальныя восемь должны быть отвергнуты? — Ibid., стр. 486 и 493.

4) Ibid., стр. 480.

личные вопросы объ амнистіи. Въ виду этого многія изъ высказанныхъ здѣсь соображеній имѣютъ прямое отношеніе къ этому предмету и принимаются во вниманіе въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Переходя въ настоящее время къ очерку соображеній по самому существу вопроса объ амнистіи, мы считаемъ необходимымъ изложить ихъ не въ порядкѣ той постепенности, съ какою они выдвигались въ обѣихъ палатахъ, а по нѣсколькимъ группамъ, на которыя можно разбить наиболѣе существенные доводы за и противъ амнистіи, высказанные за весь періодъ обсужденія вопроса.

Въ доводахъ оппозиціи прежде всего выступаетъ желаніе доказать неумѣстность амнистіи на томъ основаніи, что пріостановка Habeas Corpus Акта въ 1817 г. не была нужна, что опасность происходившихъ тогда и ожидавшихся волненій была сильно преувеличена, что для подавленія ихъ совершенно достаточны были обычныя полномочія правительства. Пріостановка была мотивирована существованіемъ заговора съ цѣлью ниспроверженія государственнаго порядка, путемъ общаго возстанія. Если правительство дѣйствительно находило это, то почему не доказало оно существованіе этого заговора во время суда въ Дерби? «Здѣсь, — по замѣчанію сэра Самюеля Ромильи[1]), — было вполнѣ умѣстно и своевременно войти въ подробности всего дѣла, показать размѣры и характеръ заговора и оправдать передъ страною необходимость пріостановки Habeas Corpus Акта, доказавъ всю огромность той опасности, какая грозила странѣ. Этого не было сдѣлано, и въ публикѣ образовалось противоположное убѣжденіе . . . Представитель обвиненія со стороны правительства старательно уклонялся отъ того, чтобы сказать хоть одно слово о происхожденіи заговора, не смотря на то, что защитникъ

1) Ibid., стр. 177.

подсудимыхъ и приглашалъ его сдѣлать это.» Причина этого — въ томъ, что правительство и не могло доказать существованія заговора, а слѣдовательно и необходимости исключительныхъ полномочій, вотированіе которыхъ, при такихъ условіяхъ, составляетъ весьма опасный прецедентъ[1]).

Другой ораторъ оппозиціи, сэръ В. Бурроусъ, доказывая ненужность исключительныхъ мѣръ, обратилъ вниманіе на указаніе втораго доклада коммиссіи 1817 г. о томъ, что въ Манчестерѣ заговорщики имѣли въ виду сжечь городъ и перебить жителей. «Если таковы были замыслы людей, арестованныхъ при дѣйствіи пріостановки, то чѣмъ министры могутъ объяснить передъ страною тотъ фактъ, что они освободили ихъ безъ суда? Если это не есть признаніе того, что министры не могли выставить никакихъ обвиненій противъ манчестерскихъ измѣнниковъ и что доказательства, на кото-

1) Ромильи приглашалъ министровъ обратить вниманіе на всю важность созданнаго ими прецедента. „Они могутъ ожидать въ будущемъ появленія какого-нибудь министра, готоваго усилить власть короны много послѣ того, какъ нынѣшнее поколѣніе сойдетъ въ могилу, они могутъ ждать, что какой-нибудь будущій король изъ брауншвейгскаго дома, но съ чувствами и убѣжденіями Стюарта, пожелаетъ воспользоваться такимъ министромъ, предпочитая скорѣе слѣдовать примѣру деспотовъ, чѣмъ царствовать въ сердцахъ свободнаго народа. Какой прецедентъ для облегченія подобныхъ замысловъ создали они пріостановкой Habeas Corpus Акта въ такое время, когда не было ни войны, ни какого-либо претендента на престолъ, иначе говоря, — не было къ ея принятію ни малѣйшаго повода кромѣ тѣхъ обычныхъ выраженій недовольства, которыя всегда выступаютъ въ свободной странѣ, когда ею управляетъ слабое правительство, которому народъ не сочувствуетъ“.... Ibid., стр. 179. Опасенія Ромильи, — говоритъ историкъ Вальполь, — „къ счастью, оказались неосновательными. Со временъ Ромильи страна переживала болѣе значительные кризисы и видѣла болѣе сильныя народныя волненія, чѣмъ тѣ, которыя обезпокоили Ливерпуля, Сидмаута и Кэстльри въ 1817 г. Но съ тѣхъ поръ ни одно правительство не рѣшалось пріостанавливать Habeas Corpus Актъ въ Великобританіи. Ни одинъ изъ слѣдовавшихъ затѣмъ министровъ не отваживался нарушать конституцію подъ предлогомъ ея охраненія.“ — Spencer Walpole, History of England (1890), т. I, стр. 383.

рыхъ опирался докладъ коммиссіи, были неосновательны, то на нихъ ложится тяжкая отвѣтственность за то, что они возвратили обратно въ лоно общества столь опасныхъ лицъ. Образъ дѣйствій министровъ необъяснимъ при предположеніи, что докладъ былъ вѣренъ, и, съ другой стороны, актъ о пріостановкѣ не можетъ быть оправданъ, если докладъ былъ невѣренъ. А послѣ того не случилось ничего, что оправдывало бы такую мѣру». [1])

При обсужденіи билля объ амнистіи въ палатѣ лордовъ маркизъ Ленсдаунъ, между прочимъ, обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что число участниковъ въ безпорядкахъ въ Дербиширѣ и Іоркширѣ было крайне ничтожно, что они подавлены были съ большою легкостью, что они не вызвали поддержки въ населеніи и что, каковы бы ни были размѣры ихъ, пріостановка Habeas Corpus Акта нисколько не содѣйствовала ихъ уменьшенію. [2]) Ораторъ признавалъ напраснымъ отрицать «существованіе значительнаго недовольства среди многочисленной группы лицъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ приглашалъ лордовъ посмотрѣть, «не содѣйствовало-ли очень сильно увеличенію этого недовольства появленіе произвольныхъ мѣръ и проявленіе несправедливости по отношенію ко многимъ лицамъ, а также не помогло-ли этому отсутствіе гласности по отношенію къ обвиненіямъ, которая вполнѣ основательно считается весьма существеннымъ элементомъ свободы страны». [3])

Министры и ихъ сторонники, напротивъ, старались доказать, что пріостановка была нужна и что послѣдствія ея были благодѣтельны. Они не могли конечно отрицать того, что безпорядки не имѣли характера повсемѣстнаго и опаснаго возстанія. Но это они старались приписать именно вліянію пріостановки. Такъ, премьеръ, графъ Ливерпуль, соглашался съ тѣмъ, что

---

1) Parliamentary Debates, т. XXXVII, стр. 186.
2) Ibid., стр. 626—627.
3) Ibid., стр. 630.

напр. число арестованныхъ въ Лондонѣ было весьма незначительно; но, — прибавлялъ онъ, — «развѣ отсюда можно заключить, что не было многихъ, склонныхъ къ недовольству?» «Онъ (Ливерпуль) проситъ лордовъ припомнить, каково было состояніе города (Лондона), когда тревога коснулась даже самого парламента и побудила его принять мѣры безопасности и вооружить правительство особыми полномочіями въ видахъ устраненія опасности. Если лорды припомнятъ это, то, онъ увѣренъ, они не скажутъ, что въ Лондонѣ опасность не была велика. . . . Развѣ можно признать ничтожнымъ результатомъ пріостановки то, что спокойствіе страны было обезпечено, что опасенія, повсюду возникшія, улеглись, что всюду возстановлено довѣріе? А именно такими послѣдствіями, согласно единодушнымъ отзывамъ изъ различныхъ мѣстностей, сопровождалась пріостановка. Въ частности по отношенію къ Лондону онъ рѣшается утверждать, что тревога, какую вызвало среди людей недоброжелательныхъ проведеніе исключительныхъ биллей, сильно парализовала ихъ замыслы. Билли вызвали замѣшательство среди самыхъ смѣлыхъ изъ нихъ, захватили конспираторовъ врасплохъ, разрушили ихъ планы какъ здѣсь, такъ и въ провинціи, пробудили въ нихъ недовѣріе къ своему дѣлу и, что часто бываетъ еще важнѣе, вызвали недовѣріе ихъ другъ къ другу. Утѣшительно признать, что временная пріостановка акта, существованіе котораго столь важно для нашей свободы, обезпечила прочность общественнаго спокойствія средствами менѣе серьезными и рѣшительными, чѣмъ тѣ, къ которымъ иначе пришлось бы прибѣгнуть». Упомянувъ о томъ, что въ разныхъ мѣстностяхъ обнаружены были признаки «систематическаго, организованнаго заговора», который велся одновременно въ Лондонѣ, Манчестерѣ, Ноттингемѣ, Лейсестерѣ, Дерби и Вестъ-Райдингѣ въ Іоркширѣ, графъ Ливерпуль сказалъ: «при такихъ условіяхъ принятіе билля о пріостановкѣ было актомъ

состраданія передъ страною». «Вопросъ сводился къ тому, нѣтъ-ли на лицо такой опасности, которая дѣлала бы по отношенію къ общественной безопасности разумнымъ, а по отношенію къ виновнымъ, но несчастнымъ лицамъ гуманнымъ — предоставленіе исполнительному правительству такой власти, которая могла бы косвеннымъ путемъ и самымъ своимъ названіемъ положить конецъ злу, не прибѣгая къ помощи мѣръ крайней суровости, при которыхъ могла бы быть принесена въ жертву даже жизнь людей доброжелательныхъ. Онъ твердо держится убѣжденія, что при всѣхъ данныхъ обстоятельствахъ это было мѣрою гуманною и справедливою и что никогда не было предупредительной мѣры, которая подавила бы зло болѣе широкаго и пагубнаго характера [1]).

Подобныя же соображенія высказаны были и другими ораторами правительственной партіи. Такъ, графъ Вестморлендъ, выражая готовность согласиться съ оппонентами билля объ амнистіи, что безпорядки могли быть подавлены исполнительнымъ правительствомъ безъ исключительныхъ полномочій, прибавилъ: «но пусть благородные лорды подумаютъ, сколько въ такомъ случаѣ было бы пролито крови, какой долженъ былъ бы быть произведенъ погромъ. Пусть они сообразятъ, какъ много погибло бы доблестныхъ воиновъ, или, если это не важно, сколь многіе изъ самихъ обольщенныхъ и введенныхъ въ заблужденіе погибли бы на эшафотѣ? Предупредить эти бѣдствія было со стороны законодательства актомъ состраданія, справедливости и мудрости. Кто можетъ сказать, какіе размѣры могло бы принять бѣдствіе даже въ случаѣ его подавленія, если бы парламентъ не уполномочилъ правительство на мѣры, имъ принятыя?» [2]).

Считая не подлежащей сомнѣнію необходимость пріостановки Habeas Corpus Акта въ 1817 г., ми-

1) Ibid., стр. 637—641.
2) Ibid., стр. 808—809.

нистры и ихъ сторонники признавали вполнѣ справедливымъ и даже необходимымъ вотированіе парламентомъ амнистіи, которая снимала бы всякую дальнѣйшую отвѣтственность съ лицъ, участвовавшихъ въ примѣненіи исключительныхъ полномочій. Соображенія, высказанныя съ цѣлью мотивировать необходимость принятія билля объ амнистіи, заслуживаютъ особеннаго вниманія, такъ какъ въ нихъ рельефно выступаютъ основанія, на которыхъ опирается институтъ амнистіи, какъ болѣе или менѣе вѣроятнаго послѣдствія пріостановки Habeas Corpus Акта.

Во главѣ этихъ соображеній стоитъ убѣжденіе въ томъ, что осуществленіе исключительныхъ полномочій какъ бы неминуемо сопряжено съ отступленіями отъ обычныхъ законныхъ формъ и условій; но возложеніе отвѣтственности за эти отступленія на лицъ, поставленныхъ въ необходимость примѣнять исключительныя полномочія, было бы суровою несправедливостью по отношенію къ нимъ, разъ эти отступленія являются несущественными. Такъ, графъ Вестморлендъ, говоря о необходимости амнистіи и выражая готовность допустить, что билль объ амнистіи не можетъ быть признанъ непремѣннымъ, само собою разумѣющимся послѣдствіемъ акта о пріостановкѣ, прибавилъ: «слѣдуетъ однако помнить, что разъ законодательная власть дала исполнительному правительству исключительныя полномочія, на правительствѣ лежитъ обязанность выполнить ихъ. Прямой долгъ министра внутреннихъ дѣлъ состоялъ въ томъ, чтобы примѣнить ту исключительную власть, которая была ему ввѣрена, если онъ сознавалъ, что примѣненіе ея необходимо для безопасности страны. Но неужели парламентъ можетъ облечь кого-нибудь властью и затѣмъ оставить его, на всю остальную жизнь, сдѣлаться жертвою преслѣдованій за то, что̀ онъ примѣнилъ ввѣренную ему власть? Возможно-ли допустить, чтобы законодательная власть этой страны поставила слугу страны въ такое положеніе? А если на парла-

ментѣ лежитъ долгъ защитить, при такихъ обстоятельствахъ, министра, то на немъ въ такой же мѣрѣ лежитъ долгъ защитить магистратовъ, а также и тѣхъ, отъ кого получены были сообщенія о замыслахъ людей недоброжелательныхъ»[1]). — Съ другой стороны, лордъ Кэстльри, при внесеніи предложенія объ образованіи секретной коммиссіи (5 февр.) говорилъ, что «онъ готовъ указать на необходимость акта объ амнистіи, какъ мѣры, стоящей въ необходимой связи съ актомъ о пріостановкѣ. Значительная часть сообщеній, на основаніи которыхъ дѣйствовало правительство, по необходимости носятъ такой характеръ, что они не могутъ быть разоблачены безъ ущерба для безопасности лицъ, дѣлавшихъ эти сообщенія. Магистратамъ часто приходилось дѣйствовать, въ интересахъ общественнаго спокойствія, на основаніи сообщеній, которыя они по буквѣ закона не могли бы оправдать. Онъ положительно признаетъ, что билль объ амнистіи необходимъ послѣ того, какъ правительству ввѣрены были такія полномочія»[2]). — Батурстъ, указывая ни прецедентъ амнистіи 1801 г., сказалъ: «парламентъ призналъ въ этомъ случаѣ, какъ это должно быть и всегда, что правительство, дѣйствуя въ интересахъ общественной безопасности, не должно быть принуждаемо выдавать источники тѣхъ секретныхъ сообщеній, которыя побуждали его къ временному лишенію свободы нѣкоторыхъ лицъ. Если бы парламентъ отказалъ защитить правительство при такихъ условіяхъ, то какое правительство и какіе министры взялись бы осуществлять полномочія, предоставляемыя пріостановкою Habeas Corpus Акта?»[3]).

Защищая билль объ амнистіи, ораторы правительственной партіи и особенно члены министерства много говорили на тему о томъ, что въ этой амнистіи

1) Ibid., стр. 809—810.
2) Ibid., стр. 162.
3) Ibid., стр. 167—168.

нуждаются собственно не сами министры. Послѣдніе легко могли бы доказать правильность своихъ дѣйствій, которыя были основаны на данныхъ, имъ сообщенныхъ. Ссылка на эти сообщенія позволяла бы имъ сложить съ себя отвѣтственность за аресты людей, затѣмъ отпущенныхъ на свободу безъ суда. Но эта ссылка обнаружила бы имена тѣхъ лицъ, отъ которыхъ они получали сообщенія подъ условіемъ сохраненія въ тайнѣ ихъ именъ, и вслѣдствіе этого пришлось бы пострадать именно этимъ лицамъ. Такимъ образомъ, по аргументаціи министерства, амнистія необходима гораздо болѣе для этихъ лицъ; защита же ихъ отъ преслѣдованій вызывается необходимостью обезпечить на будущее время возможность получать донесенія. Вотъ что̀ говорилъ по этому предмету лордъ Кэстльри, возражая на предложеніе лорда Фолькстона о производствѣ разслѣдованія петицій. Ораторъ находилъ, что въ примѣненіи исключительныхъ полномочій «не было нарушенія закона. Онъ соглашается съ нимъ (лордомъ Фолькстономъ), что всѣ законныя формы должны быть соблюдаемы, что свидѣтели должны быть подвергаемы допросу и что ни одинъ арестъ не долженъ имѣть мѣста безъ надлежащихъ доказательствъ; но онъ отрицаетъ, что этотъ принципъ дѣлаетъ необходимымъ ставить свидѣтеля, дающаго свою присягу при дѣйствіи акта о пріостановкѣ, въ положеніе другихъ свидѣтелей, или что магистратъ обязанъ посылать его сообщенія въ судъ, какъ это онъ долженъ дѣлать при обыкновенныхъ условіяхъ. Обычный порядокъ обязываетъ магистрата представить суду показанія, на основаніи которыхъ онъ подвергаетъ аресту, вмѣстѣ съ именами свидѣтелей; но ясно, что этотъ принципъ не можетъ быть примѣняемъ къ данному случаю безъ ущерба для той задачи, которую имѣла въ виду законодательная власть. Онъ приведетъ слѣдующій примѣръ: предположимъ, что какой-нибудь магистратъ представляетъ государственному секретарю показаніе подъ присягою, въ вѣрности котораго онъ

вполнѣ увѣренъ, — показаніе важное для существованія правительства или необходимое для охраненія общественнаго спокойствія; предположимъ далѣе, что этотъ магистратъ могъ получить и представить эти данныя не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы имена свидѣтелей были сохранены въ тайнѣ или чтобы ни онъ самъ, ни эти свидѣтели не подверглись послѣдствіямъ сообщенія столь важныхъ свѣдѣній. Могъ-ли бы благородный другъ оратора (лордъ Фолькстонъ), дѣйствуя подъ своею отвѣтственностью, отказаться выслушать такое свидѣтельство; могъ-ли бы онъ также отказать въ выдачѣ приказа задержать то лицо, котораго эти свѣдѣнія касаются? Онъ убѣжденъ, что подобный принципъ не можетъ быть соблюденъ здѣсь, и былъ бы очень радъ узнать, въ какомъ положеніи оказался бы его благородный другъ, если бы, послѣ того какъ онъ поступилъ на основаніи такого свидѣтельства, ему пришлось оправдывать передъ судомъ сдѣланное имъ распоряженіе объ арестѣ? Совершенно ошибочно, — продолжалъ лордъ Кэстльри, — считать предполагаемый билль (объ амнистіи) биллемъ съ цѣлью защиты коронныхъ министровъ; онъ имѣетъ въ виду защиту тѣхъ лицъ, которыя выступили съ сообщеніями крайне важными для безопасности страны, при чемъ эти сообщенія не могли бы быть сдѣланы иначе, какъ въ надеждѣ на ту защиту, какую даетъ упомянутый билль. Такимъ образомъ, либо эти лица должны быть защищены (въ ихъ глазахъ эта защита имѣетъ такое значеніе, что безъ нея они и не сдѣлали бы своихъ сообщеній), либо коронные министры должны подлежать карамъ не за свои собственные проступки, но за то, что они отказываются выдать тѣхъ лицъ, которыя дали имъ возможность раскрыть заговорщиковъ. Если обычныя законныя средства были достаточны, то зачѣмъ прибѣгали къ пріостановкѣ Habeas Corpus? Пріостановка была предпринята съ очевидною цѣлью защитить лицъ, дѣлающихъ донесенія, отъ того риска, съ кото-

рымъ могло быть сопряжено для нихъ разоблаченіе донесеній въ гласномъ судѣ; а безъ такой защиты невозможны были бы никакія донесенія, такъ какъ никто не рѣшился бы выступить съ ними, рискуя своею собственною безопасностью. По такимъ основаніямъ амнистія всегда признавалась необходимою, не съ цѣлью покрыть министровъ, а съ цѣлью защитить тѣхъ, которые спасли свою страну»[1]).

Аналогичные доводы подробно развивались коронными юристами — генералъ-атторнеемъ и генералъ-солиситоромъ. Первый, упомянувъ о дѣятельныхъ мѣрахъ различныхъ должностныхъ лицъ и высказавъ убѣжденіе въ томъ, что они должны быть амнистированы, сказалъ: «если бы къ нимъ были предъявлены иски, то они не имѣли бы иныхъ средствъ къ защитѣ, кромѣ раскрытія именъ тѣхъ, которые доставляли имъ свѣдѣнія. Предотвратить такія разоблаченія — одна изъ главныхъ задачъ билля, задача очень важная. Если бы имена тѣхъ, отъ кого правительство получало сообщенія при такихъ условіяхъ, сдѣлались извѣстны, то въ результатѣ этого измѣна и заговоръ могли бы развиваться безнаказанно; ибо, если бы такое разоблаченіе было сдѣлано, большинство такихъ лицъ будутъ впредь бояться дѣлать правительству какія-либо сообщенія изъ опасенія вызвать противъ себя общее порицаніе или отдѣльные акты мщенія; слѣдовательно такое разоблаченіе явилось бы лишь поощреніемъ для будущаго заговора[2])». «Министры, — говорилъ генералъ-солиситоръ, — желаютъ принятія билля объ амнистіи не ради своихъ интересовъ, такъ какъ они легко могли бы оправдать себя въ томъ, что̀ ими сдѣлано. Но они желаютъ, чтобы тѣ источники, изъ которыхъ они получали сообщенія, не были въ настоящее время раскрыты. Сообщенія эти большею частью давались подъ условіемъ сохраненія тайны, и

1) Ibid., стр. 472—473.
2) Ibid., стр. 889.

лица, отъ которыхъ они получались, не могутъ быть, по справедливости, раскрыты публикѣ. Таковы тѣ основанія, по которымъ министры требуютъ билля объ амнистіи [1])».

Приведемъ наконецъ доводы, высказанныя еще однимъ оффиціальнымъ авторитетомъ въ области толкованія права, лордомъ-канцлеромъ, который съ особеннымъ стараніемъ выдвинулъ интересъ общественнаго блага (salus populi), въ качествѣ принципа, лежащаго въ основѣ какъ пріостановки, такъ и акта объ амнистіи. «Всѣми признано, — говорилъ онъ — что бывали случаи, вызывавшіе необходимость пріостановки Habeas Corpus, и случаи, требовавшіе акта объ амнистіи. Подобныхъ случаевъ было много. Во время проведенія билля о пріостановкѣ онъ (лордъ-канцлеръ) между прочимъ сказалъ, что за нимъ послѣдуетъ амнистія, и этимъ онъ имѣлъ въ виду вызвать въ лордахъ надлежащее представленіе о важности этой мѣры. Этотъ актъ о пріостановкѣ былъ очень важною мѣрою; но онъ былъ и необходимою мѣрою; актъ же объ амнистіи долженъ слѣдовать за нею, какъ ея необходимое послѣдствіе. Прошло полтора вѣка со времени принятія Habeas Corpus Акта, въ царствованіе Карла II. Онъ составляетъ великую опору нашихъ вольностей и гордость нашей конституціи. Но этотъ же самый актъ представилъ бы величайшую опасность для конституціи, если бы парламентъ не могъ контролировать парламентъ, если бы то, что было вотировано, не могло быть пріостанавливаемо при извѣстныхъ условіяхъ. Онъ (ораторъ) достаточно старъ и не разъ имѣлъ случай убѣдиться въ справедливости этого. Со времени царствованія Карла II бывали періоды опасности, вызывавшей необходимость въ пріостановкахъ Habeas Corpus. Его благородный другъ (лордъ Эрскинъ) прочелъ ту часть доклада, въ которой говорится, что народныя массы оставались спокойными, и съ торжествомъ спро-

1) Ibid., стр. 982.

силъ, не доказываетъ-ли это ненужность пріостановки? Но онъ спроситъ своего благороднаго и ученаго друга, — развѣ не были спокойны народныя массы въ царствованіе Вильгельма III? А между тѣмъ пріостановка Habeas Corpus имѣла мѣсто три раза въ это царствованіе, и во всѣхъ трехъ случаяхъ сопровождалась актами объ амнистіи. Принятые тогда акты объ амнистіи были изложены въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и настоящій билль, и они точно также имѣли въ виду отдѣльныхъ лицъ. Лица эти, правда, были другой категоріи; но принципъ былъ тотъ же. Акты эти не говорятъ, что амнистія дается для того, чтобы предупредить разслѣдованіе въ отдѣльныхъ случаяхъ; они не отрицаютъ, что могутъ существовать индивидуальныя основанія для жалобъ, но они признаютъ, что были нарушенія закона, которыя они и стремятся оправдать и покрыть. Принявъ во вниманіе принципъ пріостановки, лорды должны признать, что она предоставляетъ полномочія, которыя, безъ акта о пріостановкѣ, были бы несправедливы. Стало быть, лица, дѣйствующія на основаніи ея, нарушаютъ права отдѣльныхъ лицъ, но это ради общественной безопасности и вслѣдствіе общественной необходимости. Отсюда ясно, что тотъ же самый принципъ, по которому необходима пріостановка, дѣлаетъ необходимымъ отнятіе у отдѣльныхъ лицъ права жалобъ или преслѣдованій за осуществленіе ея. Но акты объ амнистіи принимались не только въ дни царствованія Вильгельма III — дни, какъ говорятъ, наиболѣе благопріятные народной свободѣ, — но также въ 1715 и 1746 г. Въ оба эти года они также приняты были, и, если онъ не ошибается, въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и настоящій билль. Мѣры въ эпохи различныхъ пріостановокъ оправдывались требованіемъ обстоятельствъ, и признавалось справедливымъ, чтобы не возбуждались иски о несправедливомъ заключеніи, когда этого требовало благо страны. Salus populi, общественная безопасность, высшая задача закона, — таковъ былъ

благодѣтельный принципъ такихъ мѣръ. Отъ 1746 г. нужно перейти къ 1794 г., Когда въ этомъ послѣднемъ году проводился билль о пріостановкѣ, слышались восклицанія: «какъ можно пріостанавливать palladium нашихъ вольностей изъ-за London Corresponding Society и нѣсколькихъ митинговъ въ Шеффильдѣ?» Однако парламентъ посмотрѣлъ на дѣло не такъ легко. Законодательная власть признала, что значительная часть низшихъ классовъ пропитана самыми опасными взглядами. Она увидѣла, что народъ думаетъ, будто ему можетъ быть лучше безъ короля, лордовъ и палаты общинъ, и она основательно рѣшила, что такое убѣжденіе опаснѣе для существованія государства, чѣмъ временная пріостановка закона. Этотъ актъ прекратилъ свое дѣйствіе въ 1795 г. и до 1798 г. новой пріостановки не было. Въ 1801 г. внесенъ былъ билль объ амнистіи. Въ теченіе періода, протекшаго со времени прекращенія дѣйствія акта и до внесенія билля ни единое лицо не подумало о возбужденіи иска или судебнаго преслѣдованія. Но лишь только билль объ амнистіи былъ предложенъ въ 1801 г., всѣ тѣ, которые прежде молчали и не выступали ни съ какими жалобами, выступили съ заявленіями о своихъ обидахъ. Парламентъ однако призналъ нужнымъ дать амнистію тѣмъ, которые участвовали въ этомъ важномъ дѣлѣ, и амнистировалъ ихъ. Разъ исторія конституціи, какъ въ эпоху революціи, такъ и впослѣдствіи, признавала парламентскою мѣру, теперь обсуждаемую, зачѣмъ принимать новую систему и безъ достаточныхъ основаній отступать отъ издавна признанной практики?»[1]).

Совершенно въ иномъ видѣ представлялся билль объ амнистіи членамъ оппозиціи, которые въ своихъ возраженіяхъ противъ него указали на рядъ соображеній, побуждавшихъ ихъ признать эту мѣру крайне нежелательной. Въ ряду этихъ доводовъ на первомъ планѣ

1) Ibid., стр. 652—654.

стоитъ убѣжденіе въ томъ, что амнистія представляетъ собою актъ явной несправедливости по отношенію къ лицамъ, подвергнутымъ продолжительному заключенію и затѣмъ безъ суда отпущеннымъ на свободу. Эти лица пострадали невинно, и имъ по всей справедливости не должны быть закрываемы пути къ полному возстановленію ихъ добраго имени и хотя нѣкоторому удовлетворенію ихъ за тѣ бѣдствія и лишенія, которымъ они были подвергнуты. Амнистія же, сдѣлавъ невозможнымъ предъявленіе съ ихъ стороны какихъ-либо исковъ, разъ на всегда закроетъ имъ эти пути.

Изъ многочисленныхъ рѣчей, выражавшихъ указанное убѣжденіе, приведемъ хотя нѣкоторые отрывки для болѣе рельефнаго освѣщенія этого довода противъ амнистіи. Такъ, еще при обсужденіи въ палатѣ общинъ предложенія объ образованіи коммиссіи (5 февр.), сэръ Бурроусъ высказалъ между прочимъ слѣдующія соображенія. «Если имѣется въ виду амнистія, какъ результатъ работъ этой коммиссіи, то онъ позволитъ себѣ замѣтить, что актъ о пріостановкѣ не даетъ короннымъ слугамъ никакихъ новыхъ полномочій по отношенію къ задержанію подданныхъ. Онъ даетъ имъ только право откладывать ихъ освобожденіе. Но благородный лордъ (Кэстльри) выразилъ готовность допустить, что какое-либо нарушеніе закона могло произойти. Въ чемъ смыслъ такого заявленія? Въ томъ, что министры, даже по ихъ собственному признанію, превысили широкіе предѣлы весьма чрезвычайныхъ полномочій, которыя они сами же считали достаточными для устраненія опасности, — опасности, которая, — это слѣдуетъ имѣть въ виду, — для большинства представляется несуществовавшей, для всѣхъ — сомнительной. Но палата не должна забывать, что на ней лежитъ извѣстный долгъ по отношенію къ лицамъ, пострадавшимъ отъ этихъ чрезвычайныхъ полномочій. Развѣ лица, подвергнутыя заключенію, безправны? Но какимъ же образомъ могутъ они получить внутреннее удовлетво-

реніе, возстановить свое доброе имя въ глазахъ своихъ близкихъ и страны, оправдать себя передъ обществомъ, — иначе, какъ отдавъ на публичное обсужденіе все свое поведеніе, возбудивъ законные иски противъ тѣхъ лицъ, по приказу которыхъ они были неправильно задержаны [1])?» Маркизъ Ленсдаунъ, указавъ на то, что билль объ амнистіи покрываетъ дѣйствія не только министровъ и магистратовъ, но и разныхъ шпіоновъ и доносчиковъ, спросилъ: «неужели лорды рѣшатся отнять и конфисковать законныя права и претензіи столь значительной группы лицъ, пострадавшихъ отъ чрезвычайныхъ полномочій, и такимъ образомъ лишить ихъ возможности огласить свои жалобы, отнять у нихъ всякую надежду на удовлетвореніе [2])?» Въ палатѣ же лордовъ лордъ Голландъ приглашалъ принять во вниманіе тѣ страданія, которыя были испытаны заключенными. «Пусть палата сообразитъ тѣ бѣдствія, которыми сопровождались для нихъ произвольные арестъ и заключеніе. И вотъ, послѣ того, какъ они потерпѣли личную обиду, послѣ того какъ на нихъ обрушились тягостныя послѣдствія этихъ мѣръ, настоящій билль предлагаетъ лишить ихъ справедливаго удовлетворенія, на которое они имѣютъ такое же право, какъ лорды на свои права или свои имущества. Предположимъ, что эти люди возбудятъ иски; въ такомъ случаѣ, говорятъ намъ, министръ долженъ будетъ обнаружить тѣ сообщенія, на основаніи которыхъ онъ дѣйствовалъ. Что дурнаго въ этомъ? Развѣ для безопасности государства столь необходимо существованіе или благоденствіе тѣхъ гнусныхъ и презрѣнныхъ (wretched and detestable) людей, которые сдѣлались доносчиками и которые отказывались выступать открыто со своими свидѣтельствами [3])?»

По словамъ Ламбтона (передъ первымъ чтеніемъ билля объ амнистіи въ палатѣ общинъ), членамъ палаты

1) Ibid., стр. 187.
2) Ibid., стр. 632.
3) Ibid., стр. 665.

предлагаютъ «набросить непроницаемое покрывало на всѣ акты тиранніи и угнетенія, совершенные за время дѣйствія акта о пріостановкѣ. Отъ нихъ требуютъ, чтобы они заглушили голосъ справедливыхъ жалобъ, чтобы они пренебрегли многочисленными петиціями, которыя представлены парламенту и которыя заключаютъ въ себѣ обвиненіе противъ дѣйствій министровъ, передаютъ подробности объ актахъ жестокости, безпримѣрныхъ въ лѣтописяхъ Бастиліи и требуютъ всесторонняго и гласнаго разслѣдованія справедливости обвиненій, касающихся такого предмета, по отношенію къ которому палатѣ слѣдуетъ всегда проявлять особенную заботливость; онъ разумѣетъ — свободу личности» [1]). — По словамъ сэра С. Ромильи, билль объ амнистіи есть «билль объ отнятіи всѣхъ законныхъ средствъ защиты (all legal remedies) у пострадавшихъ отъ противозаконнаго и произвольнаго примѣненія власти и о наказаніи тѣхъ, которые пожелали бы обратиться къ этимъ средствамъ, взысканіемъ съ нихъ судебныхъ издержекъ въ двойномъ размѣрѣ» [2]). — Сэръ Франсисъ Бёрдеттъ выражалъ особенное негодованіе передъ главнымъ аргументомъ, выдвинутымъ въ пользу амнистіи, — необходимостью сохранить въ тайнѣ источники тѣхъ донесеній, по которымъ дѣйствовало правительство. «Какъ!» — восклицалъ онъ: — «человѣка отрываютъ отъ дома, лишаютъ его свободы на основаніи секретнаго доноса и вмѣстѣ съ тѣмъ лишаютъ его возможности знать, что̀ это за доносъ? Лишаютъ его возможности когда-либо узнать, кто былъ его обвинителемъ? Вотъ какая система защищается теперь; а впослѣдствіи она, конечно, установится и будетъ практиковаться». Ораторъ напомнилъ, что исторія занесла на свои страницы, какъ фактъ глубоко возмутительный въ практикѣ аристократическаго правленія въ Венеціи, описаніе того,

1) Ibid., стр. 891—892.
2) Ibid., стр. 965—966.

какъ на площади Св. Марка была поставлена статуя льва, въ пасть котораго клались тайныя обвиненія и доносы противъ тѣхъ или другихъ лицъ; и на основаніи такихъ доносовъ дѣйствовало это деспотическое правительство. «Какая же разница между этимъ правленіемъ и тѣмъ правленіемъ этой страны, которое установилось въ послѣднее время, — когда министръ готовъ во всякое время принимать обвиненія противъ лицъ, которыхъ лишаютъ возможности узнать своихъ обвинителей, которыхъ подвергаютъ заключенію, не имѣя въ виду предавать суду, противъ лицъ, петиціи которыхъ о производствѣ разслѣдованія ихъ дѣлъ парламентъ отказывается выслушивать? Противъ подобной системы нѣтъ защиты. Безусловная невинность не служитъ достаточной защитой противъ нея. Въ обсуждаемомъ теперь вопросѣ есть много важныхъ сторонъ, но наиболѣе важною является эта необходимость сохранить въ тайнѣ, и не только на-время, но на-всегда, негласныя обвиненія неизвѣстныхъ личностей»[1]).

Указаніе на несправедливость амнистіи по отношенію къ лицамъ, безвинно пострадавшимъ вслѣдствіе примѣненія исключительныхъ мѣръ, было конечно главнымъ аргументомъ противъ билля объ амнистіи. Естественно, что именно на устраненіе или ослабленіе его направлены были старанія членовъ министерства и его сторонниковъ. Этого они имѣли въ виду достигнуть указаніемъ частью на невѣрность, частью на преувеличенность жалобъ, изложенныхъ въ петиціяхъ, представленныхъ парламенту[2]). Главнымъ же доводомъ ораторовъ правительственной партіи было увѣреніе въ томъ, что жестокое обращеніе съ заключенными не покрывается амнистіей, и слѣдовательно — если кто-либо изъ подвергнутыхъ лишенію свободы испыталъ это жестокое обращеніе, то за нимъ, не смотря на

1) Ibid., стр. 988—989.
2) См. выше, стр. 337.

актъ объ амнистіи, сохранится право предъявленія иска и вообще возбужденія судебнаго преслѣдованія противъ лицъ, виновныхъ въ такомъ обращеніи.

Во время преній по поводу предложенія лорда Фолькстона о разслѣдованіи жалобъ, выраженныхъ въ петиціяхъ, лордъ Кэстльри между прочимъ сказалъ: «что касается до жестокостей или грубостей при заключеніи, о которыхъ было говорено такъ много, то въ сущности этотъ вопросъ и не долженъ подлежать обсужденію въ палатѣ: ибо тѣ лица, которыя считаютъ себя обиженными, имѣютъ въ своемъ распоряженіи средство получить удовлетвореніе; обыкновенные суды открыты для нихъ, и въ биллѣ объ амнистіи не будетъ ничего, что могло бы помѣшать имъ возбудить иски. Пріостановка Habeas Corpus Акта только препятствовала производству суда во время дѣйствія этой мѣры. Разъ это не нужно болѣе, ничто не мѣшаетъ лицамъ, считающимъ, что притѣсненія, ими испытанныя, шли далѣе простаго заключенія, искать себѣ удовлетворенія; но это — вопросъ, подлежащій сужденію только судей, и въ этомъ они вполнѣ компетентны»[1]). — Въ палатѣ лордовъ, при обсужденіи аналогичнаго предложенія графа Карнарвона, графъ Ливерпуль, упомянувъ о томъ, что петиціи жалуются на жестокое и притѣснительное обращеніе съ заключенными, сказалъ, что «билль объ амнистіи не будетъ заключать въ себѣ никакого постановленія, которое защищало бы министровъ, магистратовъ, тюремщиковъ или иныхъ лицъ отъ послѣдствій жестокаго или притѣснительнаго обращенія»[2]). Съ другой стороны, лордъ Сидмаутъ, указавъ на единственный мотивъ амнистіи (сокрытіе источниковъ свѣдѣній, получавшихся правительствомъ), прибавилъ, что «онъ отказывается отъ какой-либо защиты въ актахъ жестокости, если такія дѣйствія могутъ быть выставлены

1) Ibid., стр. 473—474.
2) Ibid., 534.

противъ него. Пусть тѣ, кто испыталъ притѣсненія, обратятся съ жалобами въ законномъ порядкѣ, и онъ увѣренъ, что имъ не будетъ отказано въ удовлетвореніи»[1]). Такія же заявленія были сдѣланы и при самомъ обсужденіи билля объ амнистіи[2]).

Этотъ вопросъ явился также предметомъ довольно продолжительныхъ преній въ послѣдней стадіи обсужденія билля объ амнистіи въ палатѣ общинъ[3]). Поводомъ къ тому послужила поправка, предложенная однимъ изъ членовъ оппозиціи, сэромъ Джономъ Ньюпортомъ. Въ цѣляхъ большей опредѣлительности и ясности постановленій акта и въ интересахъ устраненія какихъ-либо сомнѣній касательно того, на какія дѣйствія распространяется амнистія, онъ предложилъ дополнить текстъ акта прямымъ указаніемъ на то, что амнистія не распространяется на тѣ случаи, когда примѣнена была «ненужная жестокость или суровость» (unnecessary cruelty or severity) при арестѣ или заключеніи въ періодѣ дѣйствія пріостановки. Иниціаторы билля и ихъ сторонники сами заявляли, что въ ихъ намѣренія не входитъ распространеніе амнистіи на такіе случаи, и потому, — если эти заявленія искренни, — авторъ поправки выразилъ надежду на то, что она не встрѣтитъ возраженій съ ихъ стороны.

Возраженія однако послѣдовали. Генералъ-атторней, генералъ-солиситоръ и лордъ Кэстльри рѣшительно возстали противъ этой поправки. Они доказывали, что эта поправка совершенна излишня, что общій законъ обезпечиваетъ право иска за всѣми лицами, испытавшими ненужную жестокость или суровость, что актъ объ амнистіи не можетъ лишить ихъ этого права, и что подобная поправка, будучи, по существу излишнею для случаевъ, ею предусматриваемыхъ, способна только породить сомнѣнія по отношенію къ другимъ случаямъ.

1) Ibid., стр. 527.
2) Ibid., стр. 667, 983, 987.
3) Ibid., стр. 1085—1094,

«Ничто не можетъ быть, — говорилъ лордъ Кэстльри, — столь опаснымъ для свободы личности, какъ введеніе въ такой билль излишнихъ квалификацій. Билль касается только четырехъ пунктовъ — отобранія оружія, бумагъ, задержанія подозрительныхъ лицъ и ареста участниковъ мятежныхъ сборищъ. Какое-либо спеціальное постановленіе можетъ только привести къ большему простору въ толкованіи билля по отношенію къ другимъ пунктамъ». Въ концѣ концевъ Ньюпортъ взялъ назадъ свою поправку.

Въ ряду другихъ существенныхъ возраженій оппозиціи противъ билля объ амнистіи мы встрѣчаемъ указаніе на то, что слишкомъ широки рамки амнистіи, освобождающей отъ всякой отвѣтственности не только членовъ правительства и администраціи, но и другія категоріи лицъ. «Она обнимаетъ, — говорилъ маркизъ Ленсдаунъ, — не только министровъ, членовъ тайнаго совѣта, магистратовъ и вообще всѣхъ должностныхъ лицъ, но также и шпіоновъ, доносчиковъ или какихъ-либо другихъ лицъ, служившихъ посредниками для правительства, которыя какимъ-либо образомъ содѣйствовали задержанію людей, почему-либо казавшихся имъ подозрительными [1])». По словамъ лорда Кинга, проектируемая мѣра «распространяетъ защиту амнистіи слишкомъ далеко», давая ее, «не только магистрату, который дѣйствовалъ вполнѣ добросовѣстно въ періодъ пріостановки Habeas Corpus Акта, но и шпіону, который вызвалъ безпорядки, послужившіе поводомъ къ изданію этой мѣры [2])». Такого рода заявленій можно было бы привести весьма большое количество [3]).

На этомъ возраженіи сконцентрировались многочисленныя замѣчанія, въ совокупности своей представившія весьма рѣшительное обвиненіе министерства

1) Ibid., стр. 632.
2) Ibid., стр. 791.
3) Ibid., стр. 659, 953, 971, 976 и др.

Ливерпуля-Сидмаута въ томъ, что оно широко пользовалось системой шпіонства. Количественно эти замѣчанія занимаютъ наибольшее мѣсто въ преніяхъ, которыми сопровождалось обсужденіе амнистіи въ обѣихъ палатахъ парламента, при чемъ этотъ вопросъ о шпіонахъ сверхъ того дважды, какъ было указано, выступалъ передъ палатою общинъ въ качествѣ самостоятельнаго предмета обсужденія. Да это и неудивительно, потому что пользованіе шпіонами (чего не отвергали и сами члены правительства), принявшее дѣйствительно широкіе размѣры, давало оппозиціи благодарный матеріалъ для нападокъ на министерство.

Рѣчи многочисленныхъ ораторовъ переполнены указаніями на нравственную неприглядность и политическій вредъ пользованія шпіонами, ссылками на историческіе прецеденты и различные авторитеты стараго и новаго времени, осуждавшіе такіе пріемы. Рѣчи оппозиціи испещрены именами Кэстля и особенно Оливера, роль котораго въ эпоху пріостановки Habeas Corpus Акта вызвала рѣзкое негодованіе противъ дѣйствій министерства и главнымъ образомъ лорда Сидмаута. Этотъ Оливеръ, бывшій по профессіи своей строителемъ, — a respectable builder [1]), по аттестаціи м-ра Аддингтона, родственника лорда Сидмаута, — явился къ этому послѣднему «съ хорошими рекомендаціями» и по собственной иниціативѣ сдѣлалъ ему «сообщенія, случайно имъ полученныя», «съ единственною цѣлью содѣйствовать сохраненію общественнаго спокойствія». Вслѣдъ затѣмъ Оливеръ былъ командированъ въ безпокойныя мѣстности (въ апрѣлѣ 1817 г.). Какими инструкціями былъ онъ снабженъ, въ точности неизвѣстно. Члены правительства увѣряли, что ему было поручено лишь на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ и настроеніемъ населенія. Какъ бы то ни было, но поѣздка Оливера въ безпокойныя мѣстности пріобрѣла

1) Parliamentary Debates, т. XXXVI, стр. 1154.

характеръ весьма дѣятельной агитаціи среди недовольныхъ съ цѣлью поощрить ихъ къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Онъ съумѣлъ проникнуть въ среду убѣжденныхъ и вліятельныхъ сторонниковъ парламентской реформы, передъ которыми онъ выдавалъ себя за горячаго адепта реформы и «лондонскаго делегата» отъ друзей ея. Явившись въ Бирмингэмъ, гдѣ нѣкто Митчель, уважаемый и вліятельный реформистъ, ввелъ его въ общество своихъ друзей, Оливеръ говорилъ, что онъ предпринялъ поѣздку въ Бирмингэмъ, Дерби, Лидсъ, Шеффильдъ, Уэкфилдъ, Манчестеръ и др. мануфактурные центры съ цѣлью собрать петиціи въ пользу реформы. Во время этой поѣздки спутникъ его, Митчель, былъ арестованъ, такъ что въ Уэкфильдъ Оливеръ пріѣхалъ одинъ. Сюда же пріѣхалъ, согласно уговору, делегатъ отъ бирмингэмскихъ реформистовъ для участія въ проектированныхъ Оливеромъ митингахъ делегатовъ отъ разныхъ мѣстностей. При встрѣчѣ съ Оливеромъ делегатъ выразилъ глубокое сожалѣніе по поводу ареста Митчелля; затѣмъ они вмѣстѣ отправились на митингъ. Дорогою Оливеръ между прочимъ высказалъ товарищу свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что ихъ «новый планъ обращенія съ петиціями не произведетъ никакого впечатлѣнія на ихъ притѣснителей и что ничего хорошаго нельзя добиться иначе, какъ прибѣгнувъ къ физической силѣ». Когда бирмингэмскій делегатъ замѣтилъ, что онъ прибылъ сюда «вовсе не съ такою цѣлью», Оливеръ спросилъ его: «ну, а какъ вы думаете, въ случаѣ нужды, всѣ-ли участвовавшіе на митингѣ въ Бирмингэмѣ будутъ готовы сражаться (to fight) за свою свободу.» Бирмингэмскій делегатъ, крайне удивленный такимъ вопросомъ, возразилъ, что объ этомъ онъ и не думалъ никогда и что онъ не знаетъ въ Бирмингэмѣ ни одного лица, которое имѣло бы такія идеи. Оливеръ сказалъ, что очень важно было бы имѣть такія свѣдѣнія относительно Бирмингэма для ободренія тѣхъ, которые примутъ участіе въ митингѣ.

Въ митингѣ этомъ (5 мая 1817 г.) приняли участіе десять делегатовъ изъ разныхъ мѣстностей. Предсѣдательство было предложено Оливеру, но онъ уклонился, послѣ чего предсѣдателемъ былъ избранъ бирмингэмскій делегатъ. Однако наиболѣе дѣятельную роль въ этомъ митингѣ игралъ Оливеръ. Онъ открылъ занятія его рѣчью, въ которой указалъ, что испытываемыя народомъ бѣдствія безпримѣрны, что парламентъ всецѣло игнорируетъ голосъ народа, что дальнѣйшія петиціи безполезны, что Лондонъ возлагаетъ надежды на провинцію, что они должны теперь обратиться къ физической силѣ и что для этого необходимо уяснить заблаговременно, на какое число людей и на какое количество оружія могутъ они разсчитывать. Затѣмъ Оливеръ вынулъ изъ кармана нѣсколько карточекъ и предложилъ, чтобы каждый изъ присутствующихъ написалъ на карточкѣ, какой maximum каждый городъ можетъ поднять, и затѣмъ, чтобы каждый собственноручно подписалъ подъ карточкою свое имя. Это предложеніе не встрѣтило сочувствія; но Оливеръ замѣтилъ, что это крайне необходимо, такъ какъ лондонскіе реформисты, делегатомъ которыхъ онъ является, пожелаютъ имѣть какъ можно болѣе точныя свѣдѣнія о силахъ, которыя могутъ быть подняты въ провинціи. Когда же снова раздались возраженія, Оливеръ сказалъ: «ну, ничего, въ такомъ случаѣ я самъ сдѣлаю это.» Онъ спросилъ затѣмъ, какое число можетъ быть поднято въ той или другой мѣстности, и данныя эти записалъ [1]).

Таковъ одинъ изъ характерныхъ эпизодовъ «командировки» Оливера, въ самомъ началѣ ея. Дальнѣйшіе переѣзды его ознаменовались все тѣмъ же провокаторскимъ характеромъ. Такъ, въ Дербиширѣ онъ опять-таки пропагандировалъ мысль о необходимости прибѣгнуть къ силѣ, какъ единственному средству добиться реформы. Когда же ему возражали, что страна вовсе не имѣетъ

1) Parliamentary Debates, т. XXXVII, стр. 353—355.

въ виду этого средства, Оливеръ говорилъ: «въ этомъ вы ошибаетесь; половина страны — уже въ организованномъ состояніи, особенно же Бирмингэмъ, Шеффильдъ, Лидсъ и большая часть мануфактурныхъ округовъ»; «около Лидса, — прибавлялъ онъ, — народъ весь вооруженъ и едва сдерживается въ ожиданіи назначеннаго срока». Когда ему замѣтили, что Дерби — «очень лойяльная мѣстность и что онъ не можетъ ожидать чего-либо подобнаго здѣсь», онъ сказалъ: «это пустяки, но лучше было бы сдѣлать что-нибудь; если провинція начнетъ и выступитъ съ шишковатыми палками въ рукахъ, ее поддержитъ Лондонъ, гдѣ въ часъ или два можетъ быть поднято 60 или 70 тысячъ вооруженныхъ людей [1])». Въ такомъ же духѣ и тѣми же пріемами провокаторства дѣйствовалъ Оливеръ и въ другихъ мѣстахъ.

Оливеръ былъ только однимъ изъ многихъ лицъ, принявшихъ на себя миссію провокаторства. Считая излишнимъ входить въ дальнѣйшія подробности этой дѣятельности, отмѣтимъ лишь нѣсколько любопытныхъ пунктовъ петиціи, съ которою обратились въ парламентъ «нѣкоторые купцы, мануфактуристы и другіе жители Манчестера, Сальфорда и окрестностей» (представлена палатѣ общинъ 9 февр. 1818 г.) Авторы ея сочли нужнымъ протестовать противъ несправедливыхъ обвиненій рабочихъ классовъ сосѣднихъ мѣстностей въ «злыхъ умыслахъ», которые они будто бы питали въ минувшемъ году «подъ маскою желанія добиться реформы народнаго представительства.» Указавъ, что между тѣмъ именно эти обвиненія послужили поводомъ къ пріостановкѣ и ограниченію «драгоцѣннѣйшихъ правъ и привилегій, которыми англичане обязаны мужеству и мудрости своихъ предковъ», — «петиціонеры рѣшаются увѣрить палату не только въ томъ, что поведеніе рабочей части ихъ согражданъ за все это время не про-

1) Ibid., стр. 356—357.

являло ни малѣйшей склонности къ неповиновенію или насилію, что рабочіе съ примѣрною и героическою стойкостью переносили безпримѣрныя по своей крайности бѣдствія; не соглашаясь вполнѣ съ цѣлесообразностью и не принимая на себя защиту благоразумности общаго политическаго образа дѣйствій рабочихъ классовъ своей округи, петиціонеры, въ результатѣ своихъ тщательныхъ и упорныхъ разслѣдованій, безъ колебаній увѣряютъ палату, что дѣйствія этой части населенія были вполнѣ и очень грубо извращены.» Упомянувъ далѣе о митингѣ 10 марта и послѣдовавшемъ за нимъ задержаніи 200—300 человѣкъ, собиравшихся идти въ Лондонъ съ петиціями, и о томъ, что въ концѣ концевъ всѣ эти «заговорщики» были безъ суда отпущены на свободу, авторы петиціи продолжаютъ: «это освобожденіе привлекло къ себѣ вниманіе петиціонеровъ, и нѣкоторые изъ нихъ принялись за всестороннее и тщательное разслѣдованіе основаній, по которымъ лицамъ арестованнымъ были приписаны измѣнническіе и бунтовскіе происки; въ результатѣ этого разслѣдованія явилось самое положительное и непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что никакихъ насильственныхъ замысловъ не имѣлось въ виду и что ни на одномъ изъ имѣвшихъ мѣсто митинговъ не дѣлалось и не обсуждалось ни одного предложенія опаснаго для общественнаго спокойствія никѣмъ, кромѣ наемныхъ шпіоновъ и доносчиковъ; петиціонеры убѣждены, что эти гнусные эмиссары испробовали всѣ средства къ тому, чтобы поймать въ западню рабочіе классы и вовлечь ихъ въ акты насилія и неповиновенія»; «что ихъ старанія побудить рабочихъ къ совершенію преступленій, за которыя они заслуживали бы смертной казни, ихъ назойливость въ назначеніи митинговъ въ различныхъ частяхъ страны, ихъ усилія привлечь многочисленныхъ участниковъ на эти митинги, ихъ подложныя имена, ихъ арестованіе и затѣмъ немедленное освобожденіе, ихъ связи съ магистратами и полиціей», — все это можетъ быть ясно и несомнѣнно

доказано и. т. д. «Пользованіе шпіонами такимъ способомъ и въ такихъ размѣрахъ, какъ это было въ округѣ петиціонеровъ, чревато самыми опасными послѣдствіями для мирныхъ и благожелательныхъ подданныхъ его величества», и потому они просятъ палату предпринять тщательное разслѣдованіе. — Представившій эту петицію, Филлипсъ въ пространной рѣчи привелъ подробности о трехъ шпіоновъ (Ломакса, Ваддингтона и лица, прозывавшаго себя Дьюгорстъ), дѣйствовавшихъ въ Манчестерѣ и окрестностяхъ тѣми же пріемами, какъ и Оливеръ[1]).

Располагая такими фактами, члены оппозиціи имѣли конечно достаточный поводъ утверждать, что правительство, пользуясь услугами такихъ агентовъ, какъ Оливеръ, само повинно въ томъ, что мѣстами дѣло дошло до серьезныхъ безпорядковъ. Они не отрицали того, что во многихъ мѣстностяхъ недовольство населенія было весьма значительно (какъ естественный результатъ неблагопріятныхъ матеріальныхъ условій); но это недовольство не выразилось бы въ формѣ открытыхъ безпорядковъ и волненій, если бы не провокаторство правительственныхъ агентовъ. Изъ многочисленныхъ заявленій въ этомъ смыслѣ приведемъ хотя бы слѣдующее мѣсто въ рѣчи Филлипса (5 марта 1818 г.): ораторъ «вовсе не склоненъ утверждать, что шпіоны и доносчики въ Ланкаширѣ, населеніе котораго доходитъ до 900.000 жит., не встрѣчали нѣкоторыхъ людей, съ удовольствіемъ выслушивавшихъ ихъ гнусныя предложенія и, при случаѣ, не прочь были бы помочь въ осуществленіи ихъ. Факты, однако, какъ кажется ему, свидѣтельствуютъ о томъ, что число такихъ людей было очень незначительно и во всякомъ случаѣ слишкомъ недостаточно для того, чтобы оправдать тревогу, ими возбужденную, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ шпіоновъ и доносчиковъ. Ораторъ полагаетъ, что ми-

1) Ibid. стр. 217—232.

нистры не являются стороною незаинтересованною въ настоящемъ обсужденіи. Онъ, конечно, не считаетъ ихъ способными произвести бунтъ, если заранѣе нѣтъ на лицо элементовъ его. Но онъ не можетъ не замѣтить, что бунтъ былъ весьма полезенъ для нихъ, какъ средство отвлечь вниманіе общества и нѣкоторыхъ изъ нерѣшительныхъ друзей ихъ въ палатѣ отъ раздававшихся со всѣхъ сторонъ требованій политики экономіи и сокращенія расходовъ. Онъ не будетъ утверждать, что министры устроили бунтъ, но скажетъ, что они весьма много содѣйствовали ему, при чемъ для цѣлей ихъ нельзя было найти орудія болѣе подходящаго, чѣмъ шпіоны и доносчики, такъ какъ благодаря имъ пробужденъ былъ страхъ передъ насиліемъ и измѣною, а вниманіе парламента и общества было удачно отвлечено отъ тѣхъ вопросовъ государственной экономіи и сокращенія расходовъ, которые такъ затрудняли правительство»[1]). — Убѣдительное доказательство пагубной роли шпіоновъ Беннетъ (сообщившій вышеприведенныя подробности объ Оливерѣ) основательно усмотрѣлъ «въ одномъ замѣчательномъ фактѣ, на который онъ просилъ обратить особенное вниманіе: съ того дня, какъ Оливеръ былъ разоблаченъ и прекратилъ свой объѣздъ, общественное спокойствіе возстановилось»[2]).

Правительство и его сторонники не имѣли возможности отрицать вѣрность выдвинутыхъ въ изобиліи указаній на то, что его агенты въ сильной степени содѣйствовали безпорядкамъ и волненіямъ. Поэтому ихъ защита была построена на чисто-формальномъ основаніи — на утвержденіи, что ни одинъ арестъ не былъ совершенъ на основаніи показаній кого-либо изъ шпіоновъ и доносчиковъ. Послѣдніе, по заявленію генералъ-атторнея, «служили для правительства просто средствомъ

1) Ibid., стр. 824—825.
2) Ibid., стр. 360.

къ раскрытію болѣе достовѣрныхъ свидѣтельствъ, и если показанія этихъ лицъ не подтверждались какими-либо несомнѣнными свидѣтельствами, то ими ни въ какомъ случаѣ не руководствовались [1]). Съ такими же заявленіями неоднократно выступалъ лордъ Сидмаутъ и другіе члены министерства [2]).

Какъ бы то ни было, система шпіонства, которою въ широкой мѣрѣ пользовалось министерство въ эпоху послѣдней пріостановки Habeas Corpus Акта, подверглась сильному осужденію. Любопытно отмѣтить, что это осужденіе высказано было даже однимъ изъ наиболѣе видныхъ членовъ правительственной партіи, — знаменитымъ Вильберфорсомъ. Заявивъ о томъ, что онъ «презираетъ систему шпіонства», и указавъ на то, что «наемный шпіонъ изъ угоды своему патрону и чтобы представить себя въ выгодномъ свѣтѣ — готовъ скорѣе раздуть недовольство, чѣмъ унять его, и, если нѣтъ никакого заговора, — создать его», Вильберфорсъ прибавилъ, что «по его убѣжденію, нѣтъ человѣка, который по натурѣ своей былъ бы такъ далекъ отъ пользованія шпіонами, какъ благородный секретарь по внутреннему управленію (лордъ Сидмаутъ). И дѣйствительно, сначала онъ и не пользовался Оливеромъ. Этотъ Оливеръ, явившись къ нему, заявилъ, что случайно до его свѣдѣнія дошли нѣкоторыя вещи, и вызвался сопровождать одно должностное лицо, которое въ то время отправлялось въ безпокойные округа. Предложеніе его было принято, — и онъ (Вильберфорсъ) долженъ осудить этотъ актъ, ибо пользованіе для раскрытія правды средствами низкой и продажной лжи онъ считаетъ столько же ненужнымъ и неполитичнымъ, сколько противнымъ всѣмъ лучшимъ принципамъ нравственности и религіозной справедливости. Страна, болѣе, чѣмъ какая-либо другая страна въ мірѣ, отличаю-

1) Ibid., стр. 500.
2) Ibid., стр. 667—668; 471; 479—480; 344 и др.

щаяся нравственностью и религіозностью, не должна быть унижаема употребленіемъ такихъ гнусныхъ средствъ, хотя бы они и приводили къ полезнымъ результатамъ» [1]). Говоря о системѣ шпіонства по другому поводу (11 февр., при обсужденіи предложенія Фазакерлей), Вильберфорсъ между прочимъ заявилъ: «эту практику не слѣдуетъ защищать на томъ основаніи, будто она была необходима для сохраненія общественнаго спокойствія. Нѣтъ! Нѣтъ! Британская имперія не нуждается въ подобной помощи для поддержанія своей безопасности; она не ищетъ защиты у такихъ союзниковъ. Наша свобода, наши права, наше спокойствіе опираются на начала закона и конституціи и съ презрѣніемъ отвергаютъ всякую поддержку со стороны такихъ низкихъ союзниковъ» [2]).

Заканчивая этимъ изложеніе данныхъ относительно важнѣйшихъ доводовъ pro и contra амнистіи, считаемъ нелишнимъ отмѣтить нѣкоторыя поправки, внесенныя въ билль по требованію оппозиціи.

По проекту, дѣйствіе билля объ амнистіи должно было быть распространено на акты, совершенные съ 1 января 1817 г. Между тѣмъ пріостановка Habeas Corpus Акта вошла въ силу лишь 4 марта. Такимъ образомъ амнистія, на которую смотрятъ, какъ на естественное послѣдствіе пріостановки, покрывала бы однако и такія дѣйствія, которыя были совершены до принятія акта о пріостановкѣ. На это нашелъ нужнымъ указать графъ Лодердэль, замѣтившій, что такого рода практика можетъ въ концѣ концевъ сдѣлать излишнимъ самое вотированіе актовъ о пріостановкѣ; билль объ амнистіи узаконяетъ не только всѣ акты, совершенные въ періодъ пріостановки, но и многія такія дѣйствія, которыя не оправдываются пріостановкою. Поэтому графъ Лодердэль предложилъ замѣнить дату 1 января — 4^{мы} марта.

1) Ibid., стр. 859—860.

2) Ibid., стр. 366.

На эти замѣчанія премьеръ графъ Ливерпуль отвѣчалъ вопросомъ: «не слѣдуетъ ли признать вѣроятнымъ, что еще въ теченіе обсужденія билля о пріостановкѣ могутъ быть совершены такія дѣйствія, по отношенію къ которымъ умѣстно примѣнить амнистію? Habeas Corpus Актъ можетъ быть пріостановленъ только въ случаяхъ серьезной опасности. Уже самая наличность этой необходимости и той опасности, которая заставляетъ министровъ обратиться къ парламенту и просить у него этой чрезвычайной мѣры, можетъ вынудить ихъ дѣйствовать въ промежуткѣ, подъ ихъ собственною отвѣтственностью. Поэтому казалось бы только справедливымъ, чтобы актъ объ амнистіи имѣлъ ретроспективное дѣйствіе, чтобы исходный моментъ его дѣйствія совпадалъ не съ самою пріостановкою, а скорѣе съ появленіемъ необходимости въ ней.» Не смотря на это, графъ Ливерпуль выразилъ однако готовность пойти на компромисъ и дѣйствіе амнистіи считать не съ 1 января, а лишь съ 26 января, за день до открытія сессіи [1]).

Другая поправка предложена была по иниціативѣ графа Карнарвона, который находилъ несправедливымъ подвергать уплатѣ двойныхъ судебныхъ издержекъ тѣхъ лицъ, которыя возбудили иски до принятія акта объ амнистіи. И въ этомъ отношеніи правительство пошло на компромисъ, согласившись освободить отъ уплаты двойныхъ издержекъ лицъ, возбудившихъ иски до 27 февраля (день втораго чтенія билля объ амнистіи въ палатѣ лордовъ [2]).

Оппозиціею внесены были и нѣкоторыя другія поправки, но онѣ были отвергнуты [3]).

Послѣ принятія билля въ палатѣ лордовъ десять членовъ ея (лорды Эрскинъ, Гросвеноръ, Голландъ,

1) Ibid., стр. 720—721.

2) Ibid., стр. 731—732.

3) Конецъ обсужденія амнистіи по этой, послѣдней въ исторіи Англіи, пріостановкѣ Habeas Corpus Акта ознаменовался въ палатѣ лордовъ внесеніемъ иронической поправки графа Лодердэля, имѣвшей

Ленсдаунъ, Карнарвонъ, Лодердэль, Монтфордъ, Кингъ, Оклендъ и Росслейнъ) представили протестъ противъ амнистіи. Въ немъ заслуживаетъ особаго вниманія пунктъ четвертый, въ которомъ сказано: «даже и въ то время, когда Habeas Corpus Актъ пріостановленъ, никто по этому поводу не долженъ быть задерживаемъ по сомнительному подозрѣнію . . . а лишь по такимъ основаніямъ, которыя оправдывали бы приказы объ арестѣ и преданіе суду въ обыкновенное время, ибо единственное юридическое послѣдствіе пріостановки состоитъ въ томъ, что она пріостанавливаетъ освобожденіе обвиняемыхъ; мы думаемъ, поэтому, что общая амнистія по столь многочисленнымъ и продолжительнымъ заключеніямъ даже не должна бы быть предлагаема парламенту ранѣе, чѣмъ произведено было бы гласное и безпристрастное разслѣдованіе» [1]).

цѣлью показать, какъ мало обстоятельства 1817 г. оправдывали принятіе исключительныхъ мѣръ. Основаніемъ для билля объ амнистіи послужилъ докладъ секретной коммиссіи. И вотъ, графъ Лодердэль, пользуясь подлинными выраженіями этого доклада, предложилъ замѣнить текстъ вступленія къ биллю слѣдующимъ текстомъ, заявивъ, что въ его поправкѣ нѣтъ ни одного слова, которое не встрѣчалось бы въ самомъ докладѣ: „Въ виду того, что 9 іюня прошлаго года въ Дербиширѣ имѣло мѣсто возстаніе и что инсургенты по числу своему не были страшны; въ виду того, что, какъ полагали, состояніе Ноттингэма благопріятствовало ихъ замысламъ; въ виду того, что нѣкоторыя лица, числомъ около 100, собрались въ этотъ вечеръ на ипподромѣ близъ Ноттингэма; въ виду того, что нѣкоторые изъ нихъ были вооружены пиками и кольями и что около двухъ часовъ они разсѣялись, при чемъ вожаки тщетно старались ободрить ихъ; въ виду того, что коммиссія съ удовольствіемъ свидѣтельствуетъ свое твердое убѣжденіе, что не только въ странѣ вообще, но и въ тѣхъ округахъ, гдѣ замыслы людей недоброжелательныхъ проводились съ особою энергіей и постоянствомъ, массы народныя оставались незараженными, даже въ періоды наибольшихъ бѣдствій, — признано было необходимымъ арестовывать, задерживать, подвергать заключенію безъ суда“ и. т. д. Прочтеніе этой поправки вызвало въ палатѣ смѣхъ и возгласы: слушайте, слушайте! Поправка, не смотря на явно-шуточный характеръ ея, была однако подвергнута голосованію и отвергнута. Ibid., стр. 734—735.

1) Ibid., стр. 814.

Глава V.

Пріостановка и осадное положеніе.

Въ предшествующихъ двухъ главахъ мы старались выяснить, что̀ представляетъ собою пріостановка Habeas Corpus Акта; каковы были поводы, ее вызывавшіе; въ чемъ заключаются тѣ исключительныя полномочія, которыя съ принятіемъ этой мѣры ввѣрялись администраціи; какъ совершалось и въ чемъ выражалось примѣненіе этихъ полномочій на практикѣ. Теперь намъ предстоитъ, пользуясь изученными матеріалами, подвести итоги тѣмъ основнымъ чертамъ, которыми отличается пріостановка основной гарантіи личной свободы въ Англіи, и — выполняя поставленную выше задачу — оттѣнить ея особенности по сравненію съ тѣмъ наиболѣе типическимъ проявленіемъ политики чрезвычайныхъ мѣръ, которое представляетъ собою осадное положеніе въ континентальныхъ государствахъ.

Являясь исключительною мѣрою политики внутренняго управленія, пріостановка Habeas Corpus Акта примѣнялась въ тѣхъ случаяхъ, когда для обезпеченія интересовъ государственнаго порядка и общественной безопасности обычныя полномочія органовъ управленія представлялись недостаточными. Потребность въ расширеніи этихъ полномочій, при посредствѣ временной пріостановки дѣйствія важнѣйшихъ гарантій личной свободы, выдвигалась при различнаго рода внутреннихъ волненіяхъ или общественныхъ движеніяхъ, вызывавшихъ со стороны правительства опасенія за прочность или устойчивость порядка и спокойствія — опасенія, побуждавшія его просить у парламента дополнительныхъ полномочій.

Исторія показываетъ, что весьма важнымъ условіемъ признанія этой потребности была наличность внѣшнихъ осложненій, какъ напр. стремленія внѣшняго врага воспользоваться внутренними раздорами и замѣшательствами, или непосредственная опасность вторженія. Лордъ Джонъ Росселль, какъ мы видѣли, стараясь найти общій руководящій принципъ пріостановокъ, счелъ возможнымъ опредѣлить его слѣдующимъ образомъ: «онъ состоитъ въ томъ, что когда нѣкоторыя лица внутри страны злоумышляютъ совмѣстно съ непріятелемъ извнѣ, успѣхъ ихъ махинацій можетъ быть предупрежденъ только посредствомъ задержанія этихъ лицъ до тѣхъ поръ, пока не минуетъ опасность вторженія.... Извѣстное опасеніе передъ чужеземною помощью, извѣстный страхъ передъ вторженіемъ извнѣ, или наличность претендента на престолъ, поддерживаемаго бунтомъ, всегда были существеннымъ условіемъ для того, чтобы сдѣлать эту мѣру необходимою».

Наличность этого условія легко обезоруживала противниковъ введенія исключительныхъ мѣръ; отсутствіе же его ставило иниціаторовъ пріостановки въ необходимость, ради полученія дополнительныхъ полномочій, прибѣгать къ преувеличенію опасности, къ запугиванію парламента, какъ это особенно рѣзко сказалось въ 1817—1818 г. При отсутствіи внѣшней опасности примѣненіе пріостановки, по убѣжденію лорда Эрскина, можетъ имѣть мѣсто лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда существуетъ широко раскинувшійся заговоръ или открытое возмущеніе, которые только и могутъ оправдать такого рода мѣру, способную въ такихъ случаяхъ встрѣтить поддержку со стороны всѣхъ разумныхъ и честныхъ людей. Для подавленія же отдѣльныхъ вспышекъ и безпорядковъ и обычные законы даютъ достаточно сильныя средства: ихъ нужно только примѣнять.[1])

1) Лордъ Джонъ Росселль въ своемъ глубоко продуманномъ очеркѣ исторіи англійской конституціи, говоря о событіяхъ эпохи французской

Сущность тѣхъ исключительныхъ полномочій, которыя санкціонируетъ пріостановка Habeas Corpus Акта, далеко не вполнѣ выражается въ названіи этого института. Выше уже было указано, что это — лишь обыденное названіе, установившееся ради удобства и что въ большинствѣ актовъ о пріостановкѣ даже вовсе нѣтъ прямаго упоминанія о статутѣ 1679 года.[1]) Въ дѣйствительности пріостанавливается лишь дѣйствіе одной статьи акта 1649 г. (а именно VII), которая касается государственной измѣны и которая гарантируетъ за лицами, обвиняемыми въ государственной измѣнѣ, право быть судимыми въ теченіе ограниченнаго и точно опредѣленнаго времени. Актъ о пріостановкѣ надѣляетъ высшую администрацію правомъ такихъ обвиняемыхъ, а также подозрѣваемыхъ въ государственной измѣнѣ лицъ держать въ заключеніи, не предавая ихъ суду, въ теченіе всего того періода, пока длится пріостановка. Всѣ остальныя гарантіи, предусматриваемыя статутомъ 1679 г., сохраняютъ свою силу, при чемъ даже отчасти и указанная статья VII, поскольку она касается тяжкихъ преступленій (felony).

Съ другой стороны и санкціонируемыя отступленія отъ обычнаго законнаго порядка обезпеченія личной свободы акты о пріостановкѣ ставятъ въ извѣстныя рамки, обусловливая необходимость для приказовъ объ

революціи и реакціонной политики Питта, находитъ, что и въ то время крайности могли быть подавлены примѣненіемъ обыкновенныхъ законовъ противъ мятежей и безпорядковъ. Пріостановка Habeas Corpus Акта, по его словамъ, является „вполнѣ подходящею предупредительною мѣрою въ томъ случаѣ, когда заговоръ ведется нѣсколькими главными вожаками, заключеніе которыхъ можетъ положить ему конецъ. Но она — совсѣмъ не подходящее средство въ тѣхъ случаяхъ, когда бѣда состоитъ въ недовольствѣ нѣсколькихъ тысячъ безработныхъ. Uno avulso non deficit alter: второстепенные участники народныхъ волненій могутъ быть столь же ловки и отважны, какъ и главные вожаки.“ Lord John Russell: An Essay on the History of the English Government and Constitution (London 1821), стр. 288—289.

1) См. выше, стр. 167 и 179.

арестѣ подписи министра, либо шести членовъ королевскаго совѣта, и этимъ предотвращая или ограничивая возможность опрометчивыхъ произвольныхъ дѣйствій.

Такимъ образомъ единственное юридическое послѣдствіе пріостановки Habeas Corpus Акта заключается въ пріостановкѣ освобожденія обвиняемыхъ или подозрѣваемыхъ въ государственной измѣнѣ лицъ, хотя бы они и имѣли законное на то право. Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ признавалось необходимымъ сверхъ этого санкціонировать возможность другихъ отступленій отъ законнаго порядка. Такъ, въ актъ 1799 г. (и позднѣйшіе) найдено было нужнымъ включить дополнительныя полномочія относительно перемѣщенія заключенныхъ изъ одной тюрьмы въ другую, что̀ вообще запрещается ст. IX акта 1679 г. подъ угрозою штрафа. Характерна однако и тутъ заботливость и предусмотрительность, съ какими законъ стремится установить предѣлы пользованія правомъ перемѣщенія арестованныхъ во избѣжаніе злоупотребленій, могущихъ произойти въ ущербъ законнымъ правамъ и интересамъ лицъ заключенныхъ [1]). Съ другой стороны, въ практикѣ пріостановокъ было нѣсколько случаевъ, когда къ главной задачѣ этой мѣры, ограниченію правъ личной свободы, присоединялись и извѣстныя ограниченія нѣкоторыхъ имущественныхъ правъ лицъ, противъ которыхъ были направлены исключительныя мѣры. Таковы постановленія акта 1695 г. (и нѣсколькихъ позднѣйшихъ) относительно забиранія лошадей у лицъ, подозрѣваемыхъ въ злоумышленіяхъ, съ цѣлью отнять у нихъ одно изъ средствъ къ осуществленію злыхъ умысловъ. Однако даваемыя администраціи полномочія въ этомъ отношеніи ставились, какъ мы видѣли [2]), въ весьма опредѣленныя рамки, при чемъ мѣстнымъ органамъ администраціи предоставлялось пользоваться этими полномочіями лишь въ предѣлахъ

1) См. выше, стр. 249 и сл.
2) См. выше, стр. 175—176.

очень непродолжительнаго времени: уже для задержанія лошадей на срокъ свыше трехъ недѣль требовалось особое распоряженіе за подписью шести членовъ Тайнаго совѣта, что опять-таки не могло не быть существенною предосторожностью противъ слишкомъ широкаго и произвольнаго пользованія чрезвычайными полномочіями.

Ограниченность исключительныхъ полномочій, предоставляемыхъ пріостановкою Habeas Corpus Акта, съ полною ясностью выступаетъ и изъ института амнистіи или, вѣрнѣе, сложенія отвѣтственности за неправильныя и незаконныя дѣйствія, совершенныя въ эпоху пріостановки. Это утвержденіе нуждается, однако, въ болѣе подробномъ разъясненіи, тѣмъ болѣе, что оно стоитъ какъ бы въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ основною идеею указаннаго института. Послѣдняя довольно удачно выражена проф. А. В. Дайси. Указавъ на возможность признать, что «настоящая цѣль акта о пріостановкѣ Habeas Corpus — дать правительству возможность совершать поступки хотя и полезные въ политическомъ отношеніи, но иногда не вполнѣ законные», онъ продолжаетъ: «актъ о пріостановкѣ совсѣмъ бы не достигалъ своей главной цѣли, если бы чиновники не были увѣрены, что пока они добросовѣстно, безъ всякихъ дурныхъ или корыстныхъ мотивовъ, служатъ проведенію политики, находящей видимое выраженіе въ актѣ, они будутъ освобождены отъ отвѣтственности за образъ дѣйствій, который, можетъ быть, съ формальной стороны являлся нарушеніемъ закона, но на дѣлѣ былъ не чѣмъ инымъ, какъ свободнымъ примѣненіемъ въ видахъ общественной пользы дискреціонной власти, предоставленной администраціи пріостановкою Habeas Corpus. Эта увѣренность дается имъ надеждой, что прежде чѣмъ прекратится дѣйствіе акта о пріостановкѣ, парламентъ издастъ актъ объ амнистіи, освобождающій отъ отвѣтственности всѣхъ лицъ, дѣйствовавшихъ или намѣревавшихся дѣйствовать согласно съ правами, данными правительству актомъ о пріоста-

новкѣ.» Замѣтивъ далѣе, что «эта надежда никогда ихъ не обманывала», и что за актомъ о пріостановкѣ «всегда слѣдовалъ актъ объ амнистіи», Дайси говоритъ, что «пріостановка, за которой каждый въ правѣ ожидать актъ объ амнистіи, представляетъ гораздо большее ограниченіе личной свободы, чѣмъ какимъ съ чисто юридической точки зрѣнія представляется эта пріостановка права лицъ, обвиняемыхъ въ измѣнѣ, требовать скораго суда. Пріостановка Habeas Corpus въ соединеніи съ надеждою на актъ объ амнистіи открываетъ въ дѣйствительности для исполнительной власти возможность большаго произвола».[1])

Эти замѣчанія, — если ограничить нѣсколько рѣшительное опредѣленіе настоящей цѣли пріостановки и устранить не совсѣмъ вѣрное указаніе на то, что изданіе акта объ амнистіи всегда сопровождало пріостановку[2]), — заключаютъ въ себѣ правильную характеристику внутренней связи и соотношенія между этими двумя институтами. Тѣ крайности, которыя были допущены высшею администраціей при примѣненіи пріостановки въ 1817—1818 г., вѣроятно и опирались именно на надежду и даже болѣе — увѣренность получить отъ парламента актъ объ ихъ ненаказуемости. Но, съ другой стороны, ближайшій анализъ института амнистіи позволяетъ установить очень существенныя ограниченія того значенія, съ какимъ представляется онъ по идеѣ.

При выясненіи этого вопроса прежде всего нужно имѣть въ виду, что изданіе акта не есть непремѣнное слѣдствіе пріостановки, на которое можно было бы разсчитывать съ твердою увѣренностью. Надежду на освобожденіе отъ отвѣтственности администрація могла, конечно, питать при примѣненіи исключительныхъ полномочій и въ концѣ XVIII ст., и въ 1817—1818 г.,

---

1) А. В. Дайси, Основы государственнаго права Англіи (рус. пер. Спб. 1891), стр. 176—177.

2) См. выше ст. 300.

основываясь на прецедентахъ. Но рядомъ съ этою надеждою не малую роль, въ качествѣ мотива и регулятора дѣйствій администраціи, должно было играть вполнѣ твердое сознаніе, что осуществленію надежды на ненаказуемость будетъ неизбѣжно предшествовать ревизія принятыхъ мѣръ со стороны парламента, какъ естественный спутникъ обсужденія билля объ амнистіи. Послѣдняя можетъ явиться лишь въ результатѣ провѣрки парламентомъ практическаго примѣненія чрезвычайныхъ полномочій, а перспектива такого контроля не можетъ, конечно, не являться весьма существенною сдержкою въ возможномъ стремленіи давать черезчуръ распространительное толкованіе этимъ полномочіямъ или примѣнять ихъ легкомысленно, опрометчиво, безъ достаточно уважительныхъ основаній. И, какъ мы видѣли изъ исторіи актовъ объ амнистіи 1801 и 1818 г., принятію билля о ненаказуемости дѣйствительно предшествовало подробное разсмотрѣніе данныхъ о примѣненіи исключительныхъ полномочій. И въ томъ, и другомъ случаѣ вотированіе ненаказуемости опиралось на удостовѣреніи парламентскихъ коммиссій въ томъ, что полномочія были примѣняемы «осторожно и умѣренно», о чемъ коммиссія (1801 г.) судитъ не только по «сравнительно малому числу задержанныхъ лицъ», но и на основаніи «тщательнаго и подробнаго разсмотрѣнія» причинъ и обстоятельствъ, при которыхъ производилось лишеніе свободы, что основаніями для этого служили либо «ясные и положительныя обвиненія, подкрѣпленныя присягою», либо «достовѣрные документы», либо наконецъ «столь солидные поводы подозрѣнія, которыя вполнѣ оправдывали мѣру»; заключенія коммиссій 1818 г. также удостовѣряютъ, что примѣненіе исключительныхъ полномочій совершалось «съ должною осторожностью и умѣренностью», «съ умѣренностью и снисходительностью».[1])

1) См. выше, стр. 308—309, 321.

Нельзя далѣе не обратить вниманія и на то обстоятельство, что значеніе акта объ амнистіи можетъ быть ограниченнымъ уже въ силу самой формулировки его постановленій. Не возвращаясь къ тому, что уже было указано относительно содержанія актовъ объ амнистіи [1]), отмѣтимъ здѣсь, что толкованіе ихъ и разрѣшеніе могущихъ возникнуть вопросовъ и сомнѣній по примѣненію постановленій о ненаказуемости тѣхъ или другихъ дѣйствій, совершенныхъ въ эпоху пріостановки, принадлежатъ общимъ судамъ. По актамъ 1801 и 1818 гг., въ случаѣ возбужденія иска или преслѣдованія, заявленіе отвѣтчика о его безотвѣтственности подлежитъ провѣркѣ суда или судьи, при чемъ распоряженіе о прекращеніи дѣла ставится въ зависимость отъ признанія судомъ или судьею достаточными доказательствъ въ пользу права отвѣтчика воспользоваться актомъ о ненаказуемости [2]).

1) См. выше, стр. 301 и сл.

2) Вотъ что гласитъ ст. III акта 1801 г.: And be it further enacted, That if any Action, Suit, Indictment, Information, Prosecution, or Proceeding, hath been or shall be brought, commenced, preferred, exhibited, or had, in any Court in Great Britain, against any Person or Persons, for or on Account of any such Act, Matter, or Thing as aforesaid, it shall be lawful for the Defendant or Defendants, Defender or Defenders, in any such Action, Suit, Indictment, Information, Prosecution, or Proceeding, or for any of them, to apply by Motion, Petition, or otherwise, in a summary Way, to the Court in which the same hath been or shall be brought, commenced, preferred, exhibited, or had, or shall be depending, if such Court shall be sitting, and if not sitting, then to any one of the Judge, or Justices of such Court, to stay all further Proceedings in such Action, Suit, Indictment, Information, Prosecution, or Proceeding; and such Court, and any Judge or Justice thereof when the said Court shall not be sitting, is hereby authorized and required to examine the Matter of such Application, and upon Proof by the Oath or Affidavit of the Person or Persons making such Application, or any of them, or other Proof to the Satisfaction of such Court, Judge, or Justice, that such Action, Suit, Indictment, Information, Prosecution, or Proceeding is brought, commenced, preferred, exhi-

Въ качествѣ иллюстраціи того ограниченнаго значенія, какое имѣютъ акты о ненаказуемости дѣйствій, совершенныхъ въ періодъ исключительныхъ мѣръ, приведемъ одинъ случай, который представляется тѣмъ болѣе характернымъ, что онъ имѣлъ мѣсто въ Ирландіи, въ критическую эпоху, непосредственно передъ соединеніемъ ея съ Англіей. Въ 1798 г. для подавленія возстанія, вспыхнувшаго въ Ирландіи, въ ней были приняты экстренныя мѣры. Одинъ изъ энергическихъ администраторовъ, Фитцджеральдъ, шерифъ Типперари, примѣняя чрезвычайныя полномочія, распорядился подвергнуть жестокому сѣченію Райта, учителя французскаго языка. Поводомъ къ этому послужило подозрѣніе Райта въ злыхъ умыслахъ — подозрѣніе, какъ оказалось, неосновательное. Въ 1799 г. былъ изданъ актъ о ненаказуемости всѣхъ нарушеній закона (breaches of the law), совершенныхъ при подавленіи возстанія. Тѣмъ не менѣе Райтъ возбудилъ противъ Фитцджеральда искъ; отвѣтчикъ въ свое оправданіе сослался на актъ объ амнистіи, но судъ не призналъ, что она покрываетъ произвольное обращеніе его съ истцомъ. Резюмируя дѣло, судья Чемберленъ сказалъ, между прочимъ: «присяжные не должны воображать, что законодательная власть, предоставляя должностнымъ лицамъ право защиты биллемъ объ амнистіи, освобождала бы ихъ отъ чувствъ гуманности или разрѣшала бы имъ пользоваться властью опрометчиво, хотя бы это и было для подавленія возстанія. Во всѣхъ случаяхъ должно быть тщательное и серьезное разслѣдованіе образа дѣйствій предполагаемаго преступника, и въ каждомъ рѣшеніи должно обнаруживаться стремленіе раскрыть вину, а не причинить мученіе. Подъ

---

bited, or had, for or on Account of any such Act, Matter, or Thing as aforesaid, to make an Order for staying Execution and all other Proceedings in such Action, Suit, Indictment, Information, Prosecution, or Proceeding, in whatever state the same shall or may then be, etc. . . . .

разслѣдованіемъ онъ не разумѣетъ непремѣнно такое разслѣдованіе, какимъ судъ занятъ въ настоящее время, но во всякомъ случаѣ такое разсмотрѣніе, какое только допускаютъ свойства каждаго дѣла и наличныя обстоятельства. Что именно таково намѣреніе законодательной власти, ясно изъ выраженія «должностныя и всѣ другія лица», откуда вытекаетъ, что такъ какъ каждому, — должностному лицу или нѣтъ, безразлично, — было закономъ предоставлено подавлять возстаніе и приводить этотъ законъ въ оправданіе своихъ дѣйствій, требуется, чтобы онъ не переступалъ необходимость, предоставившую ему это право и чтобы онъ въ свое оправданіе могъ указать на принятіе имъ всѣхъ возможныхъ средствъ для удостовѣренія вины, вызвавшей со стороны его наказаніе; а превыше всего, въ его образѣ дѣйствій не должно быть отклоненія отъ общихъ началъ гуманности.» Судъ присудилъ взыскать съ Фитцджеральда въ пользу пострадавшаго 500 фун. ст.; отвѣтчикъ вслѣдъ затѣмъ обратился въ ирландскій парламентъ съ ходатайствомъ о распространеніи на него амнистіи, но ходатайство это было оставлено безъ уваженія[1]).

Не смотря на всю ограниченность исключительныхъ полномочій, санкціонируемыхъ пріостановкою Habeas Corpus Акта, обращеніе къ этой мѣрѣ нерѣдко вызывало рѣшительныя возраженія и опасенія (иногда явно преувеличеннаго свойства) и всегда — стремленіе ограничить ея дѣйствіе возможно болѣе краткимъ періодомъ времени. Въ литературѣ часто можно встрѣтить утвержденіе, что пріостановка Habeas Corpus Акта производится обыкновенно на годичный срокъ[2]), который и считается какъ бы нормальнымъ періодомъ дѣйствія этой мѣры. На самомъ же дѣлѣ это утвержденіе не имѣетъ за себя основаній. Чаще всего пріостановка издавалась на сроки гораздо менѣе продолжительные.

1) Stephen, History of the Criminal Law of England (Lon. 1883), т. I, стр. 215—216.

2) Ср. Дайси, стр. 173.

Если случаи продленія пріостановокъ принимать за самостоятельные, то всѣ двадцать два случая[1]), по степени продолжительности, можно распредѣлить такъ: въ 12 случаяхъ продолжительность пріостановки не превышала 6 мѣсяцевъ (изъ нихъ въ четырехъ случаяхъ она не превышала двухъ мѣсяцевъ); въ 8 случаяхъ продолжительность ея колебалась отъ 6 мѣсяцевъ до 9 мѣс. 10 дней; въ одномъ случаѣ она достигла 11 мѣсяцевъ и, наконецъ, въ одномъ — превысила годичный срокъ (одинъ годъ и семь дней, въ 1722—1723 г.). Послѣдній случай представляетъ особенный интересъ въ томъ отношеніи, что годичный срокъ даже не можетъ считаться предѣльнымъ: напомнимъ, что во время преній, сопровождавшихъ вотированіе пріостановки 1722 г., оппозиція прямо указывала, что она, будучи принята на свыше-годичный срокъ, можетъ послужить въ другомъ случаѣ прецедентомъ для пріостановки на два года[2]).

Послѣ этой общей характеристики пріостановки Habeas Corpus Акта, мы, для болѣе рельефнаго уясненія существа и значенія ея, какъ исключительной мѣры, обратимся къ разсмотрѣнію осаднаго положенія, какимъ этотъ институтъ представляется по законодательству двухъ важнѣйшихъ государствъ западно-европейскаго континента — Франціи и Германіи.

Осадное положеніе во Франціи регулируется законами 9 августа 1849 г. и 3 апрѣля 1878 г.[3]), въ Германіи — прусскимъ закономъ 4 іюня 1851 г. (на которомъ въ сильной степени отразилось вліяніе фран-

1) См. выше общій перечень пріостановокъ, стр. 298.

2) См. выше, стр. 187. Годичный срокъ имѣлъ мѣсто въ пріостановкахъ 1777—1783 г., вызванныхъ борьбою съ американскими колоніями (см. стр. 189).

3) Loi du 9 août 1849, sur l'état de siége; loi du 3 avril 1878, relative à l'état de siége. Текстъ послѣдняго, а равно и сохранившихъ свою силу статей закона 1849 г. — см. Poudra et Pierre: Organisation des pouvoirs publics etc., Paris, 1881, стр. 407—414. См. также Th. Reinach: De l'état de siége, Paris, 1885, книга вторая, стр. 89—236.

цузскаго закона 1849 г.), частью имперскою конституціею 1871 года[1]). Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы остановимся послѣдовательно на важнѣйшихъ моментахъ изучаемой мѣры, какими являются: поводы и порядокъ объявленія осаднаго положенія; полномочія, даваемыя имъ администраціи, въ отступленіе отъ общаго законнаго порядка, и проистекающія отсюда ограниченія обычныхъ правъ гражданъ.

Во Франціи, по закону 1878 г., осадное положеніе можетъ быть объявлено не иначе, какъ въ случаѣ непосредственно угрожающей опасности, возникающей вслѣдствіе внѣшней войны или вооруженнаго возстанія (insurrection à main armée). Право объявленія осаднаго положенія принадлежитъ законодательнымъ палатамъ. «Только законъ можетъ объявить осадное положеніе», гласитъ ст. I, пунктъ второй, закона 1878 г. Это общее правило терпитъ однако нѣкоторыя ограниченія, необходимость которыхъ усматривается въ томъ, что потребность въ исключительныхъ мѣрахъ можетъ возникнуть тогда, когда законодательныя палаты не засѣдаютъ. Исключенія эти обставляются предосторожностями, съ цѣлью предупредить возможность злоупотребленія ими. При этомъ законъ проводитъ различіе между тѣмъ случаемъ, когда палаты не засѣдаютъ вслѣдствіе простой отсрочки или перерыва между двумя сессіями, и тѣмъ, когда палата депутатовъ распущена, вслѣдствіе ли истеченія законнаго срока ея полномочій, или роспуска ея главою исполнительной власти. Въ

---

1) Gesetz über den Belagerungszustand, v. 4. Juni 1851. См. G. A. Grotefend: Die Gesetze und Verordnungen nebst den sonstigen Erlassen für den preussischen Staat und das deutsche Reich (1806—1875), Köln, 1875, томъ II, стр. 127—130. — Paul Laband: Das Staatsrecht des deutschen Reiches (Tübingen, 1880, т. III, стр. 41—48. Seydel: Belagerungszustand, статья въ сборникѣ — Wörterbuch des deutschen Verwaltungsrechts. In Verbindung mit vielen Gelehrten und höheren Beamten herausgegeben von Prof. Karl von Stengel (Freiburg 1890), т. I, стр 158—161.

первомъ случаѣ президентъ республики можетъ объявить осадное положеніе, съ одобренія совѣта министровъ; но при этомъ законъ предоставляетъ палатамъ собраться по праву (en plein droit, т. е. безъ созыва) въ двухдневный срокъ. Въ случаѣ же роспуска палаты депутатовъ и до полнаго окончанія новыхъ выборовъ осадное положеніе вообще не можетъ быть объявлено президентомъ республики, хотя бы и временно, за однимъ исключеніемъ: въ случаѣ внѣшней войны президентъ, съ одобренія совѣта министровъ, можетъ объявить осадное положеніе, однако лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, которымъ угрожаетъ непріятельское вторженіе; кромѣ того, въ качествѣ необходимаго условія законъ ставитъ здѣсь немедленное производство выборовъ и созваніе палатъ въ возможно скорѣйшій промежутокъ времени[1]). Мотивомъ къ ограниченію права исполнительной власти объявлять осадное положеніе во время роспуска палаты лишь такимъ чрезвычайнымъ случаемъ, какъ непріятельское вторженіе, является стремленіе предупредить злоупотребленія, легко возможныя при производствѣ выборовъ при дѣйствіи исключительнаго положенія, которое можетъ служить опаснымъ орудіемъ стѣсненія свободы выборовъ.

Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда объявленіе осаднаго положенія производится президентомъ республики, окончательное рѣшеніе вопроса все-таки принадлежитъ законодательнымъ палатамъ. Тотчасъ же по ихъ собраніи онѣ постановляютъ либо о сохраненіи этой мѣры, либо объ ея отмѣнѣ[2]). Въ виду того, что для всякаго закона,

1) Однако предѣльною нормою этого промежутка являются три мѣсяца. Reinach, стр. 137.

2) Для возбужденія вопроса о сохраненіи или снятіи осаднаго положенія, объявленнаго президентскимъ декретомъ, палаты не должны ожидать инициативы со стороны правительства; этотъ вопросъ ставится ими самими передъ какимъ бы то ни было предложеніемъ или какими-либо другими дебатами и рѣшается ими безъ промедленія. — Такое разъясненіе находится въ докладѣ, сопровождавшемъ представленіе законопроекта 1878 г. Poudra et Pierre, стр. 410, прим.

слѣдовательно и закона объ установленіи осаднаго положенія, необходимо согласіе обоихъ законодательныхъ собраній — палаты депутатовъ и сената, согласіе ихъ обоихъ необходимо и при рѣшеніи вопроса о сохраненіи объявленнаго положенія. Если по этому вопросу взгляды палатъ расходятся, осадное положеніе въ силу этого снимается само собою.

Въ законѣ, а также и въ президентскомъ декретѣ, объявляющемъ осадное положеніе, должны быть точно обозначены мѣстности (коммуны, округа и департаменты), гдѣ оно получаетъ примѣненіе. Законъ долженъ опредѣлить также продолжительность его дѣйствія. Это требованіе закона 1878 г. представляетъ собою нововведеніе сравнительно съ прежнимъ французскимъ законодательствомъ объ осадномъ положеніи, — нововведеніе, которое сильно оспаривалось. Сенатская коммиссія отвергала его, признавая его, во-первыхъ — безполезнымъ, такъ какъ осадное положеніе можетъ быть снято въ любое время законодательнымъ актомъ, иниціативу изданія котораго можетъ принять на себя каждый членъ парламента, и во-вторыхъ — опаснымъ, въ виду того будто бы, что заранѣе невозможно опредѣлить вѣроятную продолжительность кризиса, вызвавшаго объявленіе осаднаго положенія. Не смотря на эти возраженія, постановленіе о срокѣ было принято, очевидно подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ опыта 1871 до 1876 гг., въ теченіе которыхъ большая часть французской территоріи находилась подъ режимомъ осаднаго положенія, — опыта, показавшаго, по мѣткому выраженію Дюфора, что осадное положеніе гораздо легче установить, чѣмъ отмѣнить.[1]) — Возраженія сенатской

1) Reinach, стр. 129, 117. Говоря о сохраненіи осаднаго положенія уже послѣ того, какъ исчезла потребность, его вызвавшая, Альберъ Греви замѣтилъ (въ 1875 г): „d'une loi de salut public exceptionnelle et temporaire on a fait un moyen de gouvernement normal et permanent; ce n'est plus pour la défense de la patrie en danger, c'est pour la commodité de l'administration que la loi martiale fonc-

коммиссіи теряютъ всякое значеніе особенно въ виду того, что законъ 1878 г. предусматриваетъ возможность случая, когда назначенный срокъ окажется недостаточнымъ: новый законъ можетъ продлить дѣйствіе осаднаго положеніе на новый срокъ, если въ этомъ есть надобность.

Въ германскомъ законодательствѣ нѣтъ такихъ предосторожностей по отношенію къ условіямъ и порядку объявленія положенія. Право объявленія его принадлежитъ въ Германской имперіи не законодательному собранію, а единственно императору. По статьѣ 68 имперской конституціи, императоръ можетъ, въ случаѣ если что-либо угрожаетъ общественному спокойствію въ предѣлахъ союза, объявить въ военномъ или осадномъ положеніи (это — синонимы) любую часть его территоріи. Впредь до изданія обще-имперскаго закона по этому предмету, форма объявленія и послѣдствія его опредѣляются прусскимъ закономъ 4 іюня 1851 г.[1]), съ тѣми ограниченіями, которыя вызываются нѣкоторыми особыми условіями[2]).

---

tionne. Ibid., стр. 119. Ту-же мысль Рейнахъ выразилъ въ слѣдующей характеристикѣ исключительнаго положенія, издаваемаго безъ строго опредѣленнаго срока: c'est un mol oreiller sur lequel risque de s'endormir la paresse des gouvernants. Ibid., стр. 282.

1) Der Kaiser kann, wenn die öffentliche Sicherheit im Bundesgebiete bedroht ist, einen jeden Teil desselben in Kriegszustand erklären. Bis zum Erlass eines die Vorraussetzungen, die Form der Verkündigung und die Wirkungen einer solchen Erklärung regelnden Reichsgesetzes gelten dafür die Vorschriften des preussischen Gesetzes von 4 Juni 1851. — Seydel-Stengel, стр. 158.

2) Дѣйствію ст. 68 конституціи и закона 1851 не подлежитъ Баварія. По договору 23 ноября 1870 г., порядокъ объявленія (и послѣдствія) осаднаго положенія въ какой-либо изъ ея областей долженъ быть опредѣленъ имперскимъ закономъ; этотъ послѣдній до сихъ поръ не изданъ и Баварія является поэтому изъятою отъ дѣйствія ст. 68 конституціи, и въ отношеніи къ чрезвычайнымъ мѣрамъ безопасности руководствуется единственно своимъ собственнымъ законодательствомъ. — P. Laband: Das Staatsrecht des Deutschen Reiches (Tüb. 1880), т. III, ч. I, стр. 48. А. Д. Градовскій: Германская конституція, ч. II (Спб. 1876), стр.

Осадное положеніе въ Германіи, согласно съ постановленіями закона 1851 г., можетъ быть объявлено, во-первыхъ, если, въ случаѣ войны, какой-либо мѣстности угрожаетъ или произошло непріятельское вторженіе, и во вторыхъ, въ случаѣ возстанія (Aufruhr), явно угрожающаго общественной безопасности. Рѣшеніе вопроса о наличности условій, требующихъ или позволяющихъ произвести объявленіе осаднаго положенія, принадлежитъ исключительно императору. Объявленіе совершается черезъ изданіе императорскаго указа, который контрассигнируется имперскимъ канцлеромъ. Указъ публикуется въ оффиціальномъ органѣ и сверхъ того о немъ поставляются въ извѣстность всѣ тѣ мѣстности, которыя объявляются въ осадномъ положеніи, путемъ публичнаго прочтенія указа, сопровождаемаго барабаннымъ боемъ и трубными звуками, а также расклейки его въ общественныхъ мѣстахъ и напечатанія въ газетахъ. Относительно срока, на который объявляется осадное положеніе, германское законодательство не заключаетъ никакихъ постановленій.

Переходимъ къ разсмотрѣнію тѣхъ послѣдствій, которыми сопровождается объявленіе осаднаго положенія. Во Франціи они опредѣляются и въ настоящее время закономъ 1849 г. Съ объявленіемъ осаднаго положенія принадлежащія гражданской власти полномочія для поддерживанія порядка и обезпеченія безопасности (pour le maintien de l'ordre et de la police) переходятъ въ полномъ объемѣ къ военной власти. Эти полномочія обнимаютъ собою какъ общую такъ называемую предупредительную полицію, которая въ обыкновенное время находится въ рукахъ членовъ административнаго вѣдомства, такъ и полицію судебную, отправляемую органами

60. Съ другой стороны по отношенію ко всѣмъ другимъ государствамъ, кромѣ Пруссіи, постановленія закона 1851 г. иримѣняются съ тѣми изъятіями, которая вызываются различіями конституціонныхъ законовъ и государственныхъ учрежденій этихъ государствъ сравнительно съ Пруссіей. Laband, ibid., стр. 42.

судебнаго вѣдомства. Такимъ образомъ военная власть получаетъ право изданія распоряженій съ цѣлью охраненія общественнаго порядка, а также право производства обысковъ, выемокъ, арестовъ и. т. д.[1]). Законъ, правда, оговариваетъ, что «гражданскія власти продолжаютъ осуществлять тѣ изъ обычныхъ полномочій, которыя за ними будутъ оставлены военною властью.» Послѣдняя однако въ любое время въ теченіе дѣйствія осаднаго положенія можетъ взять на себя осуществленіе такихъ полномочій[2]).

Помимо общаго постановленія относительно перехода къ военной власти полномочій по охраненію порядка и безопасности, французское законодательство установляетъ и рядъ отдѣльныхъ полномочій, предоставляемыхъ военной власти въ отступленіе отъ обычнаго законнаго порядка. Задача ихъ — ограниченіе нѣкоторыхъ основныхъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Въ законѣ 1849 г. (ст. 9). эти полномочія выражены въ четырехъ пунктахъ. Во-первыхъ, военная власть надѣляется правомъ производить обыски днемъ и ночью въ жилищѣ гражданъ, чѣмъ ограничивается одно изъ самыхъ важныхъ гражданскихъ правъ — неприкосновенность жилища. Во-вторыхъ, личная свобода встрѣчаетъ ограниченіе въ предоставляемомъ военной власти правѣ высылки или удаленія лицъ, подвергавшихся наказанію, а также и лицъ, не имѣющихъ постояннаго жительства въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ осадномъ положеніи. Въ-третьихъ, военная власть получаетъ право предписывать выдачу оружія и военныхъ снарядовъ, производить розыски и отбирать ихъ. Въ-четвертыхъ, осадное положеніе влечетъ за собою существенныя ограниченія свободы печати и права

1) Reinach, стр. 157.

2) Bien entendu que l'autorité militaire, pendant l'état de siége, est toujours libre de revendiquer son droit et de dessaisir l'autorité civile. — F Laferrière: Cours de droit public et administratif. 5-e édition (Paris 1860), т. I, стр. 398.

собраній. Съ момента объявленія осаднаго положенія военная власть получаетъ право «воспрещать печатныя изданія (les publications — общій терминъ, обнимающій одинаково какъ періодическую прессу, такъ и не-періодическія изданія) и собранія, которыя она признаетъ способствующими возбужденію безпорядка или его поддержанію» [1]).

Кромѣ указанныхъ ограниченій осадное положеніе во Франціи влечетъ за собою еще одно весьма важное послѣдствіе, а именно изъятіе изъ компетенціи обыкновенныхъ судовъ длиннаго ряда преступленій и предоставленіе ихъ вѣдѣнію судовъ военныхъ. «Военные суды, — гласитъ ст. 8 закона 1849 г. — могутъ быть уполномочены вѣдать преступленія противъ безопасности республики, противъ конституціи, противъ общественнаго порядка и спокойствія, каково бы ни было положеніе (qualité) главныхъ виновниковъ и ихъ сообщниковъ». Выраженіе «могутъ быть» какъ бы ограничиваетъ значеніе этихъ изъятій, такъ какъ оно даетъ основаніе думать, что компетенція обыкновенныхъ судовъ

1) Какъ показываетъ прошлая практика осаднаго положенія во Франціи, этимъ правомъ ограниченія свободы печати пользуются обыкновенно въ очень широкихъ размѣрахъ. По статистическимъ даннымъ, представленнымъ въ 1875 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ (данныхъ, которыя онъ, впрочемъ, самъ признавалъ недостаточно полными), за двухлѣтній періодъ 29 газетъ были пріостановлены на срокъ, опредѣленный военною властью, 30 подвергнуты пріостановкѣ безъ указанія срока, а 163-мъ была воспрещена розничная продажа. Reinach, стр. 119. Нерѣдко при пользованіи широкими полномочіями относительно печати военная власть принимала мѣры, произвольно возстановлявшія учрежденія, отмѣненныя основными законами. Такъ, въ 1849 г. одинъ генералъ установилъ предварительную цензуру въ департаментѣ Дромъ, не смотря на то, что по дѣйствовавшимъ тогда основнымъ законамъ (ст. 8 конституціи 4 ноября 1848 г.), „печать ни въ какомъ случаѣ не можетъ подлежать цензурѣ“; въ 1871 г. парижскій комендантъ воспретилъ публикованіе, безъ предварительнаго разрѣшенія, какихъ-либо новыхъ періодическихъ изданій, трактующихъ о политическихъ и соціально-экономическихъ предметахъ, не смотря на то, что условіе предварительнаго разрѣшенія было отмѣнено еще закономъ 1868 г. о печати. — Ibid., стр. 164.

можетъ и быть сохранена въ неприкосновенности. Но это ограниченіе является только кажущимся; оно не имѣетъ никакого положительнаго значенія въ виду того, что вопросъ относительно передачи вѣдѣнія тѣхъ или другихъ преступленій военнымъ судамъ рѣшается не кѣмъ инымъ, какъ военною же властью, которая, какъ показалъ опытъ, пользовалась предоставляемою ей возможностью во всей полнотѣ и съ большою энергіей.

Въ отношеніи къ послѣдствіямъ осаднаго положенія французское законодательство почти буквально воспроизводится прусскимъ закономъ 1851 года, такъ что и въ Германіи объявленіе осаднаго положенія сопровождается, во-первыхъ, переходомъ обычныхъ функцій гражданской исполнительной власти въ руки военнаго начальства; во-вторыхъ, пріостановкою дѣйствія конституціонныхъ гарантій неприкосновенности жилища, личной свободы, свободы печати и собраній[1]) и другихъ правъ; наконецъ, въ-третьихъ въ изъятіи ряда преступленій изъ компетенціи обыкновенныхъ судовъ въ вѣдѣніе судовъ военныхъ. Довольно существенною особенностью германскаго законодательства являются постановленія относительно состава этихъ судовъ. Тогда какъ во Франціи военные суды состоятъ исключительно изъ лицъ военныхъ, въ Германіи къ военному элементу этихъ судовъ присоединяется элементъ гражданскій: изъ пяти членовъ въ нихъ — три офицеры по назначенію командующаго войсками, а два — гражданскіе судьи, назначаемые президентомъ мѣстнаго суда. Одинъ изъ послѣднихъ является предсѣдательствующимъ въ военномъ судѣ. Введеніе въ трибуналы гражданскаго элемента, представители котораго обладаютъ большею процессуальною опытностью и бо̀льшимъ спокойствіемъ, имѣетъ въ

1) Въ Пруссіи и безъ объявленія осаднаго положенія министерство, въ случаѣ войны или возстанія, можетъ пріостановить гарантіи этихъ правъ, а также воспрещеніе примѣнять военную силу для подавленія внутреннихъ безпорядковъ иначе, какъ по приглашенію гражданской власти.

виду внести въ дѣятельность такихъ судовъ духъ правомѣрности и умѣренность, которая до извѣстной степени можетъ замѣнить или сгладить отсутствіе обычныхъ гарантій правосудія.

Снятіе осаднаго положенія въ Германіи происходитъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и объявленіе его, т. е. въ силу императорскаго указа. Вслѣдъ за нимъ возстановляется обычный законный порядокъ; въ частности дѣятельность военныхъ судовъ прекращается и подлежащія ихъ вѣдѣнію дѣла передаются обыкновеннымъ судамъ. Во Франціи снятіе осаднаго положенія сопровождается тѣми же послѣдствіями; но дѣла, поступившія на разсмотрѣніе военныхъ судовъ еще при дѣйствіи исключительнаго положенія, и по прекращеніи его подлежатъ ихъ вѣдѣнію впредь до разрѣшенія ихъ.

Сравненіе осаднаго положенія по тѣмъ послѣдствіямъ, которыми оно сопровождается, съ пріостановкою Habeas Corpus Акта не можетъ не привести къ заключенію, что между этими двумя институтами гораздо больше различія, чѣмъ сходства. Оба они, безъ сомнѣнія, являются мѣрами чрезвычайными, къ которымъ обращаются лишь въ случаяхъ исключительныхъ; но этимъ и ограничивается сходство между ними. Различіе же между ними весьма значительно и состоитъ не только въ деталяхъ, но и въ самомъ существѣ.

Основною чертою осаднаго положенія слѣдуетъ признать репрессивный характеръ его. Передавая исполнительную власть во всѣхъ ея важнѣйшихъ проявленіяхъ въ руки военной администраціи, надѣляя эту послѣднюю обширными полномочіями, неопредѣленность которыхъ дѣлаетъ ихъ de facto безпредѣльными и допускаетъ возможность безграничнаго произвола, отмѣняя гарантіи самыхъ существенныхъ правъ и санкціонируя всевозможныя изъятія и отступленія отъ законнаго порядка суда и управленія, осадное положеніе создаетъ цѣлую систему репрессіи; практическое при-

мѣненіе ея, къ тому же, не встрѣчаетъ никакого контроля и фактически не сопряжено съ отвѣтственностью за злоупотребленія, ибо эта послѣдняя, существуя de jure, не можетъ имѣть серьезнаго значенія въ виду подсудности всякаго рода жалобъ на дѣйствія администраціи (и во Франціи, и въ Германіи) не общимъ, а административнымъ судамъ. Пріостановка Habeas Corpus Акта, наоборотъ, не вноситъ рѣшительно никакихъ измѣненій въ обычную систему репрессіи, устанавливаемую общими законами страны. Эти послѣдніе и въ эпоху исключительныхъ условій остаются непреложною мѣрою всѣхъ дѣйствій администраціи, которой предстоитъ за всякое отступленіе отъ требованій закона нести обычную отвѣтственность передъ общими судами. Какъ мы видѣли, перспектива освобожденія ея отъ этой отвѣтственности не можетъ имѣть существеннаго значенія въ смыслѣ фактическаго расширенія полномочій. И во всякомъ случаѣ, хотя бы надежда на снятіе отвѣтственности и могла служить соблазномъ къ принятію произвольныхъ мѣръ, эти послѣднія всегда будутъ сдерживаемы въ скромныхъ границахъ, и не только въ силу ограниченности и полной опредѣленности даваемыхъ пріостановкою полномочій, но и особенно потому, что осуществленіе этихъ полномочій стоитъ подъ контролемъ независимаго суда, съ участіемъ присяжныхъ, и свободы печати. Насколько существенной сдержкою произвола, а также и насколько дѣйствительнымъ способомъ исправленія послѣдствій его служитъ независимый обыкновенный судъ, показываютъ многія приведенныя выше данныя и въ частности отмѣченные нами результаты процессовъ въ 1794 г. и въ 1817 г.[1]). Что же касается значенія свободы печати въ соотношеніи ея съ институтомъ Habeas Corpus, то по этому предмету мы приведемъ замѣчанія, которыя высказалъ Бенжаменъ Констанъ въ 1814 г. по

1) См. выше, стр. 223 и 296 прим.

поводу ограниченія свободы печати во Франціи. «Временную пріостановку ея — говорилъ онъ,[1]) — желаютъ оправдать примѣромъ пріостановки Habeas Corpus въ Англіи; но изъ всѣхъ видовъ свободы свобода печати, быть можетъ — единственная, которую необходимо не пріостанавливать никогда, такъ какъ она есть гарантія всѣхъ другихъ видовъ свободы. Если вы пріостановите Habeas Corpus и сохраните свободу печати, эта послѣдняя поможетъ вамъ пресѣчь злоупотребленія, какъ возможный результатъ пріостановки Habeas Corpus. Но если вы пріостановите свободу печати, Habeas Corpus станетъ очень мало надежною опорою противъ произвола, ибо въ такомъ случаѣ будетъ гораздо труднѣе узнать, не нарушается-ли эта гарантія».

Не внося измѣненій въ строй законнаго порядка суда управленія, пріостановка Habeas Corpus Акта и не можетъ преслѣдовать никакихъ репрессивныхъ цѣлей. Основная черта ея — предупредительный характеръ[2]), и въ этомъ именно состоитъ глубокое отличіе ея отъ осаднаго положенія, дѣлающее совершенно произвольнымъ отождествленіе или даже сближеніе этихъ институтовъ между собою.

Но если пріостановка Habeas Corpus Акта столь существенно отличается отъ осаднаго положенія, то не является-ли близкимъ къ нему другой институтъ, извѣстный въ англійскомъ правѣ подъ названіемъ Martial law, т. е. военнаго права или военнаго положенія, какъ его обыкновенно переводятъ. Но этимъ терминомъ обозначается нѣчто совершенно отличное отъ военнаго или осаднаго положенія въ обычномъ смыслѣ. Подъ Martial law въ англійскомъ правѣ разумѣется не что иное, какъ употребленіе военной силы для подавленія какого-либо серьезнаго нарушенія спокойствія. Право

---

1) Benjamin Constant: Cours de politique constitutionnelle (2-e édition, Paris 1872), т. I, стр. 470.

2) Ср. выше, стр. 230, 243.

прибѣгать къ нему не есть чрезвычайное полномочіе, а присущая коронѣ и ея служителямъ, въ силу общаго права, власть, какъ одно изъ средствъ осуществленія задачъ управленія. Пользованіе этимъ правомъ стоитъ въ обычныхъ условіяхъ и границахъ отвѣтственности [1]). Оно можетъ быть названо экстренною мѣрою администраціи, лишь въ томъ смыслѣ, что прибѣгать къ ней возможно только въ крайнихъ случаяхъ.

Законодательная практика нѣкоторыхъ колоній вызвала въ 1867 г. авторитетное разъясненіе того, что подъ Martial law никоимъ образомъ не должно разумѣть чрезвычайнаго положенія, которое шло бы въ разрѣзъ съ обычнымъ законнымъ порядкомъ. Разъясненіе это сдѣлано было въ циркулярной депешѣ на имя губернаторовъ колоній. Указавъ на то, что въ колоніи Антигоа изданъ былъ актъ, «который имѣетъ въ виду облечь исполнительное правительство постояннымъ правомъ пріостанавливать обыкновенное законодательство колоніи, устранять гарантіи жизни и собственности, и заранѣе узаконять мѣры, которыя могутъ быть признаны способствующими поддержанію порядка военнымъ начальствомъ, обязаннымъ прекращать безпорядки», депеша заявляетъ, что «это всецѣло противорѣчитъ духу англійскаго права», и предлагаетъ озаботиться, чтобы упомянутый актъ былъ отмѣненъ законодательнымъ собраніемъ колоніи. Циркуляръ вмѣстѣ съ тѣмъ оговариваетъ, что въ этихъ указаніяхъ «правительства ея величества не должно быть усматриваемо безусловное воспрещеніе прибѣгать къ martial law, подъ давленіемъ крайнихъ обстоятельствъ и въ разсчетѣ на актъ о ненаказуемости. Однако оправданіе такого образа дѣйствій должно обусловливаться потребностью минуты, и губернаторъ никакими инструкціями не можетъ быть освобожденъ отъ обязанности, въ такихъ

1) Интересныя замѣчанія о martial law см. у Дайси, стр. 211 и сл.

крайнихъ обстоятельствахъ, самому рѣшать, въ какомъ случаѣ отвѣтственность его будетъ больше, — въ случаѣ примѣненія martial law или въ случаѣ воздержанія отъ этого» [1]).

Прошлая исторія Англіи свидѣтельствуетъ о томъ, что изложенныя начала, которыя могутъ показаться излишне и опасно стѣсняющими дѣйствія администраціи, ничуть однако не подрывали силы правительственной власти, когда энергичнаго примѣненія ея требовали обстоятельства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ именно эти начала, ревниво оберегаемыя и неуклонно проводимыя въ жизнь, давно помогли Англіи обезпечить правовые устои законнаго и твердаго порядка, который до сихъ поръ является какъ будто и заманчивымъ, но недостижимымъ идеаломъ для Франціи, не смотря на тѣ старанія и энергію, съ какими она вырабатывала и примѣняла безчисленныя нормы охраненія порядка на основахъ, прямо противоположныхъ укоренившимся въ Англіи. И по мѣрѣ того, какъ англійскія простыя начала здраваго сочетанія требованій порядка съ уваженіемъ къ свободѣ упрочивались въ системѣ управленія, — въ обыденной жизни и въ средѣ управляемыхъ укоренялись и развивались чувство уваженія къ закону и сознаніе важнаго значенія законности, какъ основнаго условія общежитія; а соотвѣтственно съ этимъ въ большой степени сократилась вѣроятность возникновенія такихъ обстоятельствъ, при которыхъ можетъ явиться потребность въ какихъ-либо чрезвычайныхъ мѣрахъ.

---

1) Alpheus Todd: Parliamentary Government in England (new edition by Spencer Walpole, Lond. 1892), т. I, стр. 158 и сл.

Приложенія.

1-е (къ стр. 37).

Резолюціи палаты общинъ о личной свободѣ (1628 г.).

1. That no free man ought to be detained or kept in prison, or otherwise restrained by the command of the King or Privy Council, or any other, unless some cause of the commitment, detainer, or restraint be expressed, for which by law he ought to be committed, detained, or restrained.

2. That the writ of Habeas Corpus may not be denied, but ought to be granted to every man that is committed or detained in prison, or otherwise restrained, though it be by command of the King, the Privy Council, or any other, he praying the same.

3. That if a free man be committed or detained in prison, or otherwise restrained by the command of the King, the Privy Council, or any other, no cause of such commitment, detainer, or restraint being expressed, for which by law he ought to be committed, detained, or restrained, and the same be returned upon an Habeas Corpus granted for the said party, then he ought to be delivered or bailed.

2-е (къ стр. 49).

Контръ-предложенія палаты лордовъ (1628 г.).

I. That his majesty would be pleased graciously to declare, That the good old law called Magna Charta, and six statutes, conceived to be declarations or explanations of that law, do still stand in force to all intents and purposes.

II. That his maj. would be pleased graciously to declare, That, according to Magna Charta, and the statutes aforenamed, as also according to the most antient customs and laws of this land, every free subject of this realm hath a fundamental Property in his goods, and a fundamental Liberty of his person.

III. That his maj. would be pleased graciously to declare, That it is his royal pleasure to ratify and confirm unto all and every his loyal and faithful subjects, all their several, antient, just liberties, privileges, and rights, in as ample and beneficial manner, to all intents and purposes, as their ancestors did enjoy the same under the best of his majesty's most noble progenitors.

IV. That his maj, would be further pleased graciously to declare, for the good contentment of his loyal subjects, and for the securing them from future fears, That, in all cases, within the cognizance of the common law concerning the Liberty of the Subject, his maj. would proceed according to the common law of this land, and according to the laws established in this kingdom, and in no other manner or wise.

V. And as touching his majesty's royal prerogative, incided to his sovereignty, and intrusted him from God „ad communem totius populi salutem, et non ad destructionem", That his maj. would resolve not to use or divert the same, to the prejudice of any of his loyal people in the Property of their goods, or Liberty of their persons: and in case, for the security of his majesty's royal person, the common safety of his people, or the peaceable government of his kingdom, his maj. shall find just cause, for reason of state, to imprison or restrain any man's person, his maj. would graciously declare, That, within a convenient time, he shall and will express the cause of the commitment or restraint, either general or special; and upon a cause so expressed, will leave him immediately to be tried according to the common justice of the kingdom.

3-е (къ стр. 54).

Петиція оправѣ (The Petition of Right, 1628 — 3 Car. 1. c. 1).

The Petition exhibited to his Majesty by the Lords Spiritual and Temporal, and Commons, in this present Parliament assembled, concerning divers Rights and Liberties of the Subjects, with the King's Majesty's royal answer thereunto in full Parliament.

To the King's Most Excellent Majesty,

Humbly show unto our Sovereign Lord the King, the Lords Spiritual and Temporal, and Commons in Parliament assembled, that. . . .

III. Whereas also by the statute called „The Great Charter of the liberties of England", it is declared and enacted, that no freeman may be taken or imprisoned or be disseised of his freehold or liberties, or his free customs, or be outlawed or exiled, or in any manner destroyed, but by the lawful judgment of his peers, or by the law of the land.

IV. And in the eight-and-twentieth year of the reign of King Edward III, it was declared and enacted by authority of parliament, that no man, of what estate or condition that he be, should be put out of his land or tenements, nor taken, nor imprisoned, nor disherited, nor put to death without being brought to answer by due process of law.

V. Nevertheless, against the tenor of the said statutes, and other the good laws and statutes of your realm to that end provided, divers of your subjects have of late been imprisoned without any cause showed; and when for their deliverance they were brought before your justices by your Majesty's writs of habeas corpus, there to undergo and receive as the court should order, and their keepers commanded to certify the causes of their detainer, no cause was certified, but that they were detained by your Majesty's special command, signified by the lords of your Privy Council, and yet were returned back to several prisons, without being charged with anything to which they might make answer to the law.

. . . . . .

X. They do therefore humbly pray your most excellent Majesty, that . . . . no freeman, in any such manner as is before mentioned, be imprisoned or detained. . . .

XI. All which they most humbly pray of your most excellent Majesty as their rights and liberties, according to the laws and statutes of this realm; and that your Majesty would also vouchsafe to declare, that the awards, doings, and proceedings, to the prejudice of your people in any of the premises, shall not be drawn hereafter into consequence or example; and that your Majesty would be also graciously pleased, for the future comfort and safety of your people, to declare your royal will and pleasure, that in the things aforesaid all your officers and ministers shall serve you according to the laws and statutes of this realm, as they render the honour of your Majesty, and the prosperity of this kingdom.

Qua quidem petitione lecta et plenius intellecta per dictum dominum regem taliter est responsum in pleno parliamento, viz., Soit droit fait come est desiré.

4-е (къ стр. 64).

An Act for the Regulating the Privy Council and for taking away the Court commonly called the Star Chamber, 1641 (16 Car. 1 cap. 10).

. . . . . VI*). And be it also provided and enacted, that if any person shall hereafter be committed, restrained of his liberty or suffer imprisonment by the order or decree of any such Court of Star Chamber or other Court aforesaid, now or at any time hereafter having or pretending to have the same or like jurisdiction, power or authority to commit or imprison as aforesaid, or by the command or warrant of the King's Majesty, his heirs or successors, in their own person or by the command or warrant of the Council Board or of any of the Lords or others of His Majesty's Privy Council, that in every such case every person so committed, restrained of his liberty, or suffering imprisonment, upon demand or motion made by his counsel or other employed by him for that purpose unto the Judges of the Court of King's Bench or Common Pleas in open Court, shall, without delay upon any pretence whatsoever, for the ordinary fees usually paid for the same, have forthwith granted into him a writ of Habeas Corpus to be directed generally unto all and every sheriff's gaoler, minister, officer or other person in whose custody the party committed or restrained shall be, and the sheriff's gaoler, minister, officer or other person in whose custody the party so committed or restrained shall be, shall at the return of writ and according to the command thereof, upon due and convenient notice thereof given unto him at the charge of the party who requireth or procureth such writ, and upon security by his own bond given to pay the charge of carrying back the prisoner if he shall be remanded by the Court to which he shall be brought, as in like cases hath been used such charges of bringing up and carrying back the prisoner to be always ordered by the Court if any difference shall arise, thereabout, bring or cause to be brought the body of the said party so committed or restrained unto and before the Judges and Justices of the said Court from whence the same writ shall issue in open Court, and shall then likewise certify the true cause of such his detenior or imprisonment, and thereupon the Court, within three court days after such

*) Въ текстѣ книги (стр. 64, снизу 13-я строка) приводимая статья акта 1641 г. ошибочно названа 3-ею.

return made and delivered in open Court, shall proceed to examine and determine whether the cause of such commitment appearing upon the said return be just and legal or not, and shall thereupon do what to justice shall appertain, either by delivering, bailing or remanding the prisoner. And if anything shall be otherwise wilfully done or omitted to be done by any Judge, Justice, officer or other person aforementioned, contrary to the direction and true meaning hereof, that then such person so offending shall forfeit to the party grieved his treble damages, to be recovered by such means and in such manner as is formerly in this Act limited and appointed for the like penalty to be sued for and recovered.

5-е (къ стр. 74 и сл.).

Habeas Corpus Act (1679).

31 Car. II. c. 2.

An Act for the better securing the Liberty of the Subject, and for Prevention of Imprisonments beyond the Seas.

Whereas great delays have been used by sheriffs, gaolers, and other officers, to whose custody any of the king's subjects have been committed for criminal or supposed criminal matters, in making returns of writs of Habeas Corpus to them directed, by standing out an Alias and Pluries Habeas Corpus and sometimes more, and by other shifts to avoid their yielding obedience to such writs, contrary to their duty and the known laws of the land, whereby many of the king's subjects have been and hereafter may be long detained in prison, in such cases where by law they are bailable, to their great charges and vexation:

II. For the prevention whereof, and the more speedy relief of all persons imprisoned for any such criminal or supposed criminal matters; be it enacted by the King's most excellent Majesty, by and with the advice and consent of the Lords Spiritual and Temporal, and Commons, in this present Parliament assembled, and by the authority thereof, that whensoever any person or persons shall bring any Habeas Corpus directed unto any sheriff or sheriffs, gaoler, minister, or other person whatsoever, for any person in his or their custody, and the said writ shall be served upon the said officer, or left at the gaol or prison with any of the under-officers, under-keepers

or deputy of the said officers or keepers, that the said officer or officers, his or their under-officers, under-keepers or deputies, shall within three days after the service thereof as aforesaid (unless the commitment aforesaid were for treason or felony, plainly and specially expressed in the warrant of commitment) upon payment or tender of the charges of bringing the said prisoner, to be ascertained by the judge or court that awarded the same, and endorsed upon the said writ, not exceeding twelve pence per mile, and upon security given by his own bond to pay the charges of carrying back the prisoner, if he shall be remanded by the court or judge to which he shall be brought according to the true intent of this present act, and that he will not make any escape by the way, make return of such writ; and bring or cause to be brought the body of the party so committed or restrained, unto before the Lord Chancellor, or Lord Keeper of the great seal of England for the time being, or the judges or barons of the said court from whence the said writ shall issue, or unto and before such other person or persons before whom the said writ is made returnable, according to the command thereof; and shall then likewise certify the true causes of his detainer or imprisonment, unless the commitment of the said party be in any place beyond the distance of twenty miles from the place or places where such court or person is or shall be residing; and if beyond the distance of twenty miles, and not above one hundred miles, then within the space of ten days, and if beyond the distance of one hundred miles, then within the space of twenty days, after such delivery aforesaid, and not longer.

III. And to the intent that no sheriff, gaoler or other officer may pretend ignorance of the import of any such writ; be it enacted by the authority aforesaid, that all such writs shall be marked in this manner, per statutum tricesimo primo Caroli secundi regis, and shall be signed by the person that awards the same; and if any person or persons shall be or stand committed or detained as aforesaid, for any crime, unless for felony or treason plainly expressed in the warrant of commitment, in the vacation-time, and out of term, it shall and may be lawful to and for the person or persons so committed or detained (other than persons convict or in execution by legal process) or any one on his or their behalf, to appeal or complain to the Lord Chancellor or Lord Keeper, or any one of his Majesty's justices, either of the one bench or of the other, or the barons of the exchequer of the degree of the coif; and the said Lord Chancellor, Lord

Keeper, justices or barons or any of them, upon view of the copy or copies of the warrant or warrants of commitment and detainer, or otherwise upon oath made that such copy or copies were denied to be given by such person or persons in whose custody the prisoner or prisoners is or are detained, are hereby authorized, and required, upon request made in writing by such person or persons or any on his, her or their behalf, attested and subscribed by two witnesses who were present at the delivery of the same, to award and grant an Habeas Corpus under the seal of such court whereof he shall then be one of the judges, to be directed to the officer or officers in whose custody the party so committed or detained shall be, returnable immediate before the said Lord Chancellor or Lord Keeper, or such justice, baron or any other justice or baron of the coif of any of the said courts; and upon service thereof as aforesaid, the officer or officers, his or their under-officer or under-officers, under-keeper or under-keepers, or their deputy, in whose custody the party is so committed or detained, shall within the times respectively before limited, bring such prisoner or prisoners before the said Lord Chancellor or Lord Keeper, or such justices, barons or one of them, before whom the said writ is made returnable, and in case of his absence before any of them, with the return of such writ, and the true causes of the commitment and detainer; and thereupon within two days after the party shall be brought before them, the said Lord Chancellor or Lord Keeper, or such justice or baron before whom the prisoner shall be brought as aforesaid, shall discharge the said prisoner from his imprisonment, taking his or their recognizance, with one or more surety or sureties, in any sum according to their discretions, having regard to the quality of the prisoner and nature of the offence, for his or their appearance in the court of king's bench the term following, or at the next assizes, sessions, or general gaol-delivery of and for such county, city, or place where the commitment was, or where the offence was committed, or in such other court where the said offence is properly cognizable, as the case shall require, and then shall certify the said writ with the return thereof, and the said recognizance or recognizances into the said court where such appearance is to be made; unless it shall appear unto the said Lord Chancellor or Lord Keeper, or justice or justices, or baron or barons, that the party so committed is detained upon a legal process, order or warrant, out of some court that hath jurisdiction of criminal matters, or by some warrant signed and sealed with the hand and seal of any of the said justices or barons, or some justice

or justices of the peace, for such matters or offences for the which by the law the prisoner is not bailable.

IV. Provided always, and be it enacted, that if any person shall have wilfully neglected by the space of two whole terms after his imprisonment, to pray a Habeas Corpus for his enlargement, such person so wilfully neglecting shall not have any Habeas Corpus to be granted in vacation-time, in pursuance of this act.

V. And be it further enacted by the authority aforesaid, that if any officer or officers, his or their under-officer or under-officers, under-keeper or under-keepers, or deputy, shall neglect or refuse to make the returns aforesaid, or to bring the body or bodies of the prisoner or prisoners according to the command of the said writ, within the respective times aforesaid, or upon demand made by the prisoner or person in his behalf, shall refuse to deliver, or within the space of six hours after demand shall not deliver, to the person so demanding, a true copy of the warrant or warrants of commitment and detainer of such prisoner, which he and they are hereby required to deliver accordingly; all and every the head gaolers and keepers of such prisons, and such other person in whose custody the prisoner shall be detained, shall for the first offence forfeit to the prisoner or party grieved the sum of one hundred pounds; and for the second offence the sum of two hundred pounds, and shall and is hereby made incapable to hold or execute his said office; the said penalties to be recovered by the prisoner or party grieved, his executors or administrators, against such offender, his executors or administrators, by any action of debt, suit, bill, plaint, or information, in any of the king's courts at Westminster, wherein no essoin, protection, privilege, injunction, wager of law, or stay of prosecution by non vult ulterius prosequi, or otherwise, shall be admitted or allowed, or any more than one imparlance; and any recoverv or judgment at the suit of any party grieved, shall be a sufficient conviction for the first offence; and any after recovery or judgment at the suit of a party grieved for any offence after the first judgment, shall be a sufficient conviction to bring the officers or person within the said penalty for the second offence.

VI. And for the prevention of unjust vexation by reiterated commitments for the same offence; be it enacted by the authority aforesaid, that no person or persons which shall be delivered or set at large upon any Habeas Corpus, shall at any time hereafter be again imprisoned or committed for the same offence by any person or persons whatsoever, other than by the legal

order and process of such court wherein he or they shall be bound by recognizance to appear, or other court having jurisdiction of the cause; and if any other person or persons shall knowingly contrary to this act recommit or imprison, or knowingly procure or cause to be recommitted or imprisoned, for the same offence or pretended offence, any person or persons delivered or set at large as aforesaid, or be knowingly aiding or assisting therein, then he or they shall forfeit to the prisoner or party grieved the sum of five hundred pounds; any colourable pretence or variation in the warrant or warrants of commitment notwithstanding, to be recovered as aforesaid.

VII. Provided always, and be it further enacted, that if any person or persons shall be committed for high treason or felony, plainly and specially expressed in the warrant of commitment, upon his prayer or petition in open court the first week of the term, or first day of the sessions of Oyer and Terminer or general gaol-delivery, to be brought to his trial, shall not be indicted some time in the next term, sessions of Oyer and Terminer or general gaol-delivery, after such commitment; it shall and may be lawful to and for the judges of the court of king's bench and justices of Oyer and Terminer or general gaol-delivery, and they are hereby required, upon motion to them made in open court the last day of the term, sessions or gaol-delivery, either by the prisoner or any one in his behalf, to set at liberty the prisoner upon bail, unless it appear to the judges and justices upon oath made, that the witnesses for the king could not be produced the same term, sessions or general gaol-delivery; and if any person or persons committed as aforesaid, upon his prayer or petition in open court the first week of the term or first day of the sessions of Oyer and Terminer and general gaol-delivery, to be brought to his trial, shall not be indicted and tried the second term, sessions of Oyer and Terminer or general gaol-delivery, after his commitment, or upon his trial shall be acquitted, he shall be discharged from his imprisonment.

VIII. Provided always, that nothing in this act shall extend to discharge out of prison any person charged in debt, or other action, or with process in any civil cause, but that after he shall be discharged of his imprisonment for such his criminal offence, he shall be kept in custody according to the law, for such other suit.

IX. Provided always, and be it enacted by the authority aforesaid, that if any person or persons, subjects of this realm, shall be committed to any prison or in custody of any officer

or officers whatsoever, for any criminal or supposed criminal matter, that the said person shall not be removed from the said prison and custody into the custody of any other officer or officers; unless it be by Habeas Corpus or some other legal writ; or where the prisoner is delivered to the constable or other inferior officer to carry such prisoner to some common gaol: or where any person is sent by order of any judge of assize or justice of the peace to any common workhouse or house of correction; or where the prisoner is removed from one prison or place to another within the same county, in order to his or her trial or discharge in due course of law; or in case of sudden fire or infection, or other necessity; and if any person or persons shall after such commitment aforesaid make out and sign, or countersign any warrant or warrants for such removal aforesaid, contrary to this act; as well he that makes or signs, or countersigns such warrant or warrants as the officer or officers that obey or execute the same, shall suffer and incur the pains and forfeitures in this act before mentioned, both for the first and second offence respectively, to be recovered in manner aforesaid by the party grieved.

X. Provided also, and be it further enacted by the authority aforesaid, that it shall and may be lawful to and for any prisoner and prisoners as aforesaid, to move and obtain his or their Habeas Corpus as well out of the high court of chancery or court of exchequer, as out of the courts of king's bench or common pleas, or either of them; and if the said Lord Chancellor or Lord Keeper, or any judge or judges, baron or barons for the time being, of the degree of the coif, of any of the courts aforesaid, in the vacation-time, upon view of the copy or copies of the warrant or warrants of commitment or detainer, or upon oath made that such copy or copies were denied as aforesaid, shall deny any writ of Habeas Corpus by this act required to be granted, being moved for as aforesaid, they shall severally forfeit to the prisoner or party grieved the sum of five hundred pounds, to be recovered in manner aforesaid.

XI. And be it declared and enacted by the authority aforesaid, that an Habeas Corpus according to the true intent and meaning of this act, may be directed and run into any county palatine, the cinque-ports, or other privileged places within the kingdom of England, dominion of Wales, or town of Berwick upon Tweed, and the islands of Jersey or Guernsey; any law or usage to the contrary notwithstanding.

XII. And for preventing illegal imprisonments in prisons beyond the seas; be it further enacted by the authority aforesaid, that no subject of this realm that now is, or hereafter shall be an inhabitant or resiant of this kingdom of England, dominion of Wales, or town of Berwick upon Tweed, shall or may be sent prisoner into Scotland, Ireland, Jersey, Guernsey, Tangier, or into parts, garrisons, islands or places beyond the seas, which are or at any time hereafter shall be within or without the dominions of his Majesty, his heirs or successors; and that every such imprisonment is hereby enacted and adjudged to be illegal; and that if any of the said subjects now is or hereafter shall be so imprisoned, every such person and persons so imprisoned, shall and may for every such imprisonment maintain by virtue of this act an action or actions of false imprisonment, in any of his Majesty's courts of record, against the person or persons by whom he or she shall be so committed, detained, imprisoned, sent prisoner or transported, contrary to the true meaning of this act, and against all or any person or persons that shall frame, contrive, write, seal or countersign any warrant or writing for such commitment, detainer, imprisonment, or transportation, or shall be advising, aiding or assisting in the same, or any of them; and the plaintiff in every such action shall have judgment to recover his treble costs, besides damages, which damages so to be given, shall not be less than five hundred pounds; in which action no delay, stay or stop of proceeding by rule, order or command, nor no injunction, protection or privilege whatsoever, nor any more than one imparlance shall be allowed, excepting such rule of the court wherein the action shall depend, made in open court, as shall be thought in justice necessary, for special cause to be expressed in the said rule; and the person or persons who shall knowingly frame, contrive, write, seal or countersign any warrant for such commitment, detainer, or transportation, or shall so commit, detain, imprison or transport any person or persons contrary to this act, or be any ways advising, aiding or assisting therein, being lawfully convicted thereof, shall be disabled from thenceforth to bear any office of trust or profit within the said realm of England, dominion of Wales, or town of Berwick upon Tweed, or any of the islands, territories or dominions thereunto belonging; and shall incur and sustain the pains, penalties, and forfeitures limited, ordained and provided in and by the statute of Provision and Praemunire made in the sixteenth year of King Richard the second; and be incapable of any pardon from the

king, his heirs or successors, of the said forfeitures, losses, or disabilities or any of them.

XIII. Provided always, that nothing in this act shall extend to give benefit to any person who shall by contract in writing agree with any merchant or owner of any plantation, or other person whatsoever, to be transported to any parts beyond the seas, and receive earnest upon such agreement, although that afterwards such person shall renounce such contract.

XIV. Provided always, and be it enacted, that if any person or persons lawfully convicted of any felony, shall in open court pray to be transported beyond the seas, and the court shall think fit to leave him or them in prison for that purpose, such person or persons may be transported into any parts beyond the seas; this act, or anything therein contained to the contrary notwithstanding.

XV. Provided also, and be it enacted, that nothing herein contained shall be deemed, construed or taken, to extend to the imprisonment of any person before the first day of June one thousand six hundred seventy and nine, or to anything advised, procured, or otherwise done, relating to such imprisonment; anything herein contained to the contrary nothwithstanding.

XVI. Provided also, that if any person or persons at any time resiant in this realm, shall have committed any capital offence in Scotland or Ireland, or any of the islands, or foreign plantations of the king, his heirs or successors, where he or she ought to be tried for such offence, such person or persons may be sent to such place, there to receive such trial, in such manner as the same might have been used before the making of this act; anything herein contained to the contrary notwithstanding.

XVII. Provided also, and be it enacted, that no person or persons shall be sued, impleaded, molested or troubled for any offence against this act, unless the party offending be sued or impleaded for the same within two years at the most after such time wherein the offence shall be committed, in case the party grieved shall not be then in prison; and if he shall be in prison, then within the space of two years after the decease of the person imprisoned, or his or her delivery out of prison, which shall first happen.

XVIII. And to the intent no person may avoid his trial at the assizes or general gaol-delivery, by procuring his remo-

val before the assizes, at such time as he cannot be brought back to receive his trial there; be it enacted, that after the assizes proclaimed for that county where the prisoner is detained, no person shall be removed from the common gaol upon any Habeas Corpus granted in pursuance of this act, but upon any such Habeas Corpus shall be brought before the judge of assize in open court, who is thereupon to do what to justice shall appertain.

XIX. Provided nevertheless, that after the assizes are ended, any person or persons detained, may have his or her Habeas Corpus according to the direction and intention of this act.

XX. And be it also enacted by the authority aforesaid, that if any information, suit or action shall be brought or exhibited against any person or persons for any offence committed or to be committed against the form of this law, it shall be lawful for such defendants to plead the general issue, that they are not guilty, or that they owe nothing, and to give such special matter in evidence to the jury that shall try the same, which matter being pleaded had been good and sufficient matter in law to have discharged the said defendant or defendants against the said information, suit or action, and the said matter shall be then as available to him or them, to all intents and purposes, as if he or they had sufficiently pleadet, set forth or alledged the same matter in bar or discharge of such information, suit or action.

XXI. And because many times persons charged with petty treason or felony, or as accessaries thereunto, are committed upon suspicion only, whereupon they are bailable, or not, according as the circumstances making out that suspicion are more or less weighty, which are best known to the justices of peace that committed the persons, and have the examinations before them, or to other justices of the peace in the county; be it therefore enacted, that where any person shall appear to be committed by any judge or justice of the peace, and charged as accessary before the fact, to any petty treason or felony, or upon suspicion thereof, or with suspicion of petty treason or felony, which petty treason or felony shall be plainly and specially expressed in the warrant of commitment, that such person shall not be removed or bailed by virtue of this act, or in any other manner than they might have been before the making of this act.

6-е (къ стр. 83).

Habeas Corpus Act (1816).

56 Geo. III. cap. 100.

An Act for more effectually securing the Liberty of the Subject, 1 July 1816.

„Whereas the Writ of Habeas Corpus hath been found „by Experience to be an expeditious and effectual Method of „restoring any Person to his Liberty, who hath been unjustly „deprived thereof: And Whereas extending the Remedy of such „Writ, and enforcing Obedience thereunto, and preventing Delays „in the Execution thereof, will be advantageous to the Public: „And Whereas the Provisions made by an Act passed in „England in the Thirty first Year of King Charles the „Second, intituled An Act for the better securing the „Liberty of the Subject, and for Prevention „of Imprisonment beyond the Seas, and also by an „Act passed in Ireland in the Twenty first and Twenty „second Years of His present Majesty, intituled An Act for „better securing the Liberty of the Subject, only „extend to cases of Commitment or Detainer for criminal or „supposed criminal matter;" Be it therefore enacted by The King's Most Excellent Majesty, by and with the Advice and Consent of the Lords Spiritual and Temporal, and Commons, in this present Parliament assembled, and by the Authority of the same, That where any Person shall be confined or restrained of his or her Liberty (otherwise than for some criminal or supposed criminal matter, and except Persons imprisoned for Debt or by Process in any civil Suit) within that Part of Great Britain called England, Dominion of Wales, or Town of Berwick upon Tweed, or the Isles of Jersey, Guernsey or Man, it shall and may be lawful for any One of the Barons of the Exchequer, of the Degree of the Coif, as well as for any One of the Justices of One Bench or the other; and where any Person shall be so confined in Ireland, it shall and may be lawful for any One of the Barons of the Exchequer, or of the Justices of One Bench or the other in Ireland; and they are hereby required, upon Complaint made to them by or on the behalf of the Person so confined or restrained, if it shall appear by Affidavitor Affirmation (in case where by Law an Affirmation is allowed) that there is a probable and reasonable Ground for such Complaint, to award in Vacation time, a Writ of Habeas Corpus ad subjiciendum,

under the Seal of such Court, whereof he or they shall then be Judges or One of the Judges, to be directed to the Person or Persons in whose Custody or Power the Party so confined or restrained shall be, returnable immediately before the Person so awarding the same, or before any other Judge of the Court under the Seal of which the said Writ issued.

II. And be it further enacted by the Authority aforesaid, That if the Person or Persons to whom any Writ of Habeas Corpus shall be directed according to the Provision of this Act, upon Service of such Writ, either by the actual Delivery thereof to him, her or them, or by leaving the same at the Place where the Party shall be confined or restrained, with any servant or Agent of the Person or Persons so confining or restraining, shall wilfully neglect or refuse to make a Return or pay Obedience thereto, he, she or they shall be deemed guilty of a Contempt of the Court, under the Seal whereof such Writ shall have issued; and it shall be lawful to and for the said Justice or Baron, before whom such Writ shall be returnable, upon Proof made by Affidavit of wilful Disobedience of the said Writ, to issue a Warrant under his Hand and Seal, for the apprehending and bringing before him, or before some other Justice or Baron of the same Court, the Person or Persons so wilfully disobeying the said Writ, in order to his, her or their being bound to the King's Majesty, with Two sufficient Sureties, in such Sum as in the Warrant shall be expressed, with Condition to appear in the Court of which the said Justice or Baron is a Judge, at a Day in the ensuing Term to be mentioned in the said Warrant, to answer the matter of Contempt with which he, she or they are charged; and in case of Neglect or Refusal to become bound as aforesaid, it shall be lawful for such Justice or Baron to Commit such Person or Persons so neglecting or refusing, to the Jail or Prison of the Court of which such Justice or Baron shall be a Judge, there to remain until he, she or they shall have become bound as aforesaid, or shall be discharged by Order of the Court in Term Time, or by Order of one of the Justices or Barons of the Court in Vacation; and the Recognizance or Recognizances to be taken thereupon shall be returned and filed in the same Court, and shall continue in force until the matter of such Contempt shall have been heard and determined, unless sooner ordered by the Court to be discharged: Provided, that if such Writ shall be awarded so late in the Vacation by any one of the said Justices or Barons, that, in his Opinion, Obedience thereto cannot be conveniently paid during such Vacation, the

same shall and may, at his Discretion, be made returnable in the Court of which the said Justice or Baron shall be a Justice or Baron, at a Day certain in the next Term; and the said Court shall and may proceed thereupon, and award Process of Contempt in case of Disobedience thereto, in like manner as upon Disobedience to any Writ originally awarded by the said Court: Provided also, that if such Writ shall be awarded by the Court of King's Bench, or the Court of Common Pleas, or Court of Exchequer, in the said Countries respectively, which last mentioned Court shall have like Power to award such Writs as the respective Courts of King's Bench and Common Pleas in each of the said Countries now have in Term, but so late that, in the Judgment of the Court, Obedience thereto cannot be conveniently paid during such Term, the same shall and may, at the Discretion of the said Court, be made returnable at a Day certain in the then next Vacation, before any Justice or Baron of the Degree of the Coif, or if in Ireland, before any Justice or Baron of the same Court, who shall and may proceed thereupon, in such manner as by this Act is directed concerning Writs issuing in and made returnable during the Vacation.

III. And be it further enacted by the Authority aforesaid, That in all cases provided for by this Act, although the Return to any Writ of Habeas Corpus shall be good and sufficient in Law, it shall be lawful for the Justice or Baron before whom such Writ may be returnable, to proceed to examine into the Truth of the Facts set forth in such Return, by Affidavit or by Affirmation (in cases where an Affirmation is allowed by Law) and to do therein as to Justice shall appertain; and if such Writ shall be returned before any One of the said Justices or Barons, and it shall appear doubtful to him on such Examination, wether the material Facts set forth in the said Return, or any of them, be true or not, in such case it shall and may be lawful for the said Justice or Baron to let to bail the said Person so confined or restrained, upon his or her entering into a Recognizance with One or more Sureties, or in case of Infancy or Coverture, or other Disability, upon Security by Recognizance, in a reasonable Sum, to appear in the Court of which the said Justice or Baron shall be a Justice or Baron, upon a Day certain in the Term following, and so from Day to Day as the Court shall require, and to abide such Order as the Court shall make in and Concerning the Premises; and such Justice or Baron shall transmit into the same Court the said Writ and Return, to-

gether with such Recognizance, Affidavits and Affirmations; and thereupon it shall be lawful for the said Court to proceed to examine into the Truth of the Facts set forth in the Return, in a summary Way by Affidavit or Affirmation (in cases where by Law Affirmation is allowed), and to order and determine touching the discharging, bailing or remanding the Party.

IV. And be it further enacted by the Authority aforesaid, That the like Proceeding may be had in the Court for controverting the Truth of the Return to any such Writ of Habeas Corpus, awarded as aforesaid, although such Writ shall be awarded by the said Court itself, or be returnable therein.

V. And be it declared and enacted by the Authority aforesaid, That a Writ of Habeas Corpus, according to the true Intent and Meaning of this Act, may be directed and run into any County Palatine or Cinque Port, or any other privileged Place within that Part of Great Britain called England, Dominion of Wales and Town of Berwick upon Tweed, and the Isles of Jersey, Guernsey and Man, respectively; and also into any Port, Harbour, Road, Creek or Bay upon the Coast of England or Wales, although the same should lie out of the Body of any County; and if such Writ shall issue in Ireland, the same may be directed and run into any Port, Harbour, Road, Creek or Bay, although the same should not be in the Body of any Country; any Law or Usage to the contrary in anywise notwithstanding.

VI. And be it further enacted by the Authority aforesaid, That the several Provisions made in this Act, touching the making Writs of Habeas Corpus, issuing in time of Vacation returnable into the said Courts, or for making such Writs awarded in Term time, returnable in Vacation, as the cases may respectively happen, and also for making wilful Disobedience thereto a Contempt of the Court, and for issuing Warrants to apprehend and bring before the said Justices or Barons, or any of them, any Person or Persons wilfully disobeying any such Writ, and in case of Neglect or Refusal to become bound as aforesaid, for committing the Person or Persons so neglecting or refusing to Jail as aforesaid, respecting the Recognizances to be taken as aforesaid, and the Proceeding or Proceedings thereon, shall extend to all Writs of Habeas Corpus awarded in pursuance of the said Act, passed in England in the Thirty first Year of the Reign of King Charles the Second, or of the said Act passed in Ireland in the Twenty first and Twenty second Years of His present Majesty, and hereinbefore recited, in as ample and beneficial a manner as if such Writs and the said

cases arising thereon had been hereinbefore specially named and provided for respectively.

7-е (къ стр. 83).

An Act respecting the Issue of Writs of Habeas Corpus out of England into Her Majesty's Possession Abroad, 16 May 1862 (25 & 26 Vict. cap. 20).

„Whereas it is expedient that Writs of Habeas Corpus „should not issue out of England into any Colony or „foreign Dominion of the Crown where Her Majesty has a law-„fully established Court or Courts of Justice having Authority „to grant and issue the said Writ, and to ensure the due „Execution thereof throughout such Colony or Foreign Dominion": Be it therefore enacted by the Queen's Most Excellent Majesty, by and with the Advice and Consent of the Lords Spiritual and Temporal, and Commons, in this present Parliament assembled, and by the Authority of the same, as follows:

I. No Writ of Habeas Corpus shall issue out of England, by Authority of any Judge or Court of Justice therein, into any Colony or Foreign Dominion of the Crown where Her Majesty has a lawfully established Court or Courts of Justice having Authority to grant and issue the said Writ, and to ensure the due Execution thereof throughout such Colony or Dominion.

II. Provided, that nothing in this Act contained shall affect or interfere with any Right of Appeal to Her Majesty in Council now by Law existing.

8-е (къ стр. 166).

Первый актъ о пріостановкѣ (1688).

An Act for Impowering His Majestie to Apprehend and Detaine such Persons as He shall finde just Cause to Suspect are Conspireing against the Government (1 Will. & Mar. s. 1, cap. 2).

For the secureing the Peace of the Kingdome in this Time of Imminent Danger against the Attempts and Trayterous Conspiracies of evil disposed Persons.

Bee it Enacted by the King and Queene's most Excellent Majesties by and with the Advice and Consent of the Lords Spirituall and Temporall and Commons in this present Parlyament Assembled and by the Authoritie of the same that every Person or Persons that shall be committed by Warrant of Their said Majestyes most Honourable Privy Councill Signed by Six of the said Privy Councill at least for Suspition of High Treason may be detained in safe Custodie till the Seventeenth Day of Aprill in the yeare ot our Lord one thousand six hundred eighty and nine, without Baile or Mainprize and that noe Judge or other Person shall Baile or Try any such Person or Persons soe Committed without Order from Their said Majestyes Privy Councill signed by six of the said Privy Councill at least till the said seventeenth Day of Aprill any Law or Statute to the contrary notwithstanding.

II. Provided alwayes That from and after the said seventeenth day of Aprill the said Persons soe Committed shall have the Benefitt and Advantage of an Act made in the one and thirtyeth Yeare of King Charles the second Entituled An Act for the better secureing the Liberty of the Subject and for Prevention of Imprisonment beyond the Seas and alsoe of all other Laws and statutes any way relateing to or provideing for the Liberty of the Subjects of this Realme.

III. And that this present Act shall continue untill the said Seventeenth day of Aprill and noe longer.

IV. Provided alwayes and bee it Enacted That nothing in this Act shall be construed to extend to the Auncient Rights and Priviledges of Parlyament or to the Imprisonment or Detayning of any Member of either House of Parlyament untill the Matter of which he stands suspected be first communicated to the House of which he is a Member and the Consent of the said House obtained for his Committment or Detayning.

9-е (къ стр. 222).

Актъ о пріостановкѣ 1794 г.

An Act to empower his Majesty to secure and detain such Persons as his Majesty shall suspect are conspiring against his Person and Government (23 May 1794; 34 Geo. III, c. 54).

«Whereas a traitorous and detestable Conspiracy has been «formed for subverting the existing Laws and Constitution, and

«for introducing the system of Anarchy and Confusion which «has so fatally prevailed in France: Therefore, for the better Preservation of his Majesty's sacred Person and for securing the Peace and the Laws and Liberties of this Kingdom, be it enacted by the King's Most Excellent Majesty, by and with Advice and Consent of the Lords Spiritual and Temporal, and Commons, in this present Parliament assembled, and by the Authority of the same, That every Person or Persons that are or shall be in prison within the Kingdom of Great Britain at or upon the Day on which this Act shall receive his Majesty's Royal Assent, or after, by Warrant of his said Majesty's most Honourable Privy Council, signed by six of the said Privy Council, for High Treason, Suspicion of High Treason, or treasonable Practices, or by Warrant, signed by any of his Majesty's Secretaries of State, for such Causes as aforesaid, may be detained in safe Custody, without Bail or Mainprize, until the first Day of February one thousand seven hundred and ninety-five; and that no Judge or Justice of the Peace shall bail or try any such Person or Persons so committed, without Order from his said Majesty's Privy Council, signed by six of the said Privy Council, till the said first Day of February one thousand seven hundred and ninety five, any Law or Statute to the Contrary notwithstanding.

II. And be it further enacted by the Authority aforesaid, That the Act made in Scotland in the Year of Our Lord one thousand seven hundred and one (intituled An Act for preventing wrongous Imprisonment, and against undue Delays in Trials) in so for as the same may be construed to relate to Cases of Treason and Suspicion of Treason, be suspended until the said first Day of February one thousand seven hundred and ninety-five; and that until the said Day no Judge, Justice of the Peace, or other Officer of the Law in Scotland, shall liberate, try, or admit to bail any Person or Persons that is, are, or shall be in Prison within Scotland, for such Causes as aforesaid, without Order from his said Majesty's Privy Council, signed by six of the said Privy Council: Provided always That, from and after the said first Day of February one thousand seven hundred and ninety-five, the said Persons so committed shall have the Benefit and Advantage of all Laws and Statutes any way relating to or providing for the Liberty of the Subjects of this Realm, and that this present Act shall continue until the said first Day of February one thousand seven hundred and ninety-five, and no longer.

III. Provided always, and be it enacted, That nothing in this Act shall be construed to extend to invalidate the ancient Rights and Privileges of Parliament, or to the Imprisonment or Detaining of any Member of either House of Parliament during the Sitting of such Parliament, until the Matter of which he stands suspected be first communicated to the House of which he is a Member, and the Consent of the said House obtained for his Commitment or Detaining.

10-е (къ стр. 302.)

Актъ объ амнистіи (1689 г.).

An Act for preventing vexatious Suits against such as acted in order to the bringing in their Majestyes or for their Service (1 Will. & Mar. S. 2, c. 8).

Whereas about the time of his Majestyes glorious Enterprise for delivering this Kingdome from Popery and Arbitrary Power and in aid and pursuance of the same diverse Lords Gentlemen and other good People well affected to their Country did act as Lieutenants Deputy Lieutenants Justices of the Peace or orther Officers Civill or Military though not sufficiently authorised thereunto and did apprehend and putt into Custodie several criminous and suspected persons and did seize and use diverse Horses Arms and other things and did enter into the Houses and Possessions of severall persons and did quarter and cause to be quartered Soldiers and others there in which Proceedings some Force and Violence and defect of Forme was unavoidable which in time of Peace and Common Safety would not have beene warrantable, And alsoe since their Majesties happy Accession to the Crowne by reason of the Warrs and Troubles raised and occasioned by the Enimies of their Majestyes and this Kingdome diverse like Matters and Things have been acted and done all which were necessary and allowable in reguard of the exigence of publique Affaires and ought to be justified and the parties concerned therein indemnified Neverthelesse some persons ill affected to their Majesties Government and the Safety and Welfare of this Kingdome have commenced and prosecuted and threaten to commence and prosecute Actions and Suits against their Majesties good Subjects for and by reason of their Actings and Doings aforesaid Therefore for the preventing the Trouble and Charges which the said good Subjects might be putt to by the means of such vexatious Suites Bee it enacted by the

King and Queens most excellent Majesties by and with the advice and consent of the Lords Spirituall and Temporall and Commons in this present Parlyament assembled and by the authoritie of the same That all personall Actions Suits Molestations and Prosecutions whatsoever and Judgements had thereupon if any be for or by reason of any of the Premisses or any Matter or Thing advised commanded appointed happened or done in order to the bringing in their Majesties to this Kingdome or for their Service or for the Safety of the Government be and are hereby discharged and made void And if any Action or Suite hereby declared or intended to be discharged shall be commenced or prosecuted every person soe sued may pleade the Generall Issue and give this Act and Speciall Matter in Evidence And if the Plaintiffe shall become Nonsuite or forbeare further Prosecution or suffer Discontinuance or if a Verdict passe against him the said Defendant shall recover his double Costs for which he shall have the like Remedy as in Case where Costs by Law are given to Defendants.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ